DB
300
K67

А. КОРНИЛОВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ РОССІИ XIX В.

ЧАСТЬ II

МОСКВА. 1918 г.

Изданіе
М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

DB
300
K 67

А. КОРНИЛОВЪ

КУРСЪ ИСТОРІИ РОССІИ XIX ВѢКА

Часть II

Изданіе второе

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТ. КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 8354/II

МОСКВА
Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1918

Государственная публичная
486623
БИБЛИОТЕКА
Историческая

Фотолитографировано Т/Д. Г. А. ЛЕМАНЪ и П. С. ФИЛИППОВЪ.
МОСКВА, Маросейка, 11

ЛЕКЦІЯ XIV.

Царствованіе императора Николая I.—Условія, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Неопубликованный манифестъ Александра объ отреченіи Константина.—Замѣшательство и междуцарствіе послѣ смерти Александра до 14 декабря 1825 г.—Переговоры Николая съ Константиномъ.—Вступленіе на престолъ Николая.—Возстаніе 14 декабря 1825 г.—Его подавленіе.—Личность Императора Николая.—Біографическія свѣдѣнія о немъ до его воцаренія.—Разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ.—Расправа съ декабристами и результаты знакомства съ ними императора Николая.—Вліяніе Карамзина и навѣянная имъ программа царствованія.

Ко времени вступленія на престолъ императора Николая въ ходѣ внутренняго управленія и вообще въ положеніи дѣлъ внутри Россіи накопилось много тяжелыхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыя въ общемъ создавали для правительства положеніе чрезвычайно запутанное и даже довольно грозное.

Съ начала царствованія Александра накопилось, какъ мы видѣли, много поднятыхъ и неразрѣшенныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ нетерпѣливо ждала передовая часть общества, пріучившаяся къ оппозиціонному отношенію къ правительству еще со времени тильзитскаго мира и континентальной системы и успѣвшая, послѣ близкаго общенія съ Европой въ 1813—1815 гг., выработать себѣ опредѣленные политическіе идеалы. Идеалы эти шли совершенно въ разрѣзъ съ реакціоннымъ направленіемъ правительства, выражавшимся къ концу царствованія Александра въ самыхъ обскурантныхъ и нелѣпыхъ формахъ. Все это, какъ мы видѣли, привело мало-по-малу не только къ острому недовольству и броженію среди передовой интеллигенціи, но и къ образованію въ средѣ ея прямого заговора, ставившаго себѣ рѣзко-революціонныя цѣли.

Это революціонное движеніе завершилось, въ силу случайныхъ обстоятельствъ, преждевременнымъ и неподготовленнымъ взры-

вомъ 14 декабря 1825 года—взрывомъ, помогшимъ правительству Николая быстро ликвидировать и подавить это движеніе жестокими репрессивными мѣрами. Въ результатѣ страна лишилась лучшихъ и наиболѣе живыхъ и самостоятельныхъ представителей передового мыслящаго общества, остальная часть котораго была запугана и терроризована мѣрами правительства, а правительство оказалось совершенно разобщеннымъ въ предстоявшей ему трудной работѣ съ умственными силами страны на все время царствованія Николая.

Между тѣмъ еще важнѣе и труднѣе, нежели политическія и административныя задачи, стоявшія передъ Николаемъ, были тѣ соціально-экономическія задачи, которыя назрѣли ко времени его царствованія подъ вліяніемъ развитія общаго соціальнаго процесса въ Россіи, ходъ котораго, какъ мы видѣли, обострился и ускорился подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ. Развитіе этого процесса продолжало двигаться и обостряться въ теченіе всего царствованія Николая и привело въ концѣ-концовъ къ кризису, происшедшему подъ вліяніемъ новаго внѣшняго толчка—неудачной крымской кампаніи, выдвинувшей на историческую сцену съ роковой необходимостью періодъ великихъ преобразованій 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Намъ предстоитъ теперь изучить событія и факты, въ которыхъ проявлялся ходъ этого процесса.

Вступленіе на престолъ императора Николая произошло въ исключительныхъ обстоятельствахъ, обусловленныхъ неожиданной смертью императора Александра и весьма странными распоряженіями его по вопросу о престолонаслѣдіи.

По закону о престолонаслѣдіи 5 апрѣля 1797 г., изданному императоромъ Павломъ, если у царствующаго императора нѣтъ сына, ему долженъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ братъ. Такимъ образомъ, такъ какъ у Александра въ моментъ его смерти не было дѣтей, то наслѣдовать ему долженъ бы былъ слѣдующій за нимъ братъ Константинъ Павловичъ. Но Константинъ Павловичъ, во-первыхъ, съ самаго малолѣтства имѣлъ, какъ онъ заявлялъ неоднократно, такое же отвращеніе къ царствованію, какое вначалѣ выражалъ и самъ Александръ; съ другой стороны, въ его семейной жизни произошли обстоятельства, которыя формально затрудняли его вступленіе на престолъ: еще въ началѣ царствованія Александра Константинъ

разошелся со своей первой женой, которая въ 1803 г. уѣхала изъ Россіи. Затѣмъ они долгое время жили врозь, и Константинъ поднялъ, наконецъ, вопросъ о расторженіи этого брака, добился развода и женился вторично—на польской графинѣ Жаннетѣ Грудзинской, которая получила титулъ свѣтлѣйшей княгини Ловичъ. Но бракъ этотъ считался морганатическимъ, и потому не только ихъ дѣти лишались правъ на престолъ, но и самъ Константинъ Павловичъ, вступивъ въ этотъ бракъ, какъ бы тѣмъ самымъ отказывался отъ престола. Всѣ эти обстоятельства поставили вопросъ о переходѣ правъ престолонаслѣдія къ слѣдующему за Константиномъ брату еще въ царствованіе Александра. Несмотря на это, Константинъ Павловичъ до смерти Александра продолжалъ считаться наслѣдникомъ престола и носить связанный съ этимъ титулъ цесаревича. Слѣдующимъ за нимъ братомъ былъ Николай. Хотя Николай и говорилъ потомъ неоднократно, что онъ не ожидалъ, что ему придется царствовать, но, въ сущности, то обстоятельство, что онъ являлся естественнымъ преемникомъ престола за устраненіемъ Константина, было очевидно всѣмъ лицамъ, знавшимъ законъ о престолонаслѣдіи. Самъ Александръ дѣлалъ Николаю еще въ 1812 г. весьма недвусмысленные намеки на то, что ему придется царствовать, а въ 1819 году уже прямо заявилъ ему это, предупредивъ о возможности и своего отреченія въ недалекомъ будущемъ.

Въ 1823 г. Александръ призналъ необходимымъ сдѣлать на этотъ счетъ формальное распоряженіе—не столько на случай своей смерти, сколько на случай своего собственнаго отреченія отъ престола, о чемъ онъ въ то время крѣпко подумывалъ.

Переговоривъ еще въ 1822 г. съ Константиномъ, Александръ получилъ тогда же отъ него письменное отреченіе отъ престола; затѣмъ объ этомъ отреченіи былъ составленъ манифестъ, подписанный Александромъ, въ которомъ онъ отреченіе Константина признавалъ правильнымъ и „назначалъ“ наслѣдникомъ престола Николая. Это вполнѣ соотвѣтствовало и тому обстоятельству, что при воцареніи Александра присяга приносилась ему и наслѣднику, „который назначенъ будетъ“.

Но этотъ манифестъ объ отреченіи Константина и о назначеніи наслѣдникомъ Николая удивительнымъ образомъ не былъ опубликованъ. Вмѣсто того, чтобы опубликовать его, Александръ

секретно приказалъ кн. А. П. Голицыну снять съ него три копіи, затѣмъ подлинникъ переданъ былъ митрополиту Филарету для положенія на престолъ успенскаго собора въ Москвѣ, гдѣ онъ долженъ былъ храниться въ глубокой тайнѣ, а копіи были переданы въ государственный совѣтъ, въ сенатъ и въ синодъ для храненія въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью на конвертѣ, переданномъ въ государственный совѣтъ рукою Александра: „хранить въ государственномъ совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи“ Подобныя же надписи были и на другихъ двухъ конвертахъ. Всѣ эти копіи были переписаны рукою князя Голицына, и кромѣ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и Константина,— который впрочемъ, манифеста не видѣлъ (но зналъ, повидимому о его существованіи)—самый манифестъ былъ извѣстенъ только князю Голицыну и Филарету. Единственно, что можно придумать въ объясненіе этого поведенія Александра,—это то, что Александръ дѣлалъ все это главнымъ образомъ на случай своего отреченія, и такъ какъ отреченіе могло быть актомъ только произвольнымъ, то онъ и думалъ, конечно, что все дѣло остается въ его рукахъ.

Когда въ Петербургъ пришло 27 ноября 1825 г. извѣстіе о смерти Александра, то Николай счелъ невозможнымъ воспользоваться неопубликованнымъ манифестомъ и, зная отъ Милорадовича, что гвардейскія войска въ Петербургѣ отнюдь не расположены въ его пользу, хотѣлъ не прежде вступить на престолъ, какъ добившись отъ Константина формальнаго и торжественаго отреченія въ его пользу. Поэтому онъ началъ съ того, что присягнулъ Константину, какъ законному императору и, не слушая Голицына, который настаивалъ на распечатаніи пакета съ манифестомъ, хранившагося въ государственномъ совѣтѣ, приказалъ тотчасъ же привести къ присягѣ Константину войска петербургскаго округа; а затѣмъ съ донесеніемъ обо всемъ этомъ и съ изъявленіемъ своихъ вѣрноподданническихъ чувствъ отправилъ къ Константину въ Варшаву особаго посланца.

Константинъ отвѣтилъ черезъ брата Михаила, гостившаго тогда въ Варшавѣ, что онъ давно уже отрекся отъ престола, но отвѣтилъ это частнымъ письмомъ, не давъ этому акту

опять никакого официальнаго характера. Николай считалъ, что такого письма недостаточно, тѣмъ болѣе, что петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ совѣтовалъ ему, въ виду нерасположенія къ нему гвардіи, дѣйствовать какъ можно осторожнѣе.

Чтобы избѣжать недоразумѣній, Николай отправилъ въ Варшаву новаго посланца, прося Константина пріѣхать въ Петербургъ и подтвердить лично свое отреченіе. Но Константинъ лишь вновь подтвердилъ частнымъ письмомъ, что онъ отрекся еще при жизни Александра, но лично пріѣхать не можетъ, а что, если на этомъ будутъ настаивать, то онъ уѣдетъ еще дальше.

Тогда Николай рѣшилъ, что приходится прекратить эти затянувшіеся на цѣлыхъ 2 недѣли переговоры и объявить самому о своемъ вступленіи на престолъ. Собственно, манифестъ объ этомъ былъ написанъ имъ, при помощи Карамзина и Сперанскаго, уже 12 декабря, но опубликованъ онъ былъ лишь 14 числа, и на это число была назначена общая присяга въ Петербургѣ новому императору.

Въ концѣ этого необычнаго междуцарствія до Николая разными путями стали доходить тревожныя вѣсти о настроеніи умовъ въ Петербургѣ, и вообще въ Россіи; но Милорадовичъ хотя и совѣтовалъ дѣйствовать осторожно, однако отрицалъ возможность серьезнаго возмущенія вплоть до самаго 14-го декабря.

Между тѣмъ члены тайнаго общества, находившіеся въ Петербургѣ, рѣшили воспользоваться этимъ небывалымъ замѣшательствомъ въ своихъ видахъ; имъ представлялось, что не можетъ быть болѣе благопріятнаго случая, чтобы поднять возстаніе и потребовать конституціи.

14-го декабря, когда былъ изданъ манифестъ о томъ, что Константинъ отрекся и что слѣдуетъ присягать Николаю, члены сѣвернаго общества, главнымъ образомъ гвардейскіе офицеры и моряки, собиравшіеся ежедневно у Рылѣева, сдѣлали попытку убѣдить солдатъ, что Константинъ вовсе не отрекся, что Николай дѣйствуетъ незаконно и что слѣдуетъ поэтому твердо стоять на своей первой присягѣ Константину, требуя при этомъ конституціи. Заговорщикамъ удалось однако-жъ взбунтовать цѣликомъ только одинъ московскій гвардейскій полкъ; его

примѣру послѣдовали нѣсколько ротъ гвардейскаго флотскаго экипажа и отдѣльные офицеры и нижніе чины другихъ частей войскъ.

Собравшись на сенатской площади, возставшіе заявили, что считаютъ законнымъ императоромъ Константина, отказываются присягать Николаю и требуютъ конституціи.

Когда вѣсть объ этомъ дошла до Николая, онъ счелъ дѣло очень серіезнымъ, но все же хотѣлъ принять сперва мѣры для окончанія его, по возможности, безъ пролитія крови. Съ этой цѣлью онъ сперва отправилъ увѣщевать бунтовщиковъ Милорадовича, который пользовался, какъ извѣстный боевой генералъ, значительнымъ престижемъ среди войскъ и особенно былъ любимъ солдатами. Но когда Милорадовичъ приблизился къ взбунтовавшимся частямъ войскъ и заговорилъ съ ними, въ него немедленно выстрѣлилъ одинъ изъ заговорщиковъ, Каховскій, и Милорадовичъ упалъ съ лошади смертельно раненый. Такъ какъ къ бунтовщикамъ въ это время присоединились нѣсколько батарей артиллеріи, то увѣщевать ихъ вызвался въ качествѣ начальника всей артиллеріи великій князь Михаилъ Павловичъ, но и въ него былъ сдѣланъ выстрѣлъ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ, и Михаилъ Павловичъ, хотя и не былъ раненъ, долженъ былъ однако-жъ отъѣхать. Затѣмъ для увѣщеванія солдатъ былъ посланъ митрополитъ Серафимъ, но и его они не послушали и кричали ему, чтобы онъ удалился. Тогда Николай распорядился, по совѣту окружавшихъ его генераловъ, аттаковать возставшія войска при помощи конной гвардіи, которой командовалъ Алексѣй Федоровичъ Орловъ, братъ бывшаго члена союза благоденствія Михаила Орлова. Орловъ двинулся было въ аттаку, но лошади его не были подкованы какъ слѣдуетъ, между тѣмъ была гололедица, и онѣ не могли итти быстрымъ аллюромъ, такъ какъ ноги у нихъ разъѣзжались. Тогда генералы, окружавшіе Николая, стали говорить, что необходимо положить этому предѣлъ, потому что населеніе мало-по-малу присоединяется къ бунтовщикамъ;—дѣйствительно, на площади появились толпы народа и штатскихъ лицъ. Тогда Николай распорядился стрѣлять; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью на близкомъ разстояніи вся толпа бросилась бѣжать, оставивъ много убитыхъ и раненыхъ. Не ограничиваясь этимъ, по инерціи стрѣляли еще и вслѣдъ толпѣ, когда

она бросилась бѣжать по исаакіевскому мосту (это былъ мостъ прямо съ сенатской площади къ васильевскому острову) и тутъ было еще убито и ранено довольно много народа.

Этимъ, въ сущности говоря, все возстаніе въ Петербургѣ и было прекращено. Всѣ остальныя войска присягнули безропотно, и инцидентъ былъ исчерпанъ. Николай приказалъ, чтобы на другой день никакихъ труповъ и слѣдовъ происшедшаго не оставалось, а услужливый, но неразумный оберъ-полицмейстеръ Шульгинъ приказалъ бросать трупы прямо въ проруби, отчего потомъ долго ходили толки, что при спѣшности этой уборки вмѣстѣ съ трупами бросали въ прорубь и тяжело раненыхъ. Впослѣдствіи обнаружилось, что со стороны васильевскаго острова цѣлый рядъ труповъ примерзъ ко льду; сдѣлано было даже распоряженіе не брать въ ту зиму здѣсь воды и не колоть льда, потому что во льду попадались части человѣческаго тѣла [1]). Такимъ мрачнымъ событіемъ ознаменовалось начало новаго царствованія.

Затѣмъ послѣдовали обыски и аресты по всему Петербургу. Арестовано было нѣсколько сотъ человѣкъ — и среди нихъ много неприкосновенныхъ къ дѣлу, но вмѣстѣ съ тѣмъ были арестованы и всѣ главные вожаки.

Николай Павловичъ еще 10 декабря получилъ первое предупрежденіе отъ молодого поручика Ростовцева о готовящихся въ гвардіи безпорядкахъ и въ то же почти время онъ получилъ и отъ Дибича (начальника главнаго штаба его величества, находившагося при Александрѣ въ Таганрогѣ) копіи доносовъ о заговорѣ въ Южномъ обществѣ, гдѣ въ январѣ 1826 года произведена была тоже попытка вооруженнаго возстанія Сергѣемъ Муравьевымъ при Бѣлой Церкви. Поэтому слѣдствіе началось сразу о всѣхъ тайныхъ обществахъ, которыя въ то время существовали въ Россіи. Слѣдствіе это наполнило собою первые мѣсяцы царствованія Николая.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію первыхъ шаговъ царствованія императора Николая, необходимо дать нѣкоторыя свѣдѣнія о его личности. Николай былъ третьимъ сыномъ импе-

---

[1]) Наиболѣе подробное описаніе конца дня 14 декабря 1825 г. см. въ ст. *М. М. Попова* (извѣстн. учителя Бѣлинскаго, служившаго потомъ въ III отдѣленіи) въ ист. сбор. „*О минувшемъ*“, Спб. 109, стр. 110—121.

ратора Павла и послѣ смерти отца остался 5 лѣтнимъ ребенкомъ. Воспитаніе его взяла на себя цѣликомъ его мать, Марія Ѳеодоровна, Александръ же изъ ложной деликатности не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, хотя, казалось бы, воспитаніе возможнаго наслѣдника престола является дѣломъ государственнымъ, а не частнымъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, отдѣльные случаи вмѣшательства Александра въ это дѣло были, но они были скорѣе въ невыгодную сторону. Историки царствованія Николая, вѣрнѣе его біографы,—потому что исторіи этого царствованія еще не существуетъ,—большей частью придерживаются взгляда, очень распространеннаго и среди современниковъ той эпохи, что Николай воспитывался, будто бы, не какъ будущій императоръ, а какъ простой великій князь, предназначенный къ военной службѣ, и этимъ объясняютъ тѣ недочеты въ его образованіи, которые впослѣдствіи чувствовались довольно сильно. Этотъ взглядъ совершенно не вѣренъ, такъ какъ для лицъ царской фамиліи должно было представляться съ самаго начала вполнѣ вѣроятнымъ, что Николаю придется царствовать. Не могла въ этомъ сомнѣваться императрица Марія Ѳеодоровна, которая знала, что Константинъ царствовать не желаетъ и что и у Александра и у Константина нѣтъ дѣтей. Поэтому нѣтъ сомнѣнія, что Николай воспитывался именно, какъ наслѣдникъ престола, но воспитаніе его отъ воспитанія Александра тѣмъ не мѣнѣе отличалось чрезвычайно сильно.

Марія Ѳеодоровна, повидимому не только не хотѣла сдѣлать изъ него военнаго, но съ дѣтскихъ лѣтъ старалась его охранить отъ увлеченія военщиной. Это однако, не помѣшало Николаю пріобрѣсти очень рано именно вкусъ къ военщинѣ. Объясняется это тѣмъ, что самая постановка дѣла воспитанія была неудачной, такъ какъ ей не благопріятствовали ни обстановка двора, ни педагогическіе взгляды самой императрицы. Во главѣ воспитателей Николая, вмѣсто Лагарпа, состоявшаго при Александрѣ, былъ поставленъ старый нѣмецкій рутинеръ, генералъ Ламсдорфъ, котораго Марія Ѳеодоровна въ интимныхъ разговорахъ и письмахъ попросту называла „papa Lamsdorf“, и который по старинкѣ и организовалъ воспитаніе Николая.

Николай былъ мальчикъ грубый, строптивый, властолюбивый; искоренять эти недостатки Ламсдорфъ считалъ нужнымъ тѣлесными наказаніями, которыя онъ примѣнялъ въ значительныхъ

дозахъ. Забавы и игры Николая и его младшаго брата всегда пріобрѣтали именно военный характеръ, всякая игра притомъ грозила кончиться дракой, благодаря своенравному и претенціозному характеру Николая. Въ то же время атмосфера, въ которой онъ росъ, была атмосфера придворная, при чемъ сама мать его Марія Ѳеодоровна считала важнымъ дѣломъ соблюденіе придворнаго этикета, и это лишало воспитаніе семейнаго характера. Есть свѣдѣнія, о томъ, что въ раннемъ возрастѣ Николай проявлялъ черты дѣтской трусости, и Шильдеръ приводитъ разсказъ о томъ, какъ Николай въ пятилѣтнемъ возрастѣ испугался пушечной стрѣльбы и куда-то запрятался; но едва ли можно этому факту, если онъ имѣлъ мѣсто, придавать особое значеніе, такъ какъ въ томъ, что пятилѣтній мальчикъ испугался пушечной пальбы, нѣтъ ничего особеннаго. Трусомъ Николай не былъ и личную храбрость онъ впослѣдствіи проявлялъ какъ 14 декабря, такъ и въ другихъ случаяхъ. Но характеръ у него съ дѣтства былъ не изъ пріятныхъ.

Что касается учителей, которые были къ нему приставлены, то поражаетъ чрезвычайно случайный и скудный ихъ выборъ. Напримѣръ, его гувернеръ, французскій эмигрантъ Дю-Пюже, училъ его и французскому языку, и исторіи, не будучи къ этому достаточно подготовленнымъ. Все это преподаваніе сводилось къ внушенію Николаю ненависти ко всякимъ революціоннымъ и просто либеральнымъ взглядамъ. Учился Николай чрезвычайно плохо; всѣ учителя жаловались, что онъ никакихъ успѣховъ не оказываетъ,— исключеніе представляло лишь рисованіе. Позднѣе онъ выказывалъ, впрочемъ, большіе успѣхи въ военно-строительномъ искусствѣ и проявлялъ склонность къ военнымъ наукамъ вообще.

Когда онъ вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ, то къ нему были приглашены, именно какъ къ будущему наслѣднику престола, очень почтенные и свѣдущіе учителя: такъ былъ приглашенъ довольно солидный ученый, академикъ Шторхъ, читавшій ему политическую экономію и статистику; проф. Балугіанскій—тотъ самый, который являлся въ финансовой наукѣ учителемъ Сперанскаго въ 1809 г.,— преподавалъ Николаю исторію и теорію финансовъ.

Но самъ Николай Павловичъ вспоминалъ впослѣдствіи, что онъ за этими лекціями зѣвалъ и что у него отъ нихъ ничего

не оставалось въ головѣ. Военныя науки ему читалъ инженерный генералъ Оппермanъ и разные офицеры, приглашенные по рекомендаціи Оппермана.

Марія Ѳеодоровна думала было для довершенія образованія отправить обоихъ своихъ младшихъ сыновей, Николая и Михаила, въ лейпцигскій университетъ, но тутъ императоръ Александръ неожиданно заявилъ свое veto и предложилъ вмѣсто того отдать братьевъ въ проектированный тогда царскосельскій лицей, но когда этотъ лицей былъ открытъ въ 1811 г., то вступленіе туда великихъ князей тоже не состоялось, и все ихъ образованіе такъ и ограничилось домашними занятіями.

Въ 1812 г. Николай Павловичъ, которому исполнилось въ это время 16 лѣтъ, очень просилъ разрѣшить ему участвовать въ дѣйствующей арміи, но императоръ Александръ отказалъ ему въ этомъ и тутъ то впервые намекнулъ ему, что ему предстоитъ въ будущемъ болѣе важная роль, которая не даетъ ему права подставлять свой лобъ подъ пули врага, а обязываетъ приложить больше стараній къ подготовленію себя къ своей высокой и трудной миссіи.

Въ дѣйствующую армію Александръ разрѣшилъ своимъ братьямъ явиться лишь въ 1814 г., но они тогда опоздали къ военнымъ дѣйствіямъ и прибыли, когда кампанія 1814 года уже кончилась и войска находились въ Парижѣ. Точно такъ же опоздалъ Николай Павловичъ и къ войнѣ 1815 г., когда Наполеонъ бѣжалъ съ острова Эльбы и когда императоръ Александръ опять позволилъ своему брату прибыть къ войскамъ. Такимъ образомъ, собственно во дни своей юности, во время наполеоновскихъ войнъ, Николаю не удалось даже издали видѣть настоящее сраженіе, а удалось только присутствовать на великолѣпныхъ смотрахъ и маневрахъ, которые послѣдовали по окончаніи кампаній 1814 и 1815 гг.

Чтобы покончить съ характеристикой воспитанія императора Николая, надо упомянуть еще, что въ 1816 году было предпринято путешествіе его по Россіи для ознакомленія его со страной, а затѣмъ ему предоставлено было поѣздить по европейскимъ дворамъ и столицамъ. Но эти путешествія совершались, такъ сказать, на курьерскихъ съ головокружительной быстротой, и Россію молодой великій князь могъ видѣть только поверхностно, лишь съ внѣшней ея стороны, и то преимуще-

ственно съ показной. Точно такъ же ѣздилъ онъ и по Европѣ. Только въ Англіи онъ пробылъ нѣсколько дольше и видѣлъ парламентъ, клубы и митинги,—которые, впрочемъ, произвели на него отталкивающее впечатлѣніе,—и даже побывалъ у Овена въ Нью-Ланаркѣ и посмотрѣлъ его знаменитыя учрежденія, причемъ и самъ Овенъ и его попытки улучшить судьбу рабочихъ произвели тогда на Николая Павловича благопріятное впечатлѣніе.

Замѣчательно, что Марія Ѳеодоровна опасалась, чтобы молодой великій князь не пріобрѣлъ вкуса къ англійскимъ конституціоннымъ учрежденіямъ, и поэтому для него была написана обстоятельная записка министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Несельроде, имѣвшая цѣлью предохранить его отъ возможныхъ увлеченій въ этомъ отношеніи. Но тѣ впечатлѣнія, которыя Николай Павловичъ вынесъ изъ поѣздки по Англіи, показали, что записка эта была совершенно излишней: очевидно, онъ всѣмъ предшествующимъ воспитаніемъ былъ застрахованъ отъ всякаго увлеченія такъ называемымъ либерализмомъ.

Это путешествіе по Европѣ закончилось сватовствомъ Николая къ дочери прусскаго короля Фридриха Вильгельма, принцессѣ Шарлотѣ, съ которой онъ и вступилъ въ бракъ въ 1817 г. при чемъ, вмѣстѣ съ православной вѣрой, супруга его приняла наименованіе великой княгини Александры Ѳеодоровны. Въ 1818 г., когда Николаю Павловичу было всего 21 годъ, онъ уже сдѣлался отцомъ семейства: у молодой четы родился будущій императоръ Александръ Николаевичъ. Весь конецъ царствованія Александра I-го протекъ для Николая отчасти въ радостяхъ семейной жизни, отчасти во фронтовой службѣ. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что Николай былъ въ эти годы хорошимъ семьяниномъ и хорошо чувствовалъ себя въ своей семьѣ. Общественная дѣятельность его заключалась въ эти годы исключительно въ военной службѣ. Правда, Александръ и въ это время неоднократно дѣлалъ ему намеки на то, что ожидаетъ его впереди. Такъ въ 1819 г. онъ имѣлъ съ Николаемъ, какъ я уже упоминалъ, очень серьезный разговоръ, при чемъ Александръ опредѣленно предупредилъ своего младшаго брата и его жену о томъ, что онъ чувствуетъ утомленіе и думаетъ отречься отъ престола, что Константинъ уже отрекся и что царствовать предстоитъ Николаю. Затѣмъ въ 1820 г.

Александръ вызвалъ Николая на конгрессъ въ Лайбахъ, говоря, что Николай долженъ знакомиться съ ходомъ иностранныхъ дѣлъ и что представители иностранныхъ державъ должны привыкнуть видѣть въ немъ преемника Александра и продолжателя его политики.

Несмотря однако же на всѣ эти разговоры, происходившіе всегда съ глазу на глазъ, во внѣшней жизни Николая никакихъ существенныхъ перемѣнъ не послѣдовало. Онъ былъ еще въ 1817 году произведенъ въ генералы и затѣмъ почти до конца царствованія былъ командиромъ гвардейской бригады; правда, на немъ же лежало почетное завѣдываніе военно-инженернымъ вѣдомствомъ, но большая часть его времени уходила именно на командованіе бригадой. Дѣло это было скучное и мало поучительное для будущаго повелителя великой страны. Въ то же время оно было сопряжено и съ непріятностями, такъ какъ главной задачей великаго князя было возстановленіе наружной дисциплины въ войскахъ, сильно поколебавшейся въ нихъ во время заграничныхъ походовъ, въ которыхъ офицеры привыкли выполнять правила военной дисциплины только во фронтѣ, а внѣ его считали себя свободными гражданами и даже ходили въ штатскомъ платьѣ. Съ этими привычками они вернулись и въ Россію, а Александръ, особенно заботившійся о сохраненіи въ арміи воинскаго духа и считавшій весьма важнымъ дѣломъ наружную дисциплину, признавалъ необходимымъ сильно подтянуть въ особенности офицеровъ гвардіи. Въ этомъ дѣлѣ „подтягиванія“ гвардіи однимъ изъ самыхъ преданныхъ миссіонеровъ и явился Николай Павловичъ, который подтягивалъ свою бригаду не за страхъ, а за совѣсть. Самъ онъ въ своихъ запискахъ жаловался, что дѣлать это было ему довольно трудно, такъ какъ онъ повсюду встрѣчалъ глухое недовольство и даже протестъ, ибо офицеры его бригады принадлежали къ высшимъ кругамъ общества и были, „заражены“ вольнолюбивыми идеями. Въ своей дѣятельности Николай часто не встрѣчалъ одобренія и въ своемъ высшемъ начальствѣ, а такъ какъ онъ педантически настаивалъ на своемъ, то скоро своей строгостью возбудилъ противъ себя въ гвардіи почти всеобщую ненависть, доходившую до такой степени, что въ моментъ междуцарствія 1825 г. Милорадовичъ счелъ себя обязаннымъ, какъ я уже упоминалъ, предупредить его объ этомъ и посовѣтовать вести

себя какъ можно осторожнѣе, не разсчитывая на общественное сочувствіе къ себѣ.

Александръ, несмотря на то, что для него, повидимому, было рѣшеннымъ вопросомъ, что Николай будетъ послѣ него царствовать, велъ себя по отношенію къ нему очень странно: онъ не только не подготовлялъ его къ дѣламъ правленія, но даже не ввелъ его въ составъ государственнаго совѣта и другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій, такъ что весь ходъ государственныхъ дѣлъ шелъ мимо Николая. И хотя есть свѣдѣнія, что послѣ рѣшительныхъ предупрежденій Александра самъ Николай Павловичъ перемѣнилъ свое прежнее отношеніе къ наукамъ и сталъ исподволь готовиться къ управленію государственными дѣлами, стараясь теоретически познакомиться съ ними, но несомнѣнно, что это мало ему удалось, и онъ на престолъ вступилъ въ концѣ концовъ не подготовленнымъ—ни теоретически, ни практически.

Тѣ лица, которыя стояли къ нему близко, какъ, напримѣръ, В. А. Жуковскій, который сперва былъ приглашенъ учителемъ русскаго языка къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а потомъ сдѣлался воспитателемъ ея старшаго сына и довольно глубоко вошелъ въ ихъ семейную жизнь, свидѣтельствуютъ о томъ, что Николай въ этотъ періодъ у себя дома былъ совсѣмъ не тѣмъ суровымъ и непріятнымъ педантомъ, какимъ онъ являлся въ своей бригадѣ. И дѣйствительно, его домашній антуражъ былъ совершенно другой, чѣмъ антуражъ военный. Главнымъ его другомъ по службѣ былъ генералъ Паскевичъ, который былъ строгимъ, тщеславнымъ и бездушнымъ фронтовикомъ, игравшимъ впослѣдствіи большую роль въ дѣлѣ организаціи русской арміи въ этомъ именно направленіи. Что же касается семейнаго круга Николая, то тутъ его окружали такіе люди какъ В. А. Жуковскій, В. А. Перовскій и др. простые умные и симпатичные люди, не часто встрѣчающіеся въ придворной атмосферѣ.

Вступивъ на престолъ при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя я уже охарактеризовалъ, Николай Павловичъ счелъ первой своей задачей разслѣдовать до самыхъ сокровенныхъ глубинъ всѣ причины и нити „крамолы“, которая, по его представленію, чуть не погубила государство 14 декабря 1825 года. Онъ, несомнѣнно, преувеличивалъ, особенно въ первое время, зна-

ченіе и численность тайныхъ революціонныхъ обществъ, любилъ выражаться возвышеннымъ слогомъ относительно этихъ событій и своей собственной роли въ нихъ, все представляя въ героическомъ видѣ, хотя бунтъ, который произошелъ въ Петербургѣ, на самомъ дѣлѣ, по тѣмъ матеріальнымъ силамъ, какими располагали заговорщики 14 декабря, былъ въ сущности довольно безсиленъ, и если могъ имѣть какой-нибудь успѣхъ, то развѣ благодаря тому феноменальному безпорядку, который царилъ въ это время во дворцѣ. Аресты и обыски, которые производились широкой рукой, охватили едва нѣсколько сотъ человѣкъ во всей Россіи, при чемъ изъ человѣкъ пятисотъ, которые были захвачены, большая часть была впослѣдствіи выпущена и освобождена отъ преслѣдованій. Такимъ образомъ, при всей строгости сыска и при замѣчательной откровенности большинства обвиняемыхъ въ ихъ показаніяхъ, подъ судъ было отдано въ концѣ-концовъ всего 120 человѣкъ.

Но Николаю этотъ заговоръ и по окончаніи дѣла представлялся чудовищнымъ и громаднымъ, и онъ былъ твердо увѣренъ, что 14 декабря онъ спасъ Россію отъ неминуемой гибели. Такъ же смотрѣли на дѣло и многіе приближенные. Очень трудно отдѣлить здѣсь поддакиванія и лесть отъ искренняго представленія объ этихъ событіяхъ. При самой коронаціи, когда Николай вступилъ въ успенскій соборъ, московскій митрополитъ Филаретъ, имѣвшій тогда репутацію свободомыслящаго архіерея, въ своей рѣчи сказалъ между прочимъ: „нетерпѣливость вѣрноподданническихъ желаній дерзнула бы вопрошать: почто Ты умедлилъ? Если бы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествовавшее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ Ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить *нашу* безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко царь не только наслѣдственнаго Твоего, но и Тобою сохраненнаго царства...“

Было не мало людей, которые именно такъ и представляли себѣ дѣло. И вотъ Николай первые полгода своего царствованія, оставивъ въ сторонѣ всѣ государственныя дѣла и даже военныя, всѣ силы направилъ на розысканіе корней заговора и на утвержденіе личной своей и государственной безопасности. Самъ онъ явился, если не прямо слѣдователемъ, то ревностнымъ верховнымъ руководителемъ всего слѣдствія, которое

производилось надъ декабристами. Какъ слѣдователь, онъ былъ часто пристрастенъ и неуравновѣшенъ: проявлялъ большую вспыльчивость и очень неровное отношеніе къ лицамъ подслѣдственнымъ. Это отразилось и въ мемуарахъ декабристовъ. Нѣкоторые изъ нихъ,—кому пришлось испытать на себѣ сравнительно человѣчное отношеніе верховнаго слѣдователя,—его хвалятъ, другіе разсказываютъ, что онъ на нихъ набрасывался съ необыкновеннымъ раздраженіемъ и несдержанностью.

Отношеніе измѣнялось въ зависимости отъ предвзятыхъ взглядовъ на нѣкоторыхъ подсудимыхъ, отъ различнаго отношенія къ разнымъ лицамъ и просто отъ личнаго настроенія Николая. Самъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Константину съ большою наивностью писалъ, что учрежденіемъ верховнаго уголовнаго суда надъ декабристами онъ показалъ чуть ли не примѣръ конституціоннаго учрежденія; съ точки зрѣнія современной юстиціи эти слова могутъ показаться только насмѣшкой. Все дѣло свелось къ инквизиціонному разслѣдованію, чрезвычайно глубокому и подробному, особой слѣдственной комиссіей, руководимой самимъ Николаемъ, которая и предрѣшила весь конецъ дѣла. Верховный же судъ являлся простой торжественной комедіей. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ: въ него входили сенаторы, члены государственнаго совѣта, 3 члена синода, затѣмъ 13 человѣкъ были назначены въ число этого верховнаго синедріона по повеленію императора Николая,—но никакого суда, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли понимать это слово, собственно не было: ни судебнаго слѣдствія, ни преній сторонъ,—было только торжественное засѣданіе такого судилища, передъ которое каждый подсудимый приводился въ отдѣльности; его допрашивали чрезвычайно кратко, а нѣкоторымъ даже только читали сентенцію, такъ что многіе изъ подсудимыхъ были увѣрены, что ихъ не судили, что имъ только былъ прочитанъ приговоръ какого-то заглазнаго инквизиціоннаго учрежденія. Такъ была обставлена уголовная сторона этого дѣла. Николай, въ концѣ-концовъ, проявилъ большую жестокость и безпощадность къ подсудимымъ, но самъ онъ считалъ, и повидимому искренно, что проявляетъ лишь полную справедливость и гражданское мужество. И надо сказать, что какъ онъ ни былъ пристрастенъ на слѣд-

ствіи, въ концѣ-концовъ онъ всѣхъ покаралъ одинаково безпощадно,— какъ Пестеля, котораго считалъ исчадіемъ ада и въ высшей степени зловреднымъ человѣкомъ, такъ и Рылѣева, котораго онъ самъ признавалъ въ высшей степени чистой и возвышенной личностью и семьѣ котораго оказалъ существенную матеріальную поддержку. По приговору верховнаго уголовнаго суда пять человѣкъ были присуждены къ казни четвертованіемъ,— имъ императоръ Николай замѣнилъ четвертованіе повѣшеніемъ; 31 человѣкъ были приговорены къ обыкновенной казни—черезъ разстрѣляніе; Николай замѣнилъ ее имъ каторжными работами— безсрочными, и частью на 15—20 л. Соотвѣтственно онъ понизилъ наказаніе и другимъ; но большая часть все же была отправлена въ Сибирь (нѣкоторые послѣ многолѣтняго заключенія въ крѣпостяхъ) и только немногіе были отданы въ солдаты безъ выслуги.

Для послѣдующаго хода правленія не маловажна была и другая сторона этого исключительнаго процесса. Николай, стремясь обнаружить всѣ корни крамолы, выяснить всѣ ея причины и пружины, углублялъ дѣло разслѣдованія до чрезвычайности. Онъ хотѣлъ добиться всѣхъ причинъ недовольства, доискаться скрытыхъ пружинъ, и благодаря этому передъ нимъ мало-помалу развернулась картина тѣхъ непорядковъ русской общественной и государственной жизни того времени, размѣровъ и значенія которыхъ онъ и не подозрѣвалъ раньше. Въ концѣ-концовъ Николай понялъ, что эти непорядки значительны и что недовольство многихъ имѣло основаніе, и уже въ первые мѣсяцы царствованія онъ заявлялъ многимъ лицамъ—въ томъ числѣ и представителямъ иностранныхъ дворовъ,—что онъ сознаетъ необходимость серіезныхъ преобразованій въ Россіи. „Я отличалъ и всегда буду отличать,— сказалъ онъ французскому посланнику гр. де Санъ При—тѣхъ, кто хочетъ справедливыхъ преобразованій и желаетъ, что-бы они исходили отъ законной власти, отъ тѣхъ, кто самъ бы хотѣлъ предпринять ихъ и Богъ знаетъ какими средствами".

По приказанію Николая однимъ изъ дѣлопроизводителей слѣдственной комиссіи (Боровковымъ) была даже составлена особая записка, въ которую были включены свѣдѣнія о планахъ, проектахъ и указаніяхъ, полученныхъ отъ декабристовъ во время допроса или сообщенныхъ въ запискахъ, составлен-

ныхъ нѣкоторыми изъ нихъ по собственному почину, другими— по желанію Николая.

Такимъ образомъ, Николай совершенно сознательно считалъ небезполезнымъ и даже необходимымъ заимствовать отъ декабристовъ, какъ людей очень умныхъ и хорошо продумавшихъ свои планы, все то, что могло ему пригодиться въ качествѣ матеріала для государственной дѣятельности.

Упомянутая записка, составленная Боровковымъ, въ заключеніи своемъ намѣчала и опредѣленные выводы, изъ которыхъ, конечно, лишь нѣкоторые были навѣяны показаніями декабристовъ, другіе же вытекали изъ общаго впечатлѣнія отъ выяснившагося передъ императоромъ Николаемъ внутренняго состоянія государства. Боровковъ такъ резюмируетъ эти выводы о насущныхъ нуждахъ государственнаго управленія: „надобно даровать ясные, положительные законы; водворить правосудіе учрежденіемъ кратчайшаго судопроизводства; возвысить нравственное образованіе духовенства; подкрѣпить дворянство, упавшее и совершенно раззоренное займами въ кредитныхъ учрежденіяхъ; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвѣщеніе юношества сообразно каждому состоянію; улучшить положеніе земледѣльцевъ; уничтожить унизительную продажу людей; воскресить флотъ; поощрить частныхъ людей къ мореплаванію, словомъ исправить неисчислимые безпорядки и злоупотребленія". Въ сущности отсюда можно было извлечь цѣлую государственную программу, но Николай принялъ изъ нея къ свѣдѣнію лишь тѣ факты и выводы, которые наиболѣе его поразили.

Во всякомъ случаѣ среди декабристовъ онъ видѣлъ по большей части не неопытныхъ юношей, которые руководствовались однимъ юношескимъ пыломъ, а цѣлый рядъ лицъ, которыя были ранѣе пріобщены къ дѣламъ высшей и мѣстной администраціи. Таковъ былъ Н. И. Тургеневъ—статсъ-секретарь государственнаго совѣта и директоръ одного изъ департаментовъ министерства финансовъ, таковъ былъ Краснокутскій—оберъ-прокуроръ сената, Батенковъ—одинъ изъ близкихъ сотрудниковъ Сперанскаго, а одно время и Аракчеева, баронъ Штейнгейль—правитель канцеляріи московскаго генералъ-губернатора Николай не могъ не видѣть ума такихъ представителей декабристовъ, какъ Пестель и Никита Муравьевъ, но даже и у вто-

Государственная публичная 486623 БИБЛИОТЕКА

ростепенныхъ членовъ тайныхъ обществъ, такихъ, какъ Батенковъ или Штейнгейль, онъ могъ черпать не мало полезныхъ указаній.

Когда процессъ декабристовъ былъ конченъ, въ іюнѣ 1826 г., и когда пять человѣкъ, считавшіеся главными заговорщиками, были казнены, то въ манифестѣ, изданномъ по случаю коронаціи 13 іюля 1826 г., освѣщалось и отношеніе Николая къ тайнымъ обществамъ и вмѣстѣ бросался взглядъ на его собственную будущую дѣятельность. „Не отъ дерзкихъ мечтаній всегда разрушительныхъ — сказано было между прочимъ въ этомъ манифестѣ,—но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія.—Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенствованія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, провидѣніемъ ему предопредѣленной".

Такимъ образомъ манифестъ, появившійся тотчасъ послѣ расправы съ декабристами, обѣщалъ рядъ преобразованій, и едва ли можно сомнѣваться, что первыя намѣренія Николая въ началѣ его царствованія были намѣренія преобразовательныя. Направленіе и содержаніе этихъ преобразованій должны были зависѣть отъ общихъ воззрѣній и взглядовъ молодого самодержца на существо и задачи государственной власти въ Россіи.

Уяснить и формулировать самому себѣ эти общіе политическіе воззрѣнія и взгляды Николаю Павловичу удалось при самомъ вступленіи на престолъ—главнымъ образомъ благодаря Н. М. Карамзину, который несомнѣнно явился въ этотъ трудный моментъ наставникомъ и интимнымъ совѣтникомъ новаго молодого и неопытнаго властелина Россіи. Если отъ декабристовъ Николаю Павловичу пришлось получить первыя поразившія его свѣдѣнія о безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ въ дѣлахъ управленія, то Карамзинъ еще ранѣе далъ ему, можно сказать, общую программу царствованія, до такой степени пришедшуюся Николаю по вкусу, что онъ готовъ былъ озоло-

тить этого незамѣнимаго въ его глазахъ совѣтника, стоявшаго уже въ то время одною ногою въ гробу [1]).

Карамзинъ, какъ вы знаете, не занималъ при Александрѣ никогда никакого правительственнаго поста, но это не мѣшало ему выступать иногда сильнымъ и рѣзкимъ критикомъ правительственныхъ мѣропріятій—какъ въ моментъ наибольшаго расцвѣта либеральныхъ предположеній, въ эпоху Сперанскаго, такъ и въ концѣ царствованія, когда Карамзинъ рѣзко осуждалъ политику Александра по польскому вопросу и не скрывалъ отъ него своихъ отрицательныхъ взглядовъ, и на военныя поселенія, и на обскурантную дѣятельность разныхъ Магницкихъ и Руничей въ области народнаго просвѣщенія и цензуры [2]).

По вступленіи на престолъ Николая, дни Карамзина были уже сочтены: въ самый день 14 декабря онъ простудился на дворцовой площади и, хотя потомъ два мѣсяца перемогался, однако же слегъ въ концѣ концовъ и черезъ полгода умеръ, не воспользовавшись фрегатомъ, снаряженнымъ по высочайшему повелѣнію, чтобы везти больного исторіографа въ Италію. Съ первыхъ дней междуцарствія, начавшагося 27 ноября 1825 г. Карамзинъ по собственному побужденію ежедневно являлся во дворецъ и тамъ спеціально проповѣдывалъ Николаю, стараясь передать ему свои воззрѣнія на роль самодержавнаго монарха въ Россіи и на государственныя задачи даннаго момента. Рѣчи Карамзина производили на Николая Павловича огромное впечатлѣніе. Карамзинъ, искусно умѣя сохранить полное уваженіе, даже благоговѣніе къ личности только что скончавшагося государя, въ то же время безпощадно критиковалъ его правительственную систему—до того безпощадно, что императрица Марія Ѳеодоровна, постоянно присутствовавшая при этихъ бесѣдахъ и можетъ быть даже способствовавшая ихъ возникновенію, воскликнула однажды, когда Карамзинъ слишкомъ рѣзко обрушивался на нѣкоторыя мѣры прошлаго царствованія: „поща-

---

[1]) Незадолго до смерти Карамзина, ему назначена была пенсія въ 50 тыс. руб. въ годъ съ тѣмъ, что послѣ смерти пенсія эта передавалась его семьѣ (Срав. *Погодинъ*. „Н. М. Карамзинъ“, т. II, стр. 495, гдѣ приведенъ и самый указъ объ этомъ министру финансовъ отъ 13 мая 1826 г.).

[2]) Срав. „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Карамзина“, т. I, Спб. 1862 г., стр. 3 и 11.

дите, пощадите сердце матери, Николай Михайловичъ!“, на что Карамзинъ отвѣчалъ, не смутившись: „я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать“.

Каковы были взгляды Карамзина на роль самодержавія въ Россіи,—вы уже знаете изъ содержанія записки его о древней и новой Россіи, представленной имъ императору Александру въ 1811 году [1]). Эту записку Николай Павловичъ не могъ тогда знать, ибо единственный экземпляръ ея былъ переданъ императоромъ Александромъ Аракчееву и лишь въ 1836 году—послѣ смерти Аракчеева—былъ найденъ въ его бумагахъ [2]). Но Карамзинъ развилъ тѣ же взгляды впослѣдствіи (въ 1815 г.) во вступленіи къ своей „Исторіи Государства Россійскаго“ и это вступленіе было, разумѣется, извѣстно Николаю. Въ умѣ же Карамзина мысли, выраженныя въ запискахъ, поданныхъ имъ Александру („О древней и новой Россіи“—въ 1811 г. и „Мнѣніе русскаго гражданина“—въ 1819 г.), несомнѣнно сохранялись въ неизмѣнномъ видѣ до конца его жизни. Карамзинъ, вѣрный въ этомъ случаѣ взгляду, заимствованному имъ у Екатерины II, считалъ, что самодержавіе необходимо Россіи, что безъ него Россія погибнетъ,—и эту мысль онъ подкрѣплялъ примѣрами моментовъ смуты въ исторіи Россіи, когда самодержавная власть колебалась.

Въ то же время на роль самодержавнаго монарха онъ смотрѣлъ, какъ на своего рода священную миссію, какъ на постоянное служеніе Россіи, отнюдь не освобождая монарха отъ обязанностей и строго осуждая такія дѣйствія государей, которыя, не соотвѣтствуя пользамъ и интересамъ Россіи, основывались на личномъ произволѣ, капризѣ или даже на идеологическихъ мечтаніяхъ (какъ у Александра). Роль подданнаго въ самодержавномъ государствѣ рисовалась Карамзину не въ видѣ безсловеснаго рабства, а какъ роль мужественнаго гражданина, обязаннаго безусловнымъ повиновеніемъ монарху, но

---

[1]) Записка эта напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1870 г. стр. 2230 и слѣд. Сравн. лекцію VIII наст. „курса“, вып. I, стр. 173.

[2]) Срав. „Мнѣніе *гр. Блудова* о двухъ запискахъ Карамзина“, напечатанное въ книгѣ *Ег. П. Ковалевскаго* „гр. Блудовъ и его время“ Спб. 1875 г., стр. 245.

въ то же время долженствующаго свободно и искренно заявлять ему свои мнѣнія и взгляды, касающіеся государственныхъ дѣлъ. Политическіе взгляды Карамзина были при всемъ ихъ консерватизмѣ несомнѣнною утопіей, но утопіей, не лишенною извѣстнаго подъема и искренняго, благороднаго чувства. Они стремились придать политическому абсолютизму извѣстную идейность и красоту и давали возможность самовластію, къ которому Николай былъ склоненъ по натурѣ, опираться на возвышенную идеологію. Подъ непосредственныя и полусознательныя личныя стремленія Николая они подводили принципъ и давали молодому самодержцу готовую систему, вполнѣ соотвѣтствовавшую его вкусамъ и наклонностямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ практическіе выводы, которые Карамзинъ сдѣлалъ изъ своихъ общихъ воззрѣній, были такъ элементарны и просты, что не могли не понравиться и съ этой стороны Николаю Павловичу, свыкшемуся съ юныхъ лѣтъ съ идеями военной фронтовой службы. Они показались ему построенными на мудромъ и величественномъ основаніи и въ то же время были ему вполнѣ по плечу.

Взгляды, внушенные Карамзинымъ, не исключали въ то же время возможности и даже необходимости приняться за исправленіе тѣхъ злоупотребленій и несустройствъ русской жизни, которыя выяснились Николаю при его сношеніяхъ съ декабристами. Карамзинъ, при всей консервативности его взглядовъ, не былъ ни реакціонеромъ ни обскурантомъ. Онъ рѣшительно осуждалъ обскурантныя мѣры министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и изувѣрные подвиги Магницкаго и Рунича, отрицательно относился къ дѣятельности Аракчеева и къ военнымъ поселеніямъ и строго порицалъ злоупотребленія финансоваго управленія при Гурьевѣ. Послѣ 14 декабря 1825 г. онъ говорилъ одному изъ близкихъ къ нему людей (Сербиновичу), что онъ „врагъ революцій“, но признаетъ необходимость мирныхъ эволюцій, которыя, по его мнѣнію,— „всего удобнѣе въ правленіи монархическомъ“

Довѣріе къ государственной мудрости Карамзина было въ Николаѣ Павловичѣ такъ сильно, что онъ собирался, повидимому, дать ему постоянный государственный постъ; но умирающій историографъ не могъ принять никакого назначенія и вмѣсто себя рекомендовалъ въ сотрудники Николаю болѣе мо-

лодыхъ своихъ единомышленниковъ изъ числа членовъ бывшаго литературнаго общества „Арзамасъ“: Блудова и Дашкова, къ которымъ скоро присоединился и еще одинъ видный арзамасецъ—Уваровъ, давшій впослѣдствіи окончательную формулировку той системѣ официальной народности, отцомъ которой былъ Карамзинъ [1]).

---

[1]) Изъ числа бывшихъ „арзамасцевъ“ былъ допущенъ изъ деревни въ столицы и Пушкинъ, который принесъ полное покаяніе въ 1826 году. Онъ былъ вызванъ изъ деревни въ Москву во время коронаціи, при чемъ было приказано отправить его изъ псковской губ., хотя и съ фельдъегеремъ, но въ собственномъ экипажѣ—не какъ арестанта. Императоръ Николай его принялъ лично, и Пушкинъ своимъ откровеннымъ и прямымъ разговоромъ произвелъ на него хорошее впечатлѣніе. Несомнѣнно, что въ Пушкинѣ имп. Николай, прежде всего видѣлъ большую умственную силу и хотѣлъ эту силу „пристроить къ дѣлу“ и утилизировать на службу государству. Поэтому первымъ предложеніемъ, которое онъ Пушкину сдѣлалъ, было дѣловое предложеніе,—составить записку о мѣрахъ для поднятія народнаго просвѣщенія. Пушкинъ принялся за дѣло очень неохотно, лишь послѣ повторенія этого порученія черезъ Бенкендорфа. Дѣло это было для поэта непривычно; однако записку онъ написалъ и въ ней провелъ мысль, что просвѣщеніе очень полезно даже и для установленія благонадежнаго направленія умовъ, но что развиваться оно можетъ только при нѣкоторой свободѣ. Повидимому это не очень понравилось имп. Николаю, какъ это видно изъ слѣдующей отмѣтки, сообщенной Пушкину Бенкендорфомъ: „Нравственность, прилежное служеніе, усердіе—предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе“... Срав. *Шильдера* „Имп. Николай Первый, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 14 и слѣд.

ЛЕКЦІЯ XV.

Дѣленіе царствованія имп. Николая на періоды.—Первый періодъ (1825—1831).—Сотрудники Николая Павловича въ первые годы царствованія: Кочубей, Сперанскій, Канкринъ, Бенкендорфъ, Дибичъ, Паскевичъ.—Комитетъ 6 декабря 1826 г.; его составъ и задача; его дѣятельность.—Крестьянскій вопросъ.—Военныя поселенія.—Кодификаціонныя работы Сперанскаго.—Образованіе III отд. собственной его величества канцеляріи.—Направленіе министерства народнаго просвѣщенія.—Отношеніе къ польской конституціи.—Международная политика.—Война съ Турціей 1828—29 гг.—Конецъ перваго періода царствованія.

Взгляды, заимствованные у Карамзина и совершенно совпавшіе съ характеромъ и вкусами Николая, легли въ основу его внутренней политики. Николай Павловичъ считалъ, соотвѣтственно этимъ взглядамъ, что самъ онъ является первымъ слугой государства и что, посвящая всего себя государству, онъ имѣетъ право требовать того же и отъ другихъ, которые должны при этомъ служить по его указаніямъ. Съ своей военной точки зрѣнія онъ и не могъ себѣ представить иной службы, кромѣ службы, регулируемой высшимъ авторитетомъ и направляемой при помощи строгой дисциплины и служебной іерархіи. Это убѣжденіе и служило обоснованіемъ его абсолютизму, который развивался crescendo во все время его царствованія, переходя все болѣе и болѣе въ простое самовластіе и деспотизмъ.

Царствованіе Николая можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на три періода: первый—съ 1826 по 1831 г., второй—съ 1831 по 1848 г., и, наконецъ, третій—съ 1848 по 1855 г. Эту періодизацію слѣдуетъ впрочемъ, принимать лишь для обозначенія тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, которыя происходили въ курсѣ правительственной дѣятельности Николая, и, хотя, конечно, эти измѣненія весьма рѣзко отражались и на жизни

народа, и на положеніи общества, но едва ли было бы справедливо на такіе же періоды раздѣлить исторію самого народа и исторію русскаго общества при Николаѣ. Въ этомъ отношеніи все царствованіе Николая составляетъ, въ сущности, одинъ весьма важный и цѣльный этапъ, въ теченіе котораго окончательно скопились и обострились движущіе факторы соціально-политическаго процесса, разрѣшившагося частью въ эпоху великихъ реформъ послѣдующаго царствованія, частью невполнѣ разрѣшившагося и въ наше время.

Что касается перваго періода царствованія Николая, то, какъ я уже сказалъ, періодъ этотъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ якобы преобразовательный и, по крайней мѣрѣ по внѣшности, не противный прогрессу.

Но самая личность императора Николая, его личные вкусы, характеръ, самовластіе, которое все болѣе и болѣе укрѣплялось въ немъ, уже тогда являлись существенной помѣхой всякимъ прогрессивнымъ начинаніямъ и преобразованіямъ, хотя бы и самаго умѣреннаго характера. Слѣдуетъ признать, что императоръ Николай, ясно сознавая въ то время необходимость преобразованій, боролся съ собой, видимо, старался обуздать свой собственный характеръ и пойти навстрѣчу тѣмъ нуждамъ, которыя слишкомъ ярко были передъ нимъ выставляемы, но удавалось это ему по большей части довольно слабо, и поэтому главнѣйшей чертой этого періода являются удивительныя противорѣчія и колебанія, которыя обусловливались не нерѣшительностью характера грознаго повелителя Россіи—характеръ у него былъ очень рѣшительный,—а вызывались именно противорѣчіемъ, въ которомъ находился его характеръ и его вкусы съ предпринимаемыми начинаніями.

Такія колебанія замѣчаются въ это время какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, при чемъ они усиливались еще благодаря отсутствію опредѣленнаго плана преобразованій.

Большинство, по крайней мѣрѣ многіе изъ біографовъ Николая I, обыкновенно представляютъ его положеніе въ это время чрезвычайно труднымъ, такъ какъ онъ въ наслѣдство отъ Александра не получилъ достойныхъ сотрудниковъ. Указываютъ, что, въ сущности, Александръ будто бы завѣщалъ ему одного только Аракчеева. Это, конечно, несправедливо. Во-первыхъ, Аракчеевъ, не дожидаясь окончательнаго воцаре-

нія Николая, самъ рѣшительно устранился: еще 10-го декабря 1825 г. онъ подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ докладовъ по дѣламъ комитета министровъ, т.-е., въ сущности, отъ положенія премьеръ-министра. Онъ остался на нѣкоторое время послѣ того лишь завѣдывать военными поселеніями, но тоже не надолго: вскорѣ онъ уѣхалъ въ отпускъ за-границу, а затѣмъ окончательно оставилъ даже завѣдываніе военными поселеніями. По своему тогдашнему настроенію и по взглядамъ, заимствованнымъ отъ Карамзина и отчасти, можетъ быть, отъ Жуковскаго, который входилъ съ 1817 г. въ его интимный семейный кругъ, — Николай рѣшилъ твердо отказаться отъ всякой связи съ реакціонерами конца царствованія Александра. Помимо устраненія Аракчеева отъ государственныхъ дѣлъ Николай весьма рѣзко отнесся и къ тѣмъ дѣятелямъ министерства народнаго просвѣщенія, которые наиболѣе усердствовали въ послѣдній обскурантскій періодъ царствованія Александра I. Такъ, очень скоро пострадалъ Магницкій: онъ былъ сначала отставленъ отъ должности казанскаго попечителя, а когда, спустя нѣкоторое время, государь узналъ, что Магницкій продолжаетъ мѣшаться въ дѣла и своими интригами мѣшаетъ дѣятельности новаго попечителя, онъ тотчасъ велѣлъ его арестовать и отвезти въ Ревель. Точно также былъ отставленъ отъ должности и отданъ подъ судъ и попечитель петербургскаго университета Руничъ, въ связи съ непорядками въ матеріальной отчетности. Въ то же время Николай рѣшился унять и сократить Фотія, который получилъ такое значеніе въ концѣ царствованія Александра I: ему было приказано не выѣзжать изъ своего монастыря. Изъ представителей реакціи конца александрова царствованія при Николаѣ въ теченіе нѣкотораго времени продолжалъ дѣйствовать одинъ лишь Шишковъ. Но съ устраненіемъ Магницкаго и Рунича Шишковъ лично являлся сравнительно добродушнымъ реакціонеромъ, и наличность его одного во главѣ министерства народнаго просвѣщенія не давала возможности особенно поддерживать прежнее реакціонное направленіе. Гораздо, можетъ быть, важнѣе для будущаго было не только сохраненіе, но и возвышеніе одного изъ самыхъ зловредныхъ помощниковъ Аракчеева—генерала Клейнмихеля — человѣка грубаго, жестокаго и лицемѣрнаго. Впослѣдствіи онъ игралъ важную роль въ качествѣ

завѣдующаго путями сообщенія и одного изъ столповъ создавшагося государственнаго строя.

Но вообще на первыхъ порахъ гораздо бо́льшую роль въ сферѣ внутренней политики и дѣятельности главныхъ частей государственнаго управленія сыграли представители болѣе умѣреннаго консерватизма, соотвѣтствовавшаго взглядамъ Карамзина. Изъ главныхъ сотрудниковъ императора Александра, продолжавшихъ свою дѣятельность при Николаѣ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть графа (впослѣдствіи князя) В. П. Кочубея и Мих. Мих. (впослѣдствіи графа) Сперанскаго. Но Кочубей, бывшій однимъ изъ членовъ негласнаго комитета въ началѣ царствованія Александра, значительно устарѣлъ и во многомъ измѣнилъ свои прежніе либеральные взгляды. Въ сущности, онъ уже въ запискѣ, представленной Александру въ 1814 г., высказывалъ взгляды, недалекіе отъ взглядовъ Карамзина, и тогда уже положительно утверждалъ, что сохраненіе самодержавія надолго необходимо въ Россіи [1]). Сперанскій также во многомъ измѣнилъ свои взгляды послѣ катастрофы, постигшей его въ 1812 г. Онъ совершенно пересталъ быть идеологомъ политическаго либерализма и прочно вступилъ на путь политическаго практицизма и опортюнизма, посвятивъ всѣ свои дарованія и все свое трудолюбіе на второстепенныя техническія усовершенствованія существующаго государственнаго строя вмѣсто радикальнаго его измѣненія. При вступленіи на престолъ Николая мы видимъ его уже не представителемъ тѣхъ политическихъ взглядовъ, на которые съ такой страстью и рѣзкостью обрушивался Карамзинъ въ 1811 году, а скромнымъ сотрудникомъ и соревнователемъ самого Карамзина, вкупѣ и влюбѣ съ которымъ ему пришлось теперь составлять, по порученію Николая, манифестъ о вступленіи его на престолъ. Затѣмъ довѣріе Николая къ Сперанскому, поддерживаемое теперь Карамзинымъ, поколебалось на одинъ моментъ тѣми свѣдѣніями, которыя Николай получилъ, о планахъ „Сѣвернаго общества“ въ случаѣ успѣха революціи поставить во главѣ временнаго правительства Сперанскаго, Мордвинова и Ермолова. Вскорѣ однако Николай убѣдился, что лица эти сами совершенно не знали объ этихъ своихъ кандидатурахъ и ни въ какое сношеніе съ революціон-

[1]) Сборникъ Имп. русск. историч. общества, томъ XC, стр. 5.

цыми организаціями не входили [1]). Въ частности, въ неприкосновенности къ этому дѣлу Сперанскаго Николай Павловичъ настолько увѣрился послѣ продолжительной личной бесѣды съ нимъ, что тогда же написалъ Дибичу объ этомъ свиданіи со Сперанскимъ и искреннемъ съ нимъ разговорѣ, упомянувъ при этомъ, что въ прежнихъ своихъ взглядахъ Сперанскій „принесъ покаяніе“. Неизвѣстно, въ чемъ именно каялся Сперанскій, но во всякомъ случаѣ минутное недовѣріе къ нему Николая совершенно исчезло, и Сперанскому уже въ январѣ 1826 г. было поручено завѣдываніе комиссіей законовъ, которая вскорѣ была преобразована во второе отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, въ которомъ Сперанскій фактически исполнялъ обязанности главноуправляющаго.

Что касается адмирала Мордвинова, то его Николай къ себѣ не приблизилъ. Онъ понялъ, конечно, что подозрѣнія его относительно участія Мордвинова въ дѣлахъ тайнаго общества были совершенно напрасны, и впослѣдствіи выказывалъ ему наружное уваженіе и признаніе его заслугъ, но, не сочувствуя его взглядамъ и направленію, которыхъ Мордвиновъ не измѣнилъ, держалъ его вдали отъ активной правительственной дѣятельности. Мордвиновъ и въ это царствованіе лишь изрѣдка выступалъ со своими всегда интересными и оригинальными мнѣніями въ государственномъ совѣтѣ.

---

[1]) Впрочемъ относительно Ермолова у Николая навсегда осталось враждебное чувство. Въ этомъ отношеніи гораздо важнѣе предполагаемаго участія Ермолова во временномъ правительствѣ, которое прочили ему члены тайнаго общества, было одно взятое при обыскахъ письмо кн. С. Г. Волконскаго къ Пестелю, — письмо, въ которомъ Волконскій сообщалъ свое впечатлѣніе о настроеніи умовъ въ посѣщенномъ имъ кавказскомъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Ермоловъ. Волконскій въ этомъ письмѣ утверждалъ, что тамъ, будто бы, распространено такое настроеніе, которое даетъ основаніе надѣяться на возстаніе всего кавказскаго корпуса. Это сообщеніе потомъ фигурировало при слѣдствіи, и Николай Павловичъ серьезно опасался, что кавказскій корпусъ откажется ему присягать. Это довольно легкомысленное свидѣтельство Волконскаго бросало большую тѣнь на Ермолова въ глазахъ Николая, и несмотря на то, что присяга ему принесена была на Кавказѣ безъ затрудненій и, по тщательномъ разслѣдованіи, ничего подобнаго тому, что говорилось у Волконскаго, тамъ не оказалось, все-таки у государя навсегда осталось непріязненное отношеніе къ Ермолову.

Изъ лицъ, унаслѣдованныхъ Николаемъ отъ прежняго царствованія, здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть объ оригинальномъ и почтенномъ государственномъ человѣкѣ, на дѣятельности котораго намъ придется впослѣдствіи подробнѣе остановиться, о Егорѣ Францевичѣ Канкринѣ, занимавшемъ при вступленіи Николая на престолъ постъ министра финансовъ.

Это былъ человѣкъ твердый, съ опредѣленными принципами; его финансовая система заключалась главнымъ образомъ въ экономіи народныхъ средствъ, и онъ постоянно оказывалъ самую рѣзкую оппозицію такимъ начинаніямъ Николая, которыя требовали значительныхъ денегъ, такъ что Николай впослѣдствіи, когда министромъ финансовъ въ концѣ его царствованія былъ статсъ-секретарь Брокъ, человѣкъ очень бездарный и очень податливый, не разъ говорилъ ему шутя, что пріятно имѣть такого покладистаго министра финансовъ, какъ онъ, Брокъ: „а то, бывало,—вспоминалъ императоръ,—придетъ ко мнѣ Канкринъ въ туфляхъ (онъ страдалъ ревматизмомъ), грѣетъ у камина спину и на всякое мое слово говоритъ: нельзя, ваше величество, никакъ нельзя...“

Къ чести императора Николая, надо сказать, что онъ, несмотря на это, держалъ Канкрина въ продолженіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ на посту министра финансовъ,—до тѣхъ поръ, пока онъ самъ, какъ ему казалось, не выучился достаточно финансовой наукѣ подъ руководствомъ того же самаго Канкрина.

Въ перепискѣ близкихъ къ тогдашнему двору людей мы встрѣчаемъ указанія на то, что имп. Николай, съ самаго начала выказавъ большое трудолюбіе и желаніе всего себя посвятить на службу государству, вмѣстѣ съ тѣмъ проявилъ большое неумѣніе въ выборѣ людей. Этотъ недостатокъ, особенно при неподготовленности его къ дѣламъ правленія, составлялъ не маловажное препятствіе къ проведенію даже тѣхъ скромныхъ преобразованій, которыя были бы полезны государству съ его собственной точки зрѣнія.

Кромѣ лицъ, рекомендованныхъ Карамзинымъ, къ дѣламъ внутренняго управленія самимъ Николаемъ были привлечены тѣ лица, которыя отличились въ его глазахъ въ дѣлѣ организаціи процесса декабристовъ. Первое мѣсто среди нихъ принадлежало генералу Бенкендорфу, который съ 1821 г. употреблялъ тщетныя усилія привлечь вниманіе имп. Александра къ

распространенію и росту тайныхъ обществъ въ Россіи. На ряду съ нимъ выдвинулись на томъ же поприщѣ слѣдователи по дѣлу декабристовъ генералы Чернышевъ и Левашевъ.

Въ военной сферѣ особымъ авторитетомъ въ глазахъ молодого государя пользовались генералы Дибичъ и Паскевичъ. Первый изъ нихъ былъ начальникомъ главнаго штаба и въ моментъ смерти Александра у него въ рукахъ сосредоточились всѣ нити заговора „Южнаго общества“. Онъ очень энергично принялся за дѣло разслѣдованія, чѣмъ и внушилъ первоначально довѣріе Николаю. Паскевичъ былъ давнимъ другомъ и прямымъ начальникомъ Николая Павловича еще съ 1814 года. Оба они казались имп. Николаю высоко одаренными полководцами, хотя впослѣдствіе военные таланты ихъ со стороны военныхъ писателей подвергались большому сомнѣнію.

Что касается реформъ, которыя предполагалось предпринять въ этотъ первый періодъ царствованія, то, для ихъ осуществленія или, вѣрнѣе, для выработки общаго плана преобразовательной дѣятельности, 6 декабря 1826 г. былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Кочубея. Въ составъ этого комитета входили изъ прежнихъ министровъ, кромѣ Кочубея: Сперанскій, кн. А. Н. Голицынъ и генералы: гр. П. А. Толстой, Дибичъ и Ил. В. Васильчиковъ, а дѣлопроизводителями его были назначены молодые статсъ-секретари: Блудовъ и Дашковъ. По краткой запискѣ, которую имп. Николай вручилъ Кочубею при самомъ открытіи этого комитета, занятія его должны были состоять прежде всего въ пересмотрѣ и разборѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго императора Александра,—очевидно, изъ нихъ Николай думалъ почерпнуть много полезныхъ мыслей и указаній о необходимыхъ преобразованіяхъ; во-вторыхъ, въ пересмотрѣ основъ и уставовъ нынѣшняго государственнаго управленія; въ-третьихъ, въ изложеніи мнѣній, что предполагалось сдѣлать въ прежнее царствованіе, что уже есть, и что кончить оставалось бы, наконецъ, что въ существующемъ порядкѣ хорошо и чего оставить нельзя и чѣмъ въ такомъ случаѣ замѣнить.

Въ такихъ неопредѣленныхъ чертахъ было дано порученіе этому секретному государственному учрежденію. Дѣятельность комитета 6 декабря 1826 г. продолжалась регулярно до апрѣля 1830 г., а затѣмъ въ слѣдующіе два года было нѣсколько отры-

вочныхъ засѣданій, и хотя комитетъ официально закрытъ не былъ, но въ 1832 г. дѣятельность его окончательно замерла.

Какъ видите, миссія комитета была очерчена настолько широко, что, повидимому, занятія его могли принять такой же характеръ, какъ и въ началѣ царствованія Александра, въ знаменитомъ „негласномъ комитетѣ“. Но на самомъ дѣлѣ никакого сходства между этими двумя учрежденіями не было: „негласный комитетъ“ Александра былъ составленъ изъ идейныхъ представителей передовыхъ теченій своего времени, а николаевскій секретный комитетъ 6 декабря 1826 г. состоялъ изъ людей стараго поколѣнія, искусившихся и разочаровавшихся въ жизни (какъ Сперанскій, Кочубей и Голицынъ), или изъ молодыхъ карьеристовъ и доктринеровъ (какъ Блудовъ и Дашковъ), которые никакихъ новшествъ даже и не предполагали вводить и вся дѣятельность которыхъ свелась къ пересмотру уставовъ высшихъ центральныхъ и губернскихъ учрежденій, а равно также дѣйствовавшихъ тогда „законовъ о состояніяхъ“, при чемъ они проектировали нѣкоторыя измѣненія въ положеніи о дворянствѣ и среднихъ сословіяхъ, въ положеніи о дворянскихъ выборахъ и объ управленіи казенными крестьянами. Мимоходомъ они затрагивали крестьянскій вопросъ, но нерѣшительно и вяло, такъ что самъ императоръ ихъ предположеніями по этой части остался совершенно недоволенъ [1]).

Въ крестьянскомъ вопросѣ, важность котораго императоръ Николай почувствовалъ послѣ первыхъ крестьянскихъ волненій, случившихся въ его царствованіе, онъ оказался болѣе прогрессивнымъ и устойчивымъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ начинаніяхъ его царствованія. При немъ до 1848 г. крестьянскій вопросъ не сходилъ съ очереди: для обсужденія съ разныхъ сторонъ этого вопроса при немъ было послѣдовательно образовано цѣлыхъ 10 секретныхъ комитетовъ, и можно признать, что въ царствованіе Николая по крестьянскому вопросу было сдѣлано во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ царствованіе ли-

---

[1]) Бумаги и журналы этого комитета изданы въ 74 и 90 томахъ Сборника имп. русск. историч. общества. Обстоятельный разборъ дѣятельности этого комитета у *А. А. Кизеветтера* въ книгѣ „Историческіе Очерки“. М. 1912 г., стр. 427 и слѣд. (въ ст. „Внутр. политика въ царствованіе имп. Николая Павловича“).

бераль наго Александра I-го. Главнымъ дѣятелемъ по крестьянскому вопросу при Николаѣ, главнымъ начальникомъ его штаба по этой части, какъ Николай его называлъ шутя, явился генералъ П. Д. Киселевъ. Ходъ этого дѣла я нахожу болѣе удобнымъ разсмотрѣть при изложеніи исторіи второго періода царствованія Николая, когда вопросъ этотъ привлекъ къ себѣ наибольшее вниманіе правительства.

Съ самаго начала своего царствованія Николай Павловичъ отнесся очень скептически къ военнымъ поселеніямъ. Сохранились записки разныхъ лицъ, представленныя Николаю, съ нападками на это дѣтище имп. Александра. Повидимому съ самаго же начала имп. Николай рѣшилъ отъ военныхъ поселеній отказаться, но ликвидировать начатое дѣло оказалось не такъ-то легко,—не говоря о томъ, что Николай Павловичъ не былъ расположенъ подрывать авторитетъ своего покойнаго брата, въ дѣлѣ, которое было любимымъ его занятіемъ въ послѣдній періодъ его жизни,—и военныя поселенія, не только просуществовали до конца царствованія Николая, но даже были въ отдѣльныхъ случаяхъ и при немъ расширяемы. Окончательная ликвидація ихъ затянулась до начала царствованія Александра II-го [1]).

Особый взглядъ на роль и обязанности самодержавнаго монарха съ одной стороны, недовѣріе и къ обществу, и къ чиновничеству—съ другой выразились въ самомъ началѣ царствованія имп. Николая въ способѣ производства тѣхъ дѣлъ, которыя онъ считалъ почему-либо особенно важными и трудными и теченіе которыхъ хотѣлъ выдѣлить изъ общей бюрократической рутины. Такія дѣла сосредоточивались какъ бы въ его собственномъ завѣдываніи и выключались изъ числа дѣлъ, ввѣренныхъ обыкновеннымъ министрамъ. Для непосреднаго завѣдыванія такими дѣлами имп. Николай сталъ создавать особыя отдѣленія собственной своей канцеляріи. Лицъ, завѣдывавшихъ такими отдѣленіями, императоръ приравнивалъ по ихъ рангу къ министрамъ, и они получали впослѣдствіи званіе главноуправляющихъ. Первое вновь открытое отдѣленіе въ январѣ 1826 г. было названо II отдѣленіемъ соб-

[1]) Сравн. книгу генерала *Заіончковскаго* „Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современ. ей политической обстановкой“ т. I и приложенія къ нему. Спб. 1908.

ственной его величества канцеляріи. Въ него были переданы всѣ дѣла упраздненной тогда комиссіи законовъ, и руководителемъ его фактически сдѣлался, какъ уже сказано, Сперанскій, который имѣлъ по этимъ дѣламъ постоянный докладъ у государя, хотя формально во главѣ дѣлопроизводства поставленъ былъ статсъ-секретарь Балугіанскій. Кодификаціонныя работы, сосредоточенныя въ этомъ отдѣленіи, какъ мы увидимъ, дѣйствительно быстро пошли въ ходъ подъ умѣлымъ руководствомъ Сперанскаго и завершились въ 1832 г. изданіемъ перваго полнаго собранія законовъ и въ 1833 г. составленіемъ и изданіемъ свода дѣйствующихъ законовъ по всѣмъ отраслямъ права и управленія.

Тѣмъ же порядкомъ Николай Павловичъ пожелалъ организовать и завѣдываніе высшей (политической) и тайной полиціей въ государствѣ. Послѣ востанія 14 декабря и обнаруженія всей исторіи образованія и роста тайныхъ обществъ при Александрѣ, имп. Николай считалъ организацію полицейскаго надзора въ странѣ однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Онъ рѣшилъ выдѣлить это дѣло изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, оставивъ въ немъ завѣдываніе одной лишь общей наружной полиціей, а для надзора за состояніемъ и движеніемъ умовъ населенія призналъ необходимымъ создать особое учрежденіе. Въ основу этихъ предположеній положена была записка, поданная государю еще въ январѣ 1826 г. генераломъ Бенкендорфомъ, который и раньше, при Александрѣ, обнаружилъ большую склонность заниматься этимъ дѣломъ, но тогда не имѣлъ успѣха. Теперь Николай Павловичъ вмѣнилъ ему въ особую заслугу тѣ доносы и записки по дѣламъ объ организаціи правильнаго надзора за тайными обществами, которые Бенкендорфъ безрезультатно дѣлалъ имп. Александру. Въ запискѣ своей Бенкендорфъ предлагалъ образовать теперь для дѣлъ политической полиціи особое министерство полиціи, руководствуясь опытами наполеоновскихъ учрежденій подобнаго рода. Послѣ обсужденія проекта Бенкендорфа съ генералами Дибичимъ и Толстымъ и принимая, вѣроятно, во вниманіе неудачный ходъ дѣлъ въ вязмитиновскомъ и балашевскомъ министерствѣ полиціи при Александрѣ, Николай Павловичъ рѣшился образовать новое учрежденіе подъ личнымъ своимъ руководствомъ и непосредственнымъ завѣдываніемъ Бенкендорфа.

25 іюня 1826 г. (въ день рожденія государя) данъ былъ указъ объ образованіи особаго корпуса жандармовъ, какъ особаго самостоятельнаго учрежденія, съ назначеніемъ шефомъ жандармовъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, а черезъ нѣсколько дней (3 іюля 1826 г.) была упразднена особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой ранѣе сосредоточивались дѣла тайной полиціи, съ передачей всѣхъ этихъ дѣлъ во вновь образованное III-ье отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, во главѣ котораго былъ поставленъ тотъ же генералъ Бенкендорфъ.

Въ кругъ вѣдомства III отдѣленія, заслужившаго впослѣдствіи себѣ такую мрачную репутацію, входили слѣдующія дѣла:

1) Всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи; 2) свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ; 3) извѣстія по открытіямъ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, монетахъ, документахъ и проч., коихъ розысканіе и дальнѣйшее производство остаются въ зависимости министровъ: финансовъ и внутрен. дѣлъ; 4) свѣдѣнія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія; 5) высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ; 6) завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣми мѣстами заключенія, въ коихъ заключаются государственные преступники; 7) всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ; 8) вѣдомость о всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ; статистическія свѣдѣнія до полиціи относящіяся [1]).

Важнымъ вопросомъ государственной жизни, который при-

---

[1]) Сравн. *М. К. Лемке* „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг. (по подлиннымъ дѣламъ III отдѣленія собственной е. в. канцеляріи)". Спб. 1908 г.

Здѣсь стоитъ отмѣтить, какъ представлялъ себѣ Бенкендорфъ, а съ нимъ вмѣстѣ и имп. Николай, составъ и задачи этого учрежденія; вотъ дающая объ этомъ полное представленіе выписка центральнаго мѣста записки Бенкендорфа, приведенной цѣликомъ у г. Лемке:

„Для того, чтобы полиція была хороша и обнимала всѣ пункты имперіи, необходимо, чтобы она подчинялась системѣ строгой централизаціи, чтобы ея боялись и уважали и чтобы уваженіе это было внушено нравственными качествами ея главнаго начальника.

Онъ долженъ бы носить званіе министра полиціи и инспектора корпуса

влекалъ особое вниманіе Николая съ самаго начала царствованія, былъ вопросъ народнаго просвѣщенія. Вниманіе, которое государь удѣлялъ этому вопросу, находилось въ связи съ стремленіемъ его подорвать корни крамолы. Для имп. Николая являлось важной задачей такъ поставить народное просвѣщеніе, чтобы оно давало будущимъ гражданамъ желательное правительству направленіе умовъ, чтобы оно воспитывало вѣрныхъ и скромныхъ слугъ государству въ каждомъ сословіи и, такимъ образомъ, давало бы устойчивость основамъ существующаго государственнаго строя большую, чѣмъ та, какая была до тѣхъ поръ. Во главу угла здѣсь положено было убѣжденіе въ необходимости давать каждому сословію просвѣщеніе въ такой мѣрѣ, чтобы не развивалось надеждъ и стремленій возвыситься изъ одного сословія въ другое. Было предположено прежде всего ограничить образованіе крестьянскихъ дѣтей,—

жандармовъ въ столицѣ и въ провинціи. Одно это званіе (замѣненное имп. Николаемъ званіемъ шефа жандармовъ) дало бы ему возможность пользоваться мнѣніями честныхъ людей, которые пожелали бы предупредить правительство о какомъ-нибудь заговорѣ или сообщить ему какія-нибудь интересныя новости. Злодѣи, интриганы и люди педалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или стараясь искупить свою вину доносомъ, будутъ по крайней мѣрѣ знать, куда имъ обратиться.

Къ этому начальнику стекались бы свѣдѣнія отъ всѣхъ жандармскихъ офицеровъ, разсѣянныхъ во всѣхъ городахъ Россіи и во всѣхъ частяхъ войска: это дало бы возможность замѣстить эти мѣста людьми честными и способными, которые часто брезгаютъ ролью тайныхъ шпіоновъ, но нося мундиръ, какъ чиновники правительства, считаютъ долгомъ ревностно исполнять эту обязанность.

Чины, кресты, благодарность служатъ для офицера лучшимъ поощреніемъ, нежели денежныя награды, но для тайныхъ агентовъ не имѣютъ такого значенія, и они нерѣдко служатъ шпіонами за и противъ правительства.

Министру полиціи придется путешествовать ежегодно, бывать время отъ времени на большихъ ярмаркахъ, при заключеніи контрактовъ, гдѣ ему легче пріобрѣсти нужныя связи и склонить на свою сторону людей, стремящихся къ наживѣ.

Его проницательность подскажетъ ему, что не слѣдуетъ особенно довѣрять кому бы то ни было. Даже правитель канцеляріи его не долженъ знать всѣхъ служащихъ у него и агентовъ...“

Генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи графъ) до самой смерти своей пользовался неизмѣннымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Николая.

чтобы и у нихъ не развить мысли о выходѣ изъ того состоянія, въ которомъ они находились. Николай Павловичъ задумалъ издать въ этомъ смыслѣ особый законодательный актъ еще до образованія комитета 6-го декабря и хотѣлъ предложить государственному совѣту обсудить этотъ вопросъ. Этому воспрепятствовалъ Кочубей, который заявилъ, что хотя вопросъ этотъ по существу очень важенъ, но что не слѣдуетъ издавать объ этомъ особаго закона, такъ какъ опубликованіе его можетъ повредить новому правительству во мнѣніи иностранныхъ державъ, которымъ слѣдуетъ дорожить; онъ рекомендовалъ взамѣнъ этого дать просто рескриптъ министру народнаго просвѣщенія, въ которомъ предписывалось бы крестьянскихъ дѣтей принимать только въ начальныя школы. Николай съ этимъ согласился и далъ такой рескриптъ Шишкову въ маѣ 1827 г. Въ этомъ именно направленіи министерство народнаго просвѣщенія дѣйствовало и впредь. Въ 1828 году подъ предсѣдательствомъ Шишкова учрежденъ былъ особый комитетъ для пересмотра уставовъ и программъ всѣхъ низшихъ и среднихъ училищъ, при чемъ въ составъ этого комитета вошли и оба будущіе министра народнаго просвѣщенія: кн. Ливенъ и С. С. Уваровъ.

Въ декабрѣ 1828 года новый уставъ уѣздныхъ училищъ и гимназій былъ уже выработанъ и получилъ утвержденіе. Отличительной чертой этого устава было то, что онъ отрывалъ уѣздныя училища отъ гимназій. Прежде уѣздныя училища были, какъ вы знаете, подготовительной ступенью къ гимназіямъ,— отнынѣ этому былъ положенъ предѣлъ: уѣздныя и городскія училища были сдѣланы совершенно особыми низшими учебными заведеніями съ законченнымъ курсомъ. Гимназіямъ же были приданы низшіе классы и переходъ изъ уѣзднаго училища въ гимназію сдѣлался невозможнымъ. Гимназіи были отнынѣ предназначены для воспитанія дѣтей только дворянъ и чиновниковъ. Рѣзкія мѣры были приняты и къ прекращенію воспитанія дѣтей при помощи вольныхъ учителей, такъ какъ было замѣчено, что многіе изъ числа декабристовъ были воспитаны именно такими вольными учителями французами.

Чтобы закончить изложеніе главнѣйшихъ обстоятельствъ и событій перваго періода правленія Николая I-го, слѣдуетъ

еще упомянуть о его отношеніи къ Польшѣ. Здѣсь Николаю Павловичу приходилось при дѣйствіи конституціи 1815 г. являться монархомъ конституціоннымъ, къ чему онъ вовсе не былъ расположенъ, и однако же слѣдуетъ признать, что онъ видимо старался себя переломить и корректно исполнять долгъ конституціоннаго короля польскаго, въ первые годы своего царствованія. Онъ отправился въ Варшаву въ 1829 г., принесъ тамъ послѣ нѣкотораго колебанія присягу конституціи въ католическомъ костелѣ, а затѣмъ созвалъ и сеймъ—какъ только ему позволило это прекращеніе военныхъ дѣйствій въ Турціи. Можно сказать, что до возстанія 1830 г. Николай въ качествѣ конституціоннаго монарха, наперекоръ своимъ личнымъ вкусамъ, былъ болѣе корректенъ, чѣмъ Александръ — творецъ польской конституціи 1815 г.

Въ международныхъ отношеніяхъ Николай I проявлялъ въ первые годы царствованія тѣ же колебанія, которыя характеризовали и его внутреннюю политику. Подчиняясь голосу народному, онъ считалъ въ это время необходимымъ защищать грековъ отъ турецкихъ неистовствъ, а въ письмахъ къ цесаревичу Константину онъ грековъ называлъ гнусными и наглыми бунтовщиками, которые не заслуживаютъ никакого сочувствія и которыхъ слѣдовало бы заставить подчиниться султану. Это вынужденное заступничество за грековъ привело его, однако, къ войнѣ съ Турціей. Русскій флотъ вмѣстѣ съ французскимъ и англійскимъ флотомъ участвовалъ въ уничтоженіи турецкаго флота при Наваринѣ, и султанъ считалъ Россію главной виновницей этого событія. Въ возникшей войнѣ съ Турціей имп. Николай въ 1828 г. стремился только заставить ее принять свои требованія, въ то же время стараясь не наносить ей слишкомъ сильныхъ пораженій, не желая, чтобы Турецкая монархія разрушилась. Благодаря этой нерѣшительности дѣйствій, первый годъ войны окончился довольно неудачно, и только въ 1829 году, когда Николай, принявъ къ свѣдѣнію то откровенное заявленіе, которое ему было сдѣлано генераломъ Васильчиковымъ, не поѣхалъ на войну лично и предоставилъ новому главнокомандующему (Дибичу) свободу дѣйствій, кампанія окончилась успѣшно. Но условія, предписанныя Турціи,—опять таки изъ тѣхъ же побужденій,—всѣхъ изумили своей умѣренностью.

Этотъ первый періодъ царствованія Николая окончился послѣ первыхъ дней іюльской революціи во Франціи. Изгнаніе изъ Франціи друга имп. Николая Карла X и послѣдовавшее затѣмъ крушеніе Нидерландской монархіи (гдѣ королевой была сестра Николая Павловича Анна Павловна) побудили имп. Николая рѣзко стать на сторону легитимныхъ принциповъ въ европейской международной политикѣ. Въ 1830 году онъ уже готовился послать въ защиту этихъ принциповъ свою армію на берега Рейна; но вмѣсто того ему пришлось употребить ее для усмиренія польскаго возстанія. Это возстаніе доконало въ немъ всякую терпимость къ либеральнымъ идеямъ и послужило причиной уничтоженія послѣ усмиренія возстанія польской конституціи 1815 года.

ЛЕКЦІЯ XVI.

Второй періодъ царствованія Николая.—Охранительные принципы во внѣшней политикѣ.—Восточный вопросъ.—Мюнхенгрецкое свиданіе.—Руководящіе принципы во внутренней политикѣ.—Законодательная работа.—Дѣятельность Сперанскаго по подготовленію и изданію свода законовъ.—Значеніе этого событія.—Крестьянскій вопросъ.—Положеніе населенія.—Матеріальные факторы, подготовившіе паденіе крѣпостного права.—Дѣятельность правительства.—Секретные комитеты.—Работа Канкрина и Киселева по устройству казенныхъ крестьянъ.—Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ.—Работы Киселева по устройству крѣпостныхъ крестьянъ.—Законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.—Инвентари въ западномъ краѣ.—Законъ 26 мая 1846 г. въ Польшѣ.

Послѣ іюльской революціи 1830 г. во Франціи и послѣ возстанія 1830—1831 гг. въ Польшѣ первый, quasi-реформаторскій періодъ царствованія Николая Павловича кончился. Оставивъ всякія попытки преобразованія существующихъ государственныхъ учрежденій, императоръ Николай, можно сказать, какъ бы нашелъ самого себя. Взявъ отнынѣ новый, строго-консервативный курсъ, онъ не допускалъ уже отъ него никакихъ уклоненій. Главной своей задачей онъ отнынѣ призналъ борьбу съ революціонными стремленіями и идеями вѣка и притомъ борьбу какъ въ западной Европѣ, такъ и внутри Россіи, несмотря на то, что въ Россіи, казалось, не было къ этому основаній, такъ какъ тутъ все было тихо и смирно послѣ декабрьскаго возстанія и суровой расправы съ членами тайныхъ обществъ.

Новый твердый курсъ въ международныхъ отношеніяхъ обозначился съ полною опредѣленностью въ 1833 году, послѣ мюнхенгрецкаго свиданія съ австрійскимъ императоромъ Францемъ, при чемъ возстановились вполнѣ тѣ добрыя отношенія Россіи съ Австріей, въ частности съ Меттернихомъ, отпечатокъ которыхъ впослѣдствіи такъ тяжело легъ на весь ходъ евро-

нейскихъ дѣлъ вплоть до крымской войны. Надо сказать, что передъ этимъ, послѣ довольно неудачно шедшей войны съ Турціей 1828—29 гг. и послѣ польскаго возстанія, подавленнаго не безъ затрудненій, во внѣшней политикѣ явился весьма благопріятный для Россіи моментъ въ ея отношеніяхъ на востокѣ, когда въ Турціи смута достигла крайнихъ предѣловъ и дѣла султана приняли критическій оборотъ,—вслѣдствіе успѣшнаго возстанія египетскаго паши Мехмета-Али, сынъ котораго, Ибрагимъ, разгромилъ армію султана. Турецкая имперія оказалась тогда на волоскѣ отъ гибели.

Паденіе Турціи было предотвращено въ тотъ моментъ вмѣшательствомъ Россіи. Николай предложилъ султану вооруженную помощь и отправилъ ему небольшой корпусъ генерала Муравьева. Султанъ предоставилъ русскимъ судамъ войти въ Босфоръ, при чемъ съ Турціей былъ заключенъ ункіаръ-искелесскій договоръ, придававшій Россіи значеніе опекуна Турціи и не безъ основанія считавшійся однимъ изъ самыхъ выдающихся успѣховъ нашей дипломатіи.

Императоръ Николай тогда разсчиталъ, что ему выгодно поддержать разлагавшуюся Турцію, такъ какъ выгодно имѣть слабаго сосѣда, принимавшаго его покровительство. Но Австрія относилась къ этому чрезвычайно ревниво и очень неодобрительно посматривала на ту опеку, которую Россія наложила на Турцію. Сама она, впрочемъ, сдѣлать въ то время ничего не могла, такъ какъ находилась въ трудномъ положеніи: послѣ іюльской революціи въ монархіи Габсбурговъ началось сильное броженіе среди составлявшихъ ее народностей, которое и помѣшало ей вмѣшаться въ восточныя дѣла вооруженною рукою.

Между тѣмъ Николай, опасавшійся возникновенія въ Европѣ всеобщаго революціоннаго броженія подъ покровомъ либеральной Англіи и революціонной Франціи, считалъ важнымъ тѣснѣе сблизиться съ Австріей и Пруссіей, чтобы противопоставить этотъ союзъ центральныхъ и восточной великихъ державъ всякимъ революціоннымъ стремленіямъ съ запада.

Такому настроенію императора Николая Меттернихъ тѣмъ сильнѣе обрадовался, чѣмъ безсильнѣе была сама по себѣ Австрія.

Положеніе, занятое тогда Россіей въ Европѣ, было мѣтко охарактеризовано впослѣдствіи Иваномъ Аксаковымъ, назвав-

шимъ этотъ періодъ эпохой нашего „оберъ-полиціймейстерства“ въ Европѣ.

Дѣйствительно, императоръ Николай, опираясь на свою милліонную армію, твердо занялъ тогда положеніе, угрожавшее всякому народному движенію противъ установленнаго на вѣнскомъ конгрессѣ status quo, и именно благодаря ему прусское и особенно австрійское правительства и могли проводить свою реакціонную политику до 1848 года.

Что касается внутреннихъ дѣлъ въ Россіи, то здѣсь императоръ Николай послѣ революціи 1830 г. отказался отъ всякихъ либеральныхъ реформъ, и лозунгомъ его внутренней политики отнынѣ стала охрана самобытнаго русскаго строя, базировавшагося на основѣ „православія, самодержавія и народности“, — формула, изобрѣтенная тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровымъ и вполнѣ согласная съ программой, данной Карамзинымъ.

Николай считалъ особенно важнымъ охранить тогдашній русскій государственный строй отъ всякихъ политическихъ соблазновъ, не допуская никакого идейнаго сближенія съ революціоннымъ западомъ, никакихъ новшествъ.

Однако починка нѣкоторыхъ учрежденій, которыя ея настоятельно требовали, продолжалась, но, конечно, безъ введенія какихъ-либо коренныхъ преобразованій. Поэтому такое предпріятіе, какъ изданіе свода законовъ, считавшееся очереднымъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, было доведено благополучно до конца именно въ этотъ періодъ правленія Николая.

Дѣло это еще въ 1826 г. было отдано, какъ я уже упоминалъ, опять въ руки Сперанскаго, и онъ принялся за него на этотъ разъ чрезвычайно практично. Въ противоположность прежней своей работѣ, онъ повелъ ее теперь не столько на основаніи теоретическихъ требованій и принциповъ иностранныхъ законодательствъ, съ которыми онъ прежде оперировалъ, сколько на основаніи изученія и текстуальнаго возстановленія русскаго законодательства, начиная съ уложенія Алексѣя Михайловича.

Онъ выполнилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ колоссальный трудъ собранія и изданія всѣхъ тѣхъ законовъ, которые были издаваемы русскимъ правительствомъ, начиная съ 1649 года. Этотъ трудъ, продѣланный съ чрезвычайной тщательностью

подъ его руководствомъ, былъ законченъ въ 1832 году и далъ 47 объемистыхъ томовъ перваго „Полнаго собранія законовъ".

На основаніи этого полнаго собранія законовъ, послѣ того какъ было разобрано, какіе изъ этихъ законовъ можно признать дѣйствующими, какіе взаимно уничтожаются и какіе отмѣнены, послѣ того какъ всѣ существующіе законы были классифицированы научнымъ образомъ на отдѣлы, былъ изданъ сводъ дѣйствующихъ законовъ въ 15 томахъ въ 1833 г.

Въ этомъ изданіи ничего реформаторскаго въ собственномъ смыслѣ этого слова, конечно, не было, но въ то же время нѣтъ никакого сомнѣнія, что событіе это было чрезвычайно важно. Отсутствіе такого свода законовъ было однимъ изъ главныхъ источниковъ злоупотребленій всякихъ приказныхъ и дореформенныхъ ходатаевъ по дѣламъ въ эпоху, когда и образовалась пословица: „законъ, что дышло: куда повернешь, туда и вышло".

До изданія свода законовъ никто доподлинно не зналъ, какіе законы на какой предметъ существуютъ; законы были разбросаны по архивамъ и вѣдомствамъ; ихъ можно было изыскивать и противопоставлять другъ другу; такимъ образомъ, не сходя съ формальной законной почвы, можно было производить вопіющія злоупотребленія. Изданіе свода законовъ въ этомъ отношеніи расчистило воздухъ и дало возможность, при желаніи парализовать зловредную дѣятельность всякихъ крючкотворовъ.

Другою, еще болѣе важною очередною задачей, которая, впрочемъ, не получила окончательнаго разрѣшенія какъ въ этотъ періодъ царствованія, такъ и во все царствованіе Николая, былъ крестьянскій вопросъ. Этотъ вопросъ не сходилъ съ очереди почти во все продолженіе царствованія Николая и во всякомъ случаѣ до 1848 года постоянно продолжалъ занимать правительство.

Первый толчокъ для возбужденія этого вопроса въ умѣ Николая дали тѣ крестьянскія волненія, которыя произошли въ первый же годъ его царствованія и, впослѣдствіи, повторялись постоянно, не давали правительству заснуть, не давали закрыть глаза на тѣ язвы крѣпостного права, которыя въ то время уже громко кричали о своемъ существованіи.

Дѣло въ томъ, что во внутренней народной жизни къ этому

времени сложились матеріальныя условія, которыя могущественнѣе всякихъ идейныхъ требованій расшатывали крѣпостной строй и подготовляли его паденіе. Прежде всего, такимъ именно обстоятельствомъ являлось значительное уплотненіе населенія, въ особенности въ нѣкоторыхъ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, которое дѣлало при существовавшемъ здѣсь барщинномъ хозяйствѣ крѣпостной трудъ въ значительной мѣрѣ невыгоднымъ для помѣщиковъ, такъ какъ при примитивной системѣ хозяйства некуда было дѣвать крѣпостныхъ рукъ, а принудительный трудъ не допускалъ сколько-нибудь дѣйствительной интенсификаціи производства и развитія прикладныхъ сельско-хозяйственныхъ производствъ.

Особенный ростъ крѣпостного населенія произошелъ между 1816 и 1835 годами. По пятой ревизіи всего крѣпостного населенія, вмѣстѣ съ Сибирью и остзейскимъ краемъ, было 9.800.000 душъ м. п.; по 7-й ревизіи—9.787.000, (благодаря значительной убыли населенія во время наполеновскихъ войнъ); а съ 1816 по 1835 г. крѣпостное населеніе увеличилось до 10.872.000, т.-е. болѣе чѣмъ на милліонъ душъ, несмотря на то, что въ этотъ періодъ освобождено было 413 тыс. душъ остзейскихъ крестьянъ, и, слѣдовательно, увеличеніе общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ за это время достигало почти $1^1/_2$ мил. душъ. Вотъ это уплотненіе населенія при застоѣ, который былъ неизбѣженъ въ крѣпостномъ хозяйствѣ, послужило, несомнѣнно, такимъ обстоятельствомъ, которое очень затрудняло помѣщиковъ.

Явились лишнія въ хозяйствѣ руки и, главное, лишніе рты, которые надо было кормить, между тѣмъ пользы они хозяйству не приносили.

Конечно, помѣщики старались вводить кое-какую интенсификацію въ свое хозяйство, но она заключалась не въ измѣненіи системы хозяйства или сѣвооборота, а въ томъ главнымъ образомъ, что лишніе въ полевомъ хозяйствѣ люди перечислялись въ дворовые и увеличивали и безъ того уже огромныя дворни.

Барщинное помѣстье представляло тогда не только полевое хозяйство, но и своего рода крѣпостную домашнюю мастерскую, занятую разнообразными мастерствами. Каждый помѣщикъ старался при барщинной системѣ по возможности ничего не поку-

пать, а стремился производить дома всѣ предметы своего обихода, за исключеніемъ желѣза, соли и т. п., которыя покупались; но эти покупные предметы сводились до минимума, и вся одежда, всѣ предметы домашняго обихода, не говоря уже о пищѣ, производились дома, трудомъ крѣпостныхъ. Поэтому количество дворни достигало въ тѣ времена неимовѣрныхъ размѣровъ: до IX ревизіи изъ 10 мил. крѣпостныхъ одинъ милліонъ слишкомъ были дворовыми, т.-е. составляли безземельное населеніе, занятое или домашней службой или работой въ домашнихъ мастерскихъ.

Помѣщичьи дворни вскорѣ увеличились настолько, что помѣщики стали ими промышлять, отдавая дворовыхъ внаймы другимъ лицамъ, такъ что въ 1827 г. былъ изданъ даже законъ, ограничившій это право помѣщиковъ отдавать своихъ дворовыхъ тѣмъ лицамъ, которыя не имѣли сами права владѣть крѣпостными.

Число дворовыхъ увеличилось за этотъ періодъ почти въ $1^1/_2$ раза,—къ 10-й ревизіи оно достигло 1.470 тыс. душъ. Помѣщики поступали съ дворовыми самымъ безцеремоннымъ образомъ: въ голодные годы многіе просто прогоняли ихъ просить милостыню. Нѣкоторые помѣщики пробовали эти лишнія руки примѣнить къ вотчиннымъ фабрикамъ, которыя развились въ концѣ XVIII вѣка, но на этомъ пути помѣщикамъ встрѣтилась непреодолимая для нихъ конкуренція развивающихся и прогрессирующихъ купеческихъ фабрикъ. Вводившіяся на этихъ фабрикахъ существенныя техническія улучшенія были помѣщикамъ недоступны, въ виду отсутствія у нихъ, съ одной стороны, капиталовъ, а съ другой стороны, потому, что довольно трудно было къ этимъ улучшеннымъ способамъ производства приспособить подневольный трудъ. Въ средѣ профессіональныхъ фабрикантовъ пришли въ это время къ убѣжденію, что подневольный трудъ никуда не годится, и даже владѣльцы посессіонныхъ фабрикъ стали отказыватьзя отъ своихъ посессіонныхъ крестьянъ, такъ что въ 1847 году послѣдовало наконецъ разрѣшеніе такимъ фабрикантамъ отпускать посессіонныхъ крестьянъ на волю. Не мудрено, что вотчинныя фабрики не могли выдерживать эту конкуренцію и въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ стали неудержимо падать и закрываться.

Между тѣмъ вообще положеніе помѣщиковъ, независимо отъ

уплотненія населенія и неумѣнія ихъ съ этимъ справиться, страдало еще и отъ той огромной задолженности, которая тяготѣла надъ ними послѣ 1812 года. Вы помните, какія жертвы несло дворянство частью вольно, а частью невольно на военныя издержки того времени. Вы помните, какъ плохо правительство могло разсчитаться со своими кредиторами, такъ что даже тѣ, кто не имѣлъ въ виду никакихъ дальнѣйшихъ пожертвованій, отказывались отъ своихъ претензій и превращали ихъ, такимъ образомъ, въ пожертвованія невольныя. Если принять во вниманіе, что вообще доходъ съ тогдашняго помѣщичьяго хозяйства никакъ нельзя считать, при 10 мил. крѣпостныхъ, превышавшимъ 100 мил. руб. въ годъ, и эту цифру сопоставить съ жертвами и потерями во время отечественной войны, которыя считались сотнями милліоновъ, то станетъ очевиднымъ, что разъ значительная часть этихъ издержекъ, жертвъ и потерь падала на помѣщичье хозяйство, то задолженность его должна была быть огромная. Къ 1843 г. она опредѣлилась слѣдующими цифрами: болѣе 54% всѣхъ имѣній было заложено въ такъ назыв. сохранныхъ казнахъ, которыя тогда являлись кредитными учрежденіями, оказывавшими кредитъ подъ недвижимую собственность. Въ среднемъ задолженность помѣщиковъ составляла болѣе 69 руб. съ души крѣпостныхъ, а средняя стоимость души не превышала тогда 100 руб., такъ что большая часть этихъ душъ собственно не принадлежала уже помѣщикамъ. По этимъ займамъ приходилось платить огромные проценты, къ этому надо прибавить, что помимо этой, порожденной исключительными историческими событіями, задолженности у большинства помѣщиковъ существовали еще значительные частные долги, по которымъ платились гораздо большіе проценты.

Въ то же время, послѣ наполеоновскихъ войнъ, послѣ знакомства съ жизнію западной Европы, въ помѣщичьемъ бытѣ произошли большія измѣненія: дворяне перестали довольствоваться прежними способами жизни, которые имъ давало патріархальное натуральное хозяйство; теперь явилось много соблазновъ, привычекъ, пріобрѣтенныхъ отъ знакомства съ европейской культурной и роскошной жизнью, которыя требовали покупныхъ средствъ; это обстоятельство толкало къ новымъ займамъ.

Все это вмѣстѣ взятое приводило къ тому, что, несмотря на то, что государственный бюджетъ росъ не особенно сильно и прямые налоги почти не увеличивались, помѣщичьи бюджеты тѣмъ не менѣе были постоянно заключаемы съ неизмѣнными огромными дефицитами, и положеніе помѣщиковъ становилось все труднѣе и труднѣе. Это ухудшеніе положенія помѣщиковъ при наличности крѣпостного права отражалось, конечно, въ концѣ-концовъ на горбѣ крѣпостныхъ и страшно обостряло взаимное отношеніе между крестьянами и ихъ господами.

Всѣ эти обстоятельства и создали то, что въ черноземныхъ губерніяхъ дѣло становилось почти безвыходнымъ, особенно въ тѣхъ черноземныхъ губерніяхъ, которыя были плотно населены.

Благодаря этому уже въ сороковыхъ годахъ среди многихъ помѣщиковъ, особенно въ тульской, рязанской, орловской губерніяхъ, создается представленіе, что такое положеніе не можетъ дольше существовать, и что ликвидація крѣпостного права, при возможности удержать за собою землю, будетъ выгоднѣе самаго крѣпостного права. Это выразилось въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя наиболѣе развитые и умные помѣщики этихъ губерній дѣлали правительству въ 40-хъ годахъ. Такъ, въ 1844 г. тульскіе помѣщики предлагали приступить къ освобожденію своихъ крестьянъ, обязываясь даже дать имъ по одной десятинѣ на душу, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ крестьяне взяли на себя большую долю долговъ помѣщиковъ. По этому поводу завязалась переписка, былъ учрежденъ комитетъ, ни къ какимъ, впрочемъ, практическимъ результатамъ не приведшій. Въ 1847 г. тульскіе помѣщики опять собирались и сдѣлали вторичное заявленіе; въ Тулѣ какъ разъ былъ тогда сочувствовавшій этой идеѣ молодой губернаторъ Муравьевъ (впослѣдствіи гр. Амурскій); но послѣ 1848 г. всякіе разговоры объ измѣненіи существующаго строя должны были прекратиться вслѣдствіе реакціи, начавшейся въ правительственныхъ сферахъ.

Такое же предложеніе исходило въ 1847 г. отъ помѣщиковъ рязанской губерніи. И даже въ нечерноземной смоленской губерніи было аналогичное движеніе, которое привело къ свиданію и любопытнымъ переговорамъ между депутаціей смоленскихъ дворянъ и самимъ императоромъ Николаемъ въ концѣ 40-хъ годовъ.

Вотъ тѣ обстоятельства, которыя, такъ сказать, внутреннимъ и органическимъ путемъ подтачивали существующій крѣпостной строй и, даже съ дворянской точки зрѣнія, дѣлали неизбѣжной близкую его ликвидацію. Съ другой стороны, крестьяне въ это время тоже не оставались въ покоѣ. Волненія начались въ самомъ началѣ царствованія Николая и они-то въ значительной мѣрѣ навели его на мысль о необходимости что-нибудь сдѣлать въ этой области. Но волненія, усмиренныя вначалѣ, не прекращались. Всего насчитываютъ за время царствованія Николая не менѣе 556 крестьянскихъ волненій,—это волненія цѣлыхъ селъ и волостей, а не отдѣльныя мелкія недоразумѣнія. Изъ нихъ 41 волненіе происходило въ теченіе перваго 4-хлѣтія его царствованія, слѣдовательно до 1830 г.; наибольшее же число волненій относится къ тому промежутку царствованія Николая, который я считаю вторымъ его періодомъ, именно къ 1830—1849 гг. (378 крест. волненій). Наконецъ, остальныя 137 волненій выпадаютъ на послѣднія семь лѣтъ его царствованія.

Около половины этихъ волненій пришлось усмирять не простыми полицейскими средствами, т.-е. не путемъ выѣзда полицейскаго начальства и простой порки крестьянъ, а путемъ вызова воинскихъ командъ, часто съ кровопролитіемъ. Это показываетъ, что дѣйствительно спокойно на это смотрѣть нельзя было *даже съ точки зрѣнія государственной безопасности*. Поэтому-то съ самаго начала и въ комитетѣ 6-го дек. 1826 г. крестьянскій вопросъ занялъ въ правительственныхъ предположеніяхъ не послѣднее мѣсто. Но, собственно, работа этого комитета не привела ни къ чему существенному, хотя нѣкоторое значеніе и она имѣла.

Такъ, напримѣръ, въ связи съ работами этого комитета въ 1827 г. былъ изданъ законъ, въ силу котораго помѣщики лишались права обезземеливать своихъ крестьянъ продажею земли безъ крѣпостныхъ душъ. Прежде ставился вопросъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли, а теперь указано было, что необходимо, чтобы при имѣніяхъ оставалось такое количество земли, при которомъ приходилось бы не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу. Этотъ законъ, конечно, теоретически былъ довольно важенъ, но надо сказать, что выполненіе его было ниже всякой критики, такъ что существеннаго значенія онъ не имѣлъ, хотя въ самомъ законѣ была установлена и санкція: было ука-

жано, что если помѣщикъ продастъ земли больше, чѣмъ полагается по закону, то имѣніе можетъ быть отобрано въ казну.

Другимъ закономъ, связаннымъ съ работами комитета 6-го декабря 1826 г., было запрещеніе отдавать своихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ горно-заводскія работы. Это запрещеніе, конечно, имѣло тогда большое значеніе въ виду того, что отдача въ горно-заводскія работы представлялась однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ видовъ эксплоатаціи крѣпостныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была запрещена отдача крестьянъ во временное владѣніе тѣмъ лицамъ, которыя не имѣли сами права владѣть крѣпостными.

Собственно, что касается непосредственнаго регулированія крѣпостного права и его отношеній, то этимъ и исчерпываются результаты дѣятельности комитета 6 дек. 1826 г.

Послѣ прекращенія дѣятельности комитета 1826 г. наиболѣе важнымъ факторомъ въ отношеніи регулированія положенія крестьянъ являлось изданіе свода законовъ. Оно было важно въ томъ отношеніи, что различные относившіеся сюда указы и другія постановленія правительства, изданные въ разное время, по частнымъ иногда случаямъ, ограничивавшіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ власть помѣщиковъ надъ крестьянами и направленные противъ помѣщичьихъ злоупотребленій, были теперь, путемъ включенія въ сводъ, превращены въ общія, обязательныя для всѣхъ нормы.

Въ IX томѣ свода, въ законахъ о состояніяхъ были довольно подробно изложены эти постановленія, вводившія, съ одной стороны, власть помѣщика надъ крестьянами въ нѣкоторыя границы, а съ другой—налагавшія на помѣщиковъ извѣстныя обязательства. Въ этомъ отношеніи было важно то запрещеніе, которое я только что приводилъ,—продавать землю, принадлежавшую къ населеннымъ имѣніямъ, въ слишкомъ большомъ количествѣ. Былъ на ряду съ этимъ цѣлый рядъ постановленій, налагавшихъ на помѣщиковъ заботу о продовольствіи крѣпостныхъ крестьянъ. Это обстоятельство было тѣмъ важнѣе, что какъ разъ въ царствованіе Николая происходилъ цѣлый рядъ неурожаевъ. Впрочемъ, неурожай продолжалъ тяжело отражаться на крестьянахъ, такъ какъ обычно помѣщики старались уклониться отъ исполненія своихъ обязанностей по продовольствію крестьянъ. Въ сводъ законовъ, между прочимъ, была вве-

дена статья, которая карала помѣщиковъ за нищенство ихъ крестьянъ (именно, за каждый обнаруженный случай нищенства крѣпостного крестьянина на его помѣщика налагался штрафъ въ $1^1/_2$ рубля). Впрочемъ, эта статья на практикѣ примѣнялась очень плохо. Этими неурожаями были озабочены и въ дореформенное время не только помѣщики, но и правительство, такъ какъ они вели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ прямому голоду, иногда принимавшему благодаря бездорожью опустошительные размѣры. Такъ, въ 1833 году приростъ населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вслѣдствіе пережитаго голода оказался вдвое менѣе нормальнаго. Въ западномъ краѣ какъ разъ въ эти годы изъ-за продовольственныхъ неурядицъ происходилъ цѣлый рядъ крестьянскихъ волненій.

Правительство выдавало тогда значительныя, иногда милліонныя, ссуды помѣщикамъ на оказаніе крестьянамъ продовольственной помощи, но помѣщики эти суммы сплошь и рядомъ растрачивали не на крестьянъ, а на свои нужды—на то, чтобы заткнуть ими въ своихъ хозяйствахъ рядъ дыръ, которыя давали себя особенно чувствовать въ голодные годы. Попытка правительства контролировать употребленіе этихъ суммъ ни къ чему не приводила, такъ какъ вся власть на мѣстахъ находилась въ рукахъ дворянами же выбранныхъ должностныхъ лицъ.

Послѣ изданія свода законовъ дальнѣйшимъ важнымъ актомъ правительственной дѣятельности по крестьянскому вопросу являлось образованіе секретнаго комитета 1835 года. Въ этомъ комитетѣ вопросъ былъ поставленъ довольно категорически: прямо признавалась необходимость разсмотрѣть вопросъ о ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній. Всѣ засѣданія этого комитета происходили настолько келейно, что даже свѣдѣнія о немъ были добыты изъ архива только въ позднѣйшее время, когда явилась возможность научной разработки архивныхъ матеріаловъ по крестьянскому дѣлу. Самая постановка вопроса въ этомъ комитетѣ обращаетъ на себя вниманіе своей относительной принципіальностью. Комитету представлялось удобнымъ весь будущій ходъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса предположительно раздѣлить на три стадіи, безъ обозначенія, впрочемъ, въ какое время каждая изъ нихъ должна наступить, за исключеніемъ первой, которая была уже въ наличности. Признавалось, что въ этой первой стадіи крѣпостное право регулируется

тѣми положеніями, которыя введены въ сводъ законовъ. Второй періодъ представлялся, повидимому, возможнымъ въ довольно близкомъ будущемъ: эта стадія должна была наступить съ введеніемъ въ крѣпостныя хозяйства своего рода „инвентарей“ или обязательныхъ для помѣщиковъ правилъ и нормъ, которыя регулировали бы не только число дней крестьянской обязательной работы, но и размѣръ повинностей, и въ общемъ сводили бы дѣло къ тому положенію, которое существовало въ остзейскихъ губерніяхъ съ 1804—5 до 1816—1819 гг., т.-е. къ созданію, при сохраненіи крѣпостного права, извѣстныхъ гарантій и нормъ, защищающихъ положеніе крестьянъ, какъ съ экономической стороны, такъ и съ лично правовой. Третій періодъ представлялся по этой схемѣ періодомъ личнаго освобожденія крестьянъ, но безъ земли.

Эта постановка вопроса характеризовала настроеніе правительственныхъ сферъ, но практическихъ результатовъ работа этого комитета не имѣла. Въ этомъ комитетѣ впервые принимаетъ участіе Киселевъ, тотъ самый Киселевъ, который, въ бытность свою въ двадцатыхъ годахъ начальникомъ штаба южной арміи былъ другомъ нѣкоторыхъ декабристовъ—въ томъ числѣ Пестеля—и потому внушалъ на первыхъ порахъ Николаю Павловичу большое къ себѣ недовѣріе. Но вскорѣ Киселевъ своей прямотой и лойяльностью своихъ политическихъ убѣжденій, изложенныхъ имп. Николаю при личномъ свиданіи, доказалъ, что всѣ подозрѣнія противъ него несправедливы. Послѣ окончанія войны 1829 г. онъ былъ поставленъ во главѣ временнаго управленія княжествъ Молдавіи и Валахіи, занятыхъ тогда русскими войсками (впредь до уплаты Россіи Турціей условленной контрибуціи). Тамъ какъ разъ въ это время сталъ на очередь крестьянскій вопросъ, ибо отношенія между тамошними „боярами“ и крестьянами были доведены до значительной остроты, и тотъ способъ, который Киселевъ принялъ тамъ къ разрѣшенію вопроса—способъ весьма близкій къ положенію 1804 г. въ остзейскомъ краѣ,—очень понравился Николаю. Николай, прочтя отчетъ Киселева объ управленіи этими княжествами, обратилъ на него вниманіе, какъ на человѣка, могущаго помочь ему въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Онъ назначилъ его въ 1834 г. членомъ государственнаго совѣта и тогда же ему сказалъ, что разсчитываетъ на его помощь въ крестьянскомъ

дѣлѣ. Онъ сказалъ при этомъ, что, не надѣясь въ этомъ дѣлѣ на сочувствіе своихъ министровъ, онъ будетъ вести его самъ, а Киселева приглашаетъ сдѣлаться своимъ начальникомъ штаба по крестьянскому дѣлу.

Киселевъ съ удовольствіемъ принялся за это дѣло, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права его интересовалъ съ молодыхъ лѣтъ, и еще въ качествѣ флигель-адъютанта при имп. Александрѣ I онъ подалъ ему довольно интересную записку, защищавшую необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса и предлагавшую различныя къ тому мѣры.

На первыхъ порахъ Киселеву пришлось, впрочемъ, заняться вопросомъ о положеніи казенныхъ крестьянъ, ибо еще въ комитетѣ 6 декабря 1826 г. была одобрена мысль, выраженная въ запискѣ Сперанскаго, что въ дѣлѣ улучшенія положенія крестьянъ правительство должно подавать примѣръ частнымъ лицамъ. Казенные крестьяне находились тогда въ вѣдѣніи департамента государственныхъ имуществъ, подчиненнаго министру финансовъ.

Министромъ финансовъ былъ Канкринъ, человѣкъ, какъ я уже упоминалъ, не только образованный, но и ученый экономистъ, къ крестьянамъ относившійся не менѣе доброжелательно, чѣмъ самъ Киселевъ. Хотя Канкринъ не былъ отнюдь физіократомъ и въ противоположность имъ былъ убѣжденнымъ противникомъ системы „laissez faire“, но несомнѣнно въ его гербъ можно было бы съ не меньшимъ основаніемъ, нежели въ гербъ Кенэ, включить извѣстныя слова: „pauvre paysan—pauvre royaume; pauvre royaume—pauvre roi“ (т.-е. бѣденъ крестьянинъ—бѣдно и государство, а бѣдно государство—бѣденъ и король). Канкринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ экономистовъ, которые считаютъ, что упорядоченіе финансовъ и прочное обоснованіе народнаго богатства всегда должны корениться въ народномъ благосостояніи. Поэтому онъ всегда былъ врагомъ новыхъ налоговъ и займовъ, обременительныхъ для народа, и я уже говорилъ вамъ, что первоначальное улучшеніе финансовъ въ 1823—1829 гг. было имъ достигнуто путемъ той строгой экономіи, которую онъ всюду старался соблюдать, не останавливаясь передъ столкновеніями съ другими вѣдомствами и даже передъ спорами съ самимъ императоромъ.

На его важной экономической и культурной дѣятельности я еще буду имѣть случай подробнѣе остановиться.

Въ отношеніи подчиненныхъ ему казенныхъ крестьянъ первое, что Канкринъ задумалъ, это по возможности упорядочить систему взиманія съ нихъ налоговъ и оградить ихъ отъ злоупотребленій чиновъ земской полиціи, которая въ то время являлась настоящей саранчей въ отношеніи народа. При существовавшей системѣ мѣстнаго управленія, казенные крестьяне являлись объектомъ грабежа низшихъ полицейскихъ чиновниковъ, и Канкринъ, признавая это, считалъ важнымъ освободить ихъ отъ власти полиціи.

Въ видѣ опыта онъ предложилъ въ двухъ губерніяхъ—петербургской и псковской—изъять казенныхъ крестьянъ изъ общаго губернскаго управленія и устроить особые округа (какъ это было у удѣльныхъ крестьянъ), которыми бы управляли особыя лица, назначенныя отъ министерства финансовъ и обязанныя блюсти интересы крестьянъ. Разумѣется, эта „реформа“ имѣла чисто бюрократическій и весьма палліативный характеръ: крестьяне изъ вѣдѣнія однихъ чиновниковъ перешли лишь въ руки другихъ, но несомнѣнно, что Канкринъ желалъ ближе войти въ интересы казенныхъ крестьянъ и надѣялся улучшить ихъ положеніе. Онъ изучалъ вопросъ, дѣлалъ опыты и собиралъ данныя, не располагая для этого большими средствами.

Въ 1834 году Канкринъ хотѣлъ распространить этотъ порядокъ еще на 10 губерній. Императоръ Николай Павловичъ, который остался недоволенъ медленнымъ ходомъ дѣла и объяснялъ его тѣмъ, что у Канкрина слишкомъ много другихъ заботъ, счелъ нужнымъ передать эту часть особому лицу. Этимъ лицомъ и явился П. Д. Киселевъ.

Всѣ крестьянскія дѣла были сосредоточены сперва въ собственной его велич. канцеляріи, а Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ новаго, — пятаго — отдѣленія этой канцеляріи. Приступивъ къ дѣлу, Киселевъ произвелъ прежде всего ревизію на мѣстахъ, объѣздилъ казенныхъ крестьянъ въ 4-хъ губерніяхъ, изучилъ ихъ положеніе и обнаружилъ цѣлый рядъ злоупотребленій не только мѣстнаго начальства, но и со стороны департамента государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго стоялъ сенаторъ Дубенскій, отданный тогда же подъ судъ. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ столкновеній съ Канкринымъ, Киселевъ заявилъ, что ему неудобно завѣдывать этимъ дѣломъ отъ лица государя, пока оно въ то же время подвѣдомственно

министру финансовъ, который, будучи занятъ другими дѣлами, не можетъ удѣлять крестьянскому вопросу много времени. Въ результатѣ учреждено было новое самостоятельное вѣдомство, министерство государственныхъ имуществъ, которому передано было завѣдываніе всѣми казенными имѣніями, лѣсами и горными заводами.

Новое министерство было открыто въ 1837 году, и во главѣ его былъ поставленъ Киселевъ. Въ своихъ попыткахъ улучшить положеніе казенныхъ крестьянъ Киселевъ пошелъ, собственно, по тому же пути, который былъ указанъ Канкринымъ: на мѣстахъ были учреждены особыя палаты государственныхъ имуществъ, а въ уѣздахъ окружныя управленія. Было допущено, впрочемъ, и нѣкоторое самоуправленіе казенныхъ крестьянъ въ ихъ общинахъ и волостяхъ, но все-таки надъ ними, съ правомъ въ сущности неограниченнаго вмѣшательства въ ихъ хозяйственную и домашнюю жизнь, были поставлены окружные начальники, которыхъ Киселевъ старался подобрать какъ можно лучше. Очень можетъ быть, что на первыхъ порахъ среди нихъ и были хорошіе люди, но въ концѣ-концовъ оказалось, что и эта система опеки только ставила крестьянъ въ еще болѣе подневольное положеніе, такъ какъ прежніе взяточники становые пристава могли только изрѣдка посѣщать казенныя имѣнія, но глубоко входить въ жизнь крестьянъ они не имѣли возможности, такъ какъ у нихъ было много другихъ обязанностей, а теперь были поставлены чиновники, спеціальнымъ дѣломъ которыхъ была именно всесторонняя опека надъ крестьянами Въ концѣ-концовъ это управленіе не дало особенно хорошихъ результатовъ.

Хотя Киселеву отдано было собственно управленіе казенными крестьянами, но онъ не переставалъ фактически быть начальникомъ штаба по крестьянской части, какъ его называлъ Николай, и въ общемъ его участіе въ разработкѣ всего крестьянскаго вопроса было весьма значительно.

Комитетъ 1835 года не привелъ ни къ чему, но въ 1839 г. былъ образованъ новый секретный комитетъ, и, хотя онъ болѣе скромно очертилъ свою задачу, но въ результатѣ его работъ явилось новое „положеніе объ обязанныхъ крестьянахъ“ 1842-го года. Конечно, это положеніе само по себѣ дало немного, потому что слишкомъ боялись затронуть интересы и

права дворянъ. По этому положенію помѣщикамъ, которые сами пожелали бы выйти изъ тѣхъ тяжелыхъ условій крѣпостного хозяйства, которыя стали довольно ясно обозначаться къ этому времени, предоставлялось заключать съ своими крестьянами добровольныя соглашенія о прекращеніи личной крѣпостной зависимости и о переводѣ ихъ въ разрядъ обязанныхъ поселянъ; за отводъ земли, остававшейся собственностью помѣщика, который, однако, заключивъ договоръ, не могъ ее уже произвольно отнять, „обязанные“ крестьяне должны были или отбывать опредѣленную барщину, или уплачивать опредѣленный денежный оброкъ, при чемъ размѣръ этихъ повинностей уже не могъ быть затѣмъ измѣняемъ. При этомъ вводилось нѣкоторое сельское самоуправленіе, какое существовало во многихъ оброчныхъ имѣніяхъ и безъ того. Крестьяне, устроенные такимъ образомъ, попадали въ положеніе, близкое къ положенію крестьянъ въ остзейскомъ краѣ въ 1804—5 гг. Все это было само посебѣ съ виду не дурно, но тотъ фактъ, что „положеніе“ все предоставило добровольному почину помѣщиковъ, неизбѣжно приводилъ къ тому, что изъ этого акта на дѣлѣ ничего существеннаго не могло выйти.

Въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ эта реформа обсуждалась, кн. Д. В. Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, сказалъ Николаю, что, по его мнѣнію, эта мѣра будетъ имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если переводъ крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные будетъ обязателенъ для помѣщиковъ. Но Николай на это замѣтилъ, что, хотя онъ самодержавный и самовластный, но все-таки такого насилія надъ помѣщиками допустить не рѣшится. Этотъ отвѣтъ показываетъ, настолько далеко могла быть проведена крестьянская реформа при Николаѣ.

Рѣшительнѣе Николай дѣйствовалъ въ западномъ краѣ, въ губерніяхъ, гдѣ дворянство было польскаго происхожденія, а крестьяне—русскаго, и гдѣ онъ считалъ послѣ польскаго возстанія 1831-го года себя въ правѣ поступать гораздо болѣе безцеремонно по отношенію къ дворянской собственности. Здѣсь эта политика вполнѣ подходила подъ принципъ: „православіе, самодержавіе и народность“.

И вотъ, въ сороковыхъ годахъ по идеѣ Киселева, при ревностномъ участіи кіевскаго генералъ-губернатора — Бибикова, который явился и ревностнымъ обрусителемъ, и, повидимому,

искренно сочувствовалъ облегченію участи крѣпостныхъ крестьянъ, были здѣсь составлены и приведены въ дѣйствіе довольно строгія по отношенію къ помѣщикамъ „инвентарныя правила“. Было опредѣлено то количество земли, которое помѣщики должны были предоставить крестьянамъ, и установлены размѣры крестьянскихъ повинностей.

Въ 1847 году эти правила введены были въ кіевской, волынской и подольской губ., а затѣмъ ихъ стали вводить въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ Литвѣ уже ранѣе существовали подобныя правила, предоставлявшія, однако, больше простора помѣщичьему произволу, а когда рѣшили ввести здѣсь бибиковскія правила, то многіе литовскіе дворяне сильно запротестовали, говоря, что лучше уничтожить совершенно крѣпостное право, чѣмъ ставить помѣщиковъ въ такое положеніе, въ какое ихъ ставятъ эти бибиковскія правила. Встрѣтивъ затрудненія, вопросъ затянулся здѣсь до 50-хъ годовъ.

Въ 1849 году, когда Бибиковъ былъ уже министромъ внутреннихъ дѣлъ и хотѣлъ ввести эти правила насильно, литовскіе дворяне нашли себѣ поддержку въ наслѣдникѣ престола (будущемъ императорѣ Александрѣ II), который послѣ революціи 1848 года находился въ весьма реакціонномъ настроеніи и считалъ, что нужно всячески поддерживать „священныя“ права дворянъ; такимъ образомъ, въ Литвѣ и Бѣлоруссіи инвентарныя правила такъ и не были введены до конца царствованія Николая.

Въ 1846 году было введено аналогичное устройство крестьянъ въ царствѣ польскомъ. Здѣсь крестьяне были признаны лично свободными еще наполеоновскимъ декретомъ 1807 г., но освобожденные лично, они не получили никакихъ земельныхъ правъ. Помѣщики, въ виду тогдашней хозяйственной конъюнктуры, не согнали ихъ съ своихъ земель, и крестьяне продолжали работать на прежнихъ своихъ земляхъ за барщину и оброки. Они владѣли значительными пространствами земли, но юридически помѣщики могли всегда согнать ихъ и, пользуясь этимъ преимуществомъ, угнетали ихъ не менѣе крѣпостныхъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ 1846 г. въ сосѣдней Галиціи произошла большая рѣзня помѣщиковъ, которая навела ужасъ и на помѣщиковъ царства польскаго и на намѣстника кн. Паскевича, который стоялъ во главѣ администраціи края. Была признана экстренная необходимость упорядочить положеніе крестьянъ.

И вотъ 26 мая 1846 г. былъ изданъ указъ, которымъ введены были здѣсь „престаціонныя“ *табели*, вполнѣ аналогичныя инвентарямъ въ западномъ краѣ. При этомъ были закрѣплены земельныя отношенія, которыя существовали раньше, и помѣщики лишены были права произвольно уменьшать земельные надѣлы и увеличивать повинности.

Наконецъ, въ 1847 г., по предложенію барона М. А. Корфа, былъ изданъ указъ, разрѣшавшій крестьянамъ въ Россіи (подобно тому какъ это ранѣе введено было въ Грузіи), выкупаться съ землей цѣлыми селеніями въ случаяхъ, когда помѣщичьи имѣнія продавались съ торговъ за долги,—за ту цѣну, которая будетъ дана на торгахъ. Такимъ образомъ явилась новая лазейка, чрезъ которую крестьяне могли выходить изъ крѣпостного состоянія, тѣмъ болѣе, что при помѣщичьей задолженности того времени имѣнія часто выставлялись къ продажѣ. Но противъ этого указа поднялись большіе протесты въ средѣ дворянства; губернаторы стали писать, что этотъ указъ волнуетъ публику. Послѣ 1848 г. онъ былъ фактически отмѣненъ присоединеніемъ къ нему цѣлаго ряда оговорокъ. Вообще послѣ революціи 1848-го года императоръ Николай сталъ на вполнѣ реакціонную точку зрѣнія и въ отношеніи крестьянскаго вопроса, и всякія попытки и толки объ отмѣнѣ крѣпостного права были прекращены: такъ, когда смоленскіе помѣщики пожелали продолжать начатые объ этомъ дѣлѣ переговоры съ правительствомъ, то они получили указаніе отъ цесаревича Александра Николаевича, что императоръ Николай не считаетъ возможнымъ продолжать это дѣло въ тогдашнихъ тревожныхъ обстоятельствахъ.

Таковы были мѣропріятія, которыя были приняты по отношенію къ крестьянскому вопросу во второмъ періодѣ царствованія Николая.

ЛЕКЦІЯ XVII.

Развитіе промышленности при императорѣ Николаѣ.— Судьба отдѣльныхъ отраслей обрабатывающей промышленности. — Конкуренція польской промышленности. — Жалобы купцовъ. — Дѣятельность Канкрина. — Его принципы и его политика. — Протекціонизмъ и его вліяніе на промышленность и торговлю.— Сокращеніе роста военныхъ расходовъ.— Стоимость войнъ 1827—1831 гг.— Питейная реформа.—Денежная реформа 1839—1843 гг. — Роль самого Николая въ этомъ дѣлѣ. — Заботы Канкрина объ улучшеніи культурныхъ условій.

Излагая событія и обстоятельства второго періода царствованія Николая, нельзя не остановиться, на ряду съ ходомъ крестьянскаго вопроса, также и на развитіи промышленности и торговли въ 30 и 40-хъ годахъ XIX ст., а равно и на той политикѣ министерства финансовъ, которая была связана съ этимъ.

Какъ я уже упоминалъ, наиболѣе сильное развитіе въ первой половинѣ XIX вѣка въ Россіи получила хлопчато-бумажная промышленность, развитіе которой многіе ставили въ связь съ дѣйствовавшимъ съ 1822 года тарифомъ, введшимъ нашу таможенную политику въ полосу постояннаго протекціонизма.

Тотъ изслѣдователь, который внимательнѣе другихъ русскихъ изслѣдователей останавливался на этомъ вопросѣ, именно профессоръ М. И. Туганъ-Барановскій, показалъ, что въ этомъ отношеніи не столько имѣла значеніе таможенная система, сколько измѣненія въ бумаго-прядильномъ производствѣ, происходившія въ это время въ Англіи. Если мы обратимъ вниманіе на моменты наибольшаго развитія у насъ бумаго-ткацкой промышленности, то мы увидимъ, что они совпадали какъ разъ съ соотвѣтственными колебаніями въ бумаго-прядильномъ производствѣ въ Англіи, а не съ измѣненіями тарифной системы.

Дѣло въ томъ, что до 40-хъ гг. русское бумаго-ткацкое производство жило главнымъ образомъ иностранной, англійской, пря-

жей; правда, во время континентальной системы, когда всѣ торговыя сношенія съ Англіей нарушились и подвозъ пряжи прекратился, были сдѣланы русскими фабрикантами попытки воспользоваться средне-азіатскимъ хлопкомъ и завести собственное бумаго-прядильное производство. Но все-таки до 40-хъ гг. главное количество пряжи получалось въ готовомъ видѣ изъ Англіи, ибо оборудованіе бумаго-прядиленъ было дѣломъ очень нелегкимъ. Въ этомъ отношеніи и таможенные тарифы не мѣшали, такъ какъ пряжа не была высоко обложена. Между тѣмъ цѣнность пряжи и бумажныхъ тканей въ Англіи все падала. Это паденіе цѣнъ было въ тѣсной связи съ кризисами, которые происходили въ Англіи.

Можно считать статистически установленнымъ, что вслѣдъ за каждымъ кризисомъ въ Англіи слѣдовали техническія усовершенствованія, которыя, разумѣется, тотчасъ же давали болѣе или менѣе сильное пониженіе стоимости продукта. Благодаря этому и въ Россіи тоже цѣнность бумажныхъ матерій, въ зависимости отъ пониженія цѣнности пряжи, все время падала и, такимъ образомъ, бумаго-ткацкое производство распространялось все болѣе. Такимъ образомъ, колебанія въ англійской хлопчато-бумажной промышленности вызывали колебанія и у насъ, въ виду удешевленія продуктовъ производства и фабрикатовъ, ввозимыхъ изъ-за границы. Эта конкуренція побуждала русскихъ фабрикантовъ также къ введенію усовершенствованій. Но эти усовершенствованія заключались главнымъ образомъ во введеніи дорогихъ машинъ, которыя были подъ силу главнымъ образомъ болѣе крупнымъ фабрикантамъ.

Въ зависимости отъ этихъ особенностей развитія у насъ хлопчато-бумажной промышленности, въ 40-хъ годахъ погибло много среднихъ и мелкихъ фабрикъ, и производство пряжи концентрировалось въ рукахъ крупныхъ фабрикантовъ.

Важное послѣдствіе развитія хлопчато-бумажной промышленности заключалось въ паденіи льняной и парусинной промышленности. Именно какъ разъ въ 40-хъ годахъ это паденіе стало особенно замѣтно. Развитіе этихъ фабрикъ, которыя работали главнымъ образомъ для вывоза, удовлетворяя нужды англійскаго паруснаго флота, шло слѣдующимъ образомъ: съ середины XVIII в. число этихъ фабрикъ, равнявшееся въ 1762 г.—135, росло и въ 1804 г. достигло—275, затѣмъ оно стало усиленно

понижаться и къ началу царствованія Александра II число ихъ упало до 100.

Это произошло отъ удешевленія бумажнаго производства и отъ невозможности выдерживать съ нимъ конкуренцію. Особенно это замѣтно отразилось въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ льняное и посконное производство были сильно распространены: такъ, въ калужской губерніи число фабрикъ уменьшилось съ 17 до 4, а число кусковъ выдѣлываемой ткани съ 50,000 до 2,000, между тѣмъ калужская губ. была одной изъ самыхъ важныхъ производительницъ льняныхъ и парусинныхъ тканей.

Что касается суконнаго производства, то оно, послѣ освобожденія отъ тягла посессіонныхъ фабрикъ, продолжало расти до 40-хъ годовъ и уже къ 40-мъ годамъ стало нѣсколько падать вслѣдствіе вліянія конкуренціи польскихъ фабрикъ. Дѣло въ томъ, что именно по отношенію къ суконному производству польская промышленность стояла тогда въ болѣе выгодныхъ условіяхъ. У поляковъ было распространено овцеводство, и къ тому же дешевая шерсть производилась въ сосѣдней Силезіи, такъ что они имѣли для своей промышленности, при существованіи особыхъ польскихъ тарифовъ, которые не облагали силезской шерсти, дешевое сырье и могли производить сукно дешевле, чѣмъ русскіе фабриканты.

Затѣмъ прусскимъ суконнымъ фабрикантамъ удалось выхлопотать временныя льготы для ввоза прусскихъ суконъ, а когда эти льготы прекратились, то многіе прусскіе фабриканты, желая сбывать свои сукна въ Россію и, въ особенности, черезъ Россію въ Китай, переселились въ царство польское со всѣми своими фабриками, и такимъ образомъ, еще болѣе усилили суконное производство въ Польшѣ. Эта конкуренція Польши сыграла, какъ мы увидимъ, большую роль въ правительственныхъ тарифныхъ мѣропріятіяхъ...

Что касается развитія *формъ* мануфактурной промышленности, то я уже говорилъ, что въ промышленности бумажной замѣтна была концентрація производства съ начала 40-хъ годовъ, благодаря тому, что крупные фабриканты лучше выдерживали заграничную конкуренцію. Но уже въ 40 гг. стало замѣчаться обратное явленіе не только въ хлопчато-бумажной промышленности, но и во всей обрабатывающей промышленности. По статистическимъ даннымъ видно, что число фабрикъ продолжало

расти, но ростъ числа рабочихъ сталъ отставать, и, если вы возьмете число рабочихъ на каждую фабрику, то окажется, что производство стало мельчать. Это обусловливалось развитіемъ не средняго, а мелкаго кустарнаго производства. Я уже говорилъ, что въ началѣ XIX вѣка, въ виду большей производительности вольнаго труда по сравненію съ крѣпостнымъ и вслѣдствіе нѣкоторыхъ другихъ невыгодныхъ для помѣщиковъ условій, вотчинныя фабрики стали падать, но фабрики купеческія неожиданно сами создали себѣ другого конкурента въ средѣ сельскаго населенія. Когда стало расширяться *бумаготкацкое* производство, то благодаря простотѣ нѣкоторыхъ его видовъ, не требовавшихъ особыхъ приспособленій, фабриканты, желая расширить свое производство, не довольствовались тѣмъ числомъ станковъ и основъ, которые они приспособили къ своимъ фабричнымъ заведеніямъ, а стали еще раздавать пряжу крестьянамъ на домъ. Крестьяне, увидѣвъ, что основу и пряжу легко пріобрѣсти самимъ, въ кредитъ или за наличныя, стали прямо отъ поставщиковъ пряжи покупать готовую пряжу и самостоятельно вести мелкое *ткацкое* производство, конкурируя такимъ образомъ съ фабрикантами. Ихъ конкуренція была опасна дешевизной условій домашняго производства. Такимъ образомъ кустари стали подрывать крупное фабричное производство (бумаготкацкое).

Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что число фабрикъ росло въ то время, какъ число рабочихъ на нихъ относительно уменьшалось.

Надо сказать, что вообще развитіе кустарнаго промысла, происхожденіе котораго коренится, какъ извѣстно, во временахъ болѣе древнихъ, получило особенно быстрый ходъ въ XIX в. въ тѣхъ производствахъ, которые допускаютъ работу безъ особыхъ приспособленій, именно въ текстильной промышленности— въ бумажномъ, льняномъ, шелковомъ, шерстяномъ и др. производствахъ. Кустарное производство стало отбивать почву у крупной промышленности и, собственно, въ XIX вѣкѣ въ Россіи, въ противность тому, что замѣчается въ другихъ странахъ, на ряду съ развитіемъ крупной фабричной промышленности и даже именно благодаря ей, развивалось кустарное производство. Размѣры развитія кустарнаго производства оказались въ 40-хъ годахъ до того значительными, что, напр., во владимірской

губерніи, въ шуйскомъ уѣздѣ, являвшемся въ особенности гнѣздомъ этой промышленности, на фабрикахъ было 1200 станковъ, въ избахъ же — до 20 тыс., во всей же Владимірской губ. 18 тысячъ на фабрикахъ и 80 тыс. въ деревняхъ. Это обстоятельство, разумѣется, вызвало большія нареканія и жалобы со стороны фабрикантовъ и, когда правительство предложило имъ высказаться о своихъ нуждахъ и пожеланіяхъ, то въ числѣ этихъ нуждъ явилось требованіе правительственной борьбы съ кустарнымъ производствомъ. Но правительство, имѣя близкія связи съ дворянствомъ, которое было заинтересовано въ развитіи этого производства, такъ какъ оно давало хорошій заработокъ крѣпостнымъ крестьянамъ и позволяло облагать ихъ большимъ оброкомъ, не особенно было склонно прислушиваться къ этимъ жалобамъ промышленниковъ.

Что касается исторіи таможеннаго законодательства за это время, то главнымъ дѣятелемъ тутъ явился неоднократно уже упоминавшійся министръ финансовъ, гр. Е. Ф. Канкринъ, занимавшій свой отвѣтственный постъ почти 21 годъ (съ 1823 до 1844 г.) [1]).

---

[1]) Канкринъ былъ человѣкъ чрезвычайно оригинальный и выдающагося ума. Родомъ онъ былъ нѣмецъ, но еще при Екатеринѣ былъ вызванъ въ Россію его отецъ для завѣдыванія соляннымъ дѣломъ. Молодой Канкринъ воспитывался однако въ Германіи и, получивъ хорошее образованіе въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, только въ самомъ концѣ XVIII в. явился въ Россію. Первое время—и довольно долго—ему пришлось перебиваться, занимая разныя мелкія должности: былъ онъ бухгалтеромъ у одного откупщика, бралъ разныя частныя занятія, и, вообще, не брезгалъ никакой работой. Во время наполеоновскихъ войнъ онъ выдвинулся, перейдя на службу въ интендантское вѣдомство, гдѣ онъ сталъ совершенно небывалымъ явленіемъ, такъ какъ былъ въ этой средѣ чуть ли не единственнымъ честнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Съ одной стороны, разумѣется, онъ вызвалъ на себя большія и злостныя нападки, но съ другой—обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства и самого Александра.

Александръ довольно скоро оцѣнилъ Канкрина, такъ какъ онъ проявилъ себя весьма свѣдущимъ человѣкомъ не только въ продовольствіи арміи, но и въ военной администраціи вообще. Въ 1812 году Канкринъ былъ сперва генералъ-провіантмейстеромъ одной изъ двухъ дѣйствующихъ армій, а потомъ даже и всей дѣйствующей арміи въ Россіи. Въ этой должности онъ проявилъ свои обширныя познанія, хозяйственные таланты и разносторонній умъ. Оказалось, что онъ не только въ состояніи былъ хорошо организовать продовольствіе арміи, но могъ съ успѣхомъ участвовать въ

Какъ разъ наканунѣ назначенія министромъ Канкрина былъ отмѣненъ либеральный таможенный тарифъ 1819 г., и прави-

---

обсужденіи и спеціальныхъ тактическихъ задачъ. Такъ, когда обсуждался планъ войны 1812 г., то Канкринъ очень вліялъ на ученаго автора „скиоскаго" плана войны, генерала Пфуля. Впослѣдствіи Канкринъ издалъ сочиненіе по теоріи войны, которое вновь обратило на него вниманіе императора Александра.

Когда театръ военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Германію и потомъ во Францію, то и тутъ Канкринъ оказался на высотѣ положенія: оказалось, что и въ союзной арміи среди лицъ, завѣдующихъ продовольствіемъ войскъ, у него не было соперника, такъ что во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращались къ Канкрину, и ему удавалось не разъ выводить союзниковъ изъ большихъ затрудненій. Такимъ образомъ, во время наполеоновскихъ войнъ Канкринъ, можно сказать, пріобрѣлъ европейскую извѣстность самаго компетентнаго человѣка въ области военнаго хозяйства.

Когда въ Россіи открылись большія злоупотребленія въ военномъ вѣдомствѣ, и отданъ былъ подъ судъ военный министръ кн. Горчаковъ, то многіе думали, что его мѣсто займетъ Канкринъ, который за свои заслуги во время наполеоновскихъ войнъ былъ изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ переименованъ въ генералъ-майоры, а затѣмъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты; но Александръ какъ будто забылъ въ это время о Канкринѣ и почему то не давалъ ему движенія. Однако, въ 1818 г. Канкринъ снова напомнилъ ему о себѣ, подавъ ему весьма дѣльную записку объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ—записку, которая по мнѣнію нѣкоторыхъ, послужила главнымъ толчкомъ, заставившимъ Александра поручить Аракчееву въ 1818 г. составить планъ постепеннаго освобожденія крестьянъ.

Въ 1822 г. Александръ убѣдился наконецъ въ невозможности больше держать министромъ финансовъ Гурьева, секретъ вліянія котораго заключался въ томъ, что онъ умѣлъ склонить на свою сторону всѣхъ сильныхъ міра сего путемъ раздачи крупныхъ денежныхъ суммъ подъ благовидными предлогами, благодаря чему и пробылъ министромъ цѣлыхъ 11 лѣтъ. Въ 1822 г. въ Бѣлоруссіи былъ голодъ; Гурьевъ, значительно урѣзавъ суммы, ассигнованныя на голодающихъ крестьянъ, въ то же время рѣшилъ отпустить 700 тысячъ руб. на покупку имѣнія у одного важнаго помѣщика, который нуждался въ деньгахъ. Когда это открылось, то Гурьевъ потерялъ свой постъ, который Александръ, по совѣту Аракчеева, и предложилъ Канкрину.

Еще раньше Аракчеева Канкрина оцѣнилъ Сперанскій, который во время своей ссылки въ Пермь говорилъ еще въ 1813 г., что единственнымъ человѣкомъ, способнымъ завѣдывать русскими финансами, является, по его мнѣнію, Канкринъ.

тельство на этотъ разъ надолго возвратилось къ протекціонизму. Новый тарифъ 1822 г. выработанъ былъ при содѣйствіи Канкрина. И во все время его управленія министерствомъ протекціонная система оставалась въ дѣйствіи, благодаря чему въ широкой публикѣ установилось прочное убѣжденіе, что Канкринъ былъ ярымъ и узкимъ протекціонистомъ, ненавидѣвшимъ свободу торговли. Но такой упрощенный взглядъ на политику Канкрина вовсе не справедливъ. Канкринъ прекрасно понималъ преимущества свободной торговли. Въ критикѣ того положенія, которое могла бы дать Россіи система свободной торговли, онъ исходилъ изъ того, что въ данный моментъ для Россіи было необходимо прежде всего имѣть въ виду развитіе національной самостоятельности, національной независимости; онъ указывалъ, что при системѣ свободной торговли малокультурной Россіи угрожаетъ опасность въ своей промышленной жизни попасть въ полную зависимость отъ иностранныхъ интересовъ (въ частности отъ интересовъ такой развитой и дѣятельной страны, какъ Англія).

Именно съ этой точки зрѣнія онъ считалъ нужнымъ защищать развитіе русскаго народнаго производства. Но онъ никогда не допускалъ созданія слишкомъ льготныхъ условій для отечественныхъ фабрикантовъ при помощи высокихъ таможенныхъ ставокъ; напротивъ, онъ полагалъ, что нужно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы русская промышленность не могла спать, и считалъ необходимымъ постоянно регулировать таможенную систему, чтобы заставить русскихъ фабрикантовъ обращать вниманіе на всякія улучшенія въ производственной техникѣ, подъ угрозой иностранной конкуренціи. Поэтому тотъ условно покровительственный тарифъ, который имъ былъ установленъ, много разъ передѣлывался именно съ этой точки зрѣнія. Въ извѣстныхъ производствахъ пошлины постоянно понижались и особенно въ тѣ моменты, когда Канкринъ считалъ необходимымъ поощрить русскую промышленность съ другого конца, угрожая ей иностранной конкуренціей.

Такимъ образомъ надо признать, что въ то время его политика, его протекціонная система была умѣреннымъ и разумнымъ протекціонизмомъ, и никакъ нельзя его обвинять въ безсмысленномъ увлеченіи идеей протекціонизма.

Съ другой стороны, въ тарифной политикѣ онъ руководство-

вался и фискальными соображеніями. Дѣло въ томъ, что онъ получилъ министерство финансовъ въ тотъ моментъ, когда русскіе финансы были въ величайшемъ упадкѣ. Въ 1822 г. казна была почти банкротомъ; нельзя было совершить никакихъ займовъ на сколько нибудь сносныхъ условіяхъ и курсъ бумажныхъ денегъ не повышался, несмотря на то, что за послѣдніе годы управленія Гурьева, благодаря принятой имъ системѣ погашенія ассигнаціоннаго долга, этотъ долгъ уменьшился съ 800 до 595 милл. руб. Это уменьшеніе было достигнуто цѣною заключенія процентныхъ займовъ на очень тяжелыхъ условіяхъ и, такимъ образомъ, безпроцентный долгъ ассигнаціонный превратился въ значительной части въ долгъ съ обязательствомъ постоянной уплаты весьма высокихъ процентовъ. Канкринъ считалъ, что на такихъ условіяхъ не стоитъ погашать ассигнаціоннаго долга, а надо стремиться лишь не дѣлать новыхъ займовъ и не выпускать новыхъ ассигнацій. Въ научныхъ трудахъ своихъ Канкринъ, какъ я уже говорилъ, главнымъ принципомъ финансовой политики ставилъ благосостояніе народныхъ массъ. Онъ неоднократно выражалъ мысль, что собственно цѣлью разумной финансовой дѣятельности долженъ быть не ростъ казенныхъ доходовъ, а именно увеличеніе народнаго благосостоянія,—при чемъ онъ понималъ подъ этимъ, главнымъ образомъ, именно благосостояніе народныхъ массъ.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ явился сторонникомъ самой строгой экономіи и противникомъ не только всякихъ займовъ, но и всякаго увеличенія налоговой тяжести. Поэтому въ своей практической дѣятельности, отказываясь до послѣдней возможности отъ увеличенія налоговъ, онъ сталъ урѣзывать всѣ вѣдомства и тѣмъ, конечно, на каждомъ шагу пріобрѣталъ себѣ въ мірѣ высшей бюрократіи сильныхъ враговъ, чѣмъ, впрочемъ, никогда не смущался.

Я уже упоминалъ о томъ, какъ непокладистъ былъ Канкринъ съ самимъ императоромъ Николаемъ.

Система экономіи, которую Канкринъ такъ настойчиво проводилъ, дала замѣтные результаты въ первые же годы его управленія финансами и создала на европейскихъ денежныхъ рынкахъ совсѣмъ иное отношеніе къ русскому государственному кредиту, нежели то, какое существовало при Гурьевѣ.

Тѣ принципы государственной экономіи, которыми руководствовался Канкринъ вообще въ веденіи государственнаго хозяйства, онъ прилагалъ и къ тарифному вопросу.

Онъ считалъ, что таможенные налоги можно допускать лишь постольку, поскольку они являются налогами на предметы роскоши или на предметы потребленія болѣе зажиточныхъ слоевъ населенія, и поэтому онъ полагалъ, что съ таможни нужно взять какъ можно больше государственнаго дохода. Благодаря такому пониманію, онъ при регулированіи тарифа 1822 г. постоянно принималъ во вниманіе именно усиленіе таможеннаго дохода. И при немъ таможенный доходъ возросъ въ $2^1/_2$ раза съ 11 милл. руб. до 26 милл. руб. серебромъ, составивъ весьма крупную статью въ тогдашнемъ государственномъ бюджетѣ.

Чтобы покончить съ таможеннымъ тарифомъ, надо еще остановиться на исторіи русско-польскихъ торговыхъ и таможенныхъ отношеній. Дѣло въ томъ, что для Польши, какъ страны болѣе культурно развитой, особенно въ отношеніи фабричной промышленности, которая могла тамъ болѣе процвѣтать, чѣмъ въ Россіи, благодаря уже указаннымъ мною условіямъ, важенъ былъ постоянный рынокъ для сбыта своихъ фабрикатовъ, и Польша смотрѣла на Россію, именно, какъ на очень хорошій рынокъ для своихъ товаровъ. Кромѣ того, для нея очень важны были и азіатскіе рынки, которые она могла эксплоатировать только при условіи свободнаго транзита черезъ Россію. Исходя изъ такихъ соображеній, еще въ 1826 г. министръ финансовъ царства польскаго князь Любецкій спеціально пріѣзжалъ въ Петербургъ, чтобы выхлопотать тарифныя льготы для Польши, при чемъ онъ доказывалъ, не стѣсняясь существованіемъ конституціи 1815 г., что, въ сущности, Польша есть часть Россіи. Конечно, на это Канкринъ представилъ весьма вѣсскія возраженія. Съ точки зрѣнія Канкрина уже и раньше существовавшая таможенная система въ отношеніи Польши была невыгодна для русскаго населенія. Послѣ образованія царства польскаго, когда впервые возникъ таможенный вопросъ, было установлено, что сырье обѣихъ странъ ввозится безпошлинно; что же касается фабрикатовъ, то было установлено, что фабрикаты, выдѣланные изъ собственнаго сырья, ввозятся за ничтожную пошлину, не болѣе одного процента стоимости товара, для фабрикатовъ же изъ чужого сырья была установлена пошлина

около 3% ad valorem, но при этомъ для нѣкоторыхъ предметовъ были установлены особыя таможенныя ставки,—такъ, предметы хлопчато-бумажной промышленности были обложены въ 15%, сахаръ—въ 25%. Въ результатѣ получалось, что главный предметъ польской обрабатывающей промышленности сукна, были обложены 3%, тогда какъ русскія хлопчато-бумажныя издѣлія были обложены 15%.

Московскіе фабриканты, естественно, вопили противъ такого порядка, а Канкринъ, возражая Любецкому, не только не считалъ возможнымъ уничтожить внутреннія таможенныя пошлины, но требовалъ усиленія ставокъ на нѣкоторые товары, конкуренція которыхъ была особенно опасна русскимъ фабрикантамъ. Въ концѣ-концовъ рѣшено было оставить прежнее положеніе. Затѣмъ вопросъ о русско-польскихъ таможенныхъ отношеніяхъ возобновился послѣ возстанія 1831 г. Когда Польша перестала существовать какъ отдѣльное государство, и правительство Николая поставило вопросъ о полной инкорпораціи Польши, таможенныя пошлины между Россіей и Польшей явились аномаліей, и естественно возобновился вопросъ объ уничтоженіи пограничной черты. Къ этому присоединился и вопросъ объ общемъ тарифѣ по отношенію къ иностраннымъ державамъ, такъ какъ Польша до того времени имѣла для западной границы свои особые тарифы. Этотъ вопросъ повлекъ за собой огромное длительное обсужденіе и кончился только къ 50-мъ годамъ, послѣ обсужденія его въ особой комиссіи, уже послѣ смерти Канкрина. Въ этой комиссіи главнымъ дѣятелемъ былъ польскій экономистъ Тенгоборскій, котораго, кажется, рекомендовалъ русскому правительству Любецкій, и который оказался весьма освѣдомленнымъ человѣкомъ, обстоятельно изучившимъ и русскія народно-хозяйственныя отношенія. Въ 50 годахъ была уничтожена пограничная черта между Россіей и Польшей, при чемъ по отношенію къ иностранной торговлѣ были введены дифференціальныя пошлины, приноровленныя къ потребностямъ обѣихъ странъ и различавшіяся, смотря по тому, куда шли ввозимые изъ за-границы товары,—въ Польшу или въ Россію.

Важнымъ вопросомъ финансовой политики того времени, какъ и теперь, являлись расходы на войско. Я указалъ уже, что Канкринъ достигъ значительной экономіи въ *обыкновенныхъ* расходахъ на армію въ первые 12 лѣтъ своего упра

вленія. Но какъ разъ въ этотъ періодъ, на ряду съ сокращеніемъ обыкновенныхъ расходовъ на армію, Россіи пришлось выдержать цѣлый рядъ войнъ, требовавшихъ *чрезвычайныхъ* расходовъ, которые, какъ ни противился этому Канкринъ, пришлось покрывать займами. Въ эти именно годы была война съ Персіей, начавшаяся почти тотчасъ послѣ воцаренія Николая, затѣмъ въ 1828—1829 гг. война съ Турціей, которая поглотила болѣе 120 милл. рубл. сер. деньгами, наконецъ въ 1831 г. чрезвычайно дорого обошедшаяся девятимѣсячная польская кампанія. Благодаря этимъ войнамъ уже въ первые годы пришлось сдѣлать рядъ займовъ, размѣры которыхъ дошли почти до 400 милл. руб. сер. Но надо сказать, что эти займы были лучше прежнихъ выпусковъ ассигнацій; хотя они были процентные, но условія ихъ были довольно выгодныя. Вообще, какъ я уже говорилъ, къ 30-мъ годамъ репутація русскихъ финансовъ подъ управленіемъ Канкрина улучшилась на столько что бумаги русскія на заграничныхъ рынкахъ котировались постоянно альпари, чего ранѣе никогда не было.

Какъ безусловно отрицательная мѣра, Канкрину почти всѣми изслѣдователями исторіи русскихъ финансовъ ставится въ минусъ та реформа питейныхъ сборовъ, которую онъ провелъ въ 1826 году.

Вы помните, что при Гурьевѣ винные откупа были отмѣнены и введена была система казенной винной монополіи. Эта система продолжала существовать и при Канкринѣ до 1826 г. Еще при Гурьевѣ доходы съ питей, первоначально повысившіеся, затѣмъ чрезвычайно уменьшились, благодаря безпорядкамъ въ казенномъ управленіи и особенно блогодаря неномѣрному воровству, которое здѣсь царило.

Становилось очевиднымъ, что вести это дѣло невозможно при неимѣніи штата сколько-нибудь честныхъ и подготовленныхъ чиновниковъ. И вотъ въ 1826 г. императоръ Николай приказалъ Канкрину составить докладъ объ упорядоченіи питейныхъ сборовъ. Канкринъ составилъ докладъ довольно объективно. Онъ изложилъ тѣ способы эксплоатаціи виннаго дохода, которые существовали тогда въ различныхъ государствахъ, и указалъ, что можно избрать одну изъ трехъ системъ: или систему казеннаго управленія, казенной винной монополіи, которая исключала всякую торговлю виномъ, кромѣ казенной,

и которая существовала въ Россіи въ тотъ именно моментъ, или систему винныхъ откуповъ, которая существовала до начала 20-хъ годовъ, и заключалась въ сдачѣ съ торговъ частнымъ лицамъ права эксплоатаціи казенной винной монополіи, или, наконецъ, систему свободной торговли винными напитками при акцизѣ, который собирается съ каждой бутылки или другой посуды различными способами. Канкринъ признавалъ что, собственно говоря, вообще система свободной торговли виномъ,— за которую тогда очень сильно стоялъ такой вліятельный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, всегда исходившій въ своихъ взглядахъ изъ посылокъ экономической науки,—что эта система, конечно, въ теоріи лучше, но она требуетъ извѣстной культуры и главнымъ образомъ, организаціи правильнаго контроля, а при наличности совершенно негодныхъ чиновниковъ эта система невозможна. Точно также онъ признавалъ невыгодной и существовавшую тогда систему непосредственной казенной монополіи. Наконецъ, онъ говорилъ, что можно, пожалуй еще предложить четвертую систему—распредѣлить питейный доходъ по губерніямъ и вмѣсто него установить прямой налогъ, предоставивъ внутреннюю раскладку и взиманіе его мѣстнымъ органамъ. Но и тутъ Канкринъ, исходя изъ недовѣрія къ мѣстнымъ дворянскимъ органамъ управленія, указывалъ, что если такія „маркія“ дѣла передать мѣстнымъ органамъ, то дворянство окажется столь же несостоятельнымъ, какъ и чиновничество.

Поэтому, признавая, что откупа—зло, онъ въ то же время доказывалъ, что они будутъ при данныхъ условіяхъ наименьшимъ зломъ, если не отказаться вообще отъ эксплоатаціи винаго дохода, который вездѣ составляетъ огромную часть государственнаго бюджета. И вотъ, не считая возможнымъ замѣнить его другимъ доходомъ, особенно въ виду того, что никакой статистики у насъ тогда еще не существовало, и замѣнить питейный доходъ поземельнымъ обложеніемъ или другимъ какимъ-либо налогомъ нельзя было и думать, Канкринъ рѣшилъ, что отказаться совершенно отъ эксплоатаціи дохода съ вина невозможно, а разъ такъ, то наиболѣе удобнымъ способомъ являются откупа. Онъ признавалъ, что при откупахъ все дѣло будутъ вести откупщики, которые и будутъ накапливать огромные капиталы на счетъ народа, но думалъ, что если уже кому-либо предоставить такое накопленіе капиталовъ, то луч-

ше предоставить такое накопленіе откупщикамъ, такъ какъ они будутъ употреблять эти капиталы на промышленность, для народа полезную, тогда какъ отъ воровства чиновниковъ и промышленность даже не выигрываетъ.

Вотъ тѣ соображенія, по которымъ Канкринъ, въ виду безотраднаго веденія тогдашняго казеннаго хозяйства, признавалъ возможнымъ возстановить откупа. Тѣмъ не менѣе возстановленіе ихъ оказалось, конечно, большимъ зломъ: откупщики не только сами обогащались, но подкупали и поработили всю мѣстную администрацію. Все тогдашнее губернское чиновничество получало отъ откупщиковъ второе содержаніе, не меньшее, нежели казенное. Немудрено, что когда интересы откупщиковъ сталкивались съ чьими-либо интересами, то всегда—какъ въ административныхъ, такъ и въ судебныхъ мѣстахъ—дѣло рѣшалось въ пользу откупщика. Такимъ образомъ, вредъ откуповъ былъ громаденъ и не искупался тѣми соображеніями, которыя Канкринъ приводилъ въ своемъ докладѣ въ 1826 году.

Самымъ, можетъ быть, значительнымъ изъ всѣхъ предпріятій, осуществленныхъ при Канкринѣ, явилась денежная реформа. Реформа эта привела въ концѣ-концовъ къ девальваціи ассигнацій—къ выкупу ихъ по пониженной цѣнѣ,—и въ этомъ нерѣдко видѣли весь ея смыслъ, но въ сущности смыслъ этой реформы, въ тотъ моментъ когда она предпринималась, заключался не въ этомъ. Реформа была предпринята Канкринымъ не въ интересахъ фиска, а въ интересахъ облегченія всякихъ торговыхъ сношеній, отъ неустройства которыхъ сильно терпѣлъ народъ. Дѣло въ томъ, что курсъ бумажнаго рубля постоянно колебался, и существовало даже нѣсколько курсовъ: былъ вексельный курсъ, который устанавливался вексельными сдѣлками съ иностранными торговцами, былъ курсъ податной, казенный, по которому ассигнаціи принимались государственными учрежденіями, наконецъ, былъ курсъ простонародный, который устанавливался произвольно въ частныхъ сдѣлкахъ. И этотъ простонародный курсъ и былъ особенно колеблющимся и произвольнымъ: въ одно и то же время онъ колебался въ разныхъ мѣстахъ отъ 350 до 420 копеекъ ассигнаціями за рубль серебра. Происходило это благодаря тому, что всѣ сдѣлки заключались на ассигнаціи, между тѣмъ въ виду постоянныхъ колебаній курса, неизвѣстно было, по какому курсу придется

платить, и вотъ вошло въ обыкновеніе при заключеніи условій при покупкахъ и договорахъ о поставкахъ, въ виду того, что курсъ ассигнацій всегда предполагался падающимъ, назначать для момента уплаты за поставленные продукты курсъ для ассигнацій нѣсколько низшій, чѣмъ существовавшій въ моментъ сдѣлки, такъ что въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ искусственно понижался до 420 к. за рубль (вмѣсто нормальнаго курса въ 350—360 коп.).

Поставщики товаровъ легко на это шли (особенно страдали отъ этого крестьяне)—думая, что разъ сказано такъ въ сдѣлкѣ, то и они будутъ по той же цѣнѣ платить свои расходы, напр., подати, а потомъ, когда приходилось вносить подати, оказывалось, что казенный курсъ совсѣмъ не соотвѣтствовалъ простонародному. При такомъ положеніи въ торговомъ мірѣ скупщиковъ царила организованная система плутовства. Все это порождало такое недовѣріе къ ассигнаціямъ, что публика въ поискахъ за болѣе устойчивыми металлическими деньгами стала принимать и вводить въ оборотъ иностранную звонкую монету подъ названіемъ „лобанчиковъ“ и „ефимковъ“. Особый родъ торговцевъ закупалъ ее за границей и доставлялъ въ Россію. Эти иностранныя монеты въ свою очередь путали всѣ расчеты и подрывали правильный оборотъ. При такихъ условіяхъ Канкринъ пришелъ къ необходимости издать законъ объ обязательности совершенія всѣхъ сдѣлокъ на серебро и, чтобы этого достигнуть, онъ рѣшилъ дать ассигнаціямъ обязательный опредѣленный курсъ, по которому они принимались бы постоянно казной. Послѣ нѣкотораго обмѣна взглядовъ между нимъ и Сперанскимъ, который какъ разъ передъ своей смертью составилъ записку по этому вопросу, Канкринъ остановился на курсѣ 350 коп. за рубль. И вотъ въ іюнѣ 1839 г. былъ изданъ весьма краткій законъ, который устанавливалъ, что отнынѣ какъ во всѣхъ расчетахъ казны съ населеніемъ, такъ и во всѣхъ коммерческихъ сдѣлкахъ счетъ долженъ вестись на серебро. Серебряный рубль объявленъ былъ главной монетой, ассигнаціи хотя и сохранили свое значеніе ходячей монеты, но курсъ ихъ былъ опредѣленъ разъ навсегда въ 350 коп. за рубль. Послѣдствія этого закона для коммерческихъ сдѣлокъ были огромныя: прекратилась вся система плутней въ сдѣлкахъ съ простонароднымъ курсомъ, прекратилась возможность обмана наиболѣе простодушныхъ

поставщиковъ. Но Канкринъ этимъ не ограничился; ровно черезъ полгода онъ предположилъ, что удобно будетъ параллельно съ ассигнаціями ввести взамѣнъ всѣхъ лобанчиковъ и ефимковъ новую русскую бумажную единицу, которая бы совершенно свободно размѣнивалась на звонкую монету и ходила бы, какъ металлическія деньги. И вотъ онъ выпустилъ такъ называемыя *депозитки*, на первый разъ не ниже 25-ти рублеваго достоинства, которыя выдавались желающимъ внести въ государственное казначейство тѣ металлическія деньги, съ которыми неудобно было обращаться, и слитки золота и серебра, при чемъ объявлено было, что внесенные за эти депозитки металлическія деньги и благородные металлы будутъ оставаться на храненіи полностью и будутъ выдаваться при первомъ требованіи обратно.

На эти депозитки былъ сразу предъявленъ огромный спросъ. Публика бросилась брать ихъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ до конца 1842 года было внесено болѣе, чѣмъ на 25 мил. рублей звонкой монеты. Въ слѣдующій годъ было внесено еще болѣе 12 мил. рублей. Въ теченіе какихъ-нибудь 2-хъ лѣтъ казна имѣла возможность выпустить болѣе 40 мил. руб. новыхъ бумажныхъ денегъ, курсъ которыхъ былъ равенъ курсу серебра.

Такимъ образомъ въ государственной монетной системѣ получили ходъ три монеты: звонкая, депозитки и ассигнаціи, курсъ которыхъ былъ точно опредѣленъ въ 350 коп. за рубль. Вскорѣ Канкринъ рѣшилъ пойти дальше, именно, выпустить такія кредитныя бумаги, которыя, какъ въ другихъ государствахъ, обезпечивались бы не полностью звонкой монетой рубль за рубль, а лишь такимъ фондомъ, который требовался по опыту для непрерывнаго размѣна.

Было рѣшено ввести такіе *кредитные билеты*, при чемъ было установлено, что размѣнъ ихъ обезпечивается металлическимъ фондомъ, равнымъ одной шестой части выпущенныхъ билетовъ. И эта операція оказалась удачной: новые кредитные билеты пошли въ ходъ, и курсъ ихъ оставался тоже алыпари.

Тогда явилась мысль всѣ ассигнаціи замѣнить одной формой кредитныхъ бумажныхъ денегъ, размѣнивающихся безъ помѣхи на звонкую монету, а потому не понижающихся въ курсѣ.

Самъ Канкринъ, однако, очень опасался, что, если эти бумажныя деньги ввести, то со временемъ, особенно послѣ его

смерти или отставки, опять соблазнительно будетъ при затрудненіяхъ выпускать такіе кредитные билеты сверхъ мѣры, и что въ концѣ-концовъ, дѣло придетъ къ прежнимъ ассигнаціямъ. Но императоръ Николай, который въ началѣ царствованія являлся вполнѣ несвѣдующимъ въ финансовыхъ дѣлахъ, мало-по-малу пріобрѣлъ отъ Канкрина же нѣкоторыя свѣдѣнія по финансовой части и сталъ считать себя опытнымъ финансистомъ; поэтому, когда Канкринъ заколебался, то императоръ Николай самъ выступилъ съ собственнымъ проектомъ,—подлинникъ котораго, переписанный рукой наслѣдника Александра Николаевича, сохранился,—проектомъ, составленнымъ совершенно толково, въ которомъ онъ, полемизируя съ Канкринымъ, защищалъ возможность замѣны всѣхъ бумажныхъ денегъ, въ томъ числѣ и депозитокъ и ассигнацій, одними кредитными билетами. При этомъ онъ предполагалъ постепенно выкупить ассигнаціи по той цѣнѣ, на которой онѣ были зафиксированы закономъ 1839 г., т.-е. по 350 коп. за рубль серебра. Такимъ образомъ, такъ какъ общее количество ассигнацій равнялось 595 мил. руб., необходимо было, чтобы ихъ выкупить, собрать фондъ въ 170 мил. руб. серебромъ; для обезпеченія же въ одну шестую выпускаемыхъ взамѣнъ ихъ кредитныхъ билетовъ, надо было имѣть въ наличности въ государственной казнѣ постоянно лишь около 28 съ половиной мил. руб. звонкой монетой.

Имп. Николай полагалъ, что это можно будетъ немедленно исполнить; для этого онъ считалъ прежде всего необходимымъ прекратить выпускъ депозитокъ; онъ не считалъ возможнымъ уничтожить самыя депозитки и ихъ фондъ прямо обратить въ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, потому что это являлось бы злоупотребленіемъ довѣрія публики, но рѣшилъ по мѣрѣ того, какъ депозитки будутъ поступать въ казну, ихъ уничтожать, беря соотвѣтственную часть изъ депозитнаго фонда, и на эту именно сумму выпускать новые кредитные билеты, при чемъ одну шестую металлическаго фонда класть въ ихъ обезпеченіе, а остальное помѣщать въ резервный фондъ, который давалъ бы возможность дѣлать новые выпуски кредитныхъ билетовъ.

По расчету имп. Николая можно было всю эту операцію окончить въ пять лѣтъ, и, хотя Канкринъ очень долго сопротивлялся, но, въ концѣ-концовъ, послѣ двухъ засѣданій, въ которыхъ Николая противъ Канкрина поддерживали, конечно,

всѣ министры, и послѣ того, какъ Николай составилъ новую, вторую записку, тоже весьма обстоятельную, принята была эта окончательная мѣра, наложившая послѣдній штрихъ на денежную реформу: рѣшено было выкупить всѣ ассигнаціи, постепенно замѣняя ихъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, всего на сумму 170 мил. руб. серебромъ, въ обезпеченіе которыхъ оставался бы фондъ въ 28 мил. руб. звонкой монетой.

Вся эта операція прошла вполнѣ удачно, такъ что, когда этотъ фондъ,—одна шестая часть всѣхъ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ,—былъ отчисленъ въ обезпеченіе выпущенныхъ „кредитокъ“, то остальная звонкая монета, оказавшаяся къ тому времени въ распоряженіи правительства, составила гораздо болѣе, чѣмъ эта часть: оказалось около 66 мил. звонкой монеты, которая была торжественно перевезена въ петро-павловскую крѣпость, тамъ сосчитана и положена. Такимъ образомъ въ распоряженіи правительства оказался огромный запасный фондъ, который и поддерживалъ до восточной войны 1853 года курсъ кредитныхъ билетовъ.

Слѣдуетъ сказать еще хотя нѣсколько словъ о культурной общественной дѣятельности Канкрина, которая тоже была очень значительна и проявлялась въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя онъ предпринималъ для развитія техническихъ знаній: такъ, имъ былъ учрежденъ въ 1828 году технологическій институтъ, имъ преобразованы и, можно сказать, поставлены на ноги горный и лѣсной институты. Имъ же вся мѣстность, именуемая „лѣснымъ корпусомъ“, приведена была въ культурный видъ, благодаря проведенію необходимыхъ дорогъ и разбивкѣ парка.

Онъ же впервые въ Россіи учредилъ выставки промышленности, которыя затѣмъ періодически устраивались въ Москвѣ, создалъ сельско-хозяйственный горы-горецкій институтъ, завелъ земледѣльческую газету, которую самъ же въ значительной мѣрѣ снабжалъ статьями.

Однимъ словомъ, эта сторона его культурной дѣятельности, не говоря уже о цѣнныхъ постройкахъ—въ родѣ зданія биржи и многихъ другихъ зданій и помѣщеній для разныхъ учрежденій и техническихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, была несомнѣнной положительной заслугой Канкрина, слѣды дѣятельности котораго Петербургъ и теперь еще носитъ во многихъ своихъ частяхъ.

ЛЕКЦІЯ XVIII.

Система народнаго просвѣщенія при Николаѣ.—Взгляды императора Николая. — Министерство Уварова. — Его принципы.—Уставы 28-го декабря 1828 г.—Университетскій уставъ 1835 г.—Московскій университетъ при Строгановѣ.—Положеніе и развитіе интеллигенціи при Николаѣ.—Значеніе катастрофы 14 декабря.—Два русла идей: французское и нѣмецкое.—Упадокъ перваго, развитіе второго.—Шеллингіанство въ Россіи.—„Мнемозина".—„Любомудры" и „Московскій Вѣстникъ". —„Московскій Телеграфъ" Полевого.—„Телескопъ" Надеждина.—Чаадаевъ и закрытіе „Телескопа".—Идеалисты 30-хъ годовъ.—Кружокъ Станкевича. — Бакунинъ и Бѣлинскій.—Эволюція Бѣлинскаго.—„Отечественныя Записки" и „Современникъ".—„Москвитянинъ" и система „официальной народности".—Славянофилы и западники въ 40-хъ годахъ.—Соціализмъ и лѣвое гегельянство.—Провинціальное общество въ сорковыхъ годахъ.—Расколъ и сектантство при Николаѣ.

Теперь намъ приходится остановиться на ходѣ просвѣщенія въ Россіи и на развитіи умственнаго и политическаго движенія среди интеллигенціи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Адмиралъ Шишковъ, унаслѣдованный императоромъ Николаемъ отъ предыдущей эпохи, оставался во главѣ министерства народнаго просвѣщенія, какъ я уже говорилъ, до 1828 г.; затѣмъ съ 1828 по 1833 г. министерствомъ управлялъ піетистъ Ливенъ. Съ 1833 года министромъ сдѣлался одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ министровъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, который управлялъ этимъ вѣдомствомъ до начала третьяго періода царствованія Николая—до 1849 года. Уваровъ, главнымъ образомъ, и наложилъ свою печать на дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія въ николаевскую эпоху, хотя въ сущности онъ являлся главнымъ образомъ лишь талантливымъ исполнителемъ велѣній самого Николая. Роль Уварова въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія по значительности проведенныхъ при немъ преобразованій почти столь же важна, какъ роль Канкрина въ исторіи русскихъ финансовъ или роль Ки-

селева въ исторіи крестьянскаго законодательства. Мы видѣли, что Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на вопросы народнаго просвѣщенія сразу же по вступленіи на престолъ; онъ связывалъ вопросъ о направленіи народнаго образованія или, вѣрнѣе, воспитанія съ направленіемъ политической мысли и задавался цѣлью такъ поставить систему народнаго воспитанія, чтобы она являлась системой, предотвращающей возможность развитія всякихъ революціонныхъ стремленій. Въ виду этого императоръ Николай съ самаго начала царствованія принялъ рядъ своеобразныхъ мѣръ въ сферѣ народнаго образованія, о которыхъ я упоминалъ уже въ одной изъ предыдущихъ лекцій. Охранительное направленіе, принятое съ самаго же начала царствованія въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, получаетъ особенную выдержанность и силу послѣ 1831 года. Вѣрнымъ и рѣшительнымъ исполнителемъ этого курса и является, смѣнившій въ 1833 г. болѣе слабаго кн. Ливена, рекомендованный Карамзинымъ, Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. О томъ, каковъ былъ Уваровъ до 20-хъ годовъ, о его довольно смѣлой оппозиціи реакціоннымъ стремленіямъ министерства Голицына въ самомъ началѣ его дѣятельности, я уже говорилъ въ свое время, но надо сказать, что Уваровъ той эпохи и Уваровъ николаевскихъ временъ,—это какъ бы двѣ различныя личности. Отъ Уварова прежняго времени къ тридцатымъ годамъ осталась только его солидная научная образованность, а его политическіе взгляды измѣнились кореннымъ образомъ, повидимому, въ соотвѣтствіи съ тѣми карьерными стремленіями, которыя въ это время въ немъ возобладали. Вы помните, что въ 1818 г. онъ въ своей рѣчи на актѣ въ главномъ педагогическомъ институтѣ говорилъ, что свобода есть лучшій даръ Бога и что ради нея не слѣдуетъ опасаться замѣшательствъ, сопряженныхъ иногда съ конституціоннымъ устройствомъ. Въ письмѣ къ Штейну онъ подшучивалъ надъ людьми, которые желаютъ просвѣщенія и въ то же время боятся его результатовъ; онъ говорилъ, что они какъ бы желаютъ огня, который не жегъ бы. Теперь онъ свои прежнія идеи оставилъ въ сторонѣ и явился главнымъ образомъ, исполнителемъ тѣхъ взглядовъ, которыми руководился самъ императоръ Николай. Прежде всего, Уваровъ усвоилъ себѣ ту идею, что вооружать націю необходимыми знаніями надо лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо

для техническихъ нуждъ государства, притомъ строго охраняя публику отъ проникновенія въ умы зловредныхъ политическихъ идей.

Еще въ комитетѣ 1826 года съ этой именно точки зрѣнія были пересмотрѣны уставы среднихъ и низшихъ училищъ, причемъ, соотвѣтственно взглядамъ императора Николая на задачи народнаго просвѣщенія, была разорвана сѣть учебныхъ заведеній, построенная когда-то по плану Янковича де-Миріево, и введены новые уставы и новыя программы гимназій и уѣздныхъ училищъ, утвержденные 28 декабря 1828 года. Эта реакціонная мѣра прошла еще въ тотъ періодъ царствованія Николая, который я характеризовалъ какъ періодъ, вообще непротивный прогрессу.

Уваровъ, еще въ бытность товарищемъ министра при Ливенѣ, получилъ въ 1832 году командировку, цѣлью которой было обозрѣніе московскаго университета и другихъ провинціальныхъ учебныхъ заведеній, постановки въ нихъ преподаванія и выясненіе того, какъ приводится въ исполненіе уставъ 1828 г., а также, наконецъ, какія преобразованія требуются въ организаціи университетовъ. Возвратившись изъ этой поѣздки, Уваровъ представилъ характерный письменный отчетъ, который былъ составленъ съ такимъ тонкимъ пониманіемъ взглядовъ императора Николая, что непремѣнно долженъ былъ провести автора его на министерскій постъ. Въ отчетѣ Уваровъ такъ излагалъ свои впечатлѣнія отъ ревизіи московскаго университета:

„Утверждая, что въ общемъ смыслѣ духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только обдуманнаго направленія, дабы образовать въ большемъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій правительства, что сей духъ готовъ принять впечатлѣніе вѣрноподданнической любви къ существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать ихъ въ семъ желаемомъ равновѣсіи между понятіями, заманчивыми для умовъ недозрѣлыхъ и, къ, несчастью Европы, овладѣвшими ею, и тѣми твердыми началами, на коихъ основано не только настоящее, но и будущее благосостояніе отечества; я не думаю даже, чтобы правительство имѣло полное право судить слишкомъ строго о сдѣланныхъ, можетъ быть, ошибкахъ со стороны тѣхъ, коимъ было нѣкогда ввѣрено наблюденіе за симъ заведеніемъ; но я твердо уповаю, что намъ

остаются средства сихъ ошибокъ не повторять и постепенно, завладѣвши умами юношества, привести оное почти нечувствительно къ той точкѣ, гдѣ сліяться должны, къ разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ времени,—образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплой вѣрою въ истинно-русскія охранительныя начала *православія, самодержавія и народности*, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества“ [1]).

Императоръ Николай увидѣлъ въ авторѣ этого отчета надежную опору для проведенія въ умы молодого поколѣнія тѣхъ идей, которыя самъ онъ признавалъ спасительными и необходимыми. Уже ставши министромъ, Уваровъ опредѣленно говорилъ, что онъ главной задачей своего управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія ставитъ: сдерживать наплывъ новыхъ идей въ Россію, хочетъ продлить ея юность, и, что, если ему удастся задержать ея развитіе лѣтъ на 50, то онъ умретъ спокойно [2]).

„Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ нельзя,—писалъ онъ въ только что цитированномъ отчетѣ своемъ,—не умножать, гдѣ только можно, число „умственныхъ плотинъ“. „Не всѣ оныя, можетъ быть, окажутся равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ“ [3]).

Этотъ отчетъ и легъ въ основаніе всей послѣдующей политики министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ во главѣ министерства былъ поставленъ одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени, какимъ былъ, несомнѣнно, Уваровъ; и человѣкъ этотъ ставилъ себѣ трудную задачу укрѣплять и вводить въ умы молодого поколѣнія „истинное просвѣщеніе“ и въ то же время охранять ихъ отъ заноса революціонныхъ идей и настроеній. Можно подумать, что онъ самъ теперь увѣровалъ въ существованіе такого огня, который не жегъ бы! Въ этомъ направленіи велась и средняя школа,

---

[1]) Цитирую по *Барсукову* „Жизнь и труды М. П. Погодина“, IV, 82, 83.

[2]) „Записки и дневникъ“ *А. В. Никитенко*, т. I, стр. 267. (Изд. 2-ое).

[3]) *Барсуковъ*, н. с. IV, 85.

но нельзя не сказать, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше освобождалась ея программа отъ излишнихъ наукъ и познаній.

Еще въ комитетѣ Шишкова шли большіе споры о томъ, какъ построить преподаваніе въ гимназіяхъ, и было постановлено, что наиболѣе желательная программа—классическая. При этомъ возникли разногласія по вопросу о томъ, вводить ли одинъ латинскій языкъ, или и греческій. Многіе члены комитета стояли за введеніе на ряду съ латинскимъ и греческаго языка и придавали этому введенію обоихъ языковъ важное значеніе. Но императоръ Николай призналъ, что греческій языкъ лишній, что онъ будетъ только обременять учащихся. Въ соотвѣтствіи съ этимъ греческій языкъ былъ устраненъ изъ обыкновенныхъ гимназій, такъ какъ признавали необходимымъ или ввести греческій языкъ въ полномъ объемѣ, или совсѣмъ его не вводить. Его рѣшили ввести лишь въ немногихъ столичныхъ гимназіяхъ.

При этомъ, несмотря на то, что была принята классическая система,—ни естествознаніе, ни логика, ни даже ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ страны, которое должно было даваться статистикой, вначалѣ не были исключены изъ курса гимназій. Но чѣмъ дольше испытывалась эта система, чѣмъ дольше Уваровъ оставался министромъ, тѣмъ больше убѣждались въ безполезности столь широкой программы и первоначально включенные въ нее предметы мало по-малу, одинъ за другимъ, изъ нея выкидывались; такъ, въ 1844 г. была устранена статистика, въ 1847 году—логика, а передъ тѣмъ, въ 1846 году, былъ сокращенъ курсъ математики, такъ, что, въ концѣ-концовъ, программа обученія въ средней школѣ къ концу 40-хъ годовъ и къ концу управленія Уварова все болѣе и болѣе понижалась.

Въ это время дворянство стало охотнѣе отдавать своихъ дѣтей въ гимназіи. Это обусловливалось, съ одной стороны, необходимостью имѣть дипломъ для службы, а съ другой стороны—тѣмъ, что къ этому времени изсякъ въ значительной мѣрѣ тотъ контингентъ вольныхъ учителей, который былъ ранѣе къ услугамъ помѣщиковъ въ видѣ различныхъ иностранныхъ эмигрантовъ. Такимъ образомъ, виды правительства осуществлялись и потребность въ гимназіяхъ въ дворянскихъ кругахъ все увеличивалась. Соотвѣтственно шелъ и ростъ числа гимназій: въ 1826 г. ихъ было 48, а въ 50-хъ годахъ—74;

число учащихся было въ началѣ царствованія 7000, а къ концу—18.000 человѣкъ. Увеличилось и число уѣздныхъ училищъ, но качество преподаванія и тамъ понижалось, а не развивалось. Этому содѣйствовала и перестройка самаго управленія учебнымъ вѣдомствомъ. По прежнему уставу 1804 года, который ознаменовалъ собою самый блестящій періодъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, во главѣ управленія въ провинціи стояли университеты. Теперь, во-первыхъ, организація самыхъ университетовъ по уставу 1835 года была измѣнена, а затѣмъ они были совершенно устранены отъ завѣдыванія учебными дѣлами въ среднихъ и низшихъ училищахъ, которое всецѣло сосредоточилось теперь въ рукахъ попечителей учебныхъ округовъ, при чемъ такими попечителями во многихъ мѣстахъ сдѣланы были мѣстные генералъ-губернаторы, а въ Сибири—губернаторы. Большая часть этихъ попечителей при Николаѣ назначалась изъ военныхъ генераловъ, которые, по мѣрѣ того какъ настроеніе правительства становилось консервативнѣе, выбирались все чаще изъ такихъ лицъ, которыя способны были, главнымъ образомъ, обуздывать и подтягивать.

Университеты также были перестроены заново по уставу 1835 г. Этотъ уставъ совершенно измѣнилъ положеніе университетовъ, значительно ограничивъ ихъ автономію. Правда, наружно нѣкоторые слѣды ея остались: оставлено было право выбора ректора, предоставлено было самимъ профессорамъ замѣщать свободныя каѳедры; но одновременно съ этимъ было предоставлено и министру народнаго просвѣщенія право не утверждать избранниковъ совѣта и назначать своихъ кандидатовъ, а такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія широко пользовался своимъ правомъ, то право выбора постепенно на дѣлѣ сошло на нѣтъ.

Слѣдуетъ однако же отмѣтить, что въ университетахъ сохранилась еще забота о возможно лучшей подготовкѣ профессоровъ, такъ что въ тридцатыхъ годахъ широко практиковались даже командировки молодыхъ кандидатовъ за границу. Эти командировки дали въ сороковые годы блестящіе результаты. Благодаря имъ явилась цѣлая плеяда молодыхъ русскихъ ученыхъ, которая дала очень много для слѣдующаго поколѣнія русской интеллигенціи: достаточно вспомнить имена: Грановскаго, Рѣдкина, Крюкова, Буслаева (въ Москвѣ), Меера

(въ Казани), Неволина, Куторги (въ Петербургѣ). Въ Московскомъ университетѣ этому въ особенности способствовалъ попечитель графъ С. Г. Строгановъ, который, самъ будучи очень образованнымъ человѣкомъ, дѣятельно заботился объ улучшеніи профессорскаго состава, что не помѣшало ему въ то же время вмѣшиваться въ систему преподаванія и даже въ программы отдѣльныхъ профессоровъ, подсказывать имъ желательное направленіе и вообще распоряжаться въ университетѣ, какъ заправскому хозяину. Такимъ образомъ, и тутъ комбинировалось желаніе, съ одной стороны, улучшить систему преподаванія, а съ другой—опредѣлить тонъ и направленіе его. Во всякомъ случаѣ университетъ потерялъ свое независимое автономное устройство, которымъ онъ пользовался по уставу 1804 г. до реакціоннаго министерства кн. Голицына, при которомъ университетская автономія нарушена была во многихъ мѣстахъ фактически.

Что касается числа университетовъ, то въ этотъ періодъ былъ открытъ (въ 1834 г.) кіевскій университетъ св. Владиміра, но это не былъ вполнѣ новый университетъ, такъ какъ онъ замѣнилъ собою виленскій, который былъ закрытъ вскорѣ послѣ возстанія 1831 года.

Такова общая картина народнаго образованія во второмъ періодѣ царствованія Николая.

Что касается положенія интеллигенціи въ это время, то послѣ 14 декабря 1825 г. интеллигентная среда, если подъ ней разумѣть самостоятельно мыслящее общество, была чрезвычайно ослаблена. Послѣ безпощадной расправы съ декабристами она потеряла почти весь свой цвѣтъ, срѣзанный суровой рукой побѣдителя и отправленный въ Сибирь. Независимо отъ ссылки провинившихся и прикосновенныхъ, строгость наказанія терроризовала и оставшихся; на время она заглушила всякія попытки свободнаго выраженія своихъ мыслей и очень затрудняла сколько-нибудь широкое развитіе интеллигенціи въ близкомъ будущемъ.

„Тридцать лѣтъ тому назадъ,—писалъ Герценъ въ концѣ 50-хъ годовъ,—Россія будущаго существовала исключительно между нѣсколькими мальчиками, только что вышедшими изъ дѣтства, а въ нихъ было наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси. Новая жизнь эта прозябала, какъ трава,

пытающаяся расти на губахъ не простывшаго кратера“ Когда эти мальчики подросли, то это молодое поколѣніе оказалось раздѣленнымъ на тѣ же два русла, по которымъ западныя идеи проникали въ Россію и прежде, начиная съ Екатерины. И теперь явились, съ одной стороны, лица, усвоившія себѣ, главнымъ образомъ, идеи конца XVIII вѣка, идеи французской революціи, наслѣдовавшія вмѣстѣ съ тѣмъ идеи декабристовъ, которые воспитывались въ свое время на той же французской идеологіи; съ другой стороны явились и послѣдователи нѣмецкой мысли, нѣмецкаго идеализма и послѣ кантовской метафизики, которая проникала все глубже въ русское мыслящее общество двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Теперь представители этого второго теченія получили рѣшительное преобладаніе надъ послѣдователями перваго. Это ярко выразилось и въ тѣхъ университетскихъ кружкахъ, въ которыхъ группировалось молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Въ концѣ александрова царствованія безусловно преобладали послѣдователи французскихъ политическихъ идей, отразившихся въ идеологіи и практическихъ планахъ и Пестеля, и Никиты Муравьева. Но и тогда уже, на ряду съ ними, начали формироваться кружки послѣдователей нѣмецкой философіи—главнымъ образомъ послѣдователей философіи Шеллинга. Шеллингіанство начало проникать въ Россію довольно рано. Уже въ 1804 году явился въ Петербургѣ ревностный проповѣдникъ шеллинговой философіи—профессоръ *медицинской* академіи Велланскій. Дѣло въ томъ, что ученіе Шеллинга привлекало къ себѣ современниковъ съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Шеллингъ былъ представителемъ монистическо-идеалистической философіи, и самой важной частью его ученія была теорія познанія, которая стремилась свести къ извѣстному единству познающій духъ и внѣшнюю природу. Шеллингъ стремился примирить въ своей теоріи познанія объективность существованія природы съ возможностью умозрительнаго ея изученія. Отсюда произошла его система натурфилософіи. Увлеченіе натурфилософіей повело Шеллинга настолько далеко, что онъ, не будучи никогда естествоиспытателемъ и вращаясь всегда въ сферѣ умозрительной философіи, рѣшился, однако, основать медицинскій журналъ.

Поэтому натурфилософіей Шеллинга, а затѣмъ и вообще его системой стали интересоваться естествоиспытатели и медики,

чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что и въ Россіи шеллингіанство первоначально проникло черезъ профессора медицинской академіи Велланскаго и профессора физики и минералогіи въ московскомъ университетѣ М. Г. Павлова.

Герценъ въ своемъ „Быломъ и думахъ“ вспоминаетъ, какое значеніе имѣлъ для тогдашнихъ московскихъ студентовъ Павловъ, который читалъ свои лекціи на первомъ курсѣ физико-математическаго факультета и сразу ставилъ передъ студентами вопросъ: „ты хочешь знать природу, но что такое *природа* и что такое *знать?*“ Такимъ образомъ, прежде чѣмъ читать физику, Павловъ и на естественномъ факультетѣ излагалъ *теорію познанія*,—и излагалъ ее по Шеллингу. Слушать же лекціи Павлова ходили студенты всѣхъ факультетовъ.

Такимъ образомъ, шеллингіанство первоначально стало распространяться въ Россіи черезъ профессоровъ-естественниковъ; но уже въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ къ нимъ присоединились проповѣдники шеллингіанства съ каѳедръ исторіи философіи (Галичъ), теоріи литературы и эстетики (Давыдовъ, Надеждинъ) и т. д., и на ряду съ этимъ возникла проповѣдь шеллингіанскихъ идей и въ литературѣ, гдѣ провозвѣстниками ихъ явился сперва кружокъ московскихъ „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ, образовавшійся около кн. В. Ѳ. Одоевскаго и Д. В. Веневитинова, которые въ 1824 году предприняли изданіе литературнаго сборника „Мнемозина“ въ четырехъ частяхъ. Въ сборникѣ этомъ тогда же приняли участіе: Вильгельмъ Кюхельбекеръ (въ качествѣ соредактора) и упомянутый только что профессоръ М. Г. Павловъ. Къ этому кружку „любомудровъ“ примыкали и будущіе московскіе славянофилы братья Кирѣевскіе и Хомяковъ, которые, впрочемъ, тогда еще не были славянофилами, и Погодинъ съ Шевыревымъ, которые въ 1826 г. предприняли уже изданіе журнала „Московскій вѣстникъ“ вмѣстѣ со многими изъ „любомудровъ“. Черезъ Веневитинова и Кюхельбекера былъ привлеченъ къ нѣкоторому участію въ изданіяхъ „любомудровъ“ и Пушкинъ.

„Мнемозина“ была главнымъ образомъ посвящена борьбѣ съ поверхностными, съ точки зрѣнія „любомудровъ“, идеями французской энциклопедической философіи XVIII вѣка и стремилась проводить въ умы читателей идеи нѣмецкаго идеализма.

Прямымъ продолжателемъ „Мнемозины“ явился сперва жур-

налъ „Московскій вѣстникъ“, основанный въ 1826 г. Погодинымъ и Шевыревымъ при участіи, съ одной стороны, тѣхъ же „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, наиболѣе талантливый—Дмитрій Веневитиновъ—вскорѣ умеръ, а съ другой—при участіи Пушкина, вернувшагося изъ своей деревенской ссылки въ столицы и недовольнаго журналомъ Н. А. Полевого „Московскимъ телеграфомъ“, въ которомъ онъ ранѣе участвовалъ по просьбѣ соиздателя „телеграфа“ кн. Вяземскаго. Несмотря однако жъ на участіе такихъ силъ, „Московскій вѣстникъ“ просуществовалъ не долго; онъ не пошелъ, повидимому, главнымъ образомъ вслѣдствіе неопытности и неумѣлаго веденія дѣла главными редакторами этого журнала Погодинымъ и Шевыревымъ—молодыми тогда профессорами московскаго университета.

Вслѣдъ затѣмъ съ 1831 г. главнымъ органомъ шеллингіанства въ Россіи явился журналъ Н. И. Надеждина „Телескопъ“. Надеждинъ былъ также профессоромъ московскаго университета и читалъ въ немъ курсъ эстетики, всецѣло опиравшійся также на идеи философіи Канта и Шеллинга.

Параллельно съ этимъ органомъ довольно выдержаннаго философскаго направленія издавался, какъ мы уже упомянули, въ Москвѣ же основанный еще въ 1825 г. очень талантливымъ и разностороннимъ журналистомъ Н. А. Полевымъ—вначалѣ при близкомъ участіи одного изъ арзамасцевъ, кн. П. А. Вяземскаго—„Московскій телеграфъ“, журналъ „энциклопидическій“, какъ характеризовали его сами издатели. Главнымъ дѣломъ этого журнала являлась въ то время проповѣдь романтизма и борьба съ ложно-классическими взглядами, поддерживавшимися главнымъ образомъ въ старомъ „Вѣстникѣ Европы“, находившемся тогда подъ редакціей проф. М. Т. Каченовскаго.

Хотя романтизмъ въ Германіи развивался въ прямой связи съ шеллингіанствомъ, и хотя самъ Полевой былъ не чуждъ шеллингіанскихъ идей, но, въ сущности, онъ былъ профанъ въ философіи и вообще талантливый самоучка, за все бравшійся и чрезвычайно разбрасывавшійся въ своей писательской и издательской дѣятельности. Поэтому ученые издатели „Московскаго вѣстника“ и „Телескопа“ считали себя въ правѣ относиться къ нему нѣсколько свысока, что не мѣшало, однако жъ, его журналу пользоваться большимъ сочувствіемъ широкой публики.

Собственно и „Телескопъ“ Надеждина, и „Московскій телеграфъ“ Полевого были органами прогрессивной мысли и оба проводили въ умы своихъ читателей идеи, господствовавшія тогда въ современной Европѣ; но „Телеграфъ“, какъ органъ эклектическій и гораздо болѣе поверхностный, былъ въ то же время и гораздо доступнѣе „Телескопа“ для мало подготовленныхъ читателей, „Телескопъ“ же являлся органомъ высшей, группировавшейся около университетовъ, интеллигенціи. Немудрено поэтому, что цензурное вѣдомство, главнымъ руководителемъ котораго уже съ 1832 г., въ качествѣ товарища министра народнаго просвѣщенія, являлся Уваровъ, съ особеннымъ недовѣріемъ относилось именно къ популярному журналу Полевого, который и былъ, наконецъ, закрытъ по иниціативѣ Уварова въ 1833 году. Къ „Телескопу“ Надеждина начальство относилось гораздо терпимѣе, именно вслѣдствіе меньшей его доступности, и онъ продолжалъ благополучно издаваться до конца 1836 года, когда въ немъ появилось необычное по своей дерзкой прямолинейности знаменитое „философическое письмо“ П. Я. Чаадаева.

Авторъ этого письма П. Я. Чаадаевъ былъ весьма замѣчательной личностью и оставилъ крупный слѣдъ въ исторіи русской интеллигенціи. Хотя дѣятельность его относится къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ XIX вѣка, но по своему возрасту и, въ особенности, по своему воспитанію и связямъ онъ принадлежалъ, въ сущности, къ предшествовавшему поколѣнію, сошедшему со сцены послѣ 14-го декабря 1825 г. Онъ былъ—вмѣстѣ съ Пушкинымъ—случайно уцѣлѣвшимъ обломкомъ этого поколѣнія русской интеллигенціи. Блестящій гвардейскій офицеръ, аристократъ по происхожденію (онъ былъ родной внукъ исторіографа кн. М. М. Щербатова), воспитанный въ тѣхъ же идеяхъ конца XVIII вѣка, въ которыхъ были воспитаны и другіе его товарищи и сверстники, онъ, однако же, рано отъ нихъ отбился и сталъ особнякомъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Послѣ извѣстной исторіи въ семеновскомъ полку, съ донесеніемъ о которой онъ былъ посланъ въ Лайбахъ къ императору Александру, Чаадаевъ вышелъ въ отставку, уединился, сосредоточился въ себѣ и весь ушелъ въ широко распространенный тогда по всей Европѣ мистицизмъ. Увлекаясь идеями мистицизма, погружаясь въ изученіе мистическихъ книгъ Эккартс-

гаузена, Юнга-Штиллинга и т. п., глубоко проникнутыхъ мистической стороной христіанскаго ученія (въ его католической формѣ), Чаадаевъ внимательно и напряженно слѣдилъ въ то же время и за развитіемъ германской идеалистической философіи. Враждебно относясь къ философской системѣ Гегеля, которая не согласовалась съ христіанскимъ откровеніемъ, онъ съ большою надеждою смотрѣлъ на развитіе шеллинговой системы, которая, какъ онъ ясно видѣлъ уже въ 1825 г., должна была притти къ попыткѣ согласованія выводовъ идеалистической философіи съ догматами христіанской вѣры. И когда Шеллингъ дѣйствительно пришелъ къ этому во второмъ періодѣ своей дѣятельности, Чаадаевъ сдѣлался ревностнымъ его послѣдователемъ, вполнѣ сходясь въ этомъ съ однимъ изъ главныхъ основателей позднѣйшей славянофильской доктрины, Ив. Вас. Кирѣевскимъ. У него была и другая точка прикосновенія съ позднѣйшими противниками его—славянофилами. Онъ, какъ и они, усматривая главное направляющее значеніе въ развитіи различныхъ народностей въ религіозной основѣ, находилъ коренную разницу въ развитіи западной Европы и Россіи. Но эта разница, по мнѣнію Чаадаева, была отнюдь не въ пользу Россіи. Въ западной Европѣ и именно въ католицизмѣ онъ видѣлъ мощнаго и вѣрнаго хранителя началъ христіанства и христіанской цивилизаціи; положеніе же и ходъ развитія Россіи представлялись ему въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Онъ считалъ Россію какимъ-то межеумкомъ, не примкнувшимъ ни къ западу, ни къ востоку, не имѣющимъ ни великихъ традицій, ни мощной религіозной основы въ своемъ развитіи. Спасеніе Россіи онъ видѣлъ въ скорѣйшемъ и возможно полномъ пріобщеніи ея къ религіозно-культурнымъ началамъ западнаго міра и себя считалъ обязаннымъ проводить эти идеи въ сознаніе представителей современнаго русскаго общества. Каѳедрой, съ которой онъ проповѣдывалъ это ученіе, для него служили московскіе салоны тридцатыхъ годовъ; въ печати же онъ не пытался выступать, не видя возможности ею пользоваться при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ. Его „философическое письмо“, принадлежащее къ цѣлой серіи писемъ (теперь напечатанныхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пропавшихъ), не предназначалось для печати и было написано къ частному лицу по частному случаю. Однако онъ читалъ эти письма своимъ зна-

комымъ, и Надеждинъ, издатель „Телескопа“, выпросилъ ихъ у него для печати. Но появленіе перваго же изъ нихъ произвело впечатлѣніе внезапно разорвавшейся бомбы.

Оно являлось самымъ рѣзкимъ и смѣлымъ протестомъ противъ той системы „официальной народности“, которая не задолго передъ тѣмъ была провозглашена правительствомъ съ легкой руки Уварова. Въ противоположность официальному прославленію русскихъ историческихъ началъ и русской дѣйствительности, вотъ какъ отзывался въ напечатанномъ письмѣ Чадаевъ о нашей исторіи: „Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи.

Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка, нами прожитые, все пространство земли, нами занимаемое,—вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно.

Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ, безъ прошедшаго и будущаго...“

Какая-то странная судьба разобщила насъ отъ всемірной жизни человѣчества и, чтобъ сравниться съ другими народами, намъ надо—по Чаадаеву—„переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого передъ нами—исторія народовъ и плодъ движенія вѣковъ...“

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе могла произвести въ то время подобная статья: „Телескопъ“ былъ закрытъ, Надеждинъ сосланъ въ Вологду, Чаадаевъ официально объявленъ сумасшедшимъ.

Какое впечатлѣніе произвело это письмо Чаадаева на избранные умы молодого поколѣнія, видно изъ воспоминаній Герцена въ „Быломъ и думахъ“; но такихъ избранныхъ умовъ

въ то время было чрезвычайно немного, и, не говоря уже о провинціи, гдѣ тогда находился Герценъ, но и въ столицахъ, особенно въ Москвѣ, письмо просто произвело впечатлѣніе скандала и вызвало всеобщій переполохъ. Даже и среди мыслящихъ людей большинство чувствовало себя оскорбленнымъ тѣмъ тономъ глубокаго презрѣнія, какимъ Чаадаевъ говорилъ о прошломъ русской исторіи. Когда возбужденіе нѣсколько улеглось, начались пылкіе споры въ московскихъ салонахъ, гдѣ противниками Чаадаева выступили его друзья Кирѣевскій и Хомяковъ—будущіе славянофилы. Черезъ годъ Чаадаевъ написалъ—конечно не для печати—свою „Апологію сумасшедшаго", въ которой проводилъ, въ сущности, свои прежніе взгляды, утверждая, однако, что никто больше его не любитъ свою родину, и доказывая, что гласъ народа далеко не всегда—гласъ Божій. Противники Чаадаева: Хомяковъ, Кирѣевскій и др., будучи людьми порядочными, не считали возможнымъ выступить противъ него въ печати въ тотъ моментъ, когда ученіе его было столь торжественно заклеймено властями предержащими и когда *свободный* обмѣнъ взглядовъ въ этой области сдѣлался вполнѣ невозможнымъ. Но этимъ обстоятельствомъ не смутились прежніе издатели „Московскаго вѣстника" Шевыревъ и Погодинъ, которые давно уже дѣятельно ухаживали за Уваровымъ и были очень не прочь извлечь для себя тѣ выгоды, которыя могли для нихъ проистекать изъ совпаденія ихъ взглядовъ съ правительственной точкой зрѣнія, невзирая на то, что противникъ ихъ былъ обреченъ на вынужденное молчаніе. Особенно была замѣчательна въ этомъ отношеніи статья Шевырева, напечатанная въ первой книжкѣ „Москвитянина" Погодина за 1841 годъ—подъ заглавіемъ „Взглядъ русскаго на образованіе Европы". Въ этой статьѣ рѣзко противопоставляются другъ другу міръ западный и міръ русскій, при чемъ впервые обстоятельно и рѣзко изложена теорія гніенія и разложенія западно-европейской культуры, и Россія опредѣленно предостерегается отъ всякаго общенія съ этимъ больнымъ организмомъ, который уподобляется человѣку, одержимому „злымъ заразительнымъ недугомъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія...". Вполнѣ принимая уваровскую тріединую формулу: „Православіе, Самодержавіе и Народность", какъ здоровую основу русской государственной жизни, авторъ статьи

открыто становится подъ знамя правительства и заканчиваетъ свою статью слѣдующимъ возгласомъ: „Тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно наше будущее. Мужъ царскаго совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся (т.-е. Уваровъ), давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслью и они положены въ основу воспитанія народа".

Самъ графъ Уваровъ, однако же, не считалъ отнюдь свою позицію совершенно прочной и превосходно сознавалъ наличность въ русской интеллигенціи живыхъ, готовыхъ на борьбу силъ, тѣснить и давить которыя онъ и считалъ главной своей задачей. Въ отчетѣ о десятилѣтнемъ управленіи своемъ министерствомъ онъ писалъ (въ 1843 г.): „Направленіе, данное вашимъ величествомъ министерству, и его тройственная формула должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ либеральныхъ и мистическихъ идей: либеральныхъ,—ибо министерство, провозглашая самодержавіе, заявило твердое желаніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому монархическому началу во всемъ его объемѣ; мистическихъ,—потому что выраженіе „православіе" довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленія отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій церкви. Наконецъ, и слово „народность" возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не позади, а по крайней мѣрѣ рядомъ съ прочими европейскими національностями".

И дѣйствительно, въ русскомъ обществѣ къ этому времени—къ началу сороковыхъ годовъ—вполнѣ сложилось новое западническое направленіе, которое вполнѣ враждебно относилось къ системѣ официальной народности, которое отрицало славянофильскую точку зрѣнія, окончательно сложившуюся къ къ этому времени, и которое вскорѣ сдѣлалось, несмотря на стѣсненія и преслѣдованія, властителемъ думъ молодого поколѣнія. Но это направленіе, въ отличіе отъ Чаадаева, исходившаго, какъ и славянофилы, изъ теологическихъ основаній, основывалось на полномъ ихъ отрицаніи. Чтобы прослѣдить происхожденіе и судьбу этого направленія, такъ же какъ и

противоположнаго ему славянофильскаго направленія, намъ надо обратиться къ исторіи тѣхъ университетскихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ, о которыхъ мы уже упоминали и въ которыхъ заключалась тогда, по вѣрному выраженію Герцена, „Россія будущаго".

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ въ московскомъ университетѣ мыслящее и стремящееся къ умственному и нравственному развитію студенчество группировалось около двухъ центральныхъ кружковъ—Станкевича и Герцена. Кружокъ Станкевича состоялъ изъ лицъ, интересовавшихся главнымъ образомъ вопросами этики и философіи, и развивался подъ вліяніемъ шеллингіанскихъ идей, проповѣдывавшихся профессорами: Павловымъ,—у котораго Станкевичъ и жилъ,—и Надеждинымъ. Къ кружку Станкевича принадлежали тогда между прочимъ: Бѣлинскій—съ одной стороны, Константинъ Аксаковъ—съ другой. Впослѣдствіи къ нимъ примкнули: Бакунинъ, Боткинъ, Катковъ, Грановскій (за границей), отчасти (черезъ Аксакова) Юрій Самаринъ,—все звѣзды первой величины въ послѣдующей исторіи русской интеллигенціи.

Кружокъ Герцена состоялъ изъ лицъ, стремившихся главнымъ образомъ къ разрѣшенію политическихъ и соціальныхъ проблемъ. Къ нимъ принадлежали: Огаревъ, Сатинъ, Кетчеръ, Пассекъ и др. Самымъ блестящимъ лицомъ этого кружка былъ, конечно, самъ Герценъ, дружный и вполнѣ единомышленный съ дѣтскихъ лѣтъ съ Огаревымъ. Этотъ кружокъ считалъ себя прямымъ наслѣдникомъ декабристовъ и черезъ нихъ идей французской философіи и французской революціи XVIII вѣка. Изъ современныхъ умственныхъ европейскихъ теченій они увлекались въ особенности соціалистическими идеями Сенъ-Симона и его послѣдователей.

Кружокъ Герцена рано распался, или, точнѣе говоря, былъ раскассированъ правительствомъ. Члены его тотчасъ же по окончаніи курса въ университетѣ, послѣ одной пирушки, на которой пѣлись революціонныя пѣсни, были арестованы, просидѣли по нѣскольку мѣсяцевъ подъ арестомъ и затѣмъ были разосланы въ разныя глухія губерніи въ ссылку. Самъ Герценъ время съ 1833 по 1839 г. провелъ сперва въ Перми и Вяткѣ, потомъ во Владимірѣ. Когда онъ вернулся въ Москву, онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство гегельянской филосо-

фіи въ верхнихъ слояхъ московской интеллигенціи, и ему самому ничего не оставалось, какъ приняться за ея изученіе и примкнуть къ лицамъ, воспитавшимся въ кружкѣ Станкевича, который самъ въ это время умиралъ за границей 27-ми лѣтъ отъ роду.

Критическій монистическій идеализмъ въ новѣйшей западной философіи идетъ отъ Канта и черезъ Фихте переходитъ къ Шеллингу; въ Россіи же ознакомленіе съ германскимъ идеализмомъ началось, какъ мы видѣли, съ Шеллинга; знакомство съ Кантомъ было распространено въ началѣ XIX вѣка довольно мало. Но, принявшись вплотную за изученіе германской философіи, члены кружка Станкевича перешли и къ Канту, увидѣвъ, что съ нимъ необходимо болѣе основательное знакомство, какъ съ первоисточникомъ новѣйшей философской мысли. Въ это время какъ разъ къ нимъ присоединился Бакунинъ, который получилъ свое образованіе дома, а потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ, но имѣлъ отъ природы необыкновенныя способности къ діалектическому мышленію и къ философіи вообще, и еще въ то время, когда былъ въ корпусѣ, получилъ къ ней интересъ, благодаря чтенію статей Веневитинова и знакомству съ курсомъ исторіи и теоріи словесности Лагарпа, въ послѣднихъ томахъ котораго изложены системы Локка и Кондильяка. Когда Бакунинъ познакомился со Станкевичемъ, оба они заинтересовались Фихте и Кантомъ и принялись за изученіе „Критики чистаго разума“. Но Кантъ ихъ не особенно увлекалъ и они гораздо съ большимъ увлеченіемъ остановились на Фихте. Дѣло въ томъ, что у Фихте, кромѣ его знаменитой теоріи познанія, составлявшей основу его философской системы, была другая сторона, болѣе ихъ привлекавшая. Фихте являлся однимъ изъ вождей германскаго возрожденія; его участіе въ этомъ движеніи выражалось въ томъ, что онъ популяризировалъ выводы идеалистической философіи и, опираясь на идеи философіи, подходилъ съ ними къ разрѣшенію тогдашнихъ германскихъ и міровыхъ этическихъ и политическихъ вопросовъ.

Бакунинъ въ особенности заинтересовался его нравственно-философскими сочиненіями („О назначеніи человѣка“, „О назначеніи ученыхъ“ и въ особенности „Anweisung zum seligen Leben“) и началъ переводить эти сочиненія Фихте на русскій языкъ. Увлеченіе Бакунина Фихте передалось и Бѣлинскому,

который началъ свое знакомство съ германской философіей вмѣстѣ со Станкевичемъ съ Шеллинга.

Надо сказать, что Бѣлинскій не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и получилъ знакомство съ германскими философами въ словесной передачѣ своихъ друзей. Въ 1836 г. онъ перешелъ съ Бакунинымъ отъ Шеллинга къ Фихте. И статьи Бѣлинскаго въ „Телескопѣ", напечатанныя въ немъ въ 1836 году, носятъ отпечатокъ этого увлеченія возвышеннымъ идеализмомъ Фихте, ставившимъ себѣ главнымъ образомъ нравственныя задачи. Но отъ Фихте Бакунинъ и другіе товарищи Бѣлинскаго очень скоро перешли къ Гегелю, и конецъ тридцатыхъ годовъ какъ разъ является началомъ проникновенія въ Росеію гегельянства.

Начала гегельянской философіи опять-таки были сообщены Бѣлинскому его друзьями (Бакунинымъ и Катковымъ) въ видѣ краткихъ выводовъ, и то обстоятельство, что Бѣлинскій лично не могъ съ нею знакомиться, сообщало его свѣдѣніямъ отрывочный и поверхностный характеръ. Самъ Бѣлинскій, по отзывамъ всѣхъ знавшихъ его, былъ человѣкомъ въ высшей степени одареннымъ тонкой философской организаціей, но, къ сожалѣнію, не владѣя языками, могъ усваивать отвлеченныя положенія германской философіи только поверхностно. Это повело къ превратному пониманію Гегеля. Бакунинъ тоже проштудировалъ Гегеля на первый разъ довольно поверхностно, хотя и владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ совершенно свободно.

Очень важное для дальнѣйшаго развитія міросозерцанія Бѣлинскаго обстоятельство заключалось въ невѣрно понятомъ положеніи гегелевой логики: „все дѣйствительное—разумно".

Въ сущности говоря, Бакунинъ впервые заимствовалъ это положеніе изъ „философіи права" Гегеля, растолковавъ его по своему;—въ логикѣ же Гегеля эта фраза имѣла лишь то значеніе, что все, что существуетъ въ дѣйствительности, отражается въ человѣческомъ разумѣ и для насъ существуетъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы все это воспринимаемъ чрезъ свой разумъ.

Между тѣмъ Бѣлинскій и Бакунинъ сдѣлали отсюда тотъ выводъ, что, разъ все дѣйствительное разумно,—значитъ, все существующее имѣетъ разумную цѣль.

Поэтому они,—какъ и въ Германіи нѣкоторые гегельянцы,—стали разсматривать всю современную дѣйствительность съ кон-

сервативной точки зрѣнія, стали стремиться къ оправданію всего существующаго. И Бѣлинскій, какъ человѣкъ особенно склонный къ крайнимъ выводамъ и къ быстрому ихъ доведенію до логическаго конца, прямо выступилъ съ апологіей существовавшаго тогда въ Россіи соціальнаго и политическаго строя. Поэтому въ его статьяхъ конца тридцатыхъ годовъ (1838—1840) можно видѣть изображеніе русской дѣйствительности, довольно близкое къ тому изображенію, какое мы находимъ у тогдашнихъ офиціальныхъ защитниковъ правительства въ ихъ органѣ „Москвитянинѣ“, съ которымъ впослѣдствіи Бѣлинскій такъ горячо полемизировалъ.

Конечно, для Бѣлинскаго такое увлеченіе не могло продолжаться долго, потому что онъ былъ человѣкомъ живымъ, чуткимъ и благороднымъ; онъ скоро замѣтилъ, въ какой компаніи оказался онъ и его друзья и въ какой тупикъ завело его упрощенное пониманіе гегелевой философіи. Тѣмъ страстнѣе и рѣзче отказался онъ отъ этого своего увлеченія. Но, разочаровавшись въ тѣхъ данныхъ, которыя онъ получилъ изъ гегелевской философіи, благодаря неправильному ея толкованію, онъ, вмѣсто того, чтобы лучше ее продумать, съ азартомъ отъ нея отказался и ударился въ другую крайность: именно, рѣшилъ, что нѣмецкая идеалистическая философія можетъ только завести человѣка въ тупикъ и что поэтому гораздо лучше обратиться къ тѣмъ положительнымъ соціальнымъ ученіямъ, которыя давала французская политическая литература того времени.

Этому какъ разъ соотвѣтствовало его сближеніе съ возвратившимся изъ ссылки Герценомъ. Это сближеніе сильно отразилось на направленіи всей дальнѣйшей литературной дѣятельности Бѣлинскаго, который какъ разъ въ это время перенесъ свою дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ и основался въ „Отечественныхъ запискахъ“ Краевскаго.

Вскорѣ онъ узналъ къ тому же, что и другъ его М. А. Бакунинъ, уѣхавшій въ 1840 г. за границу и передъ отъѣздомъ съ нимъ поссорившійся, въ Берлинѣ, при болѣе глубокомъ изученіи гегелевой философіи, не только освободился отъ искаженнаго ея пониманія, но и отказался отъ праваго консервативнаго крыла ея послѣдователей и, примкнувъ къ лѣвому крылу гегельянцевъ, сдѣлался однимъ изъ яркихъ представителей монистическаго матеріализма.

Дальнѣйшая литературная дѣятельность Бѣлинскаго получила огромное значеніе въ исторіи русской интеллигенціи: журналы Бѣлинскаго „Отечественныя записки“, а потомъ „Современникъ“ сдѣлались наиболѣе читаемыми журналами, и Бѣлинскій явился въ сороковыхъ годахъ настоящимъ властителемъ думъ молодого поколѣнія.

Въ этой его дѣятельности получили преобладаніе уже не идеи германской философіи, а идеи тѣхъ соціальныхъ и политическихъ доктринъ, которыя онъ при содѣйствіи Герцена и самостоятельно усвоилъ себѣ въ то время изъ французской литературы.

Я не буду останавливаться подробно на дѣятельности Бѣлинскаго, такъ какъ большинству изъ васъ, я думаю, она хорошо извѣстна, но укажу только, что міросозерцаніе Бѣлинскаго въ то время сдѣлалось еще болѣе ярко враждебнымъ тогдашней системѣ офиціальной народности, которая выражалась „Москвитяниномъ“, издававшимся Погодинымъ при участіи Шевырева въ Москвѣ.

Однако Бѣлинскому пришлось имѣть дѣло не только съ погодинскимъ „Москвитяниномъ“; въ серединѣ сороковыхъ годовъ выступили съ опредѣленной формулировкой своихъ взглядовъ и московскіе славянофилы, въ числѣ которыхъ были представители двухъ разныхъ поколѣній: съ одной стороны, примыкавшіе къ кружку „любомудровъ“ двадцатыхъ годовъ братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и Кошелевъ, съ другой стороны, прежніе товарищи самого Бѣлинскаго, люди, входившіе въ кружокъ Станкевича или къ нему примыкавшіе, какъ Константинъ Аксаковъ и Юрій Самаринъ. Это все были люди чистые и вполнѣ порядочные, выработавшіе свою цѣльную и стройную систему, свою оригинальную исторіософію, которая, такъ же какъ чаадаевская, опиралась на теологическія основы и, такъ же какъ чаадаевская, выдвигала на первый планъ и подчеркивала противорѣчія и несогласія въ развитіи двухъ разныхъ міровъ современнаго человѣчества: западнаго—германо-романскаго и восточнаго—византійско-славянскаго, или греко-россійскаго. Но, въ прямую противоположность Чаадаеву, они крайне идеализировали весь ходъ развитія русскаго славянскаго міра и относились совершенно отрицательно ко всей западно-европейской культурѣ.

По ихъ представленію, православная вѣра и русскій народъ

сохранили во всей чистотѣ начало древняго духовнаго христіанства, а на западѣ оно исказилось умствованіями католицизма, авторитетомъ папъ и преобладаніемъ матеріальной культуры надъ духовной. Послѣдовательное развитіе этихъ началъ привело, по ихъ мнѣнію, логически сперва къ протестантизму, а затѣмъ и къ новѣйшему матеріализму и отрицанію откровенія и истинъ христіанской вѣры.

Идеализируя ходъ развитія русскаго государства и общества, славянофилы утверждали, что у насъ и государство и общество развивались будто бы на началахъ свободы, на господствѣ демократическихъ общинныхъ началъ, тогда какъ на западѣ государство и сложившіяся тамъ формы общества развились на началахъ насилія, порабощенія однихъ народовъ и классовъ другими, откуда возникло феодальное, аристократическое начало личнаго феодальнаго землевладѣнія и обезземеленія массъ.

Въ ученіи славянофиловъ были, конечно, точки соприкосновенія съ ученіями школы офиціальной народности, но были и коренныя различія, приводившія ихъ къ требованію полной свободы слова и вѣроисповѣданія и полной независимости отъ государства личнаго, общиннаго и церковнаго быта, что и было формулировано впослѣдствіи Константиномъ Аксаковымъ въ его запискѣ императору Александру II, гдѣ онъ провозгласилъ извѣстную славянофильскую политическую формулу: „сила власти—царю, сила мнѣнія—народу“.

Несмотря на все это, Бѣлинскій столь же рѣзко и страстно обрушивался на славянофиловъ, какъ и на представителей офиціальной народности; особенно послѣ попытки первыхъ (неудачной и кратковременной) взять подъ свою редакцію погодинскій „Москвитянинъ“ въ 1845 году.

Относясь къ славянофиламъ съ полной нетерпимостью, Бѣлинскій порицалъ своихъ единомышленниковъ—московскихъ западниковъ Грановскаго и Герцена—за ихъ мягкое отношеніе къ славянофиламъ и, въ особенности, за согласіе ихъ давать свои статьи въ славянофильскіе сборники. Самъ Бѣлинскій рѣшительно отрицалъ возможность такого соучастія и про себя говорилъ: „я жидъ по натурѣ и съ филистимлянином за однимъ столомъ ѣсть не могу“.

Цензурныя условія въ то время были таковы, что свои идеи западникамъ приходилось проводить между строкъ, а славяно-

филы, которые къ этому не были склонны, такъ и не могли образовать своего сколько-нибудь постояннаго органа въ сороковыхъ годахъ, такъ что дебаты, которые они вели, въ значительной мѣрѣ происходили или въ частныхъ домахъ, или въ сборникахъ, которые выходили спорадически; такъ, „Московскій сборникъ“ славянофиловъ вышелъ въ 1846 и 1847 годахъ и повторился въ 1852 году, но къ этому времени положеніе печати сдѣлалось таково, что всякое дальнѣйшее обсужденіе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ сдѣлалось невозможнымъ. Въ этомъ отношеніи рѣшительную роль сыграла революція 1848 года.

Съ воцареніемъ императора Николая кореннымъ образомъ измѣнилось отношеніе правительства къ раскольникамъ и въ особенности къ сектантамъ. Положеніе нѣкоторыхъ сектъ значительно измѣнилось въ неблагопріятную сторону уже въ послѣдніе годы царствованія Александра подъ вліяніемъ тѣхъ обскурантныхъ и изувѣрскихъ теченій въ сферѣ духовнаго вѣдомства, выразителями которыхъ явились въ это время юрьевскій архимандритъ Фотій и находившійся подъ его вліяніемъ петербургскій митрополитъ Серафимъ.

Хотя положеніе самого Фотія съ вступленіемъ на престолъ Николая измѣнилось въ неблагопріятную для него сторону и хотя молодой императоръ не обнаруживалъ никакой симпатіи къ православному изувѣрству и обскурантизму, однако же онъ отнесся съ самаго же начала совершенно отрицательно и къ расколу, который, съ одной стороны, являлся въ его глазахъ нарушеніемъ установленнаго порядка въ церкви, и съ другой—неизбѣжно долженъ былъ вызвать противъ себя репрессивныя мѣры правительства своимъ противоправительственнымъ характеромъ. Именно съ этой послѣдней точки зрѣнія правительство императора Николая и оцѣнивало степень зловредности и опасности отдѣльныхъ раскольничьихъ толковъ и сектъ. Съ первыхъ же лѣтъ царствованія Николая круто измѣнилось къ худшему положеніе тѣхъ духовныхъ христіанъ, духоборцевъ и молоканъ, которые были поселены въ значительномъ числѣ при императорѣ Александрѣ на „молочныхъ водахъ“ въ таврической губерніи и которые, несомнѣнно, пользовались защитой и покровительствомъ Александра и противъ суроваго дѣйствовавшаго

закона, и противъ нетерпимости окружающаго православнаго населенія, проявлявшейся во многихъ мѣстахъ. При Николаѣ духоборцы и молокане (какъ субботники, такъ и воскресники) сразу были отнесены къ числу вреднѣйшихъ сектъ, вслѣдствіе ихъ антигосударственныхъ тенденцій. Замѣчательно, что при первыхъ же попыткахъ классификаціи различныхъ толковъ и сектъ (съ 1837 г.). духоборцы и молокане наравнѣ съ хлыстами и скопцами были отнесены къ числу вреднѣйшихъ сектъ и значились даже въ этомъ разрядѣ на первомъ мѣстѣ — впереди хлыстовъ и скопцовъ. Это и понятно, потому что, съ одной стороны, хлысты и скопцы заслоняли себя отъ преслѣдованій церкви наружнымъ выполненіемъ всѣхъ православныхъ обрядовъ, съ другой стороны, они не только молились за царя, но и легко устанавливали дружественныя отношенія съ агентами царской власти, обладая значительными матеріальными средствами и пользуясь чрезвычайной подкупностью полиціи и представителей духовной власти. Наоборотъ, духоборцы и молокане, не шедшіе часто ни на какіе компромиссы, отличавшіеся чистотой и безупречностью нравственной жизни, принадлежавшіе главнымъ образомъ къ крестьянству и представлявшіе въ своихъ поселеніяхъ какъ бы своего рода государство въ государствѣ, вызвали въ концѣ-концовъ противъ себя ожесточеныя преслѣдованія и гоненія правительства, при чемъ немалую роль сыграли и агенты учрежденнаго въ 1826 г. третьяго отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Уже въ 1826 г. императоръ Николай высказалъ весьма опредѣленный взглядъ, что сектантовъ (по крайней мѣрѣ наиболѣе упорныхъ и активныхъ изъ нихъ) слѣдуетъ вмѣсто мирнаго поселенія на „молочныхъ водахъ“ отдавать въ солдаты на Кавказъ, а неспособныхъ къ военной службѣ — ссылать въ Сибирь на поселеніе. Въ первый колебательный періодъ царствованія правительство не рѣшалось, однако, рѣзко измѣнить положеніе дѣлъ, сложившееся при Александрѣ, какою-либо общею мѣрою; но во второмъ періодѣ—къ началу сороковыхъ годовъ—пускаются въ ходъ уже и общія мѣры: въ 1839, 1840 и 1841 гг. происходитъ полное уничтоженіе поселеній духоборцевъ и молоканъ на „молочныхъ водахъ“ и они массами высылаются въ Закавказье, а наиболѣе активные изъ нихъ ссылаются въ Сибирь и отдаются въ солдаты. 21 мая 1841 г. изданъ былъ высочай-

шій указъ, въ которомъ императоръ Николай торжественно объявилъ, что онъ признаетъ одною изъ величайшихъ обязанностей своихъ, наложенныхъ на него Провидѣніемъ, охрану „ненарушимости прародительскія православныя вѣры“ въ своихъ вѣрноподданныхъ и потому возвѣщалъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ противъ лицъ, отпавшихъ отъ православія, при чемъ между прочимъ впервые упоминалось о томъ, что малолѣтнія дѣти лицъ, сосланныхъ за религіозныя преступленія, будутъ устраиваться по особымъ усмотрѣніямъ верховной власти.

Правительство убѣдилось къ этому времени, что всѣ частныя репрессивныя мѣры, принимавшіяся въ изобиліи противъ раскольниковъ и сектантовъ, въ концѣ-концовъ не достигали цѣли и что, несмотря на многочисленныя наружныя присоединенія къ единовѣрію и даже прямо къ православію многихъ раскольниковъ, общее число раскольниковъ и сектантовъ отнюдь не уменьшается и даже, наоборотъ, во многихъ мѣстахъ растетъ, при чемъ появляются все новыя и новыя секты. Поэтому рѣшено было предпринять систематическое изученіе раскола и сектантства на мѣстахъ съ цѣлью установленія затѣмъ наиболѣе раціональныхъ и радикальныхъ мѣръ борьбы съ нимъ. Изученіе это хотя и было облечено въ самыя конспиративныя формы, поставлено было однако же довольно широко и основательно, при чемъ въ числѣ довольно многочисленнаго персонала образованныхъ министерскихъ чиновниковъ, употребленныхъ въ дѣло, были такія лица, какъ Ю. Ѳ. Самаринъ (въ Ригѣ), Ив. С. Аксаковъ (въ яросл. губ. и на югѣ) и др., а въ центрѣ всего дѣла въ Петербургѣ поставленъ былъ отставной проф. Н. И. Надеждинъ, бывшій до 1836 г. редакторомъ „Телескопа“ и послѣ того перенесшій ссылку въ Вологду, а затѣмъ поступившій на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ (при министрѣ Л. А. Перовскомъ). Матеріалы, собранные этими изслѣдователями на мѣстахъ, имѣютъ несомнѣнно большую цѣнность—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ,—но къ сожалѣнію они мало подверглись обработкѣ и еще меньше опубликованію [1]). До этого времени правительство довольствовалось

[1]) Слѣды ихъ имѣются въ VIII томѣ „Исторіи министерства внутр. дѣлъ“ *Н. Варадинова* (Спб. 1863) и въ извѣстномъ изслѣдованіи *Н. И. Надеждина* о скопцахъ, представляющемъ большую библіографич. рѣдкость. Срав. также „*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ“, т. II. М. 1888 (письма 1848—1851 гг.).

лишь официальными свѣдѣніями о числѣ раскольниковъ и о числѣ раскольничьихъ монастырей, скитовъ, различныхъ молелент и т. п., представлявшимися духовными начальствами въ синодъ, губернаторами—въ министерство внутр. дѣлъ и жандармскими офицерами—въ III отдѣленіе, да болѣе или менѣе случайными происшествіями и слѣдственными дѣлами о раскольникахъ и сектантахъ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ оно впервые получило возможность болѣе или менѣе основательной провѣрки этихъ данныхъ при помощи матеріаловъ, собранныхъ на мѣстахъ спеціально командированными имъ лицами. Эти матеріалы прежде всего указали на совершенную невѣрность цифровыхъ данныхъ относительно распространенности раскола и сектантства въ народѣ. Оказалось, что официальныя данныя преуменьшаютъ эту распространенность по крайней мѣрѣ разъ въ десять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще гораздо больше. Такъ, напр., по свѣдѣніямъ, имѣвшимся ранѣе, число раскольниковъ въ ярославской губ. не превышало 14—15 тыс. душъ, а по даннымъ, собраннымъ спеціальными изслѣдователями, около половины населенія этой губерніи въ той или иной степени было „заражено“ расколами и сектами; въ вологодской губ., по прежнимъ офиц. даннымъ, число раскольниковъ считалось около $3^1/_2$ тысячъ душъ, а по даннымъ спец. изслѣдователей—около $^1/_3$ жителей (до 200.000) фактически отпало отъ православія и не посѣщало церквей; въ черниговской губерніи оказался цѣлый рядъ городковъ и посадовъ, поголовно принадлежавшихъ къ расколу; въ г. Новозыбковѣ, напр., изъ 6.300 жит. въ расколѣ оказались 5.451, при чемъ въ городѣ не было даже православной церкви; въ костромской губерніи оказалось на 20 тыс. явныхъ раскольниковъ 27.485 тайныхъ и кромѣ того 57.571—„зараженныхъ расколомъ“. Огромное распространеніе молоканства и духовнаго христіанства обнаружилось въ тамбовской и саратовской губерніяхъ—до 200.000 въ первой и нѣсколько десятковъ тысячъ во второй.

Немудрено поэтому, что въ то время какъ, по официальнымъ вѣдомостямъ раскольниковъ и сектантовъ, число ихъ показывалось между 1826 и 1855 гг. отъ 700.000 до 800.000 душъ и лишь однажды (въ 1837 г.) показано было въ 1.003 тыс. душъ, на самомъ дѣлѣ,—по утвержденію компетентнаго статистика, имѣвшаго доступъ къ секретнымъ правительствен-

нымъ даннымъ,—генерала Н. Н. Обручева,—число это не могло быть меньше 8 мил. душъ [1]). По классификаціи, принятой правительствомъ съ 1842 г., раскольники и сектанты дѣлились на вреднѣйшихъ, вредныхъ и менѣе вредныхъ. *Менѣе вредными* считались поповцы, или пріемлющіе священство, — ихъ число, по официальнымъ вѣдомостямъ было болѣе значительно, въ виду того, что они менѣе скрывались; *вредными* считались тѣ безпоповцы (т.-е. не пріемлющіе священства), которые признавали бракъ и молились за царя. По отношенію къ обѣимъ этимъ группамъ правительство считало своею задачей не уничтоженіе ихъ, а только борьбу съ ихъ распространеніемъ. *Вреднѣйшими* считались тѣ безпоповцы, которые отрицали бракъ и отказывались молиться за царя и число которыхъ, несомнѣнно, въ десятки и сотни разъ превышало данныя, представляемыя въ вѣдомостяхъ, а затѣмъ всѣ сектанты, начиная съ молоканъ, духоборцевъ, иконоборцевъ, субботниковъ, жидовствующихъ и т. п. и кончая хлыстами разныхъ категорій и скопцами. Число сектантовъ, отмѣчавшееся въ вѣдомостяхъ по отдѣльнымъ губерніямъ единицами, десятками, рѣдко сотнями и еще рѣже немногими тысячами, на самомъ далѣ считалось въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ я уже сказалъ, десятками и даже сотнями тысячъ. Въ общемъ, вѣроятно, ихъ было въ Россіи и въ сороковыхъ годахъ не менѣе милліона душъ. Въ сущности, хотя правительство въ отношеніи этихъ „вреднѣишихъ“, по его терминологіи, сектъ ставило своей задачей полное ихъ уничтоженіе, на самомъ дѣлѣ преслѣдованія не вели къ цѣли и число сектантовъ нимало не уменьшалось, а настроеніе ихъ по отношенію къ правительству и агентамъ власти становилось все болѣе и болѣе враждебнымъ. И это относится также и къ раскольникамъ даже и тѣхъ толковъ, которые считались наименѣе вредными и прежде всего къ поповцамъ. При Екатеринѣ поповцы получили возможность открыто устраивать и содержать собственные монастыри и скиты, въ особенности въ указанной самимъ правительствомъ мѣстности—по р. Иргизу въ саратовской губерніи. Главнымъ недостаткомъ въ своемъ быту они считали отсутствіе у нихъ собственныхъ епископовъ, бла-

---

[1]) „Военно-статистич. сборникъ, вып. IV. Россія“. Под. ред. *Н. Н. Обручева*, Спб. 1871, стр. 116.

годаря чему имъ приходилось пользоваться лишь услугами бѣглыхъ поповъ и даже разстригъ, т.-е. лишенныхъ сана православныхъ священниковъ, если эти послѣдніе соглашались принять старообрядчество. Правительство со временъ митрополита Платона, пытавшагося добиться возсоединенія раскольниковъ при помощи единовѣрческихъ церквей, стремилось именно этимъ путемъ привлечь въ лоно православной церкви старообрядцевъ-поповцевъ; но не желая ихъ раздражать и насиловать, оно смотрѣло сквозь пальцы и на бѣглыхъ поповъ, которые въ началѣ XIX вѣка чрезвычайно размножились. Николай Павловичъ не счелъ, однако же, возможнымъ мириться со столь явнымъ нарушеніемъ установленнаго порядка и сталъ энергически преслѣдовать бѣглыхъ поповъ. Тогда среди раскольниковъ усилилось стремленіе добиться установленія правильнаго рукоположенія старообрядческихъ священниковъ, для чего имъ необходимо было добыть себѣ настоящихъ старообрядческихъ архіереевъ. Сохранилось преданіе, что подобный совѣтъ, или намекъ, они получили отъ самого шефа жандармовъ Бенкендорфа; но когда имъ удалось, наконецъ, всякими правдами и неправдами добыть себѣ въ Константинополѣ заштатнаго митрополита Амвросія и водворить его на каѳедру съ разрѣшенія австрійскаго правительства въ Бѣлой Криницѣ, въ Буковинѣ (1847 г.), то русское правительство уже черезъ годъ потребовало отъ австрійскаго (которое въ то время выслушивало всѣ требованія имп. Николая съ особой почтительностью), чтобы Амвросій былъ немедленно устраненъ и высланъ, при чемъ оно добилось безъ труда и отъ константинопольскаго патріарха изверженія Амвросія (ранѣе уже бывшаго подъ судомъ) изъ сана. Однако Амвросій до своего удаленія изъ Буковины успѣлъ посвятить нѣсколькихъ епископовъ, которые могли теперь рукополагать священниковъ для старообрядцевъ, не жалѣвшихъ денегъ на содержаніе этой новой іерархіи. Русское правительство ловило и заключало въ монастырскія тюрьмы и этихъ новыхъ іерарховъ, и поставленныхъ ими священниковъ наравнѣ съ бѣглыми попами; но отъ этого только усиливалось въ старообрядцахъ враждебное отношеніе къ власти, и параллельно съ фиктивными присоединеніями наиболѣе слабыхъ изъ нихъ къ единовѣрію и даже къ православію наиболѣе упорные элементы при-

соединялись, наоборотъ, къ болѣе вреднымъ, съ точки зрѣнія правительства, безпоповщинскимъ толкамъ и сектамъ. Гоненіе на раскольниковъ вызвало даже возникновеніе новыхъ непримиримыхъ сектъ, напр., секты *„странниковъ“*, которая возводила въ принципъ и догматъ отказъ отъ паспортовъ и всякаго повиновенія начальству, на которое она смотрѣла какъ на антихристовыхъ слугъ. Такимъ образомъ, къ концу царствованія Николая, вслѣдствіе той упорной борьбы, которую правительство вело съ раскольниками и сектантами, не только число тѣхъ и другихъ отнюдь не уменьшилось, но и враждебное отношеніе ихъ къ органамъ власти и ко всякой государственности, несомнѣнно, рѣзко обострилось.

Число судебныхъ дѣлъ и суровыхъ судебныхъ приговоровъ противъ раскольниковъ всякаго рода росло изъ года въ годъ; по официальнымъ даннымъ, число ежегодно постановляемыхъ судебныхъ приговоровъ противъ раскольниковъ въ 1847—1852 годы было уже свыше 500 въ годъ, а число лицъ, состоявшихъ подъ судомъ за принадлежность къ расколу въ это пятилѣтіе достигло 26.456.

Такимъ образомъ пропасть между правительственной и народной идеологіей росла и расширялась въ теченіе этого царствованія, пожалуй, еще въ большихъ размѣрахъ, нежели пропасть между правительствомъ и интеллигенціей того времени.

ЛЕКЦІЯ XIX.

Революціи 1848 г. въ Европѣ и ихъ вліяніе на настроеніе императора Николая.—Третій періодъ его царствованія.—Внѣшняя политика.—Манифестъ 14 марта 1848 г.—Венгерская кампанія.—Внутренняя политика.—Крестьянскій вопросъ.—Мѣры противъ печати и университетовъ.—Другія стѣснительныя мѣры.—Отставка Уварова.—Кн. Ширинскій-Шихматовъ.—Положеніе интеллигенціи послѣ 1848 г.—Исторія петрашевцевъ.—Инциденты съ Самаринымъ, Аксаковымъ, Тургеневымъ.—Запрещеніе выступать въ печати славянофиламъ.—Кіевскіе федералисты.—Общее настроеніе интеллигенціи.—Восточная война 1853—1856 гг.—Неизбѣжность кризиса.—Смерть Николая.—Общее заключеніе о царствованіи Николая.

Мнѣ остается обозрѣть въ краткомъ по необходимости очеркѣ событія третьяго (послѣдняго) періода правленія императора Николая и затѣмъ подвести итоги всему тридцатилѣтію, протекшему отъ вступленія на престолъ Николая Павловича до конца его царствованія.

Третій періодъ царствованія Николая I наступилъ послѣ февральской революціи 1848 г. во Франціи и послѣдовавшихъ вслѣдъ за нею революціонныхъ вспышекъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; онъ ознаменовался въ Россіи той системой реакціи, которая обусловлена была этими событіями.

Первыя извѣстія о провозглашеніи республики во Франціи страшно взволновали императора Николая. Одинъ изъ современниковъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ, что въ первую минуту Николай Павловичъ явился съ полученными депешами во дворецъ наслѣдника, гдѣ происходилъ въ ту минуту балъ, и ставъ въ залѣ посреди танцующихъ, громко провозгласилъ: „сѣдлайте коней, господа, во Франціи объявлена республика“... Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ немъ пробудилось и злорадство по отношенію къ Людовику-Филиппу, котораго онъ считалъ справедливо наказаннымъ теперь узурпаторомъ. „Подѣломъ

ему... прекрасно, безподобно",—говорилъ онъ лицамъ, окружившимъ его въ кабинетѣ наслѣдника. Для предупрежденія нападенія со стороны французовъ на сосѣднія государства и для обузданія германскихъ коммунистовъ и соціалистовъ, которые могли, какъ опасался Николай Павловичъ, предпринять что нибудь подобное въ Германіи или въ Австріи, онъ хотѣлъ сгоряча двинуть на Рейнъ трехсоттысячную армію. Его воинственное настроеніе поддерживалось и Паскевичемъ, который былъ тогда въ Петербургѣ. Однако другимъ окружавшимъ его лицамъ (Волконскому, Киселеву) было нетрудно доказать ему, что сдѣлать это не такъ то легко и что, если бы даже хватило для этого войска, то не хватило бы денегъ. Поэтому на первыхъ порахъ воинственное и негодующее настроеніе Николая нашло себѣ исходъ лишь въ странномъ манифестѣ 14-го марта 1848 г., который былъ наполненъ угрозами по отношенію къ западнымъ врагамъ и крамольникамъ, хотя, повидимому, никто не покушался еще нападать на Россію, и который заканчивался самонадѣяннымъ возгласомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте языци и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!"

Скоро, однако же, событія въ Австріи, отъ которой стремились отложиться одна за другой всѣ области, ее составлявшія, и мольба о помощи, адресованная юнымъ австрійскимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ къ императору Николаю, вызвали его и къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ, спасшимъ монархію Габсбурговъ отъ неминуемаго, какъ многимъ казалось, разложенія и гибели. Оказать поддержку Францу-Іосифу императора Николая побуждало, впрочемъ, какъ увѣряютъ не только стремленіе вообще поддерживать всякую легальную власть противъ возстающихъ народностей, но и болѣе реальныя, эгоистическія соображенія, поддержанныя въ особенности кн. Паскевичемъ, который утверждалъ, что, если венгерское движеніе не будетъ быстро подавлено, то оно неизбѣжно перекинется въ царство польское, а здѣсь въ такомъ случаѣ повторятся обстоятельства 1831 года. Кн. Паскевичъ и Николай Павловичъ считали болѣе выгоднымъ предупредить это быстрымъ усмиреніемъ венгерскаго возстанія. Венгерское возстаніе, несмотря на весьма неискусныя дѣйствія кн. Паскевича, значительно поколебавшаго въ этомъ походѣ прежнюю свою репутацію талантливаго полководца, было довольно быстро подавлено вслѣдствіе огром-

наго численнаго превосходства русской арміи надъ силами венгерскаго вождя Гергея, которому пришлось положить оружіе.

Послѣ усмиренія венгерскаго движенія императоръ Николай дѣлается на время верховнымъ распорядителемъ судебъ восточной и центральной Европы. Онъ заставилъ слабаго, колеблющагося и непослѣдовательнаго прусскаго короля Фридриха-Вильгельма отказаться отъ всякихъ плановъ о „германскомъ объединеніи“ и отъ завладѣнія датскими провинціями, права на которыя австрійскаго императора Николай признавалъ священными и неприкосновенными. Въ то же время Николай Павловичъ требовалъ отъ Фридриха-Вильгельма болѣе рѣшительной расправы съ революціонными элементами въ Пруссіи и въ особенности въ прусской Польшѣ. Своимъ постояннымъ вмѣшательствомъ въ германскія отношенія и своими угрозами всѣмъ нарушителямъ порядка въ Европѣ Николай Павловичъ пріобрѣлъ себѣ такую репутацію въ это время, что матери въ Германіи пугали его именемъ маленькихъ дѣтей.

Революціонныя потрясенія 1848 года вызвали не только въ самомъ императорѣ Николаѣ, но и во всемъ его семейномъ и придворномъ кругу чрезвычайно реакціонное настроеніе. Особенно проникся этимъ настроеніемъ наслѣдникъ Александръ Николаевичъ. Онъ не только раздѣлялъ чувства, выраженныя въ манифестѣ 14 марта 1848 г., но и одобрялъ тотъ тонъ, въ которомъ манифестъ былъ составленъ. Тотчасъ же по его полученіи онъ созвалъ къ себѣ командировъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и самъ прочиталъ его вслухъ, вызвавъ среди собранныхъ офицеровъ восторженныя овація. Офицерство этого времени уже мало походило на то, какое было въ концѣ александрова царствованія, – въ этомъ отношеніи двадцатипятилѣтнія старанія Николая Павловича увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но нельзя не замѣтить, что искорененіе всякихъ либеральныхъ идей въ военной средѣ сопровождалось сильнымъ пониженіемъ ея уровня. Механическое вытравливаніе всякой независимой мысли привело въ концѣ-концовъ къ тому печальному положенію, что когда русской арміи пришлось бороться съ европейскими войсками, то очень рѣзко почувствовался недостатокъ въ начальникахъ съ иниціативой, въ образованныхъ офицерахъ и въ генералахъ, способныхъ самостоятельно мыслить...

Реакціонное настроеніе, создавшееся въ русскихъ правительственныхъ сферахъ послѣ 1848 г., не замедлило отразиться на направленіи всей внутренней политики. Тотчасъ же явилась мысль о необходимости сплоченія консервативныхъ элементовъ страны для борьбы со всякими разрушительными началами. Уже 21 марта 1848 г., принимая депутатовъ петербургскаго дворянства, государь имъ сказалъ: „Забудемъ всѣ непріятности одного къ другому. Подайте между собою руку дружбы, какъ братья, какъ дѣти родного края, такъ чтобы послѣдняя рука дошла до меня, и тогда, подъ моею главою, будьте увѣрены, что никакая сила земная насъ не потревожитъ". Въ казенныхъ изданіяхъ появились статьи о незыблемости крѣпостного права, и самъ П. Д. Киселевъ сказалъ своему племяннику Милютину, что „вопросъ о крестьянахъ лопнулъ". То же подтвердилъ въ категорической формѣ гофмаршалъ наслѣдника Олсуфьевъ одному изъ представителей смоленскаго дворянства.

Совершенно иначе, нежели въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, отразились бурныя событія 1848 г. въ средѣ русской интеллигенціи. Къ этому времени та пропаганда идей, которую подъ руководствомъ Бѣлинскаго вели въ сороковыхъ годахъ „Отечественныя записки" Краевскаго, а затѣмъ (съ 1847 г.) „Современникъ" Панаева и Некрасова, дала значительные плоды. Въ столицахъ, въ особенности въ Петербургѣ, а отчасти и въ провинціи стали образовываться кружки передовой молодежи, своеобразные салоны, открываемые молодыми людьми спеціально для обсужденія общественныхъ литературныхъ и политическихъ вопросовъ, за невозможностью обсуждать эти вопросы въ печати. Таковы были знаменитыя „пятницы" у М. В. Буташевича-Петрашевскаго, вечера, устраивавшіеся у Дурова, Кашкина, Момбелли, Плещеева и др. На пятницахъ Петрашевскаго, которыя стали устраиваться съ 1845 г., перебывала масса молодежи столичной и провинціальной, и вечера эти пользовались въ тогдашнемъ интеллигентномъ кругу довольно широкой извѣстностью.

Самъ Петрашевскій былъ соціалистъ (фурьеристъ), но на вечерахъ его затрагивались самыя разнообразныя общественныя и политическія темы: чаще всего крестьянскій вопросъ, вопросы судоустройства и судопроизводства (въ частности судъ

присяжныхъ, гласность и независимость суда), о цензурѣ и свободѣ печати, однимъ словомъ, тѣ самые вопросы, разрѣшеніе которыхъ послѣдовало черезъ нѣсколько лѣтъ, въ эпоху великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ; на ряду съ этимъ сообщались и обсуждались новинки западно-европейской литературы и политической жизни и читались литературныя произведенія, которыя не могли появиться въ печати, какъ, напр., знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу „Избранныхъ мѣстъ переписки съ друзьями“ послѣдняго.

У Кашкина собирались спеціально лица, интересовавшіяся соціальными проблемами,—молодые соціалисты и коммунисты, увлекавшіеся идеями Сенъ-Симона, Леру, Ламенэ, Луи Блана, Кабэ и въ особенности Фуррье. У Дурова собирались люди, настроенные болѣе умѣренно...

Всѣ эти кружки были извѣстны другъ другу и поддерживали между собой взаимныя связи. Въ провинціи тоже существовали зародыши подобныхъ организацій, по крайней мѣрѣ и тамъ старались сходиться и поддерживать между собою общеніе передовые люди, почитатели „Отечественныхъ записокъ“, „Современника“ и вдохновителя ихъ Бѣлинскаго. Замѣчательно, что И. С. Аксаковъ, который, въ теченіе сороковыхъ годовъ изъѣздилъ почти всю Россію, участвуя въ разныхъ командировкахъ, ревизіяхъ и изслѣдованіяхъ, а частью и служа въ провинціальныхъ судебныхъ установленіяхъ, свидѣтельствовалъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ, что на мрачномъ фонѣ тогдашней провинціальной жизни, среди тогдашняго общества, состоявшаго изъ разнаго рода взяточниковъ, мошенниковъ, крѣпостниковъ, плутовъ и пошлыхъ невѣждъ разнаго рода, единственными свѣтлыми исключеніями являлись эти послѣдователи Бѣлинскаго, эти почитатели и читатели передовыхъ петербургскихъ журналовъ. Славянофилы въ провинціи были мало извѣстны, „Сборники“ ихъ не читались и не имѣли успѣха. Провинціальные книгопродавцы прямо заявляли Аксакову, что они этихъ „сборниковъ“ не выписываютъ, потому что „Современникъ“ и „Отечественныя записки“ ихъ не особенно хвалятъ. „И Полевой и Бѣлинскій,—свидѣтельствовалъ тотъ же И. С. Аксаковъ нѣсколько позднѣе (въ 1856 г.)—имѣли огромное вліяніе на общество—вредное, дурное (конечно, съ его славянофильской точки зрѣнія), но все же громад-

ное вліяніе Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые бы не знали наизустъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ его вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ...“

„Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ... И если вамъ нужно,—прибавляетъ Аксаковъ—честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу, ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго. О славянофильствѣ здѣсь, въ провинціи, и слыхомъ не слыхать, а если и слыхать, такъ отъ людей враждебныхъ направленію...“

Эти свидѣтельства дороги особенно потому, что они исходятъ отъ И. С. Аксакова, который хоть и разногласилъ въ то время съ братомъ своимъ Константиномъ, но былъ преданнымъ членомъ славянофильской семьи и лично относился къ Бѣлинскому вполнѣ отрицательно.

Понятно, какъ это передовое общество конца сороковыхъ годовъ, состоявшее главнымъ образомъ изъ послѣдователей Бѣлинскаго, зашевелилось и заволновалось при первыхъ извѣстіяхъ о революціи 1848 года.

Впрочемъ и самъ Аксаковъ признавался, что 1848 годъ совершенно вышибъ и его изъ колеи.

Бакунинъ и Герценъ были въ это время за границей и приняли непосредственное участіе въ грозныхъ событіяхъ этого года. Бакунинъ игралъ выдающуюся роль въ народномъ возстаніи въ Дрезденѣ и въ славянскомъ движеніи, направленномъ противъ имперіи Габсбурговъ.

Въ петербургскихъ кружкахъ слѣдили за развертывавшимися въ Европѣ событіями съ лихорадочнымъ возбужденіемъ. Въ свою очередь правительство съ большой тревогой смотрѣло на это настроеніе умовъ передового русскаго общества и, несомнѣнно, крайне преувеличивало его политическое значеніе и его возможныя послѣдствія. Оно тотчасъ же обрушилось на передовую печать. Если бы Бѣлинскій не умеръ въ маѣ 1848 г.,

онъ былъ бы арестованъ, и его, несомнѣнно, ждала не менѣе суровая расправа, чѣмъ та, которая постигла черезъ годъ петрашевцевъ. На направленіе „Отечественныхъ записокъ“ и „Современника“ не замедлили обратить вниманіе въ высшихъ сферахъ въ самый моментъ полученія первыхъ тревожныхъ извѣстій съ запада. Первый кивокъ на неблагонадежность печати и университетовъ былъ сдѣланъ адмираломъ кн. Меньшиковымъ наслѣднику Александру Николаевичу словесно 22-го февраля 1848 г., и 27-го февраля уже былъ учрежденъ подъ предсѣдательствомъ кн. Меньшикова для обслѣдованія этого дѣла секретный комитетъ. Вскорѣ были получены болѣе обстоятельныя заявленія гр. С. Г. Строганова, который былъ въ контрахъ съ Уваровымъ, и барона М. А. Корфа, который мечталъ тогда самъ занять мѣсто Уварова. Тогда секретный комитетъ по надзору за направленіемъ печати и бдительностью цензуры былъ превращенъ въ постоянное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ отчаяннаго реакціонера и обскуранта гр. Д. П. Бутурлина въ составѣ бар. Корфа и сенатора Дегая — учрежденіе, извѣстное въ исторіи русской печати и цензуры подъ именемъ мрачной памяти комитета 2-го апрѣля 1848 г. или „бутурлинскаго комитета“. Надъ самимъ гр. Уваровымъ поставлено было, такимъ образомъ, недремлющее око, совершенно терроризовавшее цензуру. Императоръ Николай сказалъ членамъ этого комитета, что самъ онъ не имѣетъ времени слѣдить за направленіемъ печати, но что имъ вполнѣ вѣритъ и поручаетъ просматривать уже вышедшія въ свѣтъ послѣ предварительной цензуры произведенія печати и доносить ему, буде что привлечетъ ихъ вниманіе, „а потомъ,—прибавилъ государь,—мое уже будетъ дѣло расправляться съ виновными“.

Комитетъ этотъ принялся не шутя за работу, и положеніе печати сдѣлалось вскорѣ вполнѣ невыносимымъ. Бутурлинъ до всего добирался и однажды серьезно доказывалъ Блудову, что необходимо вырѣзать нѣсколько неумѣстныхъ стиховъ изъ акафиста Покрову Богородицы, сочиненнаго св. Дмитріемъ Ростовскимъ, гдѣ говорилось между прочимъ: „Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби“ и т. д.

Положеніе Уварова окончательно поколебалось, когда онъ счелъ нужнымъ, хотя и очень осторожно, выступить въ пе-

чати, при помощи инспирированнаго имъ профессора Давыдова, со статьею въ защиту университетовъ,—по поводу распространившихся въ публикѣ слуховъ о предстоящемъ ихъ закрытіи. Нечего и говорить, что статья была въ высшей степени скромна и благонамѣренна; тѣмъ не менѣе Уваровъ получилъ отъ бутурлинскаго комитета официальный запросъ о томъ, какъ могла она быть пропущена цензурой. Ему пришлось отвѣтить, что она и написана по его порученію. Въ октябрѣ 1849 г. Уваровъ, наконецъ, подалъ въ отставку, убѣдившись, что къ новому курсу примѣниться и онъ не можетъ.

Нѣкоторое время императоръ Николай затруднялся въ выборѣ ему преемника; но въ январѣ 1850 г. товарищъ министра кн. Ширинскій-Шихматовъ представилъ государю записку, въ которой доказывалъ, что въ университетахъ преподаваніе должно быть поставлено такимъ образомъ, „чтобы впредь всѣ положенія и науки были основаны не на умствованіяхъ, а на религіозныхъ истинахъ въ связи съ богословіемъ“. „Чего же намъ искать еще министра просвѣщенія? — сказалъ императоръ Николай по прочтеніи этой записки. — Вотъ онъ найденъ“. И Ширинскій былъ назначенъ министромъ. Шутники тихонько говорили по поводу назначенія Ширинскаго-Шихматова, что это просвѣщенію не только шахъ, но и матъ.

Университетамъ, однако же, было не до шутокъ. „Есть съ чего сойти съ ума,—говорилъ Грановскій въ 1850 г.,—благо Бѣлинскому, умершему во время“. Дѣйствительно, уже въ маѣ 1849 г., т.-е. еще при Уваровѣ, комплектъ студентовъ въ каждомъ университетѣ на всѣхъ факультетахъ вмѣстѣ (кромѣ медицинскаго и богословскаго), былъ ограниченъ 300 человѣкъ. Ширинскій-Шихматовъ, побывавъ въ университетахъ, объявилъ, что „польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ“. Поэтому каѳедры исторіи философіи и метафизики были закрыты, а преподаваніе логики и психологіи было возложено на профессоровъ богословія.

Цензура свирѣпствовала безпощадно, но комитетъ 2-го апрѣля отыскивалъ старые грѣхи отдѣльныхъ цензоровъ, которыхъ безцеремонно сажали на гауптвахту, невзирая на солидный возрастъ, чинъ и профессорское званіе. Такъ, профессору Куторгѣ, который даже уже не былъ цензоромъ, пришлось высидѣть подъ арестомъ за то, что онъ раньше пропустилъ ка-

кіе-то двусмысленные нѣмецкіе стихи... Слѣды крамолы находили не только въ университетахъ, но даже въ привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ—въ училищѣ правовѣдѣнія и въ александровскомъ лицеѣ, и воспитанниковъ этихъ училищъ отдавали въ солдаты, исключали, подвергали исправительнымъ наказаніямъ. Въ эти годы подверглись разнымъ карамъ многіе писатели. Салтыковъ былъ отправленъ въ Вятку на службу, Тургеневъ за удачную попытку обойти бдительность цензуры былъ въ 1852 г. посаженъ подъ арестъ въ полицейскую часть. Юрій Самаринъ за рѣзкіе отзывы о дѣйствіяхъ остзейской администраціи былъ посаженъ на нѣсколько дней въ крѣпость, а Иванъ Аксаковъ, по поводу нѣкоторыхъ неосторожныхъ выраженій въ перепискѣ съ родными (объ арестѣ Самарина), арестованъ при третьемъ отдѣленіи. Аресты Самарина и Аксакова кончились лично для нихъ довольно благосклонно: назидательной личной бесѣдой самого императора Николая съ Самаринымъ и весьма любопытными резолюціями его же на показаніяхъ, отобранныхъ „по пунктамъ“ у Аксакова, при чемъ резолюціи эти заключены были краткимъ распоряженіемъ кн. Орлову: „призови, прочти, вразуми и отпусти“. Но сравнительно милостивое окончаніе этихъ дѣлъ не помѣшало правительству послѣ изданія вполнѣ невиннаго славянофильскаго „Сборника“ 1852 г. лишить Ивана Аксакова права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, а участниковъ сборника: Константина Аксакова, Юрія Самарина, Хомякова, Кошелева и др.,—права доставлять въ печать свои произведенія. Гораздо строже и безпощаднѣе дѣйствовало правительство въ это время въ тѣхъ случаяхъ, когда оно усматривало признаки явной крамолы. Это проявилось съ особой рѣзкостью въ дѣлѣ петрашевцевъ, изъ которыхъ 20 человѣкъ были присуждены къ каторжнымъ работамъ, ссылкѣ въ Сибирь и разжалованію въ солдаты, при чемъ предварительно надъ всѣми ими продѣланы были, въ видахъ ихъ устрашенія, всѣ приготовленія къ смертной казни. А между тѣмъ въ дѣлѣ этомъ, хотя оно и именовалось заговоромъ, не было никакихъ данныхъ для вмѣненія участникамъ его какихъ-либо дѣйствій, такъ что даже баронъ Корфъ, относившійся къ петрашевцамъ чрезвычайно отрицательно, называетъ ихъ дѣло „заговоромъ идей“. По процессу петрашевцевъ отправленъ былъ въ каторжныя работы,

между прочимъ, Ѳ. М. Достоевскій. Столь же строго покарало правительство членовъ „Кирилло-Меѳодіевскаго общества“ въ Кіевѣ, обнаружившихъ федералистическія стремленія. Въ числѣ членовъ этого общества серьезно пострадали: Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ, Бѣлозерскій, Марковичъ и др. [1]).

Независимо отъ стѣснительныхъ и обскурантныхъ мѣръ, принятыхъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія противъ печати и университетовъ, изъ реакціонныхъ мѣропріятій этого періода слѣдуетъ упомянуть еще: запрещеніе выѣзда за границу иначе, какъ съ высочайшаго соизволенія, которое давалось лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, и введеніе въ уставъ о службѣ гражданской такъ называемаго 3-го пункта, по которому начальству предоставлялось увольнять отъ службы чиновниковъ, признанныхъ имъ неблагонадежными, безъ слѣдствія и суда и даже безъ объясненія причинъ, при чемъ не принимались и жалобы на такое увольненіе...

„Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде и чѣмъ стали теперь“, писалъ въ 1853 г. Грановскій Герцену.

Иванъ Аксаковъ выразилъ свое настроеніе въ 1850 г. въ слѣдующихъ стихахъ, будто бы переведенныхъ съ санскритскаго и, конечно, не предназначавшихся для печати, а читавшихся лишь близкимъ друзьямъ:

Клеймо домашняго позора
Мы носимъ, славные извнѣ...
Въ могучемъ краѣ нѣтъ отпора,
Въ пространномъ царствѣ нѣтъ простора,
Въ родимой душно сторонѣ...
Ее въ своемъ безумьѣ яромъ
Гнетутъ усердные рабы...
А мы глядимъ, слабѣемъ жаромъ
И съ каждымъ днемъ сдаемся даромъ,
Въ безплодность вѣруя борьбы...
И слово правды ослабѣло,
И рѣже шопотъ смѣлыхъ думъ,
И сердце въ насъ одебелѣло;
Порывовъ нѣтъ, въ забвеньи дѣло,
Спугнули мысль, сталъ праздненъ умъ...

---

[1]) Въ №№ 5 и 6 „Русскаго Богатства“ за 1911 г. помѣщены весьма интересныя статьи *В. И. Семевскаго* объ этомъ „Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ“.

Общественная прострація и сознаніе своего полнаго безсилія передъ ужаснымъ гнетомъ реакціи были такъ сильны въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ, что даже люди, вполнѣ патріотически настроенные, какъ, напр., славянофилъ Кошелевъ, признавались впослѣдствіи, что неудачи, которыя испытывали русскія войска въ начавшейся въ 1853 г. войнѣ съ турками, не слишкомъ ихъ огорчали. Они замѣчали, напротивъ, что чѣмъ грознѣе становились внѣшнія конъюнктуры, тѣмъ яснѣе чувствовалось ослабленіе внутренняго гнета. Вотъ до чего довела общество эта система обскурантизма и гнета.

Когда началась въ 1853 г. война съ Турціей, съ самаго же начала неудачная и затѣмъ чрезвычайно осложнившаяся вмѣшательствомъ Англіи, Франціи и, наконецъ, Сардиніи, при постоянныхъ угрозахъ неблагодарной Австріи, выручennой императоромъ Николаемъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ; когда обнаружилась наша отсталость и неподготовленность къ этой войнѣ и полное отсутствіе надежныхъ и талантливыхъ полководцевъ,— то самонадѣянность императора Николая, такъ ярко выражавшаяся въ 1848 г. въ манифестѣ 14-го марта и въ рѣчи петербургскому дворянству, стала замѣтно падать, а гордый духъ его не былъ способенъ спокойно перенести небывалое униженіе...

Внѣшняя гроза мало-по-малу дѣлала правительство болѣе кроткимъ и терпѣливымъ внутри Россіи. Хотя до конца царствованія всѣ реакціонныя мѣры, принятыя послѣ 1848 г., формально оставались въ силѣ, однако же люди чуткіе уже въ 1853 году почувствовали приближеніе оттепели. „Казалось,—вспоминалъ потомъ это время въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ,—что изъ томительной, мрачной темницы мы какъ будто выходимъ, если не на свѣтъ Божій, то по крайней мѣрѣ въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ".

Въ обществѣ, и даже въ наиболѣе консервативныхъ кругахъ его, пробуждается въ это время обличительное, оппозиціонное настроеніе, и даже Погодинъ—тотъ самый Погодинъ, который въ сороковыхъ годахъ издавалъ съ Шевыревымъ свой „Москвитянинъ",—пишетъ теперь свои смѣлыя обличительныя письма, адресованныя самому императору Николаю.

Въ началѣ турецкой войны Хомяковъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе Россіи:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ...

въ которомъ были слѣдующія, призывавшія къ покаянію строфы:

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло:
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна...

Настроеніе народныхъ массъ было не менѣе тревожно. Съ одной стороны, въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ народъ выказывалъ много мужества и даже геройскаго самоотверженія, съ другой стороны, созванные въ ополченіе ратники, считая, что призывъ на службу царю и отечеству освобождаетъ ихъ отъ крѣпостного права, тѣмъ болѣе, что и по рекрутскому уставу рекрутъ выключался изъ сословія крѣпостныхъ крестьянъ,— отказывали въ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и чинамъ земской полиціи, волновались и производили безпорядки.

Для многихъ дѣлалось очевиднымъ, что часъ крѣпостного права пробилъ и что вся существующая система неизбѣжно должна быть преобразована. Неизвѣстно, какъ приступилъ бы къ этимъ преобразованіямъ Николай Павловичъ и приступилъ ли бы онъ къ нимъ по окончаніи несчастной войны 1853—1856 годовъ. Онъ не дожилъ до ея окончанія. Смерть освободила его отъ необходимости самому ликвидировать свою правительственную систему, несостоятельность которой обнаружилась ко времени его смерти съ достаточной очевидностью.

Подводя итоги этому замѣчательному тридцатилѣтію, мы должны признать, что правительственная система императора Николая была одной изъ самыхъ послѣдовательныхъ попытокъ

осуществленія идеи просвѣщеннаго абсолютизма. Императоръ Николай по своимъ взглядамъ не походилъ на Людовика XIV и никогда не сказалъ бы, какъ тотъ: „l'état—c'est moi!"; напротивъ, онъ неоднократно высказывалъ, что почитаетъ себя первымъ слугой государства; но волѣ этого перваго слуги должны были безропотно подчиняться всѣ остальные. По своимъ намѣреніямъ Николай гораздо больше подходитъ къ такимъ представителямъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма, какъ Іосифъ II и Фридрихъ Великій. Онъ старался осуществить, какъ мы видимъ, ту самую систему, которую русскимъ государямъ рекомендовалъ въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи" Карамзинъ, лично наставлявшій императора Николая въ 1825 г. И если бы Карамзинъ пережилъ царствованіе Николая, онъ долженъ былъ бы признать, что опытъ осуществленія его системы сдѣланъ, и вмѣстѣ долженъ былъ бы убѣдиться, къ чему эта система неизбѣжно приводитъ, притомъ, именно, къ чему она приводитъ въ такой обширной малонаселенной и быстро раззивающейся странѣ, какъ Россія.

По идеѣ Николая Павловича каждый губернаторъ долженъ былъ быть хозяиномъ въ губерніи, а онъ, императоръ, долженъ былъ быть хозяиномъ въ имперіи,—такимъ же хозяиномъ, какимъ былъ Фридрихъ Великій въ своей относительно маленькой Пруссіи, гдѣ онъ могъ знать, какъ живетъ и работаетъ почти каждый крестьянинъ.

Уже вслѣдствіе одной обширности Россійской имперіи и по относительному ничтожеству средствъ, которыми располагало правительство при Николаѣ, при всей кажущейся полнотѣ его власти,—такая задача являлась несомнѣнной химерой. Блистательной иллюстраціей безсилія бюрократической администраціи служитъ знаменитый разсказъ о неисполненномъ высочайшемъ повелѣніи по одному дѣлу, несмотря на 23 подтвержденія. Чѣмъ слабѣе и ненадежнѣе были средства, тѣмъ грубѣе были формы проявленія власти и тѣмъ разительнѣе ея злоупотребленія. Лучшіе министры николаевскаго царствованія—Канкринъ и Киселевъ—особенно напоминаютъ дѣятелей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма; большая часть остальныхъ его сотрудниковъ, особенно тѣ, съ которыми онъ работалъ въ послѣдніе годы царствованія,—бездарные люди, часто своекорыстные и лживые холопы, безъ всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій и взглядовъ.

Между тѣмъ эпоха, въ которую императору Николаю пришлось царствовать, была, какъ мы видѣли, одна изъ важнѣйшихъ эпохъ развитія и созрѣванія народной жизни въ Россіи. Быстрое уплотненіе населенія въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, разрушеніе прежнихъ основъ и устоевъ помѣщичьяго крѣпостного хозяйства послѣ наполеоновскихъ войнъ, обостреніе антагонизма между крѣпостными и ихъ помѣщиками, новыя требованія и нужды промышленности и торговли въ связи съ измѣнившимися міровыми конъюнктурами,—все это ставило передъ правительствомъ рядъ трудныхъ государственныхъ задачъ, требовавшихъ для своего разрѣшенія не только наличности выдающихся государственныхъ людей, но и широкаго участія всей интеллигенціи страны и быстраго и свободнаго роста матеріальной культуры въ странѣ. Всему этому препятствовала та административная система, которая послѣдовательно развивалась crescendo въ продолженіе всего царствованія Николая.

Язвы Россіи, обнаружившіяся во время крымской кампаніи, сдѣлались для всѣхъ такъ очевидны, что наступленіе эпохи реформъ стало неизбѣжнымъ. Осуществленіе этихъ преобразованій выпало на долю императора Александра II.

Списокъ сочиненій, относящихся къ исторіи Россіи въ царствованіе Николая I.

I. Общія исторіи царствованія, біографіи и характеристики императора Николая.

1. *Н. К. Шильдеръ.* „Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе". 2 тома (доведено до 1833 г.). Спб. 1903. Въ приложеніяхъ много важныхъ матеріаловъ; во II томѣ: дневникъ *Бенкендорфа* и статья *Н. К. Шильдера* о 1848 годѣ.

2. *Lacroix.* „Histoire de la vie et du règne de Nicolas I". P. 1864. 5 томовъ (доведено до 1829 г.). Главнымъ образомъ біографическія свѣдѣнія, жизнь двора и войны первыхъ лѣтъ царствованія.

3. *Prof. Th. Schiemann.* „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus dem I". 2 B. Berlin. 1908 (доведено до 1831 г.).

4. *А. М. Заіончковскій.* „Восточная война 1853—1856 гг. въ связи съ современной ей политической обстановкой". Т. I. Спб. 1908. Главы отъ I—IV (стр. 1—200) посвящены біографіи и общему очерку исторіи царствованія Николая. Въ приложеніяхъ (отдѣльный томъ) много важныхъ документовъ.

5. *А. А. Кизеветтеръ.* Въ книгѣ „Историческіе очерки" (М. 1912) статья „Внутренняя политика императора Николая Павловича" даетъ общую характеристику царствованія и личности Николая.

6. *М. О. Гершензонъ.* „Эпоха Николая I". М. 1910. Авторъ пытается при помощи отрывковъ, взятыхъ изъ разныхъ сочиненій, дать общую характеристику самого императора Николая и Россіи въ его время.

7. *Бар. М. А. Корфъ.* „Матеріалы и черты къ біографіи имп. Николая I и къ исторіи его царствованія. Рожденіе и первые 25 лѣтъ жизни". Въ 98 т. Сборн. имп. русск. историч. общества. Спб. 1896. Тамъ же отчеты министерствъ за двадцатипятилѣтіе царствованія имп. Николая.

II. Правительственная дѣятельность въ царствованіе Николая.

1. *Второе полное собраніе законовъ* (1825—1855), т. I—XXX. Спб. 1833—1856 гг.

2. *Статсъ-секретарь баронъ Корфъ.* „Восшествіе на престолъ императора Николая I". 3-е изд. (для публики первое). Спб. 1857.

3. *А. И. Герценъ.* „Заговоръ 1825 г.“. М. 1907 (маленькая брошюра). *Его же.* „14-е декабря и имп. Николай I“ Изд. „Полярной звѣзды“. Лондонъ. 1858 (книга).

4. *Th. Schiemann.* „Die Thronbesteigung Nicolaus des I“. Berlin. 1902.

5. *I. H. Schnitzler.* „Histoire imtime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825“. Bruxelles. 1847. (Особенно 2-й и 3-й томы.)

6. *М. М. Поповъ.* „Конецъ и послѣдствія бунта 14 декабря 1825 года“. Въ ист. сборникѣ „О минувшемъ“. Спб. 1909.

7. *„Донесеніе слѣдственной комиссіи,* высочайше учрежд. для изысканій о злоумышл. обществахъ“. Спб. 1826 (печат. по высоч. пов.).

8. *„Донесеніе Варшавскаго слѣдствен. комитета* е. и. в. цесарев. и вел. князю Константину Павловичу 27 дек. 1826 г. Варшава.

9. „Переписка императора *Николая Павловича* съ вел. кн. цесаревичемъ *Константиномъ Павловичемъ*“. (1825—1831). Сборн. имп. русскаго историч. общества. Томы 131 и 132. Спб. 1910 и 1911.

10. Записки и воспоминанія декабристовъ: *кн. С. Г. Волконскаго, кн. С. П. Трубецкого, И. Д. Якушкина, бар. Розена, М. А. Фонвизина, кн. Е. П. Оболенскаго* и др., указанныя въ библіогр. царств. Александра I.

11. Статьи *Н. П. Павлова-Сильванскаго* о Пестелѣ, *П. Е. Щеголева* о Каховскомъ (въ „Быломъ“ за 1906 г.), г. *Балицкаго* біографія Рылѣева, *В. Я. Богучарскаго* о Бестужевыхъ и Оболенскомъ, *В. И. Семевскаго* о бар. В. И. Штейнгейлѣ и о Фонвизинѣ и др., указанныя въ библіографіи царствованія Александра I.

12. *А. А. Кизеветтеръ.* Вышеупомянутый обзоръ внутренней политики Николая въ „Историческихъ очеркахъ“ (М. 1912) и тамъ же „Императоръ Николай I, какъ конституціонный монархъ“.

13. *С. М. Середонинъ.* „Историческій обзоръ дѣятельности комитета министровъ“. Т. II (части 1 и 2-я). Спб. 1902.

14. Журналы и бумаги *секретнаго комитета 6 декабря 1826 г.* въ томахъ 74 и 90 Сборника имп. русск. историч. общества. Спб. 1891 и 1894.

15. *Бар. М. А. Корфъ.* „Жизнь графа Сперанскаго“. Т. II, часть V. Спб. 1861.

16. *А. Н. Филипповъ.* „Сперанскій, какъ кодификаторъ“. „Русская Мысль“ за 1892 г., № 10.

17. *П. М. Майковъ.* „Второе отдѣленіе собств. его величества канцеляріи. 1826—1882“. Спб. 1906.

18. *М. К. Лемке.* „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.“ (по подл. дѣламъ III отд. соб. е. и. в. канцеляріи). Спб. 1908.

19. *Н. Варадиновъ.* „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ“ въ 8 книгахъ. Спб. 1856—1863.

20. *А. П. Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время“. 4 тома. Спб. 1882.

21. „Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности *министерства государственныхъ имуществъ* 1837—1887“, въ 5 частяхъ. Спб. 1888. (Особенно важна часть II—„Попечительство.—Поземельное устройство“).

22. „Очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ“. Спб. 1887 г. (изданіе малосодержательное).

23. *В. И. Семевскій.* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.“. Т. 2-й—„Крестьянскій вопросъ въ царствованіе имп. Николая I“. Спб. 1886.

24. „Памятники исторіи крестьянъ (вѣрнѣе было бы сказать: крестьянскаго законодательства) XIV—XIX вв.“. Подъ ред. *А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева.* М. 1910.

25. *Баронъ С. А. Корфъ.* „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1760—1855 гг.“. Спб. 1906.

26. „Исторія удѣловъ за столѣтіе ихъ существованія 1797—1897“. 3 т. Спб. 1902.

27. „Министерство финансовъ 1802—1902“. Часть первая. Спб. 1902.

28. *И. А. Бліохъ.* „Финансы Россіи въ XIX вѣкѣ“. Т. I. Спб. 1882.

29. *И. Н. Божеряновъ.* „Графъ Егоръ Францевичъ Канкринъ, его жизнь, литературные труды и двадцатилѣтняя дѣятельность управленія министерствомъ финансовъ“. Спб. 1897.

30. *Р. И. Сементковскій.* „Е. Ф. Канкринъ“, его жизнь и госуд. дѣятельность“ (въ серіи „Жизнь замѣч. людей“ Ф. Ф. Павленкова). Спб. 1893. Авторъ этой книжки не имѣлъ въ виду свѣдѣній, опублик. бар. Корфомъ въ 1896 г. о ходѣ денежной реформы 1839—1843 гг. (см. № 31).

31. *Бар. М. А. Корфъ.* „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“, въ Сборн. имп. русск. историч. общества. Т. 98. Спб. 1896. Здѣсь подробно изложенъ весь ходъ обсужденія денежной реформы 1839—1843 г. Тамъ же отчеты министерствъ за 25-лѣтіе царствованія имп. Николая (1826—1851).

32. *В. Лодыженскій.* „Исторія русскаго таможеннаго тарифа“. Спб. 1886.

33. „Краткій историч. очеркъ вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ (1798—1898). Спб. 1898.

34. Историческій очеркъ дѣятельности министерства юстиціи за 100 лѣтъ. Спб. 1902.

35. Исторія правит. сената за двѣсти лѣтъ 1711—1911. 5 т. Спб. 1911. подъ ред. *С. Ф. Платонова.*

36. *С. В. Рождественскій.* „Исторія министерства народнаго просвѣщенія съ 1802—1902“. Спб. 1902.

37. „*Сборникъ постановленій* по министерству народнаго просвѣщенія“. Томъ второй. Царствованіе имп. Николая I (1826—1855). Спб. 1865.

38. „*Десятилѣтіе* министерства народнаго просвѣщенія 1833—1843“. Спб. 1864.

39. *Шевыревъ.* „Исторія имп. Московскаго университета“. М. 1855.

40. *Григорьевъ, В. В.* „Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“. Спб. 1870.

41. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ.* „Исторія имп. университета св. Владиміра“. Т. I (царствованіе имп. Николая Павловича). Кіевъ. 1884.

42. *Д. Ѳ. Кобеко.* „Императорскій царскосельскій лицей. Наставники и питомцы 1811—1843“. Спб. 1911.

43. *М. Лалаевъ.* „Имп. Николай I, зиждитель русской школы“. Спб. 1906.

44. *М. К. Лемке.* „Очерки изъ исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст.“. Спб. 1904.

45. *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ (1804—1877)“. Т. I. Изд. 2-е. Спб. 1905.

46. *Н. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Томы I—XIII. Спб. 1888—1899.

47. *В. С. Иконниковъ.* „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“. „Вѣстн. Евр.“ за 1876, № 11.

48. Записки сенатора *Дивова.* „Русск. стар.“ за 1897 г.

49. Записки сенатора *Фишера.* Въ „Историч. Вѣст.“ за 1910 г.

Le marquis de Custine. „La Russie en 1839“. Bruxelles. 1843. 4 vol. Срав. *N. Gretsch.* „Examen de l'ouvrage de M. le m. de Custine intitulé la Russie en 1843“. P. 1844.

50. Записка *Н. Кутузова*, поданная имп. Николаю 2 апр. 1841 г „Рус-

ская Старина" за 1898 г., № 9. Перепечатана въ книгѣ *М. О. Гершензона* „Эпоха Николая", стр. 169.

51. *И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ, томы I—III. М. 1888.

52. Сочиненія *М. П. Погодина*, т. IV, „Историко-политическія письма и записки въ продолженіе крымской войны". М. 1874.

53. *Кн. Щербатовъ*. „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность". 6 т. Спб. 1888—1899.

54. *А. Зиссерманъ*. „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ" (1842—1867). Спб. 1879.

55. *Захарьинъ* (Якунинъ). „Гр. В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву". Спб. 1901.

56. *И. П. Барсуковъ*. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Матеріалы для біографіи". 2 т. М. 1891.

57. *Ф. Смитъ*. „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ". Спб. 1863. 3 т. (перев. съ нѣмецкаго).

58. *Пизыревскій*. „Польско-русская война 1831 г.". Спб. 1890, 2 тома.

59. *С. С. Татищевъ*. „Внѣшняя политика императора Николая Перваго". Спб. 1887.

60. *Его же*. „Императоръ Николай и иностранные дворы". Спб. 1889.

61. *Баронъ Ф. И. Бруновъ*. „Aperçu des principales transactions du cabinet de Russie"—записка (съ собственными приписками имп. Николая), составленная для цесаревича Александра Николаевича въ 1837 г. Въ Сборн. имп. русск. историч. общества. Т. 30-й. Спб. 1880.

62. *Нилъ Поповъ*. „Россія и Сербія. Историч. очеркъ русск. покровительства Сербіи съ 1806—1856 г.". 2 т. М. 1869.

63. *М. И. Богдановичъ*. „Восточная война 1853—1856 годовъ". 4 тома. Спб. 1876.

64. *А. М. Заіончковскій*. „Восточная война 1853—1856 годовъ въ связи съ современ. ей политич. обстановкой". Спб. 1908. Пока появился лишь 1-й томъ и приложенія къ нему (въ особомъ томѣ).

65. „Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе имп. Николая I". Подъ ред. *Н. Ф. Дубровина*. Напечатано въ т. 113 (въ двухъ книгахъ) сборника русск. имп. историч. общества.

III. Положеніе населенія въ царствованіе Николая I.

1. *С. Т. Hermann*. „Recherches statistiques sur la septième révision", въ „Mémoires de l'académie impériale des sciences de St.-Pétersbourg". T. VII, p. 449 (особенно таблица при стр. 456). Спб. 1820.

2. *Köppen*. „Ueber die Vertheilung der Bewohner Russlands nach Ständen in den verschiedenen Provinzen" въ „Mém. de l'Academie" 6 me serie, t. VII. St.-P. 1843, S. 401—429.

3. *К. С. Веселовскаго* переводъ статьи *П. И. Кеппена* „О густотѣ населенія въ губерніяхъ Европейской Россіи", въ „Сборникѣ статистич. свѣдѣній о Россіи", изд. географич. общ. Т. I. Спб. 1851.

4. *М. П. Зябловскій*. „О числѣ жителей въ Россіи по состояніямъ въ 1836 г.". Въ томъ же „Сборникѣ статист. свѣд. о Россіи". Т. I.

5. *П. И. Кеппенъ*. „Девятая ревизія. Изслѣдованіе о числѣ жителей въ Россіи въ 1851 г." (съ приведеніемъ свѣдѣній о раздѣленіи жителей по сословіямъ на основаніи офиц. данныхъ различныхъ вѣдомствъ). Спб. 1857.

6. *А. Г. Тройницкій*. „Крѣпостное населеніе Россіи по 9-й ревизіи" въ „Журн. м-ва вн. дѣлъ" за 1858 г. № 5. (Перепечатано въ „Сельскомъ

благоустройствѣ" за 1858 г.) Срав. разборъ и изложеніе данныхъ Тройницкаго у *Чернышевскаго*: „Статьи по крестьянскому вопросу", Спб. 1905.

7. *А. Г. Тройницкій.* „Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи". Спб. 1861.

8. *Баронъ Авг. Гакстгаузенъ.* „Изслѣдованія внутр. отношеній народной жизни и въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи". По-русски—т. I. Москва. 1870. (Перев. Рагозина); остальные два тома имѣются лишь на нѣмецкомъ и франц. языкахъ.

9. *Андросовъ.* „Хозяйственная статистика Россіи". М. 1827 г.

10. *К. И. Арсеньевъ.* „Статистическіе очерки Россіи". Спб. 1848.

11. *Tengoborski.* „Etudes sur les forces productives de Russie". St.-P. 1851. 3 v. (Первый томъ переведенъ на русск. яз. И. В. Вернадскимъ въ 1857 г.). Срав. разборъ этого сочиненія (нѣсколько тенденціозный) *Чернышевскимъ* въ ст. его о книгѣ бар. Гакстгаузена въ „Крест. вопросѣ".

12. „*И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ". Т. I—III. М. 1888.

13. *Его же.* „Украинскія ярмарки. Спб. 1858. Изд. географ. об-ва (издано на средства петерб. купечества).

14. *Фундуклей.* „Статистическое описаніе кіевской губерніи" (составл. *Д. П. Журавскимъ*). 3 части. Спб. 1852.

15. *Я. А. Соловьевъ.* „Сельско-хозяйственная статистика смоленской губерніи". М. 1855.

16. *В. Преображенскій.* „Описаніе тверской губ. въ сельскохоз. отношеніи. Спб. 1854.

17. *В. И. Покровскій.* „Историч. очеркъ тверской губ. (глава о населеніи тверской губ. въ XIX в.). Изд. тверского земства.

18. *Кн. Н. С. Волконскій.* „Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ". Рязань. 1898.

19. *М. И. Семеновъ.* „Руководство къ управленію имѣніемъ, с. Архангельскимъ, Раненбург. уѣзда". М. 1840.

20. *А. Д. Повалишинъ.* „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные". Рязань. 1903.

21. *Ор. Левицкій.* „О положеніи крестьянъ юго-западнаго края во 2-ой четверти XIX ст." въ „Кіевск. Стар." за 1906, VII—VIII.

22. *В. И. Снѣжневскій.* „Матеріалы для ист. крѣпост. хозяйства въ Нижегородскомъ уѣздѣ" въ „Дѣйст. нижегор. уч. архив. к-сіи". Н.-Н. 1905. Т. VI". *Его же.* „Быковская вотчина Демидовыхъ". Тамъ же. Т. VII. Н.-Н. 1909. *Его же.* „Крѣпостные крестьяне и помѣщики нижегород. губ. наканунѣ реформы 19 февраля и первые годы послѣ нея". Тамъ же. Т. III.

23. *А. И. Кошелевъ.* „Записки". Берлинъ. 1884 (особенно приложенія).

24. *Кн. О. Н. Трубецкая.* „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго". Т. 1-й, ч. 1-ая. М. 1903.

25. „Нѣкоторыя данныя о кн. С. В. Волконскомъ". Рязань. 1905.

26. *И. В. Лучицкій.* „Изъ недавняго прошлаго", въ „Кіевск. Стар." за 1901.

27. *С. С. Громека.* „Кіевскія волненія въ 1855 г.". Спб. 1863.

28. *А. А. Кононовъ.* „Записка о ходѣ дѣла въ смоленской губерніи по вопросу объ обязанныхъ крестьянахъ", въ „Чт. общ. ист. и древн. россійскихъ". М. 1858.

29. *А. В. Никитенко.* „Записки и дневникъ". Т. I. Спб. 1904. Изд. 2-е (подъ ред. М. К. Лемке).

30. *И. И. Игнатовичъ.* „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія". Изд. 2-е. М. 1910 (у *него же* срав. библіографическія указанія).

31. *П. Б. Струве.* „Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX вѣкѣ", въ „Мірѣ Божьемъ" за 1899 г., №№ 10—12,

32. *В. И. Семевскій.* „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Т. 2-й. Спб. 1888. Срав. *его же* ст. по тому же предмету въ сборникѣ „Крестьянскій строй". Спб. 1905.

33. *А. П. Заблоцкій-Десятовскій.* „Гр. П. Д. Киселевъ и его время". Спб. 1882 (особенно приложенія въ т. IV).

34. *Приложенія къ трудамъ Редакціон. комиссій,* для составл. полож. о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостн. зависимости. *Свѣдѣнія о помѣщичьихъ имѣніяхъ".* 6 томовъ in 4°. Спб. 1860.

35. *М. И. Туганъ-Барановскій.* „Русская фабрика въ ея настоящемъ и прошломъ". Т. I, изд. 3-е. Спб. 1909.

36. *А. Семеновъ.* „Изученіе историч. свѣдѣній о росс. внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины XVII ст. по 1858 г. Спб. 1859.

37. *В. И. Покровскій.* „Сборникъ свѣдѣній по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи". Т. I. Изд. д-та тамож. сборовъ. Спб. 1902.

38. *О. Гулишамбаровъ.* „Всемірная торговля въ XIX в. и участіе въ ней Россіи". Спб. 1898.

39. „Записки сельскаго священника". „Русск. Стар." за 1880 г. Т. XXVII.

40. *П. Знаменскій.* „Приходское духовенство въ Россіи со вр. реформы Петра". Казань. 1873.

41. *Н. Ф. Дубровинъ.* „Матеріалы для исторіи православной церкви въ царствованіе имп. Николая I" (въ двухъ книгахъ). Томъ 113-й Сборника Императ. русск. историческаго общества. Спб. 1901.

42. *Н. Варадиновъ.* „Исторія министерства внутр. дѣлъ", книга VIII (дополнительная): *„Исторія распоряженій по расколу".* Спб. 1863.

43. *Баронъ С. А. Корфъ.* „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 годовъ". Спб. 1906.

44. *Романовичъ-Славатинскій.* „Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права". Спб. 1870.

45. *И. И. Дитятинъ.* Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. Т. II. Ярославль. 1877.

46. *Его же.* „Наши города за первыя три четверти настоящаго столѣтія" и „Русскій дореформенный городъ", въ книгѣ: „Статьи по исторіи русск. права". Спб. 1895.

47. „Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургѣ". (Изд. м. в. д.) Спб. 1836.

IV. Положеніе и развитіе интеллигенціи въ связи съ исторіей просвѣщенія и печати.

1. *А. Н. Пыпинъ.* „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ". Спб. 1906. Изд. 3-е.

2. *П. Н. Милюковъ.* „Главныя теченія русской исторической мысли". Изд. 2-е. 1898 г.

3. *Его же.* „Очерки по исторіи русской культуры". Части 2 и 3. Спб. 1899—1903.

4. *Его же.* „Изъ исторіи русской интеллигенціи". 2-е изд. 1903 г.

5. *Буличъ.* „Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія". Т. I. Спб. 1902. Т. II. Спб. 1905.

6. *А. Н. Веселовскій.* „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ". М. 1906. Изд. 3-е.

7. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* „Исторія русской интеллигенціи". Ч. I.

8. *Ивановъ-Разумникъ.* „Исторія русской общественной мысли". Т. I.

9. *Замотинъ.* „Романтизмъ двадцатыхъ годовъ въ русской литературѣ". Варшава. 1903.

10. *Его же.* „Романтич. идеализмъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ 20—30-хъ годовъ XIX столѣтія". Спб. 1908.

11. *Чернышевскій.* „Очерки гоголевскаго періода русской литературы". Т. II полн. собр. соч. Спб. 1906 и отдѣльно Спб. 1893.

12. *Гершензонъ.* „Исторія молодой Россіи". М. 1908.

13. *Филипповъ, М. М.* „Судьбы русской философіи", въ „Русск. Бог." за 1894 г., №№ 1, 3, 4, 8 и 9.

14. *Павловъ-Сильванскій.* „Матеріалисты двадцатыхъ годовъ", въ „Быломъ" за 1907 г., № 7.

15. *А. С. Пушкинъ.* Полныя собранія сочиненій: изд. академіи наукъ (вышло пока 3 тома); подъ ред. *Венгерова* (вышло пока 5 томовъ); подъ ред. *П. А. Ефремова* (суворинское изд.) 8 томовъ. Спб. 1903—1905.—Переписка *А. С. Пушкина* подъ ред. Саитова (изд. акад. наукъ) 3 т. Спб. 1906—1911.

16. *В. Зелинскій.* „Русская критическая литература о произведеніяхъ Пушкина". 7 частей. М. 1887—1899.

17. *В. Сиповскій.* „Пушкинская юбилейная литература" (1899—1900). Изд. 2-е. Спб. 1902.

18. *П. В. Анненковъ.* „Матеріалы для біографіи Пушкина". Изд. 2. Спб. 1873.

19. *Его же.* „Общественные идеалы А. С. Пушкина" (въ III т. „Восп. и критич. очерковъ").

20. *Н. Лернеръ.* „А. С. Пушкинъ. Труды и дни". Изд. 2-е. Спб. 1910.

21. *Л. Н. Майковъ.* „Біографич. матеріалы и историко-критич. очерки" Спб. 1899.

22. *В. Е. Якушкинъ.* „О Пушкинѣ". Статьи и замѣтки. М. 1899.

23. *И. А. Шляпкинъ.* „Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина". Спб. 1903.

24. *П. Е. Щеголевъ.* „Императоръ Николай I и Пушкинъ въ 1826 г." „Русск. Мысль" за 1910 г., № 6 и книга „Пушкинъ". Спб. 1912.

25. „Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія". Періодич. изданіе акад. наукъ съ 1903 г. (до сихъ поръ, до 1/I 1912 г., вышло 16 выпусковъ).

26. Записки *В. П. Зубкова* съ предисловіемъ *Б. А. Модзалевскаго.* Спб. 1906.

27. *Д. Ѳ. Кобеко.* „Императорскій царскосельскій лицей. Наставники и питомцы". 1811—1843. Спб. 1911.

28. *А. И. Пятковскій.* „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія" 2 ч. Спб. 1889.

29. *С. Весинъ.* „Очерки исторіи русск. журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ". Спб. 1881.

30. „Исторія русской литературы XIX вѣка". Подъ ред. *Д. И. Овсянико-Куликовскаго.* М. 1908—1912. 5 томовъ. Томы I и II.

31. *Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ* томы 3, 4 и I выпускъ 5-го. Спб. 1899 и 1909.

32. „Уткинскій сборникъ" (Письма *В. А. Жуковскаго* и др.). М. 1904.

33. „Письма *Жуковскаго* къ *А. И. Тургеневу*". Изд. „Русск. Архива". М. 1895.

34. Полное собраніе сочиненій *В. А. Жуковскаго* подъ ред. *П. А. Ефремова.* Спб. 1901.

35. *К. К. Зейдлицъ.* „Жизнь и поэзія Жуковскаго". Спб. 1883.

36. *А. Н. Веселовскій.* „В. А. Жуковскій". Спб. 1904.

37. *А. С. Грибоѣдовъ.* Полное собр. сочиненій, въ „Академич. библ. русскихъ писателей", вып. 3-й, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1912.

38. *И. А. Крыловъ.* „Полное собр. сочиненій“ подъ ред. *В. В. Каллаша* въ 4 ч. Спб. 1904—1905.

39. Полное собраніе сочиненій кн. *П. А. Вяземскаго.* 12 частей. Спб. (Особенно „Старая записная книжка“, въ т. VIII—X).

40. Архивъ *Раевскихъ* подъ ред. Б. Л. Модзалевскаго. (Вышло 3 тома. Спб. 1908—1911).

41. *Н. П. Барсуковъ.* „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Спб. 1888—1909. 21 томъ и 1 (посмертный) дополнит. томъ. Спб. 1910.

42. *Его же.* „Выписки изъ писемъ И. С. Мальцева къ С. А. Соболевскому“. Спб. 1904.

43. *Его же.* „Выписки изъ нечаевскаго архива“. Спб. 1905.

44. *С. Н. Глинка.* „Записки“ 1774—1847. Спб. 1895.

45. *Н. И. Гречъ.* „Записки о моей жизни“. Спб. 1886.

46. *Ѳ. В. Булгаринъ.* „Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни“. 6 ч. Спб. 1846—49.

47. *А. О. Смирнова.* „Записки“ (1824—1845). Спб. 1895.

48. *А. В. Никитенко.* „Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель былъ. Записки и дневникъ (1804—1877)“ Спб. 1905. 2 т. Изд. 2-е (подъ ред. *М. К. Лемке*).

49. *Н. Козьминъ.* „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. Н. А. Полевой, какъ выразитель литерат. направленій соврем. ему эпохи“. Спб. 1903.

50. „Записки *К. А. Полеваго*“. Спб. 1888.

51. *С. Т. Аксаковъ.* „Литературныя и театр. воспоминанія“, въ полн. собр. соч. Спб. 1910.

52. *И. С. Аксаковъ.* „Ф. И. Тютчевъ—біографич. очеркъ“. М. 1874.

53. *А. П. Пятковскій.* „Кн. В. Ф. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ“. Изд. 3-е. Спб. 1901.

54. *Д. Вл. Веневитиновъ.* „Сочиненія“. Изд. 1831 (Смирдина) и 1862 г. (подъ ред. Пятковскаго).

55. *Кн. Вл. Ф. Одоевскій.* „Сочиненія“. 3 т. Спб. 1844.

56. „*Мнемозина*“. Сборникъ. М. 1824—25 (4 части) подъ ред. кн. В. Ф. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера.

57. *Н. Колюпановъ.* „Біографія А. И. Кошелева“. 3 т. М. 1889.

58. „Записки *А. И. Кошелева*“. Берлинъ. 1884.

59. Полное собраніе сочиненій *Е. А. Баратынскаго* (и критика). Кіевъ—Харьковъ. 1894. Приготовляется къ печати новое изданіе въ „Академич. библіот. русск. писателей“ при акад. наукъ.

60. Стихотворенія *Н. М. Языкова.* Изд. 4-е. въ 2-хъ ч. Спб. 1858 (со статьей Перевлѣсскаго и со всѣми рецензіями и статьями о стихотв. Языкова).

61. Полное собр. сочиненій *И. В. Кирѣевскаго.* Изд. 1-е. М. 1861 г. (Кошелева); изд. 2-е (подъ ред. Гершензона). М. 1910. Срав. ст. *Гершензона* объ И. В. Кирѣевскомъ, въ „Вѣст. Евр.“ за 1908 г., № 8, перепечат. въ книжкѣ его „Историческія записки (о русскомъ обществѣ)“. М. 1910, а также *мою* рецензію въ „Русск. Мысли“ за 1912 г., № 1.

62. Журналъ „Европеецъ“ за 1832 г., №№ 1 и 2. Срав. записку о немъ, составленную *Чаадаевымъ* отъ имени *Кирѣевскаго* и представл. Бенкендорфу (напечат. въ „Русск. Архивѣ“ за 1896 г., № 8).

63. *М. О. Гершензонъ.* „П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе“. Въ прилож. „Философич. письма“, „Апологія сумасшедшаго“ и переписка Чаадаева. М. 1908.

64. *М. К. Лемке.* „Чаадаевъ и Надеждинъ“, въ книгѣ „Николаевскіе жандармы“. Спб. 1908.

65. *М. Гершензонъ.* „Историческія записки“. М. 1910.

66. *Его же.* „Образы прошлаго" (здѣсь между проч. біографія Петра Кирѣевскаго). М. 1912.

67. *Его же.* „В. С. Печеринъ". М. 1910.

68. *Завитневичъ.* „А. С. Хомяковъ". Т. I. Кіевъ. 1902.

69. *А. С. Хомяковъ.* „Собраніе сочиненій". 8 томовъ. М. 1900—1901.

70. Стихотворенія *А. И. Полежаева* подъ ред. *Арс. Ив. Введенскаго.* Спб. 1892 (съ біограф. очеркомъ).

71. Полное собраніе сочиненій *М. Ю. Лермонтова*, въ 5 томахъ. Спб. 1910—1912 „Академич. библіотека русскихъ писателей", вып. 3-й.

72. Сочиненія *Н. В. Гоголя* въ 7 томахъ подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Н. Шенрока.* Спб. 1889—1896.

73. Письма *Н. В. Гоголя* подъ ред. *В. Шенрока.* 4 т. Спб. 1902.

74. *В. И. Шенрокъ.* „Матеріалы для біографіи Гоголя". 4 т. М. 1892—98.

75. *Н. С. Тихонравовъ.* Сочиненія. Т. III.

76. „*Н. В. Станкевичъ.* Переписка его и біографія, составл. *П. В. Анненковымъ*". М. 1857.

77. Сочиненія *Н. В. Станкевича.* М. 1890.

78. Собранія сочиненій *В. Г. Бѣлинскаго*: а) *Солдатенковское* въ 12 томахъ. Изд. 10-е. М. 1861 г., б) *Венгеровское* (первое полное) съ обширными комментаріями и справками (всего вышло пока 9 томовъ изъ 12). Спб. 1898—1909.

79. *А. Н. Пыпинъ.* „Бѣлинскій, его жизнь и переписка". 2 т. Спб. 1876.

80. *П. Прозоровъ.* „Бѣлинскій и московскій университетъ въ его время". Изъ студ. воспом. въ „Библ. для чтенія" за 1859 г., № 12.

81. *П. В. Анненковъ.* „Воспоминанія и критическіе очерки. Отд. III: Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848)". Спб. 1881.

82. „*П. В. Анненковъ* и его друзья". Спб. 1892.

83. *Н. И. Надеждинъ.* „Автобіографія" съ предисловіемъ и послѣсловіемъ *Савельева* въ „Русск. Вѣст." за 1856 г., № 5.

84. *К. С. Аксаковъ.* „Воспоминанія студентства" (1832—1835 гг.). М. 1911.

85. Первое собраніе писемъ *В. Г. Бѣлинскаго*, изд. *Н. Зинченкомъ.* Спб. 1901.

86. *А. А. Корниловъ.* „Семейство Бакунинныхъ (по неизданнымъ матеріаламъ)" „Русск. Мысль" за 1909 г., №№ 5, 6 и 8, за 1911 № 10 и за 1912 №№ 2 и 3.

87. Сочиненія *В. П. Боткина.* Спб. 1891.

88. *А. В. Станкевичъ.* Тимофей Николаевичъ Грановскій и его переписка". Изд. 2-е въ 2-хъ частяхъ. М. 1897.

89. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго.* М. 1892.

90. Сочиненія *А. И. Герцена*: а) заграничное изданіе въ 10 томахъ. Женева. 1875—79 и отдѣльно „Сборникъ посмертныхъ статей". Ж. 1870: б) изд. Ф. Ф. Павленкова въ 7 томахъ. Спб. 1905.

91. *Искандеръ* (*Герценъ*). „Du développement des idées revolutionnaires en Russie" . Изд. 2-е. Лондонъ 1853 (имѣется три русскихъ изданія: *Сытина* „Движ. обществ. мысли въ Россіи". М. 1907; *Саблина* „Къ развитію революц. идей въ Россіи". М. 1906, и *Павленкова* „О разв. революц. идей въ Россіи". Перев. *Тверитинова.* Спб. 1907.

92. *Д. В. Смирновъ.* „Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена. Спб. 1897.

93. *Ч. Вятринскій.* Герценъ. Спб. 1908. Въ прилож. библіографія произведеній Герцена и литературы о немъ, составл. *А. Г. Фоминымъ.*

94. *А. Н. Веселовскій.* Герценъ-писатель. М. 1909.

95. *Т. П. Пассекъ*. „Изъ дальнихъ лѣтъ“. Части 1 и 2. Спб. 1878—9.
96. *Н. А. Тучкова-Огарева*. „Воспоминанія“ М. 1903.
97. Отрывки изъ воспоминаній *М. К. Рейхель* (урожд. *Эрнъ*) и письма къ ней Герцена. М. 1909.
98. *В. М. Батуринскій*. „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“. Т. I. Спб. 1904.
99. *К. С. Аксаковъ*. „Полное собр. сочиненій“. 3 т. М. 1861, 1875 и 1880.
100. „*Ив. С. Аксаковъ* въ его письмахъ“. Т. I—III. М. 1888.
101. *Ю. Ф. Самаринъ*. Сочиненія. Т. I—III, V—X съ обширными примѣчаніями и біографич. справками издателя *Д. Ф. Самарина*. М. 1877—1898.
102. *С. Невѣдѣнскій*. „Катковъ и его время“. Спб. 1888.
103. Сочиненія *И. С. Тургенева*. Особенно т. I „Записки охотника“, т. IV—„Рудинъ“, т. X—„Литературныя и житейскія воспоминанія“. Спб. 1884.
104. Полное собраніе сочиненій *Н. В. Кольцова*. Вып. 1-й. „Академич. библіот. русск. писателей“. Спб. 1909.
105. Полное собр. сочиненій *Ѳ. М. Достоевскаго*. Спб. 1883. Т. I. „Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки“.
106. *Д. Д. Ахшарумовъ*. Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851). Спб. 1905.
107. *В. И. Семевскій*. Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ сороковыхъ годовъ. Ростовъ-на-Дону. 1905.
108. „По дѣлу Петрашевскаго“. „Р. Стар.“ за 1905, № 2.
109. *Н. И. Костомировъ*. „Литературное наслѣдіе. Автобіографія“. Спб. Изд. 2-е. 1890. Ненапечатанная ранѣе глава, записанная *Н. А. Бѣлозерскою*, въ „Русск. Мысли“ за 1885 г., № 5.
110. *Т. Г. Шевченко*. „Кобзарь“, изд. подъ редакціей *Огановскаго*. Львовъ. Въ 2-хъ частяхъ. 1893. русское изданіе „Кобзаря“ подъ редакціей *І. Славинскаго*. Спб. 1911.
111. „Записки, або журналъ *Шевченка*“. Львовъ. 1895.
112. Проф. *Н. И. Петровъ*. „Очерки исторіи украинской литературы XIX ст.“. Кіевъ. 1884.
113. *В. И. Семевскій*. „Кирилло-Меѳодіевское общество 1846—1847 гг.“, въ „Русск. Богат.“ за 1911 г., №№ 5 и 6. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указаніе относящейся сюда литературы.

ЛЕКЦІЯ XX.

Крымская война и ея значеніе.—Характеристика императора Александра Николаевича.—Его воспитаніе и его политическіе взгляды и вкусы.—Вліяніе на него крымской войны.—Первые шаги его царствованія.—Настроеніе общества и отношеніе его къ Александру въ 1855—56 годахъ.—Заключеніе мира и манифестъ 19 марта 1856 г.—Рѣчь дворянству въ Москвѣ.—Начало подготовленія крестьянской реформы.—Дѣятельность Ланского и Левшина.—Отношеніе дворянства.—Записки, ходившія по рукамъ въ обществѣ.—Образованіе секретнаго комитета.—Я. И. Ростовцевъ.—Ходъ дѣлъ въ секретномъ комитетѣ въ 1857 г.—Ходатайство литовскихъ дворянъ и рескриптъ 20 ноября 1857 г. генералъ-адъютанту Назимову.—Программа правительства.—Опубликованіе рескрипта 20 ноября.

Военныя неудачи, испытанныя Россіей въ крымской кампаніи, обнаружившія въ глазахъ всѣхъ несостоятельность политики Николая, явились, какъ извѣстно, событіемъ, предсказаннымъ еще въ 1847 г. Николаемъ Тургеневымъ. Чтобы предсказать это въ 1847 г., надо было обладать не малою проницательностью и глубокимъ пониманіемъ общаго хода дѣлъ въ Россіи и Европѣ. До крымской войны могущество русскаго правительства представлялось колоссальнымъ, и даже правильность его системы представлялась почти непререкаемой не только въ глазахъ самого императора Николая, но и всѣхъ его окружающихъ, включая въ то число и наслѣдника престола Александра Николаевича, будущаго Царя-Освободителя. Послѣ быстраго подавленія венгерскаго возстанія превосходными силами Паскевича военное могущество Россіи представлялось громаднымъ и въ Европѣ, и удивительно, какъ легко рушилось это могущество при первомъ же столкновеніи съ регулярными силами цивилизованныхъ государствъ, хотя силы эти вовсе не были очень значительны. Впрочемъ, наша боевая неподготовленность стала обнаруживаться уже и тогда, когда мы имѣли врагомъ только одну Турцію. Мы не могли и ее побѣдить сразу.

Неподготовленность наша къ серьезной войнѣ сдѣлалась еще болѣе ясной, когда къ Турціи примкнули Англія, Франція, а затѣмъ и Сардинія.

Собственно говоря, несмотря на видимую внушительность коалиціи, союзники высадили не много войска; тогдашнія средства морской перевозки ограничивали для нихъ возможность высадки очень большой арміи, и союзниками было высажено всего около 70.000 войска. Но хотя у Николая Павловича вообще арміи было около милліона человѣкъ, мы не могли справиться съ этими семьюдесятью тысячами—отчасти благодаря хаотическому состоянію военнаго хозяйства и отсталости нашего вооруженія, отчасти благодаря отсутствію удобныхъ путей сообщенія, отчасти благодаря поразительному отсутствію подготовленныхъ и привыкшихъ къ самостоятельному веденію дѣла военныхъ вождей и генераловъ. Снабженіе севастопольской арміи производилось тѣми же способами и средствами, какъ снабженіе арміи въ 1812 году; количество потребовавшихся подводъ, перевозочныхъ средствъ, количество воловъ и лошадей было громадно и несоразмѣрно тому количеству запасовъ, которые доставлялись. Подъ тяжестью этой повинности южныя наши губерніи изнемогали и разорялись, а армія терпѣла во всемъ недостатокъ. Безпорядки усиливались страшнымъ воровствомъ и всякими злоупотребленіями, которыя сильно увеличивали неизбѣжные государственные расходы.

Медицинская и санитарная части были поставлены такъ же неудовлетворительно, и борьба съ особенно развившимися на югѣ болѣзнями велась весьма плохо. Стратегическіе наши планы не выдерживали никакой критики. Тогда самымъ могущественнымъ лицомъ въ военныхъ сферахъ былъ Паскевичъ и онъ испортилъ весьма много, такъ какъ, опасаясь вторженія со стороны Австріи, которая въ благодарность за помощь, оказанную ей Николаемъ въ 49 году, держала свои войска наготовѣ, чтобы присоединиться къ врагамъ Россіи, Паскевичъ тормозилъ отправленіе вспомогательныхъ военныхъ силъ въ Крымъ. Князь В. И. Васильчиковъ (бывшій начальникъ штаба въ Севастополѣ) опредѣленно говоритъ, что если бы Паскевичъ не замедлилъ посылкой помощи, то Севастополь можно было бы отстоять. Ниже всякой критики оказались дѣйствія и другихъ сухопутныхъ начальниковъ: никакой иниціативы, никакой са-

мостоятельности проявить они не могли. Только сами войска оказались на высотѣ положенія въ отношеніи выносливости и мужества, которыя проявились во всей силѣ, да немногіе представители флота, воспитанные въ школѣ адмирала Лазарева, проявили достаточно героизма и предпріимчивости [1]). Но тѣмъ болѣе оттѣнялась досадность нашихъ неудачъ, ибо при наличности такого хорошаго настроенія войскъ, при небольшихъ, сравнительно, силахъ непріятеля, мы не могли его одолѣть на своей собственной территоріи, и слава русскаго оружія, которой мы привыкли гордиться со временъ Екатерины, омрачилась необыкновенно быстро. Самъ Николай Павловичъ, любившій въ прежнее время оканчивать свои манифесты самонадѣянными возгласами, какъ, напр., въ 1848 г.:—„Съ нами Богъ, разумѣйте языци и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!", — вынужденъ былъ понять теперь несостоятельность той системы, которую еще недавно онъ считалъ совершенно правильной, которой онъ посвятилъ всѣ свои силы и благодаря которой склоненъ былъ считать себя великимъ историческимъ лицомъ. Николай Павловичъ почувствовалъ, что оставляетъ наслѣдство своему сыну въ разстроенномъ видѣ. Извѣстно, что, благословляя Александра на смертномъ одрѣ, онъ сказалъ: „сдаю тебѣ команду не въ добромъ порядкѣ".

Въ это время, конечно, раскрылись глаза на несостоятельность этой системы и у всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи, такъ какъ происходившія внушительныя событія заставляли давать себѣ правильную оцѣнку, которую невозможно было исказить или отвергнуть.

Что касается Николая Павловича, то можно сказать, что умеръ онъ какъ разъ во-время, потому что, если бы послѣ севастопольской кампаніи ему пришлось еще царствовать, то ему пришлось-бы отказаться прежде всего отъ своей тридцатилѣтней системы управленія, а отказаться отъ нея для него

---

[1]) Всѣ изложенныя обстоятельства довольно хорошо выяснены въ сочиненіяхъ военныхъ историковъ: генерала *М. И. Богдановича* „Восточная война 1853—1856 гг. "Спб. 1877 (особенно томы II—IV) и генерала *А. М. Зайончковскаго* „Восточная война 1853—1856 гг. въ современной политической обстановкѣ" т. I, въ которомъ выяснено состояніе русской арміи къ началу этой войны.

было все равно, что отказаться отъ самого себя. Въ этомъ отношеніи смерть являлась для него благомъ. Это сознавали даже близкіе къ нему люди... [1])

Наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ однако также совершенно не былъ подготовленъ къ той реформаторской дѣятельности, которая ему предстояла. Въ русской исторической литературѣ въ этомъ отношеніи существуетъ довольно много ложныхъ легендъ и невѣрныхъ понятій.

Вообще личность Александра II, Царя-Освободителя, благодаря историкамъ-панегиристамъ и наивнымъ мемуаристамъ-современникамъ, представляется обыкновенно, какъ личность идейнаго реформатора, гуманно настроеннаго, желавшаго, такъ сказать, въ силу внутреннихъ побужденій и склонностей провести тѣ реформы, которыя ему пришлось провести. Все это совершенно невѣрно, и освободить дѣйствительный ходъ событій отъ ложныхъ представленій мнѣ кажется въ этомъ случаѣ особенно важнымъ, такъ какъ эти представленія затемняютъ истинный ходъ того процесса, изученіе котораго является нашей главной задачей. Воспитателемъ Александра Николаевича былъ, правда, гуманный человѣкъ—Жуковскій: онъ весьма желалъ внушить Александру свои гуманные взгляды на задачи правленія, но ошибочно было бы представлять себѣ Жуковскаго какимъ-то либераломъ. Онъ былъ просто человѣкъ честный и въ высшей степени добрый, и ему хотѣлось подготовить изъ Александра добраго государя, въ родѣ Генриха IV, особенно въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ Жуковскій могъ представлять себѣ тогда такихъ государей, какъ Генрихъ IV-ый. Жуковскій дѣйствовалъ въ своей сферѣ чрезвычайно смѣло: онъ не усомнился прямо заявить родителямъ Александра, что если они хотятъ, чтобы изъ него вышелъ не полковой командиръ, а просвѣщенный монархъ и чтобы въ отечествѣ своемъ онъ видѣлъ не казарму, а націю, то нужно отрѣшить его отъ той плацъ-парадной атмосферы, которая господствовала при дворѣ того

---

[1]) Повидимому, даже императрица Александра Ѳеодоровна. Срав. *у Барсукова* свѣдѣнія, полученныя изъ близкихъ къ царской фамиліи сферъ: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 392. Свѣдѣнія эти я приводилъ въ книгѣ своей „Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881)“. М. 1909 г., стр. 14.

времени. И надо сказать, что мать Александра сочувственно слушала такія мысли и что даже Николай Павловичъ позволялъ Жуковскому ихъ высказывать и повидимому терпѣливо и снисходительно ихъ выслушивалъ. Однако, все же въ концѣ-концовъ преодолѣли идеи самого Николая Павловича; а онъ опредѣленно высказывалъ, что изъ будущаго императора надо сдѣлать прежде всего военнаго человѣка. Онъ считалъ, что это необходимо, что безъ этого Александръ „будетъ потерянъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ“... Правда, Николай Павловичъ считалъ, что и для военнаго человѣка не годится та военная обстановка, въ которой когда-то воспитывали его самого; онъ желалъ, чтобы его сынъ былъ дѣйствительно военнымъ человѣкомъ, хорошо понимающимъ настоящее военное, а не плацъ-парадное дѣло, и съ соотвѣтственнымъ характеромъ, но въ этомъ отношеніи онъ былъ безсиленъ воспитать Александра даже такъ, и въ концѣ-концовъ восторжествовали именно плацъ-парадные идеалы. Александръ съ самаго дѣтства получилъ къ этимъ плацъ-парадным идеаламъ большую склонность; ему чрезвычайно льстило, что онъ еще мальчикомъ 10-ти лѣтъ могъ хорошо гарцовать, могъ хорошо произносить командныя слова и щегольски проѣхать церемоніальнымъ маршемъ передъ дѣдомъ своимъ, прусскимъ королемъ, въ Берлинѣ. Впослѣдствіи эти склонности и чувства глубоко вкоренились въ немъ, и онъ сдѣлался не приверженцемъ идей своего воспитателя Жуковскаго, хотя, можетъ быть, онъ и получилъ отъ него общую склонность къ добру, а совершеннымъ сыномъ своего отца, и когда въ началѣ 40-хъ годовъ онъ, уже зрѣлымъ человѣкомъ, былъ пріобщенъ къ государственному управленію, то онъ оказался однимъ изъ убѣжденныхъ почитателей системы Николая Павловича, несмотря на то, что до него, какъ до наслѣдника, легче доходили свѣдѣнія объ отрицательныхъ результатахъ этой системы, нежели до самого Николая. Онъ никогда не пытался стать по отношенію къ этой системѣ на критическую точку зрѣнія. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ Николай Павловичъ предоставлялъ ему болѣе власти въ разныхъ государственныхъ дѣлахъ, онъ все болѣе и болѣе заявлялъ себя сторонникомъ отцовской системы.

Надо даже сказать, что когда съ 1848 года начался періодъ рѣзкой реакціи, то реакціонное настроеніе, охватившее Ни-

колая Павловича, охватило не менѣе сильно и Александра. Значительная часть реакціонныхъ мѣръ того времени была проведена при участіи и даже иногда по иниціативѣ Александра Николаевича. Такъ, напримѣръ, даже знаменитый бутурлинскій комитетъ былъ организованъ не безъ его непосредственнаго участія [1]).

Когда Николай Павловичъ издалъ знаменитый манифестъ 14-го марта 1848 года, исполненный странныхъ угрозъ по отношенію къ врагу, который вовсе не наступалъ тогда на Россію, то Александръ собралъ командировъ гвардейскихъ полковъ и вмѣстѣ съ ними устроилъ восторженную овацію по поводу этого манифеста [2]).

Надо прибавить, что по отношенію къ крестьянскому дѣлу цесаревичъ Александръ Николаевичъ былъ даже правѣе Николая и во всѣхъ комитетахъ по крестьянскому дѣлу, въ которыхъ ему пришлось участвовать, онъ неизмѣнно поддерживалъ помѣщичьи права и интересы [3]).

Поэтому, когда онъ вступилъ на престолъ, то люди, близко стоявшіе ко двору, думали, что теперь-то наступитъ настоящая дворянская эра. Противники крѣпостного права выражали сожалѣніе, что теперь пропадаетъ всякая надежда на движеніе въ крестьянскомъ вопросѣ (что видно изъ переписки Николая Милютина съ Кавелинымъ); наоборотъ, крѣпостники готовы были торжествовать: имъ было извѣстно, что Александръ являлся опредѣленнымъ врагомъ инвентарей, проведенныхъ въ юго-западномъ краѣ; они знали, что именно благодаря ему удалось охранить въ 1853 году литовскія губерніи отъ распространенія на нихъ бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ, не-

---

[1]) Срав. *Н. К. Шильдера* „Императоръ Николай I въ 1848 и 1849 годахъ“ прилож. ко II тому его книги „Имп. Николай I, его жизнь и царствованіе“, стр. 632 и слѣд.

Срав. также переписку Александра Николаевича съ его бывшимъ воспитателемъ В. А. Жуковскимъ, напечатанную въ Русск. Архивѣ за 1885 г., кн. I—VIII.

[2]) У *Шильдера*, тамъ же.

[3]) Подробнѣе см. въ моихъ книгахъ: „Крестьянская реформа“ Спб. 1905 г. и „Обществ. движ. при имп. Александрѣ II“, М. 1909, а также въ книгѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“, изд. „Научнаго Слова“, М. 1911, стр. 12 и слѣд.

смотря на то, что Бибиковъ тогда былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и что правила эти были утверждены императоромъ Николаемъ для Литвы еще 22-го декабря 1852 года. На этой именно почвѣ произошла тогда ссора между Александромъ и Бибиковымъ, и когда Александръ вступилъ на престолъ, то первымъ министромъ, который потерпѣлъ крушеніе, былъ именно Бибиковъ. Бибиковъ былъ приверженцемъ Николаевской системы и большимъ самодуромъ, но въ глазахъ всѣхъ онъ потерялъ мѣсто не какъ таковой, а какъ лицо, стоявшее въ крестьянскомъ вопросѣ на сторонѣ крестьянъ въ противность точкѣ зрѣнія самого Александра [1]).

Такимъ образомъ, вы видите, что личные вкусы и личные убѣжденія и предразсудки императора Александра какъ будто не предвѣщали ничего особенно хорошаго въ отношеніи назрѣвшихъ преобразованій и въ отношеніи, въ особенности, самаго главнаго изъ нихъ — отмѣны крѣпостного права. Мнѣ кажется важнымъ оттѣнить это обстоятельство потому, что оно особенно ярко рисуетъ силу, непререкаемость и неотразимость того хода вещей, который въ это время происходилъ; очень важно выяснить, что реформы произошли въ данномъ случаѣ не въ силу стремленія къ нимъ государя, а почти наперекоръ его убѣжденіямъ, причемъ онъ долженъ былъ уступить развивающемуся соціально-политическому процессу, такъ какъ онъ увидѣлъ, что если онъ будетъ бороться съ этимъ процессомъ, какъ боролся его отецъ, то это можетъ повести къ развалу всего государства. Поэтому-то я считаю необходимымъ подчеркнуть, что всѣ эти реформы начались вовсе не въ силу гуманныхъ идей, которыя вложилъ въ юнаго Александра Николаевича Жуковскій. Александръ сдѣлался сторонникомъ реформъ не въ силу своей симпатіи къ людямъ, произносившимъ въ сороковыхъ годахъ свои аннибаловы клятвы противъ крѣпостного права, а въ силу прочно сознаннаго имъ въ эпоху крымской войны убѣжденія въ необходимости коренныхъ преобразованій — ради сохраненія и усиленія мощи русскаго государства, которая иначе, какъ уже сдѣлалось яснымъ изъ со-

---

[1]) Срав. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго", изд. кн. *О. Н. Трубецкой*, т. I, стр. 57. М. 1901; *Барсуковъ*, наз. соч. т. XIV, стр. 122 и слѣд.

бытій крымской войны, совершенно подточилась бы ходомъ вещей. Это, конечно, отнюдь не умаляетъ его заслуги и дѣлаетъ ее даже болѣе важной и болѣе цѣнной, поскольку онъ сумѣлъ стойко, мужественно и честно провести это дѣло, невзирая на всѣ его трудности и не опираясь на внутреннія свои склонности и симпатіи, а стоя исключительно на точкѣ зрѣнія признанной имъ государственной нужды.

Надо сказать, что приступъ къ реформамъ не могъ быть начатъ немедленно. Александръ вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855-го года въ самый разгаръ войны, и первымъ дѣломъ, которое ему пришлось ликвидировать, была крымская война. Всѣ силы и помыслы правительства и общества были направлены на окончаніе тяжелой войны и заключеніе мира, къ чему дали, наконецъ, возможность кое-какіе успѣхи русскихъ войскъ на Кавказѣ и въ особенности стойкость ихъ въ Севастополѣ. Это дало возможность, въ связи съ утомленіемъ самихъ союзниковъ, начать мирные переговоры, не слишкомъ позорные для Россіи. Послѣ взятія Карса эти переговоры были начаты, и вскорѣ былъ заключенъ миръ, не столь для насъ тягостный, какъ можно было опасаться, по испытаннымъ нами пораженіямъ.

Послѣ заключенія мира, въ мартѣ 1856-го года, явилась возможность обратиться къ исправленію внутреннихъ дѣлъ. Во время войны въ этомъ отношеніи Александръ могъ сдѣлать лишь нѣкоторые шаги, не требовавшіе особыхъ усилій, но обрисовывавшіе въ глазахъ всѣхъ его новое прогрессивное настроеніе. Такое значеніе имѣла отмѣна бутурлинскаго комитета, разрѣшеніе свободной выдачи заграничныхъ паспортовъ и уничтоженіе стѣсненій, введенныхъ въ университетахъ послѣ 1848-го года.

Общество въ этотъ моментъ отнеслось къ этимъ первымъ проблескамъ либеральной политики совершенно такъ же, какъ общество начала царствованія Александра I къ его первымъ шагамъ. Настроеніе было совершенно оптимистическое, необыкновенно розовое и благодушное. Общество, въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія испытывавшее страшный гнетъ и будучи еще ранѣе обезсилено уничтоженіемъ своей лучшей части въ лицѣ декабристовъ, конечно, было очень принижено и не привыкло свободно выражать свои мысли. Господствующимъ чув-

ствомъ было чувство освобожденія отъ гнета николаевскаго режима и то ожиданіе болѣе либеральной политики, которое поддерживалось первыми мѣрами Александра.

Поэтому значеніе этихъ первыхъ шаговъ правительства было такое, что личность Александра получила сразу ореолъ искренняго сторонника и друга либеральныхъ преобразованій. Всякая заминка и остановка въ этого рода дѣятельности правительства отнюдь не ставилась въ вину молодому монарху и тотчасъ же относилась къ интригамъ и недоброжелательству окружавшихъ его сановниковъ. Въ то же время въ самомъ обществѣ на первыхъ порахъ очень мало проявлялось склонности къ самодѣятельности и иниціативѣ. Привыкши всего ждать сверху, общество и теперь всего ждало отъ прогрессивнаго правительства, отнюдь не стремясь обезпечить за собой какія-нибудь права на участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Замѣчательно, что тѣ программы, которыя отъ общества исходили въ то время, были совершенно единодушны,—принадлежали ли онѣ умѣреннымъ либераламъ, какимъ былъ умершій въ октябрѣ 1855-го года Грановскій, или будущимъ радикаламъ, какъ Чернышевскій, или безусловно свободнымъ и искусившимся въ политикѣ во время европейскихъ бурь 1848-го года людямъ, какъ Герценъ, который жилъ на полной свободѣ въ Лондонѣ, внѣ всякаго давленія русскихъ условій. Всѣ эти программы стремились, какъ скромно формулировалъ это въ 1856 году Чернышевскій, къ одному и тому же: всѣ желали распространенія просвѣщенія, увеличенія числа учащихъ и учащихся, улучшенія цензурныхъ условій (о полной отмѣнѣ цензуры не смѣли и мечтать), постройки желѣзныхъ дорогъ—важнѣйшаго средства къ развитію промышленности,—наконецъ, „разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ“, подъ которымъ подразумѣвалось уничтоженіе крѣпостного права, но о чемъ еще не разрѣшалось высказываться открыто [1]).

Въ рукописныхъ запискахъ того времени это выражалось и болѣе прямо, — говорили, что одною изъ первыхъ нуждъ является отмѣна крѣпостного права, но и здѣсь это выражалось чрезвычайно скромно; именно, указывалась желательность постепеннаго уничтоженія крѣпостного права безъ потрясенія стра-

---

[1]) *Современникъ* за 1856 г., № 6 („Замѣтки о журналахъ“).

ны,—какъ выражался Грановскій въ запискѣ, напечатанной въ 1856 г. Герценомъ въ „Голосахъ изъ Россіи“ [1]).

Самъ Герценъ выражался гораздо болѣе ярко и гораздо болѣе прямо, тѣмъ вдохновеннымъ языкомъ, которымъ онъ привыкъ писать и выражаться, не подчиняясь никакимъ цензурнымъ стѣсненіямъ въ Лондонѣ. Но и его программа была очень скромна,—онъ выразилъ ее въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ Александру II, напечатанномъ въ первой книжкѣ „Полярной Звѣзды“ въ 1855 г. Здѣсь Герценъ говорилъ, что насущными нуждами Россіи являются: освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, освобожденіе податныхъ сословій отъ побоевъ и освобожденіе печати отъ цензуры. Дальше Герценъ не шелъ,—онъ желалъ только облегченія гнета и пока не требовалъ даже конституціонныхъ гарантій.

Таково было настроеніе русскаго общества въ самомъ началѣ царствованія Александра II, въ 1855—56 гг.

Какъ мы видѣли, императоръ Александръ II, несмотря на то, что съ 1848 года онъ былъ охваченъ весьма реакціоннымъ настроеніемъ, несмотря на то, что онъ былъ и раньше, повидимому, убѣжденнымъ поклонникомъ системы своего отца,—въ моментъ крымской кампаніи созналъ, что коренныя преобразованія необходимы и что въ числѣ этихъ преобразованій самымъ крупнымъ и первымъ по времени должна быть, несомнѣнно отмѣна крѣпостного права. Но пока длилась война, никакая серьезная работа въ этомъ направленіи не была возможна: все вниманіе и правительства, и общества сосредоточивалось тогда на судьбѣ Севастополя. На вопросѣ объ исходѣ войны сосредоточивались, пока война продолжалась, всѣ помыслы и всѣ силы страны. Но это отнюдь не помѣшало правительству издать рядъ такихъ распоряженій, которыя имѣли отрицательно-либеральный характеръ и сводились къ отмѣнѣ реакціонныхъ указовъ и постановленій послѣднихъ годовъ царствованія Николая Павловича, ибо эти распоряженія не требовали никакой разработки. Рядъ такихъ распоряженій Александръ Николаевичъ сдѣлалъ въ первые же мѣсяцы своего царствованія, и такимъ образомъ общество могло, какъ мы уже отмѣ-

---

[1]) *Голоса изъ Россіи*, ч. I (Лондонъ 1856): „Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи“, стр. 130, 2-е. изд. 1858 г.

тили, вынести сразу же нѣкоторое представленіе о либеральныхъ и прогрессивныхъ тенденціяхъ новаго императора, и тѣ круги общества, которые склонны были представлять себѣ его реформаторомъ, еще болѣе утвердились въ своемъ представленіи и въ своихъ оптимистическихъ чаяніяхъ.

Впрочемъ, у самого Александра обдуманной программы реформъ въ этотъ моментъ еще не было. Собственно первымъ программнымъ заявленіемъ его можно считать тѣ довольно неопредѣленнаго характера заключительныя слова, которыя были помѣщены въ манифестѣ о мирѣ. Они обратили на себя тогда общее вниманіе. Такъ какъ парижскій мирный трактатъ былъ заключенъ послѣ несчастной войны и при обнаружившемся внутреннемъ разстройствѣ Россіи, то можно было ожидать крупныхъ уступокъ съ нашей стороны враждебнымъ намъ европейскимъ державамъ. Въ концѣ-концовъ, уступки эти не были такъ велики, какъ этого можно было опасаться. Нашей дипломатіи удалось отстоять сравнительно почетныя условія мира, пользуясь тѣми несогласіями и недоразумѣніями, которыя возникли между Наполеономъ III и Англіей. Наполеонъ III, который затѣялъ войну для того, чтобы ослабить могущество Россіи, считалъ необходимымъ поставить этой кампаніи опредѣленную практическую цѣль, и такою цѣлью онъ ставилъ освобожденіе Польши или возвращеніе ея къ полунезависимому конституціонному устройству. Онъ опирался въ этомъ на вѣнскій конгрессъ и конституцію 1815 года, при чемъ основательно думалъ, что если Польша будетъ возстановлена волею европейскихъ державъ, предписанною Россіи, то это явится важнымъ политическимъ прецедентомъ очевиднаго вмѣшательства европейскихъ державъ во внутреннія дѣла и отношенія россійской имперіи, чѣмъ, конечно, знаменовалось бы ея политическое ослабленіе.

Но англійское правительство не было расположено къ энергическому вмѣшательству въ польскій вопросъ, и когда Наполеонъ это увидѣлъ, то онъ сильно умѣрилъ свой прежній воинственный пылъ и довольно легко склонился къ переговорамъ съ Россіей, начавъ даже закидывать соотвѣтствующія удочки тамъ, гдѣ находились вліятельные русскіе дипломаты,— желая вызвать такимъ образомъ инициативу въ открытіи переговоровъ о мирѣ съ русской стороны. Князь А. М. Горча-

ковъ, тогда еще бывшій посланникомъ въ Вѣнѣ, очень удачно формулировалъ наше настроеніе весьма остроумной фразой, что Россія, будучи по необходимости нѣма, не будетъ однако же глухой, т.-е., что, хотя формально начинать мирные переговоры намъ, какъ сторонѣ, потерпѣвшей неудачу, неловко, но что мы отнюдь не будемъ отъ нихъ уклоняться. Такимъ образомъ, переговоры нечувствительно начались, и, можетъ быть, при тогдашнемъ настроеніи Наполеона, они бы повели къ еще болѣе благопріятнымъ для насъ результатамъ, если бы не вмѣшалась Австрія, которая и въ этотъ моментъ, продолжая игнорировать услуги, оказанныя ей Николаемъ въ 1849 году, довольно крупно испортила наши международные шансы и значительно понизила успѣхи нашей дипломатіи; но все-таки, въ концѣ-концовъ, парижскій конгрессъ, собравшійся въ результатѣ этихъ переговоровъ въ началѣ 1856 г., кончился для насъ относительно благополучно. Во всякомъ случаѣ изъ двухъ требованій русской дипломатіи—во-первыхъ, чтобы не было назначено контрибуціи, что считалось особенно унизительнымъ для великой державы, даже независимо отъ тяжкихъ финансовыхъ послѣдствій для насъ такой мѣры, и, во-вторыхъ, чтобы не было умаленія нашей территоріи,—первое было достигнуто, а устье Дуная, вопреки второму требованію, все-таки пришлось уступить Румыніи [1]).

Объявляя во всеобщее свѣдѣніе объ условіяхъ заключеннаго мира, Александръ въ концѣ манифеста сказалъ, что эти уступки не важны въ сравненіи съ тягостями войны и съ выгодами мира и заключилъ манифестъ слѣдующими знаменательными словами: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силой стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнью законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ...“ [2]).

---

[1]) Эти переговоры подробно изложены въ книгѣ *Татищева* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“. Спб. 1903, т. I-ый, стр. 174—206.

[2]) Высочайшій манифестъ 19 марта 1856 г.

Программа внутреннихъ преобразованій, подразумѣвавшаяся въ этихъ словахъ, вполнѣ соотвѣтствовала настроенію русскаго общества и его стремленіямъ и надеждамъ, проснувшимся съ перемѣной царствованія.

Послѣднія слова приведенной фразы довольно ясно намекали на грядущее уравненіе въ положеніи различныхъ сословій и могли, разумѣется, толковаться, какъ намекъ на уничтоженіе или ограниченіе крѣпостного права. Эти слова вызвали, естественно, среди тогдашнихъ крѣпостниковъ большую тревогу. Поэтому графъ Закревскій, московскій генералъ-губернаторъ, одинъ изъ враговъ замышлявшихся преобразованій, просилъ Александра, въ бытность его въ Москвѣ, чтобы онъ успокоилъ дворянство относительно тѣхъ тревожныхъ слуховъ, которые въ то время распространялись. Александръ согласился, но произнесъ при этомъ такую рѣчь, которой никакъ не ожидали ни Закревскій, ни другія окружавшія императора лица. Александръ сказалъ, что онъ не думаетъ отмѣнить крѣпостное право тотчасъ, такъ сказать, однимъ почеркомъ пера, но что при настоящемъ положеніи оставаться, очевидно, нельзя и что лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ ждать, пока оно начнетъ отмѣняться само собою снизу, и закончилъ указаніемъ, что дворянство должно подумать о томъ, какъ бы исполнить эти слова [1]).

Эта рѣчь была такъ неожиданна для всѣхъ, что даже министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, когда ему передали о ней, сперва этому не повѣрилъ и увѣрился только тогда, когда ему сказалъ объ этомъ самъ Александръ, прибавивъ, что онъ не только дѣйствительно произнесъ эту рѣчь, но что о сказанномъ и не жалѣетъ.

Тогда началась спѣшная подготовка въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ къ разработкѣ крестьянской реформы, послѣ того какъ Ланской увидѣлъ, что правительствомъ данъ уже пароль, отъ котораго отступить невозможно [2]).

Ланской началъ свою министерскую дѣятельность (въ 1855 г.)

---

[1]) Текстъ этой рѣчи см. въ запискахъ *Я. А. Соловьева* въ *Русск. Старинѣ* за 1881 г., т. XXVII, стр. 228—229.

[2]) *А. И. Левшинъ*. „Достопамятныя минуты моей жизни", *Русск. Архивъ* за 1885 г., № 8, стр. 480 и слѣд.

довольно страннымъ циркуляромъ предводителямъ дворянства, гдѣ говорилъ отъ имени государя о неприкосновенности священныхъ правъ русскаго дворянства, данныхъ ему вѣнценосными предшественниками царствующаго государя императора, въ чемъ дворяне, понятно, усматривали обѣщаніе, что крѣпостное право не будетъ затронуто. Но самъ Ланской отнюдь не былъ крѣпостникомъ,—наоборотъ, онъ былъ въ молодости прикосновененъ къ либеральному движенію десятыхъ и двадцатыхъ годовъ, былъ, вѣроятно, членомъ союза благоденствія и, несомнѣнно, сочувствовалъ упраздненію крѣпостного права, такъ что собственно дать соотвѣтствующее направленіе работѣ министерства внутреннихъ дѣлъ лично ему было пріятно. Но никакого опредѣленнаго взгляда, какъ двинуть это дѣло впередъ, у него не было, и онъ только указалъ Александру, что вопросъ этотъ такого свойства, что разъ дано ему движеніе, его остановить будетъ нельзя, и что надо поэтому напередъ обдумать всю программу и уже потомъ отъ нея не отступать. Чтобы вести это дѣло, Ланской взялъ себѣ въ помощники А. И. Левшина, который по службѣ своей въ министерствѣ государственныхъ имуществъ почитался ознакомленнымъ съ этими вопросами; онъ тоже считался человѣкомъ вообще расположеннымъ къ реформѣ, но и онъ не имѣлъ, повидимому, опредѣленныхъ взглядовъ на способы веденія этого дѣла и къ тому же отличался чрезвычайной нерѣшительностью и робостью въ дѣлахъ такой государственной важности. Поэтому-то подготовка реформы, которая происходила въ это время подъ его наблюденіемъ, главнымъ образомъ и сводилась къ собиранію матеріаловъ и свѣдѣній о проектахъ по крестьянскому дѣлу, разрабатывавшихся въ прошлое царствованіе; да кромѣ того собирались тѣ мнѣнія и рукописныя записки, которыя обращались тогда въ обществѣ. Надо помнить, что въ силу тогдашнихъ цензурныхъ условій всякая рѣчь о крѣпостномъ правѣ была печати строжайше запрещена и вплоть до конца 1857 года на измѣненіе крѣпостного строя даже никакихъ намековъ не допускалось; такъ что, когда К. С. Аксаковъ позволилъ себѣ въ газетѣ „Молва“ намекнуть о предпочтительности вольнаго труда подневольному, говоря объ американскихъ невольникахъ, то князь П. А. Вяземскій, который стоялъ тогда во главѣ цензурнаго вѣдомства, въ качествѣ

товарища министра народнаго просвѣщенія,—самъ писатель, когда-то слывшій большимъ либераломъ,—тотчасъ же сдѣлалъ Аксакову дружеское внушеніе.

Но это не мѣшало свободному выраженію своихъ мнѣній каждому мыслящему человѣку въ различныхъ рукописныхъ запискахъ и проектахъ, нерѣдко довольно объемистыхъ и весьма обстоятельныхъ, которые ходили тогда по рукамъ съ легкой руки Погодина, пустившаго въ ходъ такого рода записки съ начала войны. Теперь я имѣю въ виду главнымъ образомъ тѣ записки, которыя относились собственно къ крестьянской реформѣ. Подъ вліяніемъ изученія предмета по этимъ запискамъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ создавалось мало-по-малу представленіе, что придется избрать въ этомъ дѣлѣ одинъ изъ трехъ слѣдующихъ исходовъ:

Или немедленно отмѣнить крѣпостное право однимъ общимъ указомъ, безъ надѣленія крестьянъ землею.

Или отмѣнить крѣпостное право съ сохраненіемъ за крестьянами ихъ земельныхъ надѣловъ, при помощи выкупа ихъ путемъ какой-либо общей финансовой операціи, такъ какъ сразу было ясно, что сами крестьяне не могутъ заплатить единовременно стоимости своихъ надѣловъ и вообще убытковъ помѣщикамъ, а помѣщики не согласятся разсрочить эти платежи на долгіе годы. Этотъ путь требовалъ большой разработки, выясненія всѣхъ экономическихъ обстоятельствъ, но, конечно, теоретически былъ мыслимъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ считало, однако же, оба эти пути практически едва ли осуществимыми и во всякомъ случаѣ сопряженными съ величайшими затрудненіями и опасностями для государства. Оно представляло себѣ, что безземельное освобожденіе крестьянъ грозитъ очень важными послѣдствіями съ точки зрѣнія спокойствія страны; съ другой стороны, ему представлялось, что всякая финансовая мѣра, направленная къ выкупу крестьянъ съ надѣлами при участіи въ этомъ дѣлѣ казны непремѣнно грозитъ при тогдашнемъ печальномъ состояніи нашихъ финансовъ чуть не банкротствомъ. Выплатить помѣщикамъ сразу выкупную сумму, равную милліарду рублей или около того, а затѣмъ взыскивать ее въ видѣ разсроченныхъ платежей съ крестьянъ, правительство могло, только занявъ эту сумму на сторонѣ. Между тѣмъ фонды наши послѣ крым-

ской войны вслѣдствіе неумѣренныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ чрезвычайно упали и потому столь крупный заемъ представлялся тогда рѣшительно невозможнымъ.

Затѣмъ оставался третій исходъ—въ видѣ ряда постепенныхъ подготовительныхъ мѣръ, которыя переводили бы крестьянъ сперва въ положеніе временно-обязанныхъ на опредѣленный или неопредѣленный срокъ, въ родѣ положенія 1804-го года въ остзейскихъ губерніяхъ, или въ родѣ того, какое провелъ Киселевъ въ Молдавіи и Валахіи, или въ родѣ, наконецъ, бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ въ западномъ краѣ.

Министерству особенно улыбался этотъ третій исходъ, потому что онъ велъ къ ликвидаціи крѣпостного права безъ всякихъ затратъ со стороны государства.

Однако, входя въ кругъ вопросовъ, къ разработкѣ которыхъ было приступлено еще при Николаѣ, министерство должно было выяснить кромѣ того, какъ они отзовутся на разныхъ губерніяхъ. Уже тогда Левшинъ, владѣвшій имѣніями въ разныхъ губерніяхъ, смутно предвидѣлъ, что если крестьяне будутъ признаны лично свободными и перейдутъ на положеніе временно-обязанныхъ, то тѣ помѣщики, которые значительную часть своихъ оброковъ получали не отъ земли, а отъ сторонніхъ заработковъ крестьянъ, могутъ оказаться въ очень трудномъ положеніи, и что обязанность крестьянъ отрабатывать опредѣленную барщину и платить извѣстные оброки за землю отнюдь не вознаградитъ этихъ помѣщиковъ за утрату возможности неограниченно эксплоатировать сторонніе заработки и промыслы своихъ крѣпостныхъ. Поэтому, предвидя такія затрудненія въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ, Левшинъ уже тогда намѣчалъ способы ихъ избѣгнуть или по крайней мѣрѣ значительно смягчить. Министерство внутреннихъ дѣлъ и самъ императоръ Александръ представляли себѣ, что выкупъ личности крестьянъ есть вещь недопустимая, что заставлять крестьянъ платить за личное освобожденіе невозможно, такъ какъ личность должна быть свободна безъ всякаго выкупа.

Поэтому Левшину представлялось, что помѣщикамъ промышленныхъ губерній надо дать извѣстную компенсацію въ *прикрытомъ* видѣ, и такимъ прикрытымъ способомъ ему представлялось предоставленіе крестьянамъ возможности или даже обя-

зательства выкупить ихъ усадебную осѣдлость съ тѣмъ, чтобы при этомъ въ оцѣнку крестьянскихъ усадебъ могли быть включены „особыя промысловыя выгоды", которыя были будто бы соединены съ владѣніемъ этими усадьбами. Подъ такимъ предлогомъ можно было въ оцѣнку усадебъ включить, въ сущности, вознагражденіе за потерю права неограниченной эксплоатаціи личности крестьянъ. Поэтому-то Левшинъ съ самаго начала вводилъ въ свои предположенія вопросъ объ обязательномъ выкупѣ усадебъ. Итакъ, вотъ собственно къ чему тогда сводились первоначальныя предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Но императоръ Александръ ни на одномъ изъ этихъ предположеній не желалъ останавливаться; ему представлялось, что вообще очень рискованно принять сверху одно изъ этихъ предположеній, не выжидая иниціативы самого дворянства. Онъ не хотѣлъ начинать реформы, не получивъ соотвѣтствующаго заявленія со стороны самого дворянства. На возможность дворянской иниціативы онъ могъ, казалось бы, до нѣкоторой степени надѣяться, потому что ему было небезызвѣстно то движеніе среди дворянства черноземныхъ губерній, которое происходило еще при Николаѣ на почвѣ назрѣвавшаго тогда сознанія невыгодности крѣпостного права въ черноземныхъ густо населенныхъ мѣстностяхъ. Съ другой стороны, онъ и изъ обращавшихся записокъ видѣлъ, что въ средѣ дворянъ-помѣщиковъ есть какіе то элементы, которые не прочь двинуть дѣло. И вотъ съ помѣщиками начались переговоры. Они были пріурочены ко времени коронаціи, когда предводители дворянства съѣхались въ Москву.

Ланской, однако, въ этихъ переговорахъ потерпѣлъ сперва полное фіаско: ни въ одной губерніи предводители дворянства, какъ официальные его представители, не согласились пойти на изъявленіе какой бы то ни было иниціативы; они говорили, что они не знаютъ видовъ правительства, а сами ничего придумать не умѣютъ,—на самомъ же дѣлѣ они опасались, что правительство ухватится за ихъ иниціативу и затѣмъ можетъ повести дѣло совершенно невыгоднымъ для нихъ путемъ, не говоря о томъ, что въ массѣ дворянства ограниченіе крѣпостного права представлялось мѣрою, чрезвычайно опасною во всѣхъ отношеніяхъ [1]).

---

[1]) Сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина* т. II, стр. 137. Записка представленная Самаринымъ вел. княгинѣ Еленѣ Павловнѣ по ея просьбѣ въ 1857 г.

Это, однако, не мѣшало заявленіямъ отдѣльныхъ мнѣній со стороны отдѣльныхъ, прогрессивно настроенныхъ представителей дворянства, выражавшихся въ рядѣ различныхъ записокъ, о которыхъ я упоминалъ. Самой видной изъ нихъ была записка Кавелина, одного изъ извѣстныхъ профессоровъ, бывшаго въ то же время и помѣщикомъ Самарской губерніи, человѣка хорошо знавшаго экономическій бытъ Россіи, историка и юриста, вообще человѣка очень компетентнаго и освѣдомленнаго, склоннаго притомъ къ довольно радикальной постановкѣ крестьянскаго вопроса. Онъ стоялъ за вторую изъ тѣхъ возможностей, которыя я выше очертилъ; онъ стоялъ за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса при помощи выкупа. Кавелинъ представлялъ себѣ, что этотъ выкупъ долженъ вообще покрыть приблизительно тѣ потери, которыя помѣщики будутъ испытывать отъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, независимо отъ того, произойдутъ ли эти потери отъ уступки части земли крестьянамъ въ собственность, или отъ лишенія возможности эксплоатировать заработки и промыслы крестьянъ. Онъ представлялъ себѣ, что если стать на другую точку зрѣнія, то явится неравномѣрное отношеніе къ интересамъ помѣщиковъ въ различныхъ губерніяхъ.

Въ имѣніяхъ чисто земледѣльческихъ помѣщики могли бы удовлетвориться выкупомъ за землю, а въ имѣніяхъ промышленныхъ, если бы въ основаніе выкупа принята была оцѣнка одной земли, то помѣщики потерпѣли бы большой убытокъ, потому что доходность промышленныхъ имѣній была больше, чѣмъ доходность непромышленныхъ, и продажная цѣна ихъ была выше, несмотря на плохое качество земли. Поэтому лица, купившія такія имѣнія, потерпѣли бы большіе убытки и могли бы жаловаться на неравномѣрность въ соблюденіи интересовъ помѣщиковъ различныхъ мѣстностей. Поэтому Кавелинъ предлагалъ выкупъ, основанный не на оцѣнкѣ земли, а на оцѣнкѣ покупной стоимости тогдашнихъ крѣпостныхъ имѣній [1]).

---

[1]) Отрывки изъ этой записки были напечатаны впервые въ *Современникѣ* за 1858 г. (№ 4) въ статьѣ *Чернышевскаго* „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", изъ за чего вышелъ тогда большой шумъ; затѣмъ записка эта была напечатана полностью съ рукописи, доставленной самимъ *К. Д. Кавелинымъ*, въ *Русск. Старинѣ* за 1886 г., №№ 1, 2 и 5, и потомъ перепечатана оттуда во II т. второго собранія сочиненій К. Д. Кавелина (Спб. 1898.)

Рядомъ съ этой кавелинской запиской, которая опиралась и на цифровыя данныя, собранныя между прочимъ Я. А. Соловьевымъ для смоленской губерніи при кадастрѣ этой послѣдней, были представлены и другія записки. Одна изъ нихъ принадлежала Юрію Самарину, извѣстному славянофилу, человѣку, несомнѣнно, искренне стоявшему за крестьянскіе интересы [1]). Раздѣляя тѣ опасенія въ отношеніи положенія нашихъ финансовъ, которыя были у Левшина, Самаринъ становился на точку зрѣнія третьяго исхода, примыкая къ тому положенію, какое занималъ вопросъ въ николаевское царствованіе. Самаринъ хотѣлъ, чтобы рѣшительно былъ ограниченъ прежде всего помѣщичій произволъ надъ крестьянами, въ особенности была бы до нѣкоторой степени ограждена ихъ личность, и чтобы при этомъ за ними непремѣнно была сохранена земля при помощи обязательнаго вознагражденія помѣщиковъ въ ближайшемъ будущемъ или *регулированными* барщинными работами или опредѣленными оброками, примѣняясь къ существующимъ на мѣстахъ хозяйственнымъ условіямъ. Такой же характеръ носила записка другого славянофила князя Черкасскаго [2]). Кромѣ нихъ въ правительственныхъ кругахъ получила тогда большое значеніе записка, доставленная однимъ полтавскимъ помѣщикомъ Позеномъ, который составилъ ее весьма хитро, вставилъ въ нее много либеральныхъ фразъ и даже упомянулъ о выкупѣ, хотя у него этотъ выкупъ сводился къ простому добровольному соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами [3]). Онъ представилъ эту записку непосредственно Александру, при чемъ былъ поддержанъ генераломъ Ростовцевымъ, на котораго Позенъ производилъ тогда большое впечатлѣніе своими познаніями въ финансовой и экономической сферѣ, а самъ Ростовцевъ былъ однимъ изъ довѣреннѣйшихъ приближенныхъ императора Александра.

Также произвела большое впечатлѣніе на Александра записка великой княгини Елены Павловны, его тетки. Елена

---

[1]) Сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина*, т. II, стр. 15—146.

[2]) Въ изданныхъ кн. *О. Н. Трубецкой* „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, приложенія, стр. 7—67.

[3]) „Бумаги по крестьянскому дѣлу“ *М. П. Позена*. Дрезденъ 1864, срав. *Никитенка* „Записки и дневникъ“, т. II, стр. 55 (1-ое изд.).

Павловна была очень просвѣщенной женщиной и стояла за освобожденіе крестьянъ съ землей. Составила она записку при помощи Н. А. Милютина, въ сотрудничествѣ съ Кавелинымъ. Эта записка собственно являлась проектомъ освобожденія и устройства крестьянъ въ большомъ имѣніи Елены Павловны, Карловкѣ, расположенномъ, какъ и имѣніе Позена, въ Полтавской губерніи [1]).

Великая княгиня Елена Павловна при подачѣ записки государю заявила, что она хотѣла бы имѣть отъ правительства опредѣленныя указанія, на какихъ началахъ надо вести это дѣло, и испрашивала разрѣшенія на организацію совѣщаній съ помѣщиками сосѣднихъ съ нею имѣній. Императоръ Александръ отвѣтилъ, что онъ ожидаетъ инициативы со стороны самого дворянства, а потому, не давая никакихъ указаній великой княгинѣ, одобрилъ ея намѣреніе организовать правильныя совѣщанія съ помѣщиками сосѣднихъ губерній. Вмѣстѣ съ тѣмъ для разсмотрѣнія этихъ записокъ рѣшено было образовать секретный комитетъ, въ составъ котораго вошли, главнымъ образомъ, министры и сановники предшествующаго царствованія. Этотъ комитетъ образованъ былъ въ январѣ 1857-го года [2]).

Въ этомъ комитетѣ безусловнымъ сторонникомъ крестьянской реформы былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской. Затѣмъ, въ числѣ лицъ, введенныхъ въ этотъ комитетъ, находился также генералъ Я. И. Ростовцевъ, главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, который весьма сочувственно отнесся къ

---

[1]) Ходъ составленія и содержаніе этой записки изложены въ интересной статьѣ объ Еленѣ Павловнѣ г. *С. Бахрушина* въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“, изд. „Научнаго слова“. М. 1911, стр. 138 и слѣд.

[2]) Вполнѣ достовѣрныя данныя о работахъ этого комитета до послѣдняго времени имѣлись лишь въ двухъ указанныхъ выше статьяхъ: „Достопамятныя минуты моей жизни“ *А. И. Левшина* и „Записки“ *Я. А. Соловьева*, отчасти восполнявшіяся составленными *Д. П. Хрущевымъ* и напечатанными за границей „Матеріалами по исторіи упраздненія крѣпостного права“, Берлинъ 1860—62, три тома. Теперь исторія работъ секретнаго комитета изложена на основаніи изученія его архива г. *А. Попельницкимъ* въ *Вѣст. Европы* за 1911 г., № 2, стр. 48. Изслѣдованіе это, впрочемъ, лишь подтвердило вѣрность свѣдѣній, сообщавшихся въ запискахъ *Левшина* и *Соловьева*.

идеѣ крестьянской реформы. Ростовцевъ былъ однимъ изъ близкихъ Александру людей, лично весьма ему преданный, но въ крестьянскомъ дѣлѣ былъ совершенно неопытенъ. Поэтому вначалѣ, когда на него, вмѣстѣ съ двумя другими членами комитета бар. М. А. Корфомъ и кн. П. П. Гагаринымъ, комитетъ возложилъ ознакомленіе со всѣми записками и проектами, обращавшимися въ обществѣ, онъ даже пытался отъ этого уклониться. Съ другой стороны, въ общественномъ мнѣніи Ростовцевъ представлялся тогда фигурой не особенно привлекательной: на немъ лежало пятно, которое заключалось въ томъ, что сохранилось преданіе, будто бы Ростовцевъ явился доносчикомъ и предателемъ въ дѣлѣ декабристовъ. Преданіе это рисовало, однако, его участіе въ этихъ событіяхъ въ искаженномъ видѣ. Въ 1825 г. Ростовцевъ былъ еще юнымъ офицеромъ (22 лѣтъ); онъ былъ лично близокъ съ вліятельными руководителями заговора 14 декабря, Рылѣевымъ и въ особенности съ кн. Оболенскимъ, съ которымъ жилъ на одной квартирѣ. Во время извѣстнаго междуцарствія 1825 г. до ушей Ростовцева, такимъ образомъ, не только достигали случайно отдѣльныя фразы, обнаруживавшія намѣренія заговорщиковъ, но, повидимому, Рылѣевъ и Оболенскій сдѣлали и прямую попытку привлечь Ростовцева къ своему дѣлу. Онъ же былъ человѣкомъ по своимъ взглядамъ совершенно лойяльнымъ и не только не сочувствовалъ планамъ декабристовъ и вообще тайныхъ обществъ, но и не былъ расположенъ къ участію въ революціонныхъ политическихъ предпріятіяхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не только отказался наотрѣзъ принять участіе въ тайномъ обществѣ, но сталъ даже уговаривать Рылѣева и Оболенскаго, чтобы и они отказалнсь отъ своихъ плановъ, и, наконецъ, предупредилъ ихъ, что если они не откажутся отъ этихъ плановъ, то онъ сочтетъ своимъ долгомъ предупредить правительство о грозящей ему опасности. Видя, что конспираціи продолжаются, Ростовцевъ и исполнилъ свою угрозу, явился къ Николаю и сообщилъ ему, что противъ него очень возбуждены, что что-то готовится и даже убѣждалъ Николая или отказаться отъ престола, или уговорить Константина, чтобы тотъ самъ пріѣхалъ и отрекся публично. При этомъ Ростовцевъ не назвалъ ни одного имени и послѣ свиданія своего съ Николаемъ (10 декабря 1825 г.) самъ сообщилъ объ этомъ немедленно Рылѣеву

и Оболенскому. Изъ этого уже видно, что того впечатлѣнія гнусности и своекорыстныхъ расчетовъ, которое обыкновенно соединяется съ политическимъ доносомъ, въ этомъ дѣлѣ не было, и личность Ростовцева едва ли справедливо клеймилась названіемъ продателя и доносчика. Въ настоящее время извѣстно, что и Рылѣевъ, и Оболенскій, знавшіе вполнѣ ходъ этого дѣла, сохранили къ Ростовцеву уваженіе и послѣ визита Ростовцева къ Николаю, и, когда Оболенскій вернулся изъ ссылки, то онъ не отказался возобновить дружескія отношенія съ Ростовцевымъ. Но въ то время все это не было точно извѣстно и ложилось на личность Ростовцева большимъ пятномъ, а Герценъ систематически преслѣдовалъ его въ „Колоколѣ“ до самой его смерти [1]).

Настоящая роль Ростовцева въ крестьянской реформѣ собственно началась позднѣе; его участіе въ дѣлахъ секретнаго комитета въ это время не было еще такъ велико и рѣшительно, какъ потомъ.

Остальные члены секретнаго комитета или относились къ дѣлу болѣе или менѣе равнодушно и формально, или втайнѣ ему не сочувствовали. Тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не рѣшался отрицать въ своихъ отвѣтахъ на прямо поставленный Александромъ вопросъ, что дѣло назрѣло, и что необходимо хотя бы нѣкоторое ограниченіе помѣщичьяго произвола и измѣненіе существующаго положенія вещей. Но все-таки настроеніе большинства было таково, что работа пошла чрезвычайно медленно. Единственнымъ двигателемъ работы въ это время было министерство внутреннихъ дѣлъ, которое имѣло во главѣ лицо, сочувствовавшее реформѣ, и имѣло средства ее подготовить, такъ какъ въ его рукахъ былъ цѣлый рядъ собранныхъ матеріаловъ, проектовъ и соображеній.

Лѣтомъ 1857 г. представленъ былъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже довольно опредѣленный планъ реформы, составленный Левшинымъ, который заключался въ томъ, чтобы объ-

---

[1]) О Ростовцевѣ важные документы напечатаны въ *Русскомъ Архивѣ* за 1873 г., № 1, стр. 510 и слѣд. См. также о немъ у *Барсукова* (Жизнь Погодина), т. XIV, стр. 465 и passim и у *А. В. Никитенка* въ разныхъ мѣстахъ его „Записокъ и дневника“. Срав. также послѣдній отзывъ о Ростовцевѣ послѣ его смерти издателей „Колокола“ *Герцена* и *Огарева* въ „Голосахъ изъ Россіи“, кн. VIII, стр. 8.

явить крестьянъ черезъ нѣкоторый срокъ лично свободными, но крѣпкими землѣ, сохранивъ за ними на опредѣленное или неопредѣленное время обязанность исполненія повинностей за отведенные имъ надѣлы съ обязательствомъ выкупить въ собственность усадебную осѣдлость, при чемъ помѣщикамъ нечерноземныхъ губерній предоставлялось бы въ оцѣнку усадебъ ввести т. н. „промысловыя выгоды“.

Такъ какъ движеніе дѣла въ самомъ комитетѣ происходило медленно, то императоръ Александръ, недовольный комитетомъ, во главѣ котораго стоялъ кн. Орловъ, несочувственно относившійся къ дѣлу реформы, ввелъ въ его составъ брата своего, великаго князя Константина Николаевича, отъ чего онъ ожидалъ большого ускоренія дѣла, такъ какъ Константинъ обнаруживалъ большое сочувствіе дѣлу реформъ. И дѣйствительно, онъ внесъ большое оживленіе въ общій ходъ дѣла, но по своей неопытности былъ склоненъ пойти тогда на многіе компромиссы, вредные для интересовъ крестьянъ, лишь бы ускорить дѣло. Между прочимъ онъ предлагалъ ввести въ веденіе всего дѣла извѣстную гласность, публично объявить о намѣреніяхъ правительства хотя бы въ общихъ чертахъ. 18-го августа состоялось рѣшительное засѣданіе секретнаго комитета, гдѣ обсуждался проектъ Константина Николаевича. Константинъ Николаевичъ доказывалъ, что гласность успокоитъ крестьянъ и дастъ возможность обществу принять болѣе дѣятельное участіе въ разработкѣ подробностей реформы. Однако комитетъ это предложеніе безусловно отвергъ; рѣшено было, что никакого оглашенія видовъ правительства не должно быть, что дѣло реформы надо вести постепенно и продуманно, раздѣливъ его на періоды, при чемъ въ первый періодъ, срокъ котораго даже не опредѣлялся, предполагалось собирать разныя свѣдѣнія, записки и т. п. По мнѣнію лицъ освѣдомленныхъ, напр. Левшина, дѣло клонилось къ тому, чтобы реформу затянуть, въ надеждѣ, что мысль о ней, наконецъ, уснетъ.

Но вскорѣ послѣ этого рѣшенія секретнаго комитета правительству удалось, наконецъ, найти ту долго жданную и желанную инціативу со стороны дворянства, которой оно не переставало искать. Удалось это въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, гдѣ дворянство чувствовало себя подъ дамокловымъ мечомъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ было отсрочено еще въ 1853 г. вве-

деніе инвентарей, вопросъ о которыхъ теперь опять былъ поднятъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Литовское дворянство признавало введеніе этихъ инвентарей, чрезвычайно ограничивавшихъ произволъ помѣщиковъ въ ихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ, весьма для себя невыгоднымъ, и самъ Александръ, въ бытность еще наслѣдникомъ, помогъ литовскимъ помѣщикамъ отъ нихъ избавиться, настоявъ на томъ, чтобы проектъ Бибикова былъ отложенъ и чтобы эти правила были еще пересмотрѣны.

На этой почвѣ виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовымъ было произведено давленіе на дворянство литовскихъ губерній, въ формѣ предложенія имъ обсудить, въ какомъ видѣ они предполагаютъ ввести у себя инвентарныя правила. Въ отвѣтъ на это предложеніе литовское дворянство представило, что оно лучше желало бы поднять общій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, при условіи сохраненія за помѣщиками правъ собственности на всю землю. Когда Назимовъ явился въ Петербургъ съ этимъ ходатайствомъ, то оно вызвало въ секретномъ комитетѣ большіе споры, которые затянулись на три недѣли. Тогда Александръ потерялъ, наконецъ, терпѣніе и приказалъ Ланскому, по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ Муравьевымъ (который не былъ расположенъ къ реформѣ, но не рѣшился въ этотъ моментъ противодѣйствовать волѣ государя), въ нѣсколько дней составить проектъ отвѣтнаго рескрипта Назимову. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, 20 ноября 1857 г., Александръ подписалъ этотъ рескриптъ, — рескриптъ, которому суждено было произвести большое впечатлѣніе и сыграть огромную роль въ ходѣ всего дѣла. Правительство предложило въ 3-хъ литовскихъ губерніяхъ образовать губернскіе комитеты изъ выборныхъ отъ дворянства, по одному человѣку отъ каждаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ губернскихъ предводителей, съ тѣмъ, чтобы комитеты обсудили способы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Но при этомъ правительство признало необходимымъ преподать основныя положенія, на которыхъ должна была быть произведена реформа и которыя въ сущности отнюдь не соотвѣтствовали видамъ литовскихъ дворянъ [1]).

---

[1]) Рескриптъ этотъ и всѣ послѣдующія распоряженія по крестьянской реформѣ до 19 февраля 1861 г. печатались, начиная съ 1858 г., въ „Сбор-

Именно, дворянству было указано, что хотя земля должна и впредь считаться собственностью помѣщиковъ, но, во-первыхъ, изъ этой земли крестьянамъ должно быть предоставлено право выкупа усадебной осѣдлости въ опредѣленный срокъ, и, независимо отъ этого, помѣщики обязывались отвести крестьянамъ всѣ прочія необходимыя крестьянамъ угодья такъ, чтобы они обезпечивали потребности крестьянъ и отбытіе ихъ повинностей, а за это на крестьянъ возлагалось бы обязательство или выполнять барщину на господскихъ поляхъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ, или платить оброкъ.

При этомъ было присовокуплено, что на все время этого *переходнаго* положенія за помѣщиками должна быть сохранена вотчинная полиція. Крестьяне должны были устраиваться въ видѣ отдѣльныхъ сельскихъ и волостныхъ обществъ. Комитетамъ предписывалось также озаботиться, чтобы правильное отбываніе казенныхъ повинностей и сборовъ было при этомъ вполнѣ обезпечено.

никѣ постановленій по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ", который выходилъ выпусками отъ 1 до 2 разъ въ годъ. Рескриптъ 20 ноября 1857 года вмѣстѣ съ сопровождавшими его распоряженіями министра внутреннихъ дѣлъ напечатанъ полностью у *Скребицкаго* „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II", т. I, стр. 1. Срав. также въ *моей* книгѣ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи", Спб. 1905, стр. 170 и у *И. И. Иванюкова* „Паденіе крѣпостного права въ Россіи", изд. 2-е, Спб. 1903, стр. 22.

ЛЕКЦІЯ XXI.

Отношеніе дворянства къ правительственной программѣ реформы.— Различіе помѣщичьихъ интересовъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ черноземныхъ и сѣверныхъ промышленныхъ.—Отношеніе интеллигенціи: статьи Чернышевскаго и Герцена; банкетъ въ Москвѣ. — Адресъ нижегородскаго дворянства и заминка въ Москвѣ.—Адресы прочихъ губерній.—Открытіе и работа губернскихъ комитетовъ.—Точка зрѣнія А. М. Унковскаго и тверского комитета.—Утвержденная (позеновская) программа занятій.—Отношеніе печати.—Эволюція взглядовъ Я. И. Ростовцева.—Открытіе земскаго отдѣла.—Н. А. Милютинъ.—Пересмотръ правительственной программы въ главномъ комитетѣ и открытіе редакціонныхъ комиссій.—Составъ редакціонныхъ комиссій и ходъ работъ въ нихъ.—Программа, данная Ростовцевымъ.—Депутаты губернскихъ комитетовъ перваго приглашенія.—Адресы и настроеніе дворянства.—Смерть Ростовцева.—В. Н. Панинъ.—Депутаты второго приглашенія.—Внутренняя борьба въ редакціонныхъ комиссіяхъ.—Итоги ихъ работъ.

Въ предыдущей лекціи изложены тѣ основанія, на которыхъ предложено было приступить къ реформѣ. Для дальнѣйшаго хода реформы имѣли чрезвычайную важность не только самыя эти основанія, отвергавшія во всякомъ случаѣ безземельное освобожденіе крестьянъ, но и то обстоятельство въ особенности, что черезъ нѣсколько дней рескриптъ этотъ разосланъ былъ всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства на предметъ, не пожелаютъ ли дворяне остальныхъ губерній со своей стороны принять аналогичныя мѣры къ устройству своихъ крестьянъ. Затѣмъ правительство рѣшилось прямо опубликовать этотъ рескриптъ. Произошло это не безъ борьбы. Когда было рѣшено разослать рескриптъ губернаторамъ, то члены секретнаго комитета спохватились, и предсѣдатель его кн. Орловъ убѣдилъ было Александра пріостановить разсылку рескрипта. Однако оказалось, что благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ министерства внутреннихъ дѣлъ приказъ разослать уже

былъ исполненъ. Когда это произошло, то рѣшено было уже прямо напечатать этотъ рескриптъ во всеобщее свѣдѣніе [1]).

Опубликованіе рескрипта явилось событіемъ величайшей важности; правительство теперь не могло уже, если бы и пожелало, повернуть дѣло назадъ безъ риска возбудить большія волненія. Съ другой стороны, разъ крестьянамъ становилось извѣстно о такомъ предложеніи правительства помѣщикамъ, то присоединеніе каждой губерніи къ этимъ работамъ стало только вопросомъ времени, такъ какъ помѣщики понимали, что имъ нельзя не торопиться подавать свои адреса о желаніи устройства губернскихъ комитетовъ подъ опасеніемъ тѣхъ же волненій крестьянъ.

Нѣкоторое замедленіе въ представленіи такихъ адресовъ произошло, однако же, въ большинствѣ губерній благодаря тому, что самыя основанія, преподанныя правительствомъ, являлись неудобными для помѣщиковъ почти всѣхъ губерній. Тутъ сказалась прежде всего огромная разница въ экономическихъ условіяхъ, которыя существовали между различными губерніями. Хотя правительство (собственно Левшинъ) сознавало, какъ мы видѣли, эту разницу, но недостаточно ее оцѣнивало. Ланской, разославъ рескриптъ въ копіяхъ, тотчасъ же запросилъ мѣстныя начальства, какъ дворянство разныхъ губерній отнеслось къ этому дѣлу, и вскорѣ получились отвѣты, что почти повсемѣстно содержаніе рескрипта возбудило серьезную критику. Всѣ почти признавали своевременность и неизбѣжность реформы, но не было губерніи, гдѣ бы дворянство вполнѣ сочувствовало содержанію рескрипта, — той правительственной программѣ, которая въ немъ была выражена [2]). При этомъ легко сказалась разница въ положеніи губерній черноземныхъ, чисто земледѣльческихъ, съ одной стороны, и губерній нечерноземныхъ, промышленныхъ, съ другой стороны. Въ первыхъ все помѣщичье хозяйство было основано, какъ я уже говорилъ, на доходности земли и земельныхъ заработковъ и промысловъ

---

[1]) „*Матеріалы* для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія", Берлинъ 1859, т. I, стр. 156. Срав. *Anatole Leroy-Beaulieu* „Un homme d'état Russe (Nicolas Milutine), P. 1884, p. 15, и *Я. А. Соловьева* „Записки", *Русская Стар.* 1881, IV, стр. 737 и слѣд.

[2]) *Я. А. Соловьевъ.* Ibidem.

крестьянъ; здѣсь была особенно распространена барщина; помѣщикъ имѣлъ свою собственную запашку; обрабатываемая земля въ имѣніяхъ дѣлилась на двѣ почти равныя половины: одна обрабатывалась самимъ помѣщикомъ, другая отдавалась въ пользованіе крестьянъ, при чемъ на первой крестьяне отбывали барщину. Въ большей части этихъ губерній никакихъ промысловъ неземледѣльческихъ не было. Въ наиболѣе плотно населенныхъ черноземныхъ губерніяхъ тульской, курской, рязанской и др. къ тому времени—и даже, какъ мы видѣли, уже въ сороковыхъ годахъ—оказалось довольно много лишнихъ ртовъ и рукъ, и дѣло дошло до того, что во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, тульской губерніи, продавались земли ненаселенныя дороже, чѣмъ населенныя, что показывало, насколько крѣпостное населеніе представляло обузу при высокой цѣнности самой земли.

Поэтому, разумѣется, въ этихъ мѣстностяхъ помѣщикамъ казалось невыгоднымъ освобожденіе крестьянъ съ землей и представлялось желательнѣе освобожденіе хотя бы и безвозмездное, но безъ земли, при сохраненіи наиболѣе цѣнной части имѣнія—земли—въ своихъ рукахъ [1]).

Напротивъ, въ губерніяхъ сѣверныхъ, нечерноземныхъ, положеніе было совершенно иное; тамъ помѣщики обыкновенно не жили въ своихъ имѣніяхъ, да и сами крестьяне обыкновенно мало занимались землей, а уплачивали помѣщику оброкъ со своихъ заработковъ неземледѣльческихъ, т.-е. съ торговли и самыхъ разнообразныхъ промысловъ, мѣстныхъ и отхожихъ. Вѣдь и теперь мы видимъ, напримѣръ, что на одинъ милліонъ населенія Петербурга по переписи 1897 года около ста тысячъ принадлежало къ приписному населенію ярославской губерніи, около ста тысячъ къ уроженцамъ тверской губерніи и т. д.,— это показываетъ, насколько населеніе этихъ губерній постоянно занимается не землей, а различными городскими промыслами, торговыми и ремесленными. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ очень

---

[1]) Срав. *А. И. Кошелевъ*. „Записки“. Берлинъ 1884, стр. 125; *Барсуковъ*. „Жизнь и труды Погодина“, т. XV, стр. 488—490 (данныя В. А. Кокорева); *Ю. Ф. Самаринъ*. Сочиненія, т. II, стр. 175; „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, ч. I, стр. 149; данныя Н. В. Берга по тамбовской губ. у *Барсукова*, н. с., т. XVI, стр. 47—55.

многіе крестьяне и въ крѣпостное время развивали весьма доходные промыслы; затѣмъ, многіе занимались на проѣзжихъ трактахъ и рѣчныхъ пристаняхъ содержаніемъ постоялыхъ дворовъ, что въ то время было весьма выгодно при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и постоянной ѣздѣ обозовъ.

Итакъ, здѣсь доходы основывались не на землѣ и не на земледѣльческихъ промыслахъ. Поэтому, съ точки зрѣнія помѣщиковъ такихъ губерній, представлялось очень желательнымъ освобожденіе крестьянъ, хотя бы и съ значительными земельными надѣлами, но съ тѣмъ, чтобы выкупъ при этомъ покрывалъ утрату доходовъ помѣщиковъ отъ получавшихся ими высокихъ оброковъ. Эта позиція была, какъ вы видите, совершенно отличной отъ позиціи помѣщиковъ черноземныхъ губерній, и здѣсь помѣщики отстаивали еще больше, нежели тамъ, необходимость измѣненія программы рескрипта [1]).

Въ концѣ-концовъ, для помѣщиковъ черноземныхъ губерній скорѣе возможно, какъ имъ казалось, было столковаться съ правительствомъ, исходя изъ той программы, которая давалась рескриптами, такъ какъ эта программа давалась лишь на переходное время, и вопросъ сводился лишь къ тому, чтобы рѣшить, каковъ же будетъ исходъ изъ этого временнаго положенія, которое могло быть ограничено небольшимъ числомъ лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого періода вся земля возращалась въ полное распоряженіе помѣщиковъ и крестьяне превратились въ свободныхъ, но безземельныхъ пролетаріевъ. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ этихъ губерній соглашались даже на то, чтобы крестьяне выкупали усадебную осѣдлость, такъ какъ это приковывало бы ихъ къ данной мѣстности на будущее время и обезпечивало бы помѣщикамъ необходимый контингентъ дешевыхъ рабочихъ рукъ.

Изъ такой разницы въ положеніи тѣхъ и другихъ губерній создалась и разница двухъ наиболѣе распространенныхъ идеологій

---

[1]) *Г. А. Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ“, М. 1894. Срав. „Письмо“ *А. А. Головачева* въ „*Русск. Вѣстн.*“ за 1858 г., № 4. Срав. выясненіе этихъ обстоятельствъ въ *моей* статьѣ „Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы“ въ сборникѣ: „Освобожденіе крестьянъ. Дѣятели реформы“. М. 1911.

въ средѣ тогдашняго дворянства, одна изъ которыхъ принадлежала наиболѣе сознательнымъ и прогрессивнымъ помѣщикамъ нечерноземныхъ губерній, а другая—наиболѣе сознательнымъ и прогрессивнымъ помѣщикамъ черноземныхъ губерній. Первые стремились свести дѣло къ быстрой и полной ликвидаціи крѣпостного права, но на основаніи достаточно высокой оцѣнки стоимости ихъ утратъ; вторые готовы были допустить даже безвозмездное уничтоженіе крѣпостного права, но при условіи сохраненія въ своемъ распоряженіи всей земли.

Дворянство нечерноземныхъ губерній становилось такимъ образомъ, на такую позицію, которая въ тотъ моментъ представлялась, съ точки зрѣнія даже такихъ расположенныхъ къ реформѣ людей, какъ Ланской и Левшинъ, очень опасной, такъ какъ она могла, по ихъ мнѣнію поколебать финансовое положеніе страны.

Въ моментъ опубликованія рескриптовъ передовая интеллигенція страны отнеслась къ этому факту чрезвычайно восторженно. Это настроеніе усиливалось тѣмъ, что правительство, послѣ опубликованія первыхъ рескриптовъ предоставило печати право обсуждать ихъ содержаніе. И вотъ въ тогдашнихъ передовыхъ журналахъ, даже въ такомъ представителѣ будущаго радикализма, какъ „Современникъ“, и въ свободномъ заграничномъ „Колоколѣ“ Герцена появились задушевныя привѣтственныя статьи Александру. Чернышевскій, прославляя его подвигъ, ставилъ его выше Петра Великаго, а Герценъ посвятилъ ему вдохновенную статью съ эпиграфомъ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“. Въ то же время представители тогдашней профессуры, литературы и высшей интеллигенціи обѣихъ столицъ устроили въ Москвѣ совершенно по тогдашнему времени необычное торжество—общественный банкетъ, гдѣ произносились рѣчи, весьма сочувственныя Александру, и который окончился горячей овацiей передъ портретомъ государя. Конечно, этотъ вполнѣ лойяльный банкетъ очень не понравился тогдашнему московскому генералъ-губернатору Закревскому и другимъ крѣпостникамъ, но они не могли уже повернуть назадъ начавшееся великое дѣло.

Тѣмъ не менѣе,—несмотря на общественное сочувствіе,—программа рескрипта 20 ноября, неудобная для многихъ губерній, замедляла, какъ я уже сказалъ, открытіе губернскихъ комите-

товъ. Правительство поспѣшило открыть губернскій комитетъ въ петербургской губерніи, сославшись на то, что здѣсь дворяне еще раньше возбудили вопросъ объ устройствѣ быта своихъ крестьянъ [1]). Дѣйствительно, они возбуждали этотъ вопросъ еще при Николаѣ, потомъ въ началѣ царствованія Александра, но безъ намѣренія отмѣнить крѣпостное право, а съ желаніемъ лишь преобразовать его на началахъ феодально-эмфитевтическихъ (т.-е. на началахъ приписки крестьянъ къ помѣщичьимъ имѣніямъ, съ правомъ обязательнаго вѣчно-наслѣдственнаго пользованія опредѣленными землями); однако рескриптомъ 5 декабря 1857 года на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева былъ открытъ въ петербургской губерніи комитетъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ литовскихъ губерніяхъ.

Первымъ дворянствомъ, которое подало адресъ объ открытіи комитета по примѣру литовскихъ, было нижегородское. Въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторомъ былъ А. П. Муравьевъ, тотъ самый, который былъ основателемъ союза спасенія въ 1817 г., и ему удалось воспламенить дворянъ къ тому, чтобы именно Нижнему-Новгороду,—съ которымъ связывались патріотическія традиціи еще со смутнаго времени, традиціи Козьмы Минина-Сухорукаго,—первому присоединиться къ освободительнымъ видамъ правительства. Муравьеву удалось собрать достаточное количество подписей во время дворянскаго собранія и отправить въ Петербургъ депутацію изъ дворянъ съ просьбой открыть губернскій комитетъ. Противъ этого, однако, быстро создалось и противное теченіе, и едва уѣхала депутація, не сочувствовавшіе ей послали контрдепутацію. Но правительство торопилось ковать желѣзо пока горячо, и до появленія этой послѣдней въ Петербургѣ, уже 24 декабря 1857 г. былъ данъ рескриптъ Муравьеву въ отвѣтъ на адресъ нижегородскаго дворянства [2]). Очень долго сравнительно затянулось дѣло въ Москвѣ, и это объяснялось тѣмъ, что московская губернія была какъ разъ одной изъ промышленныхъ нечерноземныхъ; лишь когда московскому

---

[1]) Срав. записки *Я. А. Соловьева* Русск. Стар. за 1881 г., № 2, стр. 245. *Сборникъ* постановленій, вып. I (1858 г.), стр. 4 и 34.

[2]) Статья *В. И. Семьневскаго*, основанная на подлинномъ „дѣлѣ" Нижегородскаго губернскаго комитета, напечатана въ „Дѣйствіяхъ нижегородской ученой архивной комиссіи", т. III, стр. 59 и слѣд.

дворянству было свыше замѣчено, что правительство ждетъ иниціативы отъ первопрестольной столицы, то и оно подало адресъ объ открытіи комитета, однако указавъ при этомъ на желательность измѣненій въ программѣ работъ соотвѣтственно мѣстнымъ особенностямъ московской губерніи. Добиться измѣненій ему не удалось, правительство настояло на своей программѣ, и въ Москвѣ былъ открытъ губернскій комитетъ на одинаковыхъ съ остальными основаніяхъ [1]). Послѣ этого стали присоединяться и другія губерніи, такъ что къ концу 1858 г. не было ни одной губерніи, гдѣ бы не было открыто губернскаго дворянскаго комитета по крестьянскому дѣлу. Работа этихъ губернскихъ комитетовъ и составила первое крупное звено въ ходѣ разработки крестьянской реформы, давшей въ концѣ-концовъ положительные результаты [2]).

Въ составъ губернскихъ комитетовъ дворянство каждаго уѣзда выбирало по два члена и сверхъ того правительство назначало въ каждый комитетъ для защиты крестьянскихъ интересовъ по два члена изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ освобожденію крестьянъ.

Въ большей части губернскихъ комитетовъ тотчасъ же по ихъ открытіи прежде всего явились различныя попытки такъ или иначе внести то или другое измѣненіе, хотя бы при помощи распространительнаго толкованія, въ программу, которая преподана была рескриптами. Зависѣло это отъ того, какъ я уже говорилъ, что программа эта не соотвѣтствовала экономическимъ условіямъ, существовавшимъ въ различныхъ губерніяхъ, и не удовлетворила вполнѣ ни одного губернскаго комитета.

Всего ярче высказался противъ программы съ точки зрѣнія прогрессивныхъ помѣщиковъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній тверской губернскій комитетъ. Предсѣдателемъ тверского комитета былъ, какъ и въ другихъ комитетахъ, губерн-

---

[1]) „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, I, 278.

[2]) *Левшинъ*. „Достопамятныя минуты“, „Русск. Архивъ“ за 1885 г., № 8, стр. 537; *Скребицкій*. „Крестьянское дѣло“, т. I, стр. XXIV и XXV; *моя* работа: „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.“ въ „Очеркахъ по исторіи обществ. движ. и крестьян. дѣла въ Россіи“, Спб. 1905 г., стр. 194 и слѣд.

скій предводитель дворянства, которымъ въ то время былъ только что избранъ А. М. Унковскій. Это былъ человѣкъ тогдашняго молодого поколѣнія, сочувствовавшій искренно освобожденію крестьянъ и въ то же время умѣвшій остроумно комбинировать эмансипаціонные планы съ мѣстными помѣщичьими интересами. Какъ представитель дворянства, онъ считалъ себя обязаннымъ добиться того, чтобы дворянство тверской губерніи не было поставлено при освобожденіи крестьянъ въ худшія условія, нежели дворянство другихъ губерній. Въ то же время онъ признавалъ себя въ правѣ желать, чтобы періодъ преобразованій не кончился бы только крестьянской реформой: онъ думалъ, что долженъ быть переустроенъ весь русскій бытъ и облегчено положеніе всего русскаго народа и общества.

Въ запискѣ, присланной министру внутреннихъ дѣлъ еще до открытія комитета, онъ доказывалъ, стоя на точкѣ зрѣнія прогрессивныхъ помѣщиковъ промышленныхъ губерній, что палліативы, указанные въ рескриптахъ, и особенно постепенность упраздненія крѣпостного права и переходное „срочно-обязанное положеніе“ совсѣмъ не разрѣшаютъ вопроса, что и крестьяне не помирятся съ такой половинчатой свободой, и помѣщики раззорятся, и что, наконецъ, даже и исправное поступленіе податей, при отсутствіи собственной земли у крестьянина и права свободнаго распоряженія собственностью у помѣщика, не можетъ быть ничѣмъ обезпечено. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ освободить крестьянъ „не словомъ, а дѣломъ, не постепенно, а разомъ, единовременно и повсемѣстно, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, не порождая ни съ какой стороны неудовольствій и не рискуя будущимъ Россіи“—Унковскій считалъ *выкупъ* крѣпостного права, т.-е. личности крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. При этомъ онъ требовалъ, чтобы операція эта совершена была съ содѣйствіемъ правительства, чтобы помѣщики *разомъ* получили *всю* выкупную сумму, хоть въ видѣ облигацій, приносящихъ опредѣленный доходъ и реализуемыхъ на денежномъ рынкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ оговаривался, что лишь уплата стоимости земли должна быть произведена самими крестьянами въ видѣ разсроченныхъ платежей, а та часть вознагражденія, которая будетъ причитаться за утрату права распоряженія рабочей силой крестьянъ, должна быть выплачена не крестьянами, а государствомъ

при участіи *всѣхъ* сословій, такъ какъ крѣпостное право и установлено было въ свое время и отмѣняется теперь во имя государственныхъ нуждъ и соображеній. Свою точку зрѣнія Унковскій сумѣлъ внушить многимъ помѣщикамъ тверской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ губерній, и когда начались работы тверского комитета, то въ немъ большинствомъ голосовъ принятъ былъ планъ работы, согласный съ изложенными взглядами, но противорѣчившій, конечно, буквальному смыслу рескриптовъ и сопроводительныхъ наставленій министра [1]).

Между тѣмъ правительство, вначалѣ имѣвшее въ виду предоставить губернскимъ комитетамъ полную свободу внутренней организаціи ихъ работъ и выработки мѣстныхъ положеній, въ рамкахъ рескриптовъ, услыхавъ о несогласіяхъ и недоразумѣніяхъ, которыя возникаютъ среди дворянства разныхъ губерній при толкованіи смысла рескриптовъ, рѣшило дать опредѣленную *программу занятій* губернскихъ комитетовъ и точно установленную *форму* для вырабатываемыхъ ими проектовъ положеній. Дѣло это попало въ руки ловкаго человѣка, помѣщика хлѣбородной и относительно густо населенной полтавской губерніи, М. П. Позена, который въ то время, выдавая себя за либерала, пользовался полнымъ довѣріемъ Ростовцева. Позенъ выработалъ программу, которая должна была окончательно поставить точки на і и ввести работы губернскихъ комитетовъ въ очень опредѣленныя рамки. Исходя при этомъ изъ интересовъ помѣщиковъ хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній, Позенъ стремился незамѣтно провести мысль, что вырабатываемыя положенія должны имѣть въ виду *лишь переходный срочно-обязанный періодъ*, что только на это время крестьянамъ должны быть опредѣлены *надѣлы*, которые затѣмъ должны *вернуться въ полное распоряженіе помѣщиковъ*, а крестьяне должны получить полную свободу, но *безъ земли*, при чемъ и выкупъ усадебъ не ставился въ связь съ прекращеніемъ срочно-обязанныхъ отношеній, а за помѣщиками во всякомъ случаѣ оставлялась сильная *вотчинная власть* въ ихъ имѣніяхъ.

---

[1]) *Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій“, М. 1894 г. Срав. *мою* работу: „Крестьянская реформа въ калужской губерніи при В. А. Арцимовичѣ“ въ книгѣ „Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія-характеристики“. Спб. 1904, стр. 129—404.

Первоначально большинство тверского комитета, согласно съ Унковскимъ, думало обойти эту программу, признавъ, что подъ усадьбой, подлежащей выкупу на основаніи рескриптовъ, слѣдуетъ разумѣть *весь* земельный надѣлъ. Но меньшинство, опираясь на букву рескриптовъ и позеновской программы, протестовало противъ такого распространительнаго толкованія рескриптовъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ должно было признать взглядъ меньшинства формально правильнымъ. Тогда большинство комитета командировало въ Петербургъ депутацію изъ 4-хъ членовъ съ Унковскимъ во главѣ къ Ланскому и Ростовцеву, которымъ эта депутація рѣшительно заявила, что если правительство желаетъ имѣть проектъ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній отъ тверского дворянства, то такой проектъ можетъ быть выработанъ только на основаніяхъ надѣленія крестьянъ землей въ собственность и полнаго упраздненія крѣпостныхъ отношеній съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за матеріальный ущербъ при помощи выкупа. Если же это не будетъ дозволено, то комитетъ разойдется, а правительство пусть поручитъ дѣло составленія положеній чиновникамъ, которые напишутъ все, что имъ прикажутъ. Это рѣшительное заявленіе тверского комитета послѣдовало въ октябрѣ 1858 года, когда и Ланской, и Ростовцевъ уже значительно поколебались въ своихъ взглядахъ на необходимость срочно-обязаннаго положенія и невозможность выкупа [1]).

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что на точкѣ зрѣнія выкупа, какъ единственнаго правильнаго разрѣшенія вопроса, стоялъ не только тверской комитетъ и нѣкоторые другіе губернскіе комитеты нечерноземной полосы, но и значительная часть прогрессивной печати. Такъ, „Современникъ“, какъ только оказалась возможность высказываться по крестьянскому вопросу, поспѣшилъ напечатать статью Чернышевскаго, во второй части которой былъ приведенъ in extenso проектъ Кавелина и которая, въ общемъ, стояла на той же точкѣ зрѣнія, что и тверской комитетъ. Точно такъ же и „Русскій Вѣстникъ“ Каткова объявилъ, что онъ единственнымъ правильнымъ разрѣшеніемъ вопроса считаетъ выкупъ, такъ какъ освободить крестьянъ безъ земли невозможно, освободить же съ землей можно только при помощи выкупа,

---

[1]) *Джаншіевъ.* „А. М. Унковскій“, стр. 91 и слѣд.

потому что крестьяне путемъ вольной покупки пріобрѣсти землю не смогутъ, такъ какъ не смогутъ заплатить за нее разомъ, помѣщики же не могутъ соглашаться на долговременную разсрочку. На ту же точку зрѣнія сталъ сразу и „Колоколъ“ Герцена, въ которомъ помѣщалъ все время большія статьи по крестьянскому вопросу ближайшій другъ Герцена Огаревъ [1]).

Ростовцевъ лѣтомъ 1858 г., отдыхая за границей и внимательно читая различные проекты освобожденія крестьянъ, въ томъ числѣ и заграничные, между которыми были составленные дѣловыми людьми—банкирами (проектъ Френкеля и Гомберга),—все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что переходное „срочно-обязанное“ положеніе само по себѣ не только не устраняетъ различныхъ опасностей и тяжелыхъ недоразумѣній, но даже необходимо ихъ обусловливаетъ. Еще и раньше онъ смутно предчувствовалъ, что и крестьяне въ этотъ переходный періодъ, объявленные лично свободными, но обязанные въ то же время отбывать барщину и оброки помѣщикамъ, не легко будутъ подчиняться требованіямъ помѣщиковъ и не поймутъ смысла изданныхъ положеній. Поэтому онъ проектировалъ вмѣстѣ съ государственнымъ секретаремъ Бутковымъ въ началѣ 1858 года ввести на это переходное время рядъ чрезвычайныхъ полицейскихъ мѣръ, въ видѣ облеченныхъ особою властью уѣздныхъ начальниковъ и временныхъ генералъ губернаторовъ. Но эти проекты подверглись сильной критикѣ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ и многихъ частныхъ лицъ, доказывавшихъ, что это будетъ не „срочно-обязанное“, а настоящее „осадное“ положеніе, которое сдѣлаетъ жизнь въ провинціи невыносимой. И Ростовцевъ понялъ основательность этихъ возраженій и отказался отъ своихъ проектовъ, несмотря на энергичную поддержку, которую оказывалъ имъ самъ императоръ Александръ, въ особенности недовольный рѣзкой критикой ихъ со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ въ запискѣ, представленной ему Ланскимъ и составленной калужскимъ губернаторомъ Арцимовичемъ, но долго приписывавшейся Милютину.

Вникая во время заграничнаго своего отдыха глубже въ сущ-

---

[1]) См. вышеуказанную статью *мою*: „Основныя теченія правительственной и общественной мысли“ въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ“, стр. 27—38.

ность задачи и яснѣе представляя себѣ возможныя формы ея разрѣшенія, Ростовцевъ излагалъ свои новыя мысли и соображенія императору въ частныхъ письмахъ изъ Вильдбада и Дрездена, при чемъ въ четвертомъ (послѣднемъ) изъ этихъ писемъ онъ уже признавалъ, что чѣмъ больше сократить переходное срочно-обязанное положеніе, тѣмъ для спокойствія страны лучше, что для того, чтобы при этомъ на мѣстѣ не нарушался порядокъ и ни на минуту не колебалась сильная власть, нужно власть эту сосредоточить въ крестьянскомъ мірѣ и его избранныхъ, предоставивъ помѣщику имѣть дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а только съ міромъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ четвертомъ письмѣ Ростовцевъ вполнѣ уже усвоилъ идею выкупа, какъ общей финансовой мѣры; онъ не допускалъ только обязательности этой мѣры для обѣихъ сторонъ и считалъ, что выкупныя сдѣлки при содѣйствіи правительства должны заключаться по добровольнымъ соглашеніямъ между ними [1]).

Въ то же время и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ мысль о возможности и осуществимости выкупной операціи дѣятельно начала проводиться Н. А. Милютинымъ и Я. А. Соловьевымъ, которые получили непосредственное вліяніе на направленіе работъ по крестьянской реформѣ, съ образованіемъ въ составѣ министерства особаго *земскаго отдѣла*, въ которомъ сосредоточились всѣ подготовительныя работы по крестьянскому дѣлу. Земскій отдѣлъ открытъ былъ 4 марта 1858 года подъ предсѣдательствомъ товарища министра А. И. Левшина; Я. А. Соловьевъ назначенъ былъ непремѣннымъ членомъ отдѣла, завѣдывавшимъ его дѣлами, Н. А. Милютинъ состоялъ членомъ отдѣла въ качествѣ директора хозяйственнаго департамента. Роль Левшина, съ изданіемъ рескриптовъ, оказалась уже сыгранной; онъ не сочувствовалъ быстрымъ и энергичнымъ распоряженіямъ по дѣлу крестьянской реформы, а изданіе и въ особенности опубликованіе рескриптовъ считалъ опаснымъ для государства „salto mortale“ [2]). Въ земскомъ отдѣлѣ какъ разъ

---

[1]) Заграничныя письма Ростовцева къ государю напечатаны у *Скребицкаго*, т. I, стр. 908 и слѣд. Срав. вышеназв. статью мою „Основныя теченія правительственной и общественной мысли“, стр. 38 и слѣд.

[2]) „Достопамятныя минуты“, стр. 524.

въ это время началась лихорадочная работа, и Левшинъ уступилъ здѣсь центральное мѣсто болѣе молодымъ и способнымъ дѣятелямъ Соловьеву и Милютину, изъ которыхъ послѣдній вскорѣ смѣнилъ его и на посту товарища министра.

Соловьевъ былъ превосходнымъ работникомъ по подготовкѣ и разработкѣ необходимыхъ для реформы матеріаловъ. Роль Милютина была еще отвѣтственнѣе и важнѣе. Ростовцевъ впослѣдствіи выразился какъ-то, что Милютинъ былъ нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Ту же роль нимфы Эгеріи игралъ онъ и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ это министерство онъ вступилъ еще въ 1835 г. неопытнымъ и малоподготовленнымъ къ жизни юношей 17-ти лѣтъ, тотчасъ по окончаніи курса въ московскомъ университетскомъ „благородномъ“ пансіонѣ. Можетъ быть, въ министерскихъ канцеляріяхъ на него обращали нѣсколько больше вниманія, чѣмъ на остальныхъ мелкихъ чиновниковъ, потому что онъ былъ по матери роднымъ племянникомъ министра государственныхъ имуществъ гр. Киселева, но несомнѣнно больше всего ему помогли выдвинуться его выдающіяся дарованія, которыя обнаружились съ первыхъ же лѣтъ его службы. При гр. Перовскомъ, состоя въ должности начальника отдѣленія хозяйственнаго департамента и не имѣя отъ роду 30-ти лѣтъ, онъ былъ уже замѣтной фигурой въ министерствѣ, и предпринятое въ сороковыхъ годахъ по его иниціативѣ изслѣдованіе городского хозяйства въ разныхъ городахъ Россійской имперіи,—дѣло, къ которому онъ сумѣлъ привлечь въ то время такихъ представителей своего поколѣнія, какъ Юрій Самаринъ и Иванъ Аксаковъ,—привело въ 1846 г. къ реформѣ петербургскаго общественнаго управленія на тѣхъ же приблизительно началахъ, на которыхъ впослѣдствіи построена была городовая реформа 1870 г.

Въ 1856—1857 гг., пользуясь старымъ знакомствомъ и дружбой съ Ю. Ѳ. Самаринымъ и болѣе новымъ съ К. Д. Кавелинымъ, Милютинъ въ общеніи съ ними основательно приготовился къ участію въ крестьянской реформѣ, познакомившись въ то же время и со старыми архивными матеріалами. Уже въ томъ же 1857 г. онъ имѣлъ нѣсколько случаевъ проводить свои взгляды на это дѣло въ бесѣдахъ съ Ланскимъ, съ которымъ онъ былъ въ частыхъ сношеніяхъ по должности директора хозяйственнаго департамента. Съ другой стороны, онъ же инспири-

ровалъ въ это время, какъ уже было указано, великую княгиню Елену Павловну и вел. кн. Константина Николаевича, проводя и здѣсь съ одной стороны мысль о необходимости коренной и радикальной реформы, въ видѣ освобожденія крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ, а съ другой стороны указывая и способы, какъ воспользоваться въ этомъ дѣлѣ дворянской иниціативой и въ то же время не дать волѣ дворянства слишкомъ большой роли въ ходѣ всего дѣла, чтобы обострившіеся дворянскіе интересы и аппетиты не парализовали благого значенія предпринятой реформы для народныхъ массъ. Эта дѣятельность Милютина была скоро замѣчена придворными крѣпостниками и реакціонерами, и они поспѣшили скомпрометировать его имя въ глазахъ государя, приписывая ему радикальныя политическія воззрѣнія и даже революціонныя намѣренія, и въ этомъ они успѣли въ значительной мѣрѣ. Милютину, благодаря этимъ интригамъ, едва не пришлось выйти въ отставку въ 1857 году, и только рѣшительная защита его Ланскимъ, поддержаннымъ въ совѣтѣ министровъ кн. Горчаковымъ (министромъ иностранныхъ дѣлъ) а внѣ совѣта вел. кн. Еленой Павловной, устранила на этотъ разъ удаленіе его отъ дѣлъ. Несмотря, однако же, на всѣ усилія придворныхъ недоброжелателей Милютина, успѣвшихъ возстановить противъ него государя, имъ не удалось помѣшать въ началѣ 1859 года, послѣ удаленія въ отставку Левшина, назначенію Милютина на постъ товарища министра, хотя и съ званіемъ лишь „временно исправляющаго“ эту должность, что, впрочемъ, не помѣшало Милютину исправлять ее вплоть до изданія положеній 19 февраля 1861 года [1]).

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что во взглядахъ на крестьянскую реформу Милютинъ раздѣлялъ точку зрѣнія Самарина, которую этотъ послѣдній подробно обосновалъ въ статьяхъ своихъ, напечатанныхъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ [2]). Оба они понимали предпочтительность радикальнаго рѣшенія вопроса при

---

[1]) О Н. А. Милютинѣ и его роли въ крестьянской реформѣ кромѣ извѣстной книги *Leroy-Beaulieu* „Un homme d'état Russe“ P. 1884, см. очеркъ „Н. А. Милютинъ“ *А. А. Кизеветтера* въ сборникѣ „Освобожденіе крестьянъ“, М. 1911, стр. 233—266.

[2]) Статьи эти перепечатаны въ III томѣ сочиненій *Ю. Ѳ. Самарина*, стр. 19—56.

помощи обязательнаго выкупа, при условіи, конечно, освобожденія крестьянъ съ тѣми приблизительно надѣлами, которыми они пользовались при крѣпостномъ правѣ, но сознавали и тѣ опасности и трудности, которыя сопряжены съ такимъ исходомъ дѣла для государственной казны, истощенной послѣдней войной и находившейся въ то время въ слабыхъ и неискусныхъ рукахъ такихъ министровъ, какъ Брокъ, а затѣмъ Княжевичъ [1]). Во всякомъ случаѣ, самой важной стороной реформы Милютинъ, вмѣстѣ съ Самаринымъ, признавалъ освобожденіе крестьянъ съ достаточнымъ земельнымъ надѣломъ и очень недовѣрчиво относился къ планамъ и видамъ большинства дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. Тѣмъ не менѣе въ требованіяхъ прогрессивнаго большинства тверского губернскаго комитета онъ не могъ не видѣть стремленія найти добросовѣстное и радикальное рѣшеніе вопроса съ соблюденіемъ выгодъ и интересовъ не только помѣщиковъ, но и крестьянъ.

Въ концѣ-концовъ, и Ланской и Ростовцевъ признали необходимымъ предоставить тверскому комитету довести свой планъ до конца, и ему было разрѣшено сверхъ проекта, основаннаго на позеновской программѣ и имѣвшаго въ виду устройство крестьянъ въ переходномъ срочно-обязанномъ періодѣ, выработать и особый выкупной проектъ, имѣвшій въ виду немедленное и единовременное полное освобожденіе крестьянъ съ землей. Вскорѣ такое же разрѣшеніе дано было калужскому комитету и еще 15-ти другимъ, не успѣвшимъ къ тому времени окончить своихъ работъ [2]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ростовцевъ внесъ въ главный комитетъ по высочайшему повеленію извлеченіе изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ императору Александру и это извлеченіе обсуждалось въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, журналы которыхъ были утверждены государемъ 26 октября и 4 декабря 1858 года [3]).

---

[1]) Срав. сочиненія *Ю. Ѳ. Самарина*, II, стр. 137, гдѣ прямо указывается, что для того, чтобы рѣшиться на выкупную операцію, нужно прежде всего, „чтобы во главѣ финансовъ стоялъ министръ съ головой и пользующійся полной довѣренностью государя, а не безгласный государевъ казначей".

[2]) Сборникъ постановленій, выпускъ II, стр. 17, и выпускъ III, стр. 25.

[3]) Срав. *П. П. Семеновъ* „Освобожденіе крестьянъ въ Россіи" т. I, стр. 79 и слѣд. *А. Попельницкій* „Секретный комитетъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости" въ „Вѣст. Европы" за 1911 г. №№ 2 и 3.

Въ этихъ постановленіяхъ сдѣланы были чрезвычайно важныя поправки и дополненія къ первоначальной правительственной программѣ, имѣвшія огромное значеніе для послѣдующаго хода разработки крестьянской реформы. Впрочемъ, на направленіи работъ губернскихъ комитетовъ эти измѣненія правительственной программы не могли отразиться, потому что комитеты къ этому времени уже заканчивали свои работы; зато они отразились весьма существенно съ самаго начала на направленіи работъ того учрежденія, которое образовано было подъ названіемъ „редакціонныхъ комиссій“ при главномъ комитетѣ для разработки и сводки проектовъ губернскихъ комитетовъ и для проектированія затѣмъ положеній, какъ общаго для всей Россіи, такъ и мѣстныхъ для различныхъ полосъ или областей ея [1]).

Эти комиссіи были образованы въ мартѣ 1859 года, подъ предсѣдательствомъ, или, какъ сказано было въ высочайшемъ повелѣніи, „подъ начальствомъ“ генерала Ростовцева изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, соприкасавшихся съ крестьянскимъ дѣломъ и кодификаціонными работами, а также изъ „членовъ-экспертовъ“, въ лицѣ помѣщиковъ, извѣстныхъ своими проектами по крестьянскому дѣлу или обратившихъ на себя вниманіе своими работами въ разныхъ губернскихъ комитетахъ.

---

[1]) Для изученія работъ редакціонныхъ комиссій слѣдуетъ имѣть въ виду два главныхъ источника: 1) „Матеріалы редакціонныхъ комиссій“, изд. въ 18 томахъ въ 1859—1860 гг. съ приложеніями (6 томовъ „Статистическихъ описаній помѣщичьихъ имѣній“ in 4⁰ и 3 тома „Отзывовъ членовъ, вызванныхъ изъ губерн. комитетовъ“). Сверхъ того въ 1860 г. было выпущено 2-е (систематизированное) изданіе „Матеріаловъ редакціонныхъ комиссій“ въ 3-хъ томахъ.—2) *Н. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II“ (хроника или лѣтопись засѣданій редакціонныхъ комиссій) въ 3-хъ томахъ (т. 3-й въ 2-хъ частяхъ).

Отчасти „Матеріалы редакціонныхъ комиссій“ были переработаны и изданы заграницей *А. И. Скребицкимъ* въ 4-хъ томахъ (т. 2-й въ 2-хъ частяхъ). Сверхъ того очень важно имѣть въ виду: „Записки А. И. Кошелева“, изд. въ Берлинѣ (особенно приложенія къ нимъ); сочиненія *Ю. Ф. Самарина* т. III; „Бумаги М. П. Позена“ Дрезденъ 1864; „Матеріалы для біографіи кн. *В. А. Черкасскаго*“, изд. кн. *О. Н. Трубецкой* т. I. ч. 2-ая М. 1903; книгу *A. Leroy-Beaulieu* „ Un homme d'état Russe (Nikolas Milutine)“ P. 1884; записку *К. С. Аксакова* „Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи“ Лейпцигъ 1861; VIII и IX книжки „Голосовъ изъ Россіи“ Лондонъ 1860.

Мысль ввести такихъ членовъ-экспертовъ въ составъ редакціонныхъ комиссій возникла въ тотъ моментъ у Милютина, и онъ выразилъ ее государю при своемъ представленіи послѣднему по случаю своего назначенія къ исправленію должности товарища министра. Затѣмъ онъ выразилъ ту же мысль и Ростовцеву; который и самъ высказывалъ нѣчто подобное въ одномъ изъ писемъ своихъ къ государю. Мысль эта была одобрена, и вообще у Милютина, вопреки его опасеніямъ, сразу же установились съ Ростовцевымъ очень хорошія отношенія. Ростовцевъ не только отнесся къ нему съ полнымъ довѣріемъ, но и просилъ его участія въ дѣлѣ подбора личнаго состава редакціонныхъ комисій, и Милютинъ, воспользовавшись этимъ, ввелъ туда нѣсколькихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи главными двигателями въ нихъ всего дѣла. Члены эти были: Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій (съ которымъ Милютинъ еще не былъ лично знакомъ въ то время), В. В. Тарновскій, Г. П. Галаганъ, не говоря о Я. А. Соловьевѣ, который былъ назначенъ въ составъ комиссій отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, конечно, также съ вѣдома Милютина.

Но на ряду съ этими приверженцами реформы въ комиссію вступило и нѣсколько лицъ, съ которыми Милютину и его друзьямъ пришлось впослѣдствіи выдержать упорную и ожесточенную борьбу. Это были предводители дворянства: петербургской губ. гр. П. П. Шуваловъ и орловской — В. В. Апраксинъ; генералъ-адъютантъ кн. Паскевичъ; упоминавшійся уже полтавскій помѣщикъ Позенъ; редакторъ „Журнала землевладѣльцевъ“ А. Д. Желтухинъ, и одинъ изъ представителей министерства государственныхъ имуществъ Булыгинъ, упорно отстаивавшій взгляды своего принципала М. Н. Муравьева. Первоначально было образовано двѣ редакціонныхъ комиссіи: одна для выработки общаго положенія, другая для выработки мѣстныхъ; но Ростовцевъ, пользуясь предоставленной ему властью, съ самаго же начала слилъ ихъ въ одну, подраздѣливъ ее затѣмъ на отдѣленія: административное, юридическое и хозяйственное, къ которымъ вскорѣ присоединена была еще особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ. Всѣ эти отдѣленія имѣли значеніе подкомиссій, вырабатывавшихъ доклады для общаго собранія комиссій,—доклады, которые и ложились затѣмъ въ основаніе различныхъ отдѣловъ положеній. Въ двухъ

важнѣйшихъ изъ этихъ отдѣленій—хозяйственномъ и финансовомъ—предсѣдательствовалъ Милютинъ. Но его роль этимъ не ограничивалась. Ростовцевъ не напрасно назвалъ его нимфой Эгеріей редакціонныхъ комиссій. Онъ дѣйствительно былъ центральнымъ лицомъ всей работы, руководителемъ всей внутренней политики комиссій, а затѣмъ и вождемъ передовыхъ ея членовъ въ борьбѣ съ тѣми враждебными дѣлу реформы силами, которыя дѣйствовали внутри комиссій и за стѣнами ихъ засѣданій. Ему удалось съ самаго же начала создать сплоченную группу убѣжденныхъ, достаточно спѣвшихся между собой и въ высшей степени талантливыхъ и трудоспособныхъ защитниковъ реформы въ лицѣ Самарина, Черкасскаго и Соловьева, къ которымъ по большей части спорныхъ вопросовъ присоединялись: Тарновскій, Галаганъ, Петръ Семеновъ и др. Группа эта вполнѣ овладѣла довѣріемъ Ростовцева, при чемъ Милютину удалось на первыхъ же порахъ вытѣснить вредное вліяніе на Ростовцева ловкаго и хитраго дѣльца Позена, который въ редакціонныхъ комиссіяхъ былъ совершенно разоблаченъ и вынужденъ былъ прямо признать себя сторонникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

На первыхъ же порахъ, редакціоннымъ комиссіямъ пришлось выдержать важное состязаніе съ вліятельными защитниками феодальныхъ стремленій петербургскаго дворянства гр. Шуваловымъ и кн. Паскевичемъ, которые, опираясь на точный смыслъ рескриптовъ, настаивали на сохраненіи навсегда права собственности на всѣ земли за помѣщиками, отрицали допустимость всѣхъ формъ выкупа, кромѣ отдѣльныхъ добровольныхъ сдѣлокъ, и въ особенности настаивали на предоставленіи помѣщикамъ вотчинной власти и вотчинной юрисдикціи на ихъ земляхъ въ видѣ неприкосновеннаго сеньеріальнаго права, утверждая, что въ противномъ случаѣ выкупъ становится если и не обязательнымъ для помѣщика формально, то вынужденнымъ. Борьба эта началась въ первыхъ же засѣданіяхъ редакціонныхъ комиссій, въ связи съ тѣми измѣненіями въ правительственной программѣ, которыя сообщены были комиссіямъ на основаніи постановленій главнаго комитета (отъ 26 октября и 4 декабря 1858 года), явившихся, какъ уже сказано, въ свою очередь послѣдствіемъ видоизмѣненія взглядовъ Ростовцева. Новая программа правительства, предъявленная ко-

миссіямъ, при самомъ открытіи ихъ занятій, была формулирована впослѣдствіи Н. П. Семеновымъ (въ его „Исторіи освобожденія крестьянъ въ царствованіе имп. Александра II“ [1]) въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Освободить крестьянъ *съ землей*.

2) Конечной развязкой освобожденія считать *выкупъ* крестьянами ихъ надѣловъ у помѣщиковъ въ собственность.

3) Оказать *содѣйствіе дѣлу выкупа* посредничествомъ, кредитомъ, гарантіями или финансовыми операціями правительства.

4) Избѣгнуть по возможности регламентаціи срочно-обязаннаго періода или во всякомъ случаѣ *сократить переходное состояніе*.

5) *Барщину уничтожить* законодательнымъ порядкомъ черезъ три года переводомъ крестьянъ на оброкъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые сами того не пожелаютъ.

6) *Дать самоуправленіе* освобожденнымъ крестьянамъ въ ихъ сельскомъ быту.

Эта программа, сочувственно принятая членами редакціонныхъ комиссій, легла въ основу ихъ работъ.

Но принявъ эту программу, комиссіямъ пришлось стать, конечно, въ противорѣчіе съ большею частью проектовъ губернскихъ комитетовъ, которые ея не имѣли въ виду въ своихъ работахъ и обязаны были руководиться рескриптами и позеновской программой, которой новая программа совершенно противорѣчила. Редакціонныя комиссіи рѣшили не считаться съ волею дворянства, выраженною въ комитетскихъ проектахъ, и считать ихъ лишь за матеріалъ для своихъ собственныхъ построеній. Работы комиссій печатались, по приказанію Ростовцева, въ 3000 экземпляровъ и широко разсылались по Россіи. Такимъ образомъ дворянство очень скоро увидѣло, что направленіе дѣла уходитъ изъ его рукъ. Между тѣмъ, государь, объѣзжая различныя губерніи еще лѣтомъ 1858 г., бесѣдовалъ въ то время съ представлявшимися ему предводителями дворянства и членами губернскихъ комитетовъ неоднократно изъявлялъ дворянству свою благодарность за великодушный починъ и обѣщалъ, что при разсмотрѣніи дѣла въ Петербургѣ отъ

[1]) Томъ I, стр. 99.

каждаго губернскаго комитета вызваны будутъ депутаты для участія въ окончательномъ обсужденіи всего дѣла. Дворяне поняли эти слова въ томъ смыслѣ, что депутаты губернскихъ комитетовъ будутъ допущены *въ главный комитетъ* и будутъ участвовать тамъ въ окончательномъ рѣшеніи вопроса. Рѣшительнымъ противникомъ такого толкованія этого обѣщанія государя явился Милютинъ, который убѣдилъ и Ростовцева и Ланского, что допущеніе дворянскихъ депутатовъ въ главный комитетъ, хотя бы съ совѣщательнымъ только голосомъ, можетъ при данномъ составѣ самого главнаго комитета опрокинуть все дѣло и совершенно исказить благополучный исходъ реформы. Рѣшено было поэтому допустить депутатовъ губернскихъ комитетовъ лишь къ критикѣ проектовъ редакціонной комиссіи въ засѣданіяхъ этой послѣдней, при чемъ и тутъ рѣшено было имъ предоставить лишь изложить свои замѣчанія и защищать свои проекты, но отнюдь не допускать ихъ къ голосованіямъ, а слѣдовательно и къ участію въ рѣшеніи самаго дѣла, даже и въ этой подготовительной, переходной его стадіи.

Работы комиссій, по плану Ростовцева, раздѣлены были на нѣсколько періодовъ. Въ первомъ періодѣ разсмотрѣны были проекты лишь 21 губернскихъ комитетовъ, ранѣе другихъ закончившихъ свои работы, при чемъ, по составленіи перваго наброска проекта положеній на основаніи этого матеріала въ редакціонныхъ комиссіяхъ, рѣшено было вызвать въ Петербургъ сначала депутатовъ только отъ этихъ 21 комитетовъ. Затѣмъ, по выслушаніи ихъ замѣчаній и по обсужденіи остальныхъ проектовъ, внести въ свои предположенія необходимыя исправленія и измѣненія и тогда вызвать депутатовъ отъ остальныхъ комитетовъ, послѣ чего составить уже окончательные проекты, воспользовавшись всѣмъ этимъ матеріаломъ и критикой депутатовъ. Этотъ планъ былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Прибытія депутатовъ въ концѣ перваго періода работъ редакціонныхъ комиссій члены этихъ послѣднихъ ожидали не безъ волненія, ибо враги реформы и враги того направленія, которое дѣло это приняло въ редакціонныхъ комиссіяхъ, естественно считали прибытіе депутатовъ самымъ удобнымъ моментомъ для генеральнаго сраженія, которое могло привести къ полному искаженію всего дѣла.

Главные пункты, въ которыхъ воля дворянства могла счи-

таться особенно рѣзко нарушенною, сводились къ самымъ важнымъ матеріальнымъ условіямъ ликвидаціи крѣпостного строя. Во-первыхъ, отвергнуты были всѣ тѣ проекты губернскихъ комитетовъ, которые признавали, что съ окончаніемъ срочно-обязаннаго періода, т.-е. черезъ 8—12 лѣтъ, вся земля, за исключеніемъ усадебъ, возвращается въ распоряженіе помѣщика; затѣмъ рѣзко измѣнены были нормы земельныхъ надѣловъ, которыя комиссіи старались приблизить къ нормамъ существующаго пользованія; сильно понижены оцѣнки усадебъ и размѣры вычисленныхъ комитетами оброковъ за прочія угодья. Наконецъ, совершенно измѣнены всѣ постановленія, клонившіяся къ сохраненію въ томъ или иномъ объемѣ вотчинной власти помѣщиковъ, въ качествѣ „начальниковъ“ сельскихъ обществъ, предположенныхъ согласно позеновской программѣ.

Милютинъ, считая необходимымъ заранѣе противопоставить натиску враждебныхъ реформѣ элементовъ сильное и яркое освѣщеніе своекорыстныхъ поползновеній большинства губернскихъ комитетовъ, составилъ особую записку (представленную государю Ланскимъ) съ обозрѣніемъ дѣятельности губернскихъ комитетовъ первой очереди, при чемъ подвергъ эту дѣятельность сжатому, но рѣзкому разбору и въ заключеніе указалъ, что, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, не слѣдуетъ допускать депутатовъ отъ губернскихъ комитетовъ до какихъ-либо общихъ постановленій, а слѣдуетъ лишь предложить имъ представить свои отдѣльные отзывы на труды редакціонныхъ комиссій въ ихъ засѣданіяхъ, спеціально этому посвященныхъ. Эта записка, хранившаяся въ то время въ глубокой тайнѣ [1]), была одобрена императоромъ Александромъ, и соотвѣтственно этому рѣшено было дать инструкціи депутатамъ. Узнавъ объ этомъ, депутаты пришли, разумѣется, въ крайнее раздраженіе. Сперва они хотѣли подать государю адресъ съ сильнымъ протестомъ противъ такихъ незаконныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствій ненавистной имъ бюрократіи, а когда адресъ этотъ не былъ принятъ, то они составили коллективное письмо на имя Ростовцева, въ которомъ ходатайствовали о предоставленіи имъ права собираться и дѣйствовать сообща, вырабатывая общія постано-

[1]) Теперь она напечатана полностью у *Н. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ въ царств. имп. Александра II“, т. I, стр. 827.

вленія и представляя ихъ „на судъ высшаго правительства". Частныя совѣщанія имъ были разрѣшены, но безъ права дѣлать постановленія, и было обѣщано отъ лица государя, что всѣ соображенія ихъ дойдутъ до него черезъ главный комитетъ. На первый разъ депутаты этимъ какъ будто удовлетворились и затѣмъ въ замѣчаніяхъ своихъ, которыя въ печатномъ видѣ составили 2 толстыхъ тома, подвергли работы и выводы редакціонныхъ комиссій рѣзкой и безпощадной критикѣ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія было настроено въ общемъ весьма либерально и, за исключеніемъ нѣсколькихъ лицъ, отнюдь не были крѣпостниками. Они принадлежали въ большинствѣ къ комитетамъ промышленныхъ нечерноземныхъ и получерноземныхъ губерній и опредѣленно высказывались не только за освобожденіе крестьянъ, но и за надѣленіе ихъ землею. Однако почти всѣ они высказывались противъ отвода надѣловъ крестьянамъ въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности. Они опасались, и не безъ основанія, что исправное отбываніе барщины безъ удержанія прежней помѣщичьей власти фактически окажется невозможнымъ, установленіе же оброковъ безъ права переоброчки признавали несправедливымъ нарушеніемъ правъ собственности помѣщиковъ, въ виду постояннаго возрастанія цѣнъ на землю. Большая часть депутатовъ требовала обязательнаго единовременнаго выкупа при помощи особой кредитной операціи. Очень немногіе предпочитали систему вѣчно-наслѣдственнаго пользованія, но съ правомъ періодической переоброчки, и лишь нѣсколько человѣкъ выразили стремленіе къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ по истеченіи срочно-обязаннаго періода.

Многіе депутаты возражали противъ выведенныхъ комиссіями земельныхъ нормъ, очень повышенныхъ въ сравненіи съ нормами, предположенными въ губернскихъ комитетахъ. Въ то же время они признавали разорительными для помѣщиковъ и нормы оброковъ, установленныя комиссіями.

Но съ наибольшимъ единодушіемъ депутаты напали на проектъ административнаго устройства крестьянъ, при чемъ они не обращались къ прямой защитѣ вотчинной власти помѣщиковъ, но рѣзко нападали на стремленіе комиссій подчинить создаваемые ими органы крестьянскаго самоуправленія мѣстной

уѣздной полиціи, чѣмъ нарушался, конечно, и самый принципъ самоуправленія. Въ этой части своихъ нападокъ депутаты стояли на почвѣ либеральныхъ и даже демократическихъ принциповъ, и потому эта часть ихъ критики произвела наибольшее впечатлѣніе на многихъ членовъ редакціонныхъ комиссій и на всѣхъ передовыхъ людей въ Россіи. Лучше всѣхъ эти мысли формулировалъ въ своихъ замѣчаніяхъ тверской депутатъ Унковскій, который не ограничился при этомъ критикой административнаго устройства крестьянъ по проекту комиссій, но рѣзко раскритиковалъ и всю существовавшую въ то время систему мѣстнаго уѣзднаго управленія, а затѣмъ противопоставилъ ей свой собственный проектъ, одобренный тверскимъ комитетомъ. Унковскій требовалъ коренной перестройки всего мѣстнаго управленія на началахъ децентрализаціи и самоуправленія, наименьшей единицей котораго, по его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать всесословную волость.

Въ концѣ своего пребыванія въ Петербургѣ, депутаты однако же, ясно увидѣли, что ихъ замѣчанія едва ли могутъ быть прочтены государемъ даже уже въ силу одного своего слишкомъ значительнаго объема. Поэтому передъ отъѣздомъ они опять рѣшились обратиться къ государю съ адресомъ, въ которомъ хотѣли просить допустить ихъ въ главный комитетъ при окончательномъ разсмотрѣніи всего дѣла. Но общій адресъ не состоялся, и они разбились при этомъ на группы. Часть изъ нихъ, въ числѣ 18 человѣкъ, представила адресъ, редактированный въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, съ просьбой лишь допустить ихъ представить свои замѣчанія въ главномъ комитетѣ. Симбирскій депутатъ Шидловскій представилъ особый адресъ съ требованіями въ олигархическомъ духѣ, крайне туманно выраженными. Наконецъ, пять депутатовъ съ Унковскимъ во главѣ, на ряду съ рѣзкими нападками на дѣйствія бюрократіи и на бюрократическій строй и требованіемъ обязательнаго выкупа, изложили также свой взглядъ на необходимыя преобразованія въ судебномъ и административномъ строѣ страны.

Одновременно съ этими адресами подалъ государю записку не принадлежавшій къ числу депутатовъ помѣщикъ петербургской губерніи, аристократъ (племянникъ кн. Орлова) и камергеръ высочайшаго двора М. А. Безобразовъ, и въ ней, крайне

рѣзко обрушиваясь на дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ и редакціонныя комиссіи, требовалъ „обузданія“ бюрократіи и созыва выборныхъ представителей дворянства, на которыхъ, по его мнѣнію, и должна опираться въ своихъ дѣйствіяхъ верховная власть въ Россіи [1]).

Гнѣвъ Александра, вызванный крайне рѣзкими выраженіями этой записки, отразился, повидимому, и на его отношеніи къ адресамъ депутатовъ, хотя послѣдніе и были составлены въ тонѣ весьма лойяльномъ и корректномъ. Депутатамъ, подписавшимъ адреса, объявленъ былъ выговоръ черезъ губернаторовъ, а замѣчанія ихъ оставлены были по большей части безъ вниманія. Въ концѣ-концовъ вся эта исторія, послужившая началомъ къ развитію оппозиціоннаго движенія въ дворянскихъ кругахъ и въ части общества, въ то время оказалась въ сущности на руку редакціоннымъ комиссіямъ и благополучному исходу ихъ работъ, такъ какъ она укрѣпила симпатіи къ нимъ и къ ихъ дѣлу въ императорѣ Александрѣ [2]).

Послѣ отъѣзда депутатовъ перваго приглашенія начался второй періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, при чемъ редакціонныя комиссіи пересмотрѣли свои проекты въ связи съ замѣчаніями, сдѣланными на нихъ депутатами и поступившими отъ остальныхъ губернскихъ комитетовъ проектами. Существенныхъ измѣненій комиссіи не признали необходимымъ сдѣлать въ первоначальныхъ своихъ проектахъ. Но прежде чѣмъ дѣло это было доведено до конца, случилось событіе, вновь

---

[1]) Записка Мих. Безобразова со всѣми высочайшими отмѣтками на ней напечатана у *Н. П. Семенова* въ н. с., т. II, стр. 940.

[2]) Адресы депутатовъ губернскихъ комитетовъ напечатаны у *Семенова*, т. I, стр. 615 и слѣд., а весь ходъ и исходъ ихъ борьбы подробно разсказанъ и правильно освѣщенъ однимъ изъ ея участниковъ *А. И. Кошелевымъ* въ заграничной брошюрѣ: „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“, Берлинъ 1860 г., затѣмъ перепечатанной въ *приложеніяхъ* къ „Запискамъ А. И. Кошелева“, Берлинъ 1884 г. Срав. книгу *мою*: „Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ II“, М., 1909, стр. 53 и слѣд., также у *И. И. Иванюкова*: „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“. Срав. также замѣчательное письмо *Кошелева* къ *Самарину* отъ 1 февраля 1860 г. во 2-ой книгѣ I тома „Матеріаловъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, стр. 140 и слѣд., и тутъ же (стр. 143) выписку изъ письма *Самарина* къ *Черкасскому*.

грозившее—какъ, по крайней мѣрѣ, казалось тогда—кризисомъ дѣлу реформы.

6-го февраля 1860 г., послѣ трехмѣсячной тяжелой болѣзни, развившейся на почвѣ переутомленія и чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, умеръ Я. И. Ростовцевъ. Вмѣсто него на пость предсѣдателя редакціонныхъ комиссій назначенъ былъ гр. В. Н. Панинъ, министръ юстиціи, завзятый рутинеръ-бюрократъ и рѣшительный консерваторъ, завѣдомо враждебно относившійся къ тому направленію крестьянской реформы, которое ей дано было въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Это назначеніе вызвало всеобщее недоумѣніе и негодованіе. Герценъ въ „Колоколѣ“ помѣстилъ извѣстіе о назначеніи Панина въ траурной рамкѣ и, съ отчаяніемъ объявляя, что тонъ царствованія измѣнился, приглашалъ членовъ редакціонныхъ комиссій подать въ отставку, если въ нихъ есть хоть капля гражданскихъ чувствъ. Милютинъ съ своей стороны думалъ то же, и только настойчивыя убѣжденія вел. княгини Елены Павловны помѣшали ему осуществить это пагубное для дѣла реформы намѣреніе. Когда Елена Павловна выразила императору свое недоумѣніе по поводу дошедшихъ до нея слуховъ о назначеніи Панина, то Александръ Николаевичъ спокойно ей отвѣтилъ: „Вы Панина не знаете; его убѣжденія—это точное исполненіе моихъ приказаній“. Панину поставлено было государемъ условіе ничего не измѣнять въ ходѣ и направленіи дѣла, установившихся при Ростовцевѣ. Тѣмъ не менѣе назначеніе его вызвало чрезвычайное оживленіе среди крѣпостниковъ и враговъ редакціонныхъ комиссій. Поэтому и депутаты 2-го приглашенія, принадлежавшіе притомъ, главнымъ образомъ, къ комитетамъ черноземныхъ и западныхъ губерній, стоявшихъ за безземельное освобожденіе крестьянъ, прибыли въ Петербургъ съ намѣреніемъ опрокинуть проекты редакціонныхъ комиссій при помощи Панина, на котораго они возлагали большія надежды. Въ этомъ они ошиблись: Панинъ старался формально исполнить обѣщаніе, данное государю, и поэтому не оказалъ никакой поддержки депутатамъ. Сами депутаты написали на проекты редакціонныхъ комиссій очень рѣзкую критику, при чемъ всего сильнѣе обрушились на постановленія о надѣленіи крестьянъ землей и на образованіе независимыхъ отъ помѣщичьей власти крестьянскихъ обществъ и волостей. Они не брезгали при

этомъ никакими аргументами и всячески старались набросить тѣнь на работы редакціонныхъ комиссій съ охранительной точки зрѣнія, выискивая въ проектахъ и докладахъ комиссій республиканскія, соціалистическія и даже коммунистическія начала. Критика этихъ депутатовъ, такимъ образомъ, принципіально совершенно расходилась съ точкой зрѣнія депутатовъ перваго приглашенія [1]).

Редакціоннымъ комиссіямъ не трудно было защититься отъ такихъ неумѣренныхъ и неблагонамѣренныхъ обвиненій. Но съ отъѣздомъ депутатовъ, когда начался третій, кодификаціонный, періодъ работъ редакціонныхъ комиссій, группѣ передовыхъ членовъ этихъ комиссій, предводимой Милютинымъ, пришлось пережить трудное время.

Внутри комиссій гр. Панинъ, хотя и осторожно, но съ необыкновеннымъ упорствомъ, пытался провести нѣкоторые свои взгляды, серьезно грозившіе исказить дѣло. Къ тому же и нѣкоторые изъ членовъ комиссій, тайно сочувствовавшіе своекорыстнымъ помѣщичьимъ поползновеніямъ депутатовъ 2-го приглашенія, возобновили борьбу съ руководившей всѣми работами группой Милютина, Самарина, Черкасскаго и Соловьева. Борьба приняла довольно острый характеръ, вызвала личныя столкновенія и доходила до того, что Панинъ въ одномъ изъ засѣданій констатировалъ открытое недовѣріе къ его словамъ, выраженное Милютинымъ, а съ однимъ изъ членовъ комиссій, Булыгинымъ, у Милютина дѣло чуть не дошло до дуэли. Главное, чего добивался Панинъ, заключалось въ требованіи его уничтожить въ проектахъ комиссій выраженіе, что надѣлы отводятся крестьянамъ въ „*безсрочное*“ пользованіе. Стремясь упразднить это выраженіе подъ предлогомъ неправильности его съ юридической точки зрѣнія, онъ хотѣлъ, очевидно, создать почву для осуществленія желаній тѣхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, которые съ легкой руки Позена старались доказать, что надѣлы, по смыслу рескриптовъ, должны быть отведены въ пользованіе крестьянъ лишь на время срочно-обя-

---

[1]) Много выписокъ изъ заявленій депутатовъ 1-го и 2-го приглашеній помѣщено у *Скребицкаго*. См. между проч. у него въ т. I, на стр. 822 и слѣд. любопытную оцѣнку взглядовъ депутатовъ 1-го и 2-го приглашеній, сдѣланную редакціонными комиссіями.

занятаго періода. Панину не удалась его попытка, несмотря на то, что онъ пускался даже на фальсификацію преній въ журналахъ, въ чемъ и былъ уличенъ Милютинымъ. Благодаря стойкой защитѣ этого пункта со стороны Милютина и его друзей, все, чего Панинъ достигъ, это была замѣна термина „*безсрочное*“ пользованіе терминомъ „постоянное“ пользованіе, что было въ сущности равнозначуще.

Хотя это нападеніе Панина было, такимъ образомъ, благополучно отбито, все же въ 3-емъ (а отчасти еще во 2-омъ) періодѣ занятій редакціонныхъ комиссій Милютину и его друзьямъ пришлось пойти на нѣкоторыя болѣе или менѣе существенныя уступки, касавшіяся главнымъ образомъ, матеріальной стороны реформы. Эти уступки сводились: къ болѣе или менѣе значительному пониженію нормъ надѣловъ во многихъ уѣздахъ; къ нѣкоторому повышенію нормы оброка въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ онъ проектированъ былъ первоначально на 1 руб. (съ душевого надѣла) ниже, чѣмъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ, и, наконецъ, къ допущенію переоброчки черезъ 20 л., т.-е. переоцѣнки повинностей сообразно измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ въ имѣніяхъ, гдѣ полевая земля будетъ къ тому времени находиться въ безсрочномъ пользованіи крестьянъ, а не на выкупѣ. Допуская это послѣднее измѣненіе, на которомъ настаивалъ въ частныхъ разговорахъ и самъ императоръ, Милютинъ надѣялся, что и впослѣдствіи не найдется такого министра внутреннихъ дѣлъ, который принялъ бы на себя переоброчку во всѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ имперіи. И дѣйствительно, какъ извѣстно, переоброчка эта въ 1881 г. не состоялась, а взамѣнъ нея введенъ былъ обязательный выкупъ во всѣхъ имѣніяхъ, гдѣ оставались къ тому времени временно-обязанные крестьяне.

10-го октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты, проработавъ безъ отдыха около 20 мѣсяцевъ и выработавъ проекты 16 различныхъ положеній съ объяснительными записками, указателями и проч. Печатные доклады отдѣленій, журналы общаго присутствія комиссій, своды проектовъ губернскихъ комитетовъ и проч. труды редакціонныхъ комиссій составили 18 объемистыхъ томовъ (въ первомъ изданіи) и сверхъ того 6 томовъ (in 4^0) статистическихъ свѣдѣній о помѣщичьихъ имѣніяхъ выше 100 душъ, не считая 3-хъ огромныхъ томовъ замѣчаній депутатовъ губернскихъ комитетовъ, изданныхъ также комиссіями.

ЛЕКЦІЯ XXII.

Ходъ работъ въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ по разсмотрѣнію проектовъ редакціонной комиссіи.—Борьба, тамъ происходившая.—Манифестъ 19 февраля 1861 года.—Анализъ положеній 19 февраля.—Составъ этого законодательства и содержаніе отдѣльныхъ положеній.—Значеніе реформы 19 февраля въ правовомъ, административномъ и экономическомъ отношеніи для крестьянъ, для дворянства и для страны.

Редакціонныя комиссіи были закрыты въ октябрѣ 1860 г., и со дня ихъ закрытія тотчасъ же началась работа въ главномъ комитетѣ. Онъ работалъ цѣлыхъ два мѣсяца; между членами его оказались трудно примиримыя разногласія, такъ что великій князь Константинъ Николаевичъ, который вслѣдствіе болѣзни кн. Орлова какъ разъ въ этотъ моментъ назначенъ былъ предсѣдателемъ комитета, былъ поставленъ въ очень трудное положеніе, такъ какъ по нѣкоторымъ вопросамъ долго нельзя было образовать большинства. Членовъ было немного, всего человѣкъ 10, и они разбились на три-четыре группы, при чемъ ни у одной не было абсолютнаго большинства [1]).

Главный вопросъ касался способовъ и нормъ надѣленія крестьянъ землею. При обсужденіи этого вопроса образовалась упорная группа, подъ предводительствомъ М. Н. Муравьева,

---

[1]) Ходъ работъ въ главномъ комитетѣ и въ государственномъ совѣтѣ по разсмотрѣнію проектовъ положеній, выработанныхъ редакціонными комиссіями, изложенъ въ статьѣ г. *А. Попельницкаго* въ „Русской Мысли“ за 1911 г., № 2. Сравн. также свѣдѣнія объ этомъ въ III т. заграничныхъ „Матеріаловъ“ *Д. П. Хрущова*, перепечатанныя отчасти у *И. И. Иванюкова* („Паденіе крѣпостн. права“, стр. 390 и слѣд.); свѣдѣнія, приведенныя въ III томѣ (часть 2-ая) книги *Н. П. Семенова* „Освобожденіе крестьянъ при имп. Александрѣ II“, стр. 749 и слѣд., и въ „Матеріалахъ для біографіи кн. *В. А. Черкасскаго*“, т. I, ч. 2-ая. М. 1903, стр. 214 и слѣд., а также въ запискахъ *гр. П. А. Валуева*.

министра государственныхъ имуществъ, къ которому по всѣмъ вопросамъ примыкалъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ и по большей части вопросовъ министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, а вначалѣ и министръ двора и удѣловъ гр. В. Ф. Адлербергъ, который потомъ, впрочемъ, отсталъ. Группа эта, стремившаяся возстановить нормы надѣловъ и оцѣнки ихъ, выведенныя въ губернскихъ комитетахъ, увидѣвши, что ей провести свою точку зрѣнія не удастся, стала пытаться перенести дѣло на мѣста, указывая, что редакціонныя комиссіи слишкомъ сильно измѣнили постановленія губернскихъ комитетовъ безъ достаточныхъ основаній. Эти члены настойчиво предлагали опредѣлить въ комитетѣ лишь общіе принципы реформы, указавъ, что крестьянамъ должны быть предоставлены земельные надѣлы, а въ какомъ размѣрѣ и по какимъ нормамъ за эти надѣлы должны быть опредѣлены повинности, эта группа признавала необходимымъ рѣшать на мѣстахъ. Собственно, проектъ, который они представили, былъ написанъ восходящимъ тогда свѣтиломъ дворянской партіи, на которое возлагали свои упованія тогдашніе „феодалы“ и крѣпостники, П. А. Валуевымъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшимъ на службу изъ губернаторовъ въ министерство государственныхъ имуществъ, а потомъ, вскорѣ послѣ изданія положенія 19-го февраля, назначеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Но эта группа въ главномъ комитетѣ не могла собрать большинства, и на сторонѣ проектовъ, принятыхъ редакціонными комиссіями, оставалось четыре голоса; но все-таки большинства абсолютнаго и здѣсь не было, такъ какъ кн. П. П. Гагаринъ, желавшій безземельнаго освобожденія крестьянъ, и гр. Панинъ, оспаривавшій многія рѣшенія редакціонныхъ комиссій, упорно оставались при своихъ мнѣніяхъ. Чтобы образовать какъ-нибудь большинство, великій князь Константинъ Николаевичъ употребилъ чрезвычайныя усилія къ склоненію на свою сторону графа Панина, который между прочимъ оспаривалъ выведенныя редакціонными комиссіями нормы надѣловъ по многимъ уѣздамъ.

Въ концѣ-концовъ для убѣжденія гр. Панина была даже образована особая частная согласительная комиссія, куда Константинъ Николаевичъ пригласилъ многихъ членовъ бывшихъ редакціонныхъ комиссій и предоставилъ имъ убѣждать Панина (въ присутствіи великаго князя) въ точности ихъ расчетовъ. Въ концѣ-

концовъ имъ пришлось, однако, сдѣлать Панину нѣкоторыя уступки, уменьшивъ въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ предположенныя редакціонными комиссіями нормы — гдѣ на четверть, гдѣ на полдесятины, — послѣ чего Панинъ отказался отъ остальныхъ своихъ возраженій и согласился примкнуть къ большинству (5 гол. противъ 4-хъ).

Благодаря этому образовалось, наконецъ, абсолютное большинство въ главномъ комитетѣ (половина + 1), и спустя два мѣсяца послѣ начала этихъ занятій вопросъ здѣсь былъ рѣшенъ относительно благополучно, въ томъ смыслѣ, что рѣшенія редакціонныхъ комиссій не подверглись какимъ либо кореннымъ измѣненіямъ.

Въ послѣднемъ засѣданіи главнаго комитета присутствовалъ самъ государь, и такъ какъ тутъ же были по особому приглашенію и всѣ члены совѣта министровъ, не бывшіе членами главнаго комитета, то государь, обратившись къ нимъ и лестно отозвавшись о трудахъ редакціонныхъ комиссій, указалъ, что, перенося теперь дѣло въ государственный совѣтъ, онъ не допуститъ въ рѣшеніи его никакихъ проволочекъ, и тутъ же назначилъ послѣднимъ срокомъ окончанія его разсмотрѣнія 15 февраля, такъ чтобы оно могло поспѣть къ началу полевыхъ работъ. „Этого, сказалъ императоръ Александръ, я желаю, требую, повелѣваю!“

Когда началось разсмотрѣніе дѣла въ государственномъ совѣтѣ—при чемъ на ознакомленіе съ нимъ членамъ совѣта дано было лишь десять дней,—засѣданія совѣта были открыты самимъ императомъ Александромъ 28-го января 1861 года. Здѣсь въ длинной, обстоятельной и чрезвычайно энергичной рѣчи онъ изложилъ весь ходъ крестьянскаго дѣла—и въ прежнія царствованія, и особенно съ той поры, какъ началась разработка крестьянской реформы,—подтвердилъ необходимость быстраго разсмотрѣнія его въ государственномъ совѣтѣ и сказалъ между прочимъ, обращаясь къ членамъ совѣта: „Взгляды на представленную работу могутъ быть различны. Поэтому всѣ различныя мнѣнія я выслушаю охотно, но я въ правѣ требовать отъ васъ одного: чтобы вы, отложивъ всѣ личные интересы, дѣйствовали не какъ помѣщики, а какъ государственные сановники, облеченные моимъ довѣріемъ“. При этомъ онъ вновь подтвердилъ, что требуетъ, чтобы къ серединѣ февраля дѣло было кончено.

И дѣйствительно, члены государственнаго совѣта уже къ 17-му февраля успѣли закончить разсмотрѣніе всего дѣла. Государь по каждому вопросу немедленно давалъ свои резолюціи, присоединяясь къ мнѣнію большинства, или меньшинства. При этомъ ему нерѣдко приходилось соглашаться съ мнѣніемъ 8-ми противъ 35-ти голосовъ, чтобы поддержать рѣшеніе редакціонныхъ комиссій. Въ концѣ-концовъ онъ поддержалъ ихъ по всѣмъ пунктамъ.

Къ 17 февраля дѣло было рѣшено окончательно. При этомъ въ государственномъ совѣтѣ принято было лишь одно новое предложеніе, внесенное княземъ П. П. Гагаринымъ, который здѣсь продолжалъ поддерживать свою оппозицію рѣшеніямъ редакціонныхъ комиссій, упорно стоя на точкѣ зрѣнія безземельнаго освобожденія крестьянъ съ предоставленіемъ помѣщикамъ права добровольно разрѣшать вопросъ относительно оставленія у крестьянъ тѣхъ или иныхъ земельныхъ надѣловъ. Въ концѣ-концовъ, потерпѣвъ пораженіе на всѣхъ пунктахъ, князь предложилъ, чтобы помѣщикамъ предоставлено было въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ объ этомъ состоится соглашеніе съ крестьянами, отводить имъ взамѣнъ того надѣла, которымъ они пользуются или который имъ полагается по утвержденнымъ нормамъ, надѣлъ, уменьшенный до $^1/_4$ высшаго, или указного, надѣла, установленнаго для данной мѣстности, но за то *даромъ*, безъ всякаго за него вознагражденія. На это государственный совѣтъ согласился единогласно и государь это утвердилъ. Отсюда и получились такъ называемые *четвертные*, или, по-народному, *„нищенскіе“*, *„сиротскіе“ даровые* надѣлы. Крестьяне часто потомъ соблазнялись возможностью получить этотъ, хотя маленькій, но безплатный надѣлъ, и это, конечно, не мало усилило распространеніе малоземелья во многихъ, особенно въ степныхъ, губерніяхъ, гдѣ земли было въ 1861 г. еще очень много и гдѣ крестьяне поэтому не особенно дорожили отводомъ ея имъ въ собственность.

19-го февраля 1861-го года подписаны были государемъ положенія, которыя выработаны были редакціонными комиссіями и съ небольшими сравнительно измѣненіями прошли черезъ главный комитетъ и государственный совѣтъ, а вмѣстѣ съ ними былъ подписанъ и манифестъ, который составленъ былъ въ весьма торжественныхъ выраженіяхъ московскимъ митрополи-

томъ Филаретомъ. Первоначально манифестъ поручено было написать Ю. Ѳ. Самарину, но съ его проектомъ не согласились, и поэтому этотъ проектъ былъ переданъ въ видѣ матеріала Филарету, который и составилъ окончательный текстъ. Самъ Филаретъ былъ противникомъ освобожденія въ томъ видѣ, въ какомъ оно осуществлялось, и взялся за эту работу не очень охотно.

Остановимся теперь на анализѣ самыхъ положеній 19-го февраля. Составъ этого новаго законодательства о крестьянахъ былъ очень громоздокъ: именно, положеній и особыхъ правилъ было выработано и издано цѣлыхъ 17. Во-первыхъ, было издано общее для всѣхъ губерній положеніе, которое такъ и называлось: „*Общее* положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости". Въ этомъ общемъ положеніи, сверхъ общихъ вступительныхъ статей, опредѣлено было правовое положеніе освобожденныхъ отъ крѣпостного права крестьянъ и ихъ административное устройство, которое было вездѣ одинаково. Затѣмъ такимъ же общимъ положеніемъ для всѣхъ мѣстностей было положеніе *о выкупѣ*, т.-е. о способахъ и объ условіяхъ, на которыхъ отведенные въ постоянное пользованіе надѣлы могутъ быть выкупаемы. Такое же общее значеніе имѣло положеніе *о дворовыхъ людяхъ*, которые освобождались вполнѣ и безвозмездно, но ничего не получая, черезъ два года по обнародованіи положенія. То же общее значеніе имѣло еще положеніе *о мѣстныхъ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ*, т.-е. положеніе, въ которомъ указывался порядокъ введенія новыхъ законоположеній въ дѣйствіе при помощи тѣхъ мировыхъ учрежденій, какія для этого были образованы, т.-е. мировыхъ посредниковъ, ихъ уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Что касается экономической, хозяйственной, стороны дѣла, то было издано нѣсколько регулирующихъ ее *мѣстныхъ* положеній, такъ какъ тутъ дѣло разнилось, какъ вы знаете, по мѣстностямъ, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

Однимъ изъ бытовыхъ основаній, по которымъ губерніи были разбиты по мѣстнымъ положеніямъ, была принадлежность крестьянъ къ великорусскому, малорусскому или бѣлорусскому племени, при чемъ, собственно, великорусское и бѣлорусское отличались тѣмъ, что у нихъ сохранился общинный бытъ и общинное землепользованіе, тогда какъ малороссы, литовцы и

проч. привыкли къ подворному землепользованію. Для великоруссовъ, для бѣлоруссовъ и для новороссійскихъ губерній было издано одно мѣстное положеніе; затѣмъ для малорусскихъ губерній—полтавской, черниговской и части харьковской — было издано особое малороссійское положеніе. Здѣсь крестьяне при крѣпостномъ правѣ никакого опредѣленнаго надѣла не имѣли; земля давалась имъ на условіяхъ обработки ея „отъ снопа“,— они были при крѣпостномъ правѣ на положеніи половниковъ своего рода,—и имъ были отведены теперь надѣлы по особымъ нормамъ, вновь созданнымъ.

Особое положеніе было изданс для юго-западныхъ губерній, которыя были долго подъ властью Рѣчи посполитой и гдѣ сложились поэтому особыя условія, отчасти закрѣпленныя впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ 1-омъ, бибиковскими инвентарными правилами. Точно такое же отдѣльное положеніе получили литовскія губерніи, именно виленская, ковенская, гродненская и минская на основаніи тѣхъ особыхъ мѣстныхъ условій, которыя у нихъ сложились совершенно отлично отъ положенія великорусскихъ крестьянъ.

Наконецъ, было еще *особое* положеніе у крестьянъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, которымъ предоставлялось право сдавать свои имѣнія въ казну, если условія освобожденія были для нихъ невыгодны. *Особое* положеніе было для крестьянъ, отбывающихъ обязательныя работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; *особое* положеніе было для крестьянъ на горныхъ и соляныхъ промыслахъ. *Особое* мѣстное положеніе было въ области войска донского; такое же *особое* мѣстное положеніе было издано въ ставропольской губерніи о крестьянахъ и дворовыхъ,—это единственная изъ губерній Кавказа, на которую была распространена въ то время реформа. *Особое* мѣстное положеніе было издано въ бессарабской области; тамъ личное крѣпостное право было отмѣнено еще ранѣе, до присоединенія къ Россіи. *Особое*, наконецъ, положеніе было въ западной Сибири; въ восточной Сибири крѣпостного права не было вовсе.

Вотъ, такимъ образомъ, *составъ* того законодательства о крестьянахъ, которое было издано 19 февраля. Даже бѣглый обзоръ одного этого состава самъ по себѣ можетъ свидѣтельствовать объ огромности законодательной и кодификаціонной работы, произведенной редакціонными комиссіями, если имѣть

въ виду, что число статей каждаго изъ этихъ положеній переваливаетъ за сотню.

Что касается собственно *содержанія* произведенной реформы, то конечно, на первомъ планѣ стоитъ значеніе ея *въ правовомъ отношеніи*. Въ этомъ отношеніи паденіе крѣпостного права было важнѣйшимъ событіемъ во всей новѣйшей русской исторіи. Объ этомъ едва ли нужно теперь передъ вами много распространяться. Свидѣтели и въ особенности участники крестьянской реформы любили говорить, что положеніемъ 19-го февраля народъ впервые въ Россіи выводился на историческую арену. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что весь народный бытъ съ проведеніемъ этой реформы кореннымъ образомъ измѣнился. Каковы бы ни были матеріальныя послѣдствія реформы, громадно было значеніе того обстоятельства, что люди не могли болѣе продавать другихъ людей, не могли болѣе переводить ихъ съ земли во дворъ, въ личные слуги, т.-е. въ положеніе домашнихъ рабовъ. Крестьяне избавились 19 февраля 1861 г. отъ того вмѣшательства, въ сущности говоря, неограниченнаго, въ ихъ домашній и семейный бытъ, которое доходило до того, что по указу помѣщика они вѣнчались и выходили замужъ.

Такимъ образомъ, съ общечеловѣческой точки зрѣнія, значеніе реформы въ правовомъ отношеніи было колоссально, но и тутъ приходится все же оговориться, что отмѣна крѣпостного права, освободивъ крестьянъ отъ зависимости ихъ отъ помѣщиковъ въ личномъ и правовомъ отношеніи, въ то же время отнюдь не уравняла ихъ съ помѣщиками въ ихъ гражданскихъ правахъ, не сдѣлала ихъ равноправными гражданами той страны, въ которой они вмѣстѣ съ помѣщиками продолжали жить: реформа перевела ихъ изъ разряда крѣпостныхъ крестьянъ *не въ разрядъ полноправныхъ гражданъ, а въ разрядъ, такъ называемыхъ податныхъ сословій*. Этотъ остатокъ того всеобщаго закрѣпощенія сословій, на которомъ прежде зиждился весь бытъ московскаго государства, продолжалъ еще существовать. Сущность правового положенія этихъ податныхъ сословій заключалась въ томъ, что государство облагало людей *подушнымъ окладомъ*, налагая прямые налоги не на имущество, а на лица, облагая ихъ личный трудъ, и, такъ какъ обезпечить поступленіе такихъ податей, взыскать подати, обезпеченныя личнымъ

трудомъ, съ каждаго отдѣльнаго человѣка было очень трудно, то, чтобы достичь этого, установлялась *круговая порука*, и люди эти ограничивались въ свободѣ передвиженія при помощи особой *паспортной системы* и прикрѣплялись каждый къ той группѣ, къ которой онъ былъ приписанъ. Каждое податное общество отвѣчало за всѣхъ своихъ членовъ, и поэтому государству пришлось предоставить такимъ группамъ нѣкоторую власть надъ своими членами, право насильственно удерживать ихъ въ своей средѣ и даже не отпускать на сторону. Эта система клала очень глубокій слѣдъ на правовое состояніе людей, надъ которыми она тяготѣла. Поэтому, пока не была отмѣнена круговая порука, пока существовала подушная подать, до тѣхъ поръ, собственно, не могло быть и рѣчи въ Россіи о гражданской равноправности отдѣльныхъ сословій, о дѣйствительномъ равенствѣ всѣхъ жителей передъ закономъ, не говоря уже о томъ, что, какъ я сказалъ, лица, подвергавшіяся этой податной системѣ, ограничивались даже въ свободѣ своего передвиженія и въ свободѣ выбора занятій, такъ какъ для перечисленія изъ одной податной группы въ другую требовалось полученіе увольнительнаго приговора. Тутъ одно ограниченіе логически вытекало изъ другого, и слѣды такого рода закрѣпощенія еще и до сихъ поръ остаются въ русской жизни. Затѣмъ было установлено въ „общемъ положеніи“ еще и спеціальное ограниченіе, касавшееся бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—это то, что въ теченіе первыхъ 9-ти лѣтъ по изданіи положенія временно-обязанные крестьяне не могли даже отказываться отъ надѣла; они обязательно должны были отбывать за него повинности; этимъ опять-таки налагались на нихъ опредѣленныя стѣсненія относительно распоряженія своею личностью, своими силами. Слѣдуетъ вообще имѣть въ виду, что тѣ дѣятели, которые рѣшили крестьянскій вопросъ въ 1861 г., стояли при рѣшеніи этого вопроса отнюдь не на точкѣ зрѣнія тѣхъ людей, либераловъ въ широкомъ смыслѣ слова, которые заимствовали свою идеологію изъ декларацій правъ человѣка и гражданина. На этой почвѣ стояли старые либералы начала XIX вѣка или конца XVIII, какъ Радищевъ, которые требовали отмѣны крѣпостного права, исходя изъ общечеловѣческихъ правъ, изъ правъ человѣческой личности. Члены редакціонныхъ комиссій стояли прежде всего на точкѣ зрѣнія обезпеченія благосостоянія населенія и госу-

дарственныхъ нуждъ. У нихъ несомнѣнно была большая доброжелательность по отношенію къ крестьянамъ, искреннее стремленіе кореннымъ образомъ улучшить ихъ бытъ, но такъ какъ они стояли на точкѣ зрѣнія *благосостоянія*, а не *свободы личности* въ собственномъ смыслѣ слова, то понятно, что иногда вопросы благосостоянія у нихъ брали верхъ надъ вопросами личнаго освобожденія. Изъ этого вытекала, между прочимъ, и та благая сторона реформы, что крестьяне были освобождены съ землей, но это же обстоятельство обусловило и тотъ элементъ опеки, который было признано необходимымъ на время ввести въ дѣло устройства освобожденныхъ крестьянъ.

Въ особенности опасеніе, само по себѣ основательное, что освобожденные отъ крѣпостного права крестьяне опять могутъ попасть въ фактическую зависимость отъ помѣщиковъ и даже въ кабалу, выразилось ярко въ томъ *административномъ устройствѣ*, которое было дано крестьянамъ. Я уже говорилъ вамъ о немъ и теперь только кратко повторю сказанное. Крестьянство было устроено въ видѣ самоуправляющихся общественныхъ единицъ, въ видѣ сельскихъ обществъ. Сельское общество—самая мелкая общественно-хозяйственная единица—составлялось изъ крестьянъ, жившихъ въ одномъ селеніи и въ то же время принадлежавшихъ одному помѣщику. Если въ одномъ и томъ же селеніи были крестьяне разныхъ помѣщиковъ, то въ томъ случаѣ, если каждая группа была не меньше 20 душъ, каждая изъ такихъ группъ составляла отдѣльное сельское общество. Этимъ сельскимъ обществамъ предоставлено было довольно полное самоуправленіе въ хозяйственномъ отношеніи; имъ предоставлена была въ мѣстностяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ разверстка тѣхъ надѣловъ, которые были имъ отведены, между семьями, сообразно тѣмъ обычаямъ, которые въ данной мѣстности существовали. Затѣмъ, соотвѣтственно разверсткѣ земли, члены сельскаго общества, опять таки рѣшеніемъ схода, облагались и податями, т.-е. тѣ подати, которыя приходились на душу, не непосредственно падали на душу, а разлагались сходомъ соотвѣтственно тому надѣлу, который сходъ отводилъ каждой семьѣ или душѣ. Въ то же время сходъ могъ облагать своихъ членовъ сборами на разныя духовныя, умственныя и нравственныя надобности и вообще общественныя нужды, которыя у нихъ были.

Собственно, первоначально предполагалось, что вся хозяйственная сторона крестьянскаго быта именно должна быть предоставлена этимъ сельскимъ обществамъ, а для нуждъ государственныхъ, для нуждъ мелкой мѣстной администраціи предполагалось организовать другую единицу, которая не была бы связана іерархически съ этой первой хозяйственной единицей и называлась бы *волостью*; но въ концѣ-концовъ эта волость, составленная изъ нѣсколькихъ *сельскихъ обществъ*, оказалась второй инстанціей *надъ* сельскимъ обществомъ по многимъ административнымъ дѣламъ.

Такъ какъ волости учреждались для нуждъ административно-полицейскихъ, то предполагалось, что у нихъ никакихъ хозяйственныхъ нуждъ и не будетъ, но затѣмъ приняты были статьи, возложившія на волости разрѣшеніе хозяйственныхъ вопросовъ. Сельскія выборныя должностныя лица, *старосты*, по дѣламъ полицейскимъ, которыми они были обременены въ значительной мѣрѣ, подчинялись *волостнымъ старшинамъ* и *волостнымъ правленіямъ* и вмѣстѣ съ ними были подчинены различнымъ уѣзднымъ полицейскимъ и административнымъ властямъ, приказанія которыхъ они обязывались исполнять безпрекословно подъ страхомъ дисциплинарныхъ взысканій, которыя на нихъ могъ налагать мировой посредникъ и по своему почину и по жалобамъ разныхъ чиновниковъ. Въ концѣ-концовъ лица, выбранныя сельскимъ самоуправленіемъ, оказались въ положеніи низшихъ агентовъ уѣздной полиціи; будучи избранникими сельскихъ обществъ и волостей, отвѣтственность они несли не передъ своими избирателями, а передъ „начальствомъ“, въ распоряженіи котораго находились. Это обстоятельство подрывало принципъ самоуправленія въ корнѣ, и при такихъ условіяхъ конечно невозможно было признать эти крестьянскія волости и общества дѣйствительно самоуправляющимися единицами.

На эти крупные пороки административнаго устройства крестьянъ въ свое время рѣшительно и дѣльно нападали, какъ мы видѣли, депутаты губернскихъ комитетовъ перваго приглашенія; они подчеркивали ненормальность этихъ условій, которыя вытекали въ значительной мѣрѣ изъ того, что члены редакціонныхъ комиссій боялись связать крестьянскія общины и волости съ будущимъ *земскимъ* самоуправленіемъ, которое

уже тогда предполагалось учредить на томъ пустомъ мѣстѣ, которое должно было получиться въ уѣздѣ послѣ отмѣны крѣпостного права. Опасаясь помѣщичьей ферулы надъ крестьянами, редакціонныя комиссіи не хотѣли сдѣлать волость единицей всесловной и вмѣстѣ съ тѣмъ независимой отъ уѣздныхъ административныхъ властей.

Благодаря этимъ опасѣніямъ члены редакціонныхъ коммиссій попали въ другую крайность и подчинили эти крестьянскія общества въ концѣ-концовъ бюрократическому произволу, на что совершенно справедливо нападали депутаты перваго приглашенія.

Таково было содержаніе положеній 19-го февраля въ правовомъ и административномъ отношеніяхъ.

Въ отношеніи *хозяйственномъ* редакціонныя комиссіи, какъ мы видѣли, значительно отступили отъ тѣхъ постановленій, которыя были сдѣланы въ губернскихъ комитетахъ. Главнымъ образомъ эти отступленія касались нормы надѣла, но въ значительной мѣрѣ они касались также и нормы повинностей, которыя крестьяне должны были отбывать за надѣлы,—не говоря о томъ, что въ виду измѣненія правительственной программы, въ редакціонныхъ комиссіяхъ впервые былъ признанъ необходимымъ и нормальнымъ исходомъ изъ срочно-обязаннаго положенія *выкупъ*.

Согласно положеніямъ, выработаннымъ въ редакціонныхъ комиссіяхъ, крестьяне устраивались въ отношеніи хозяйственномъ такъ: они *должны были сохранить приблизительно тѣ надѣлы, которыми они владѣли въ крѣпостномъ состояніи, въ безсрочномъ своемъ пользованіи*, но при этомъ комиссіи приняли въ расчетъ, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщики давали надѣлы бо́льшіе, чѣмъ это требовалось нуждами самихъ крестьянъ, просто потому, что въ губерніяхъ нечерноземныхъ, промышленныхъ, земля тогда совсѣмъ не цѣнилась и потому, что сами помѣщики въ этихъ губерніяхъ часто совсѣмъ не имѣли собственнаго полевого хозяйства.

Въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, помѣщики до такой степени обрѣзывали крестьянскіе надѣлы, что крестьяне на нихъ совершенно не могли ни существовать лично, ни вырабатывать тѣхъ оброковъ, которыми они въ пользу помѣщиковъ должны были быть обложены.

Въ виду этого редакціонными комиссіями выработаны были особыя *нормы* для введенія соотвѣтственныхъ поправокъ по отношенію къ существовавшему положенію. Принято было, что для каждой мѣстности должна быть установлена *максимальная высшая норма*, въ тѣхъ видахъ, что если въ какомъ-либо имѣніи крестьяне имѣли земли больше, чѣмъ по этой нормѣ полагалось, то отъ воли помѣщика зависѣло, оставить ли при введеніи новаго положенія всю эту землю крестьянамъ безъ особой доплаты, или потребовать отрѣзки излишняго противъ нормы количества, или предложить крестьянамъ за ея оставленіе отбывать лишнія повинности или оброки.

Съ другой стороны, были установлены *нормы минимальныя*. Въ началѣ предполагалось ихъ установить въ размѣрѣ $^2/_5$ максимальныхъ, а затѣмъ пришли къ заключенію, что достаточно установить ихъ въ размѣрѣ всего $^1/_3$ максимальныхъ. Эти минимальныя нормы установлялись въ тѣхъ видахъ, чтобы, если въ какомъ-либо имѣніи земли, находившейся въ пользованіи крестьянъ, оказывалось меньше этой минимальной нормы, то помѣщикъ обязательно *долженъ* былъ дорѣзать земли крестьянамъ до минимальной нормы, и крестьяне могли этой нарѣзки прямо потребовать.

Что касается максимальныхъ нормъ, размѣръ которыхъ опредѣлялъ, такимъ образомъ, и минимальныя нормы, то въ этомъ отношеніи Россія была раздѣлена, на *три полосы*, именно: *нечерноземную, черноземную* и *степную*. Въ полосѣ нечерноземной установлено было цѣлыхъ семь *разрядовъ*, къ которымъ каждую часть уѣзда можно было причислить. Въ этихъ разрядахъ нормы колебались по первоначальному предположенію редакціонныхъ комиссій отъ $3^1/_4$ десятинъ до 8 десятинъ, такъ что могли быть высшіе надѣлы, въ $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4, 5, 6, 7 и 8 десятинъ. Въ черноземной полосѣ было установлено 5 разрядовъ нормъ: въ 3, $3^1/_4$, $3^1/_2$, 4 и $4^1/_2$ десятины; наконецъ въ степной полосѣ было установлено 4 нормы именно: $6^1/_2$, $8^1/_2$, $10^1/_2$ и 12 десятинъ. При установленіи этихъ нормъ редакціонныя комиссіи отступили, какъ я сказалъ, сильнѣйшимъ образомъ отъ постановленій губернскихъ комитетовъ *въ благопріятную* для крестьянъ сторону: въ общемъ эти нормы приблизительно въ два раза превышали нормы, установленныя губернскими комитетами, ибо редакціонныя коммиссіи признали,

что постановленія губернскихъ комитетовъ совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, дѣйствительному землепользованію крестьянъ, и на основаніи статистическихъ данныхъ, собранныхъ въ губернскихъ же комитетахъ и провѣренныхъ такими знатоками дѣла, какъ Самаринъ, Соловьёвъ, П. Семеновъ и др., и были выработаны первоначальныя нормы редакціонныхъ комиссій, которыя приблизительно соотвѣтствовали положенію въ нормальныхъ имѣніяхъ у непритѣснявшихъ крестьянъ помѣщиковъ.

По мѣрѣ того какъ редакціонныя комиссіи встрѣчались съ соображеніями и возраженіями депутатовъ губернскихъ комитетовъ и затѣмъ съ возраженіями своихъ собственныхъ членовъ, эти предположенныя нормы подвергались переработкѣ, при чемъ многіе разряды были понижены на $^1/_6$, $^1/_3$ десятины и даже на цѣлую десятину.

Затѣмъ въ главномъ комитетѣ, вслѣдствіе того торга, который былъ произведенъ между великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и графомъ Паниным, эти нормы опять таки подверглись урѣзкѣ и въ результатѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ первоначально предположенныя нормы были значительно сокращены. Въ концѣ-концовъ, недостаточность крестьянскихъ надѣловъ произошла однако не столько отъ урѣзки первоначально предположенныхъ редакціонными комиссіями нормъ (въ отдѣльныхъ случаяхъ эти урѣзки, можетъ быть, были даже и правильно логически обоснованы), сколько отъ того, что крестьянамъ вообще отводились *въ лучшемъ случаѣ лишь тѣ надѣлы, какіе у нихъ были при крѣпостномъ правѣ, а эти надѣлы поглощали лишь половину ихъ наличныхъ рабочихъ силъ и потому не могли обезпечивать ихъ содержанія и исполненія всѣхъ тѣхъ повинностей, какія на нихъ лежали.*

Установленіе надѣльныхъ нормъ приведено было въ извѣстное соотношеніе съ тѣми повинностями, которыя за эти нормы были установлены. При установленіи *размѣра повинностей* редакціонныя комиссіи раздѣлили опять-таки всю Россію на полосы; но это были не совсѣмъ тѣ полосы, на которыя была раздѣлена Россія для установленія нормъ земельныхъ надѣловъ. Тамъ, какъ я указалъ, было принято три полосы: нечерноземная, черноземная и степная, а здѣсь Россія была раздѣлена на *четыре полосы: нечерноземную промышленную, т.-е. оброч-*

ную, нечерноземную барщинную, затѣмъ черноземную (которая вся признавалась барщинной) и, наконецъ, степную. Такимъ образомъ, здѣсь нечерноземная полоса раздѣлена была на оброчную и барщинную. Разумѣется, въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ была нечерноземная барщинная полоса: земля въ ней была плохая, а заработковъ и промысловъ неземледѣльческихъ не было, такъ что на плохой землѣ велось чисто земледѣльческое хозяйство.

Исходя изъ этого дѣленія, максимальный или полный оброкъ, соотвѣтствовавшій высшей нормѣ надѣла, установленъ былъ такъ: для полосы нечерноземной, промышленной, былъ принятъ оброкъ въ 9 рублей съ души, за исключеніемъ мѣстностей, находящихся въ особо выгодныхъ условіяхъ, какъ подстоличныя мѣстности и ярославская губернія, гдѣ былъ установленъ оброкъ въ 10 рублей. Затѣмъ, въ остальныхъ мѣстностяхъ, именно въ нечерноземной барщинной, черноземной и степной полосахъ, норма оброка первоначально была установлена вездѣ въ 8 рублей съ души, въ виду того, что по тогдашнимъ хозяйственнымъ условіямъ и въ черноземной полосѣ, несмотря на плодородную почву, вырабатывать деньги было особенно трудно, а нормы надѣловъ проектированы были тамъ особенно скупо.

Но впослѣдствіи на этихъ первыхъ своихъ постановленіяхъ редакціонныя комиссіи и въ этомъ вопросѣ не удержались; вслѣдствіе возраженій со стороны депутатовъ губернскихъ комитетовъ и нѣкоторыхъ своихъ членовъ во второмъ и въ особенности въ третьемъ періодѣ дѣятельности редакціонныхъ комиссій было признано необходимымъ повысить оброкъ въ черноземной полосѣ, такъ какъ качества почвы въ ней были весьма высоки; пришлось уступить натиску помѣщичьей партіи, и оброкъ былъ здѣсь повышенъ до 9 рублей. Въ полосахъ нечерноземной барщинной и степной онъ былъ оставленъ равнымъ 8 рублямъ.

Какъ уже сказано, *эти нормы полнаго оброка пріурочивались къ высшему надѣлу каждой данной мѣстности:* можно было въ каждомъ данномъ имѣніи назначить полный оброкъ только въ томъ случаѣ, если крестьяне получали въ немъ высшую норму надѣла; если же реформа ихъ заставала съ надѣломъ меньшимъ, то должны были соотвѣтственно уменьшаться и нормы оброка. Но при этомъ однако уменьшеніе

оброка не происходило пропорціонально уменьшенію количества десятинъ въ надѣлѣ, а разсчитывалось соотвѣтственно *особой системѣ градаціи*, которая была принята для оцѣнки различныхъ десятинъ надѣла. Эта система была изобрѣтена въ тверской губерніи, гдѣ особенно полно и своевременно былъ обсужденъ, какъ мы видѣли, вопросъ о томъ, какъ примирить интересы помѣщиковъ промышленныхъ губерній, которые заключались въ вознагражденіи за отмѣну самаго-крѣпостного права, а не за потерю земли, съ тѣмъ, чтобы крестьянамъ были отведены достаточные надѣлы и чтобы вознагражденіе *формально* пріурочивалось къ ихъ оцѣнкѣ. Здѣсь помѣщики воспользовались той идеей, которая впервые явилась у Левшина, когда онъ рекомендовалъ предоставить помѣщикамъ право оцѣнивать усадьбы крестьянъ по повышеннымъ нормамъ, если владѣніе ими соединялось съ предполагаемыми особыми выгодами. Это, въ сущности говоря, и сводилось къ тому, чтобы помѣщики получили въ прикрытомъ видѣ вознагражденіе за потерю права на эксплоатацію личнаго труда крестьянина, т.-е. за отмѣну самаго крѣпостного права. Въ тверскомъ проектѣ это было переведено съ усадебъ на первыя десятины надѣла, въ которыя включены были и усадьбы. Поэтому первыя десятины оцѣнены были непропорціонально высоко; такъ, напримѣръ, при $3^1/_2$ десятинахъ надѣла первая десятина облагалась не $9 : 3^1/_2$, — т.-е. не 2 р. 57 к., а 4 рублями, т.-е. почти половиной всей суммы оброка. Вторая десятина въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существовало унавоженіе цѣнилась меньше первой, но нѣсколько выше остальныхъ, а тамъ, гдѣ унавоженія не производилось, всѣ остальныя десятины, кромѣ первой, цѣнились поровну.

Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ, гдѣ было унавоженіе, при $3^1/_2$ десятинахъ надѣла и 9-ти рубляхъ оброка за полный надѣлъ на первую десятину падало 4 рубля, на вторую 2 р. 50 к. на третью 1 р. 66 к. и на половину четвертой 83 коп. Тамъ же, гдѣ унавоженія не было, на первую десятину падало 4 рубля, на вторую и третью по 2 рубля и на половину четвертой 1 р. При 8-ми десятинахъ надѣла первая десятина цѣнилась въ 4 р., вторая—въ 1 р. 60 к., а всѣ остальныя—по $56^2/_3$ коп. Такимъ образомъ, если, положимъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ полагалась 8-мидесятинная норма, у крест-

янъ въ какомъ-либо имѣніи оказывалось въ дѣйствительности не 5 десятинъ, а 7, то вычиталась не $^1/_3$ часть 9-тирублеваго оброка, а всего $56^2/_3$ коп.

Слѣдовательно, уменьшеніе оброка, благодаря этой системѣ градаціи, не соотвѣтствовало пропорціонально пониженію надѣла; благодаря этому обстоятельству при низкихъ надѣлахъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне были помѣщиками обездолены, гдѣ при крѣпостномъ правѣ надѣлы были ниже минимальной нормы, т.-е. ниже $^1/_3$ нормы максимальной, то хотя здѣсь крестьяне имѣли право требовать порѣзки до этой минимальной нормы, но имъ приходилось за такую порѣзку платить чрезвычайно дорого и это зависѣло отъ того, сколько вообще десятинъ въ данной мѣстности приходилось на нормальный надѣлъ. Если, напримѣръ, это былъ 6-тидесятинный районъ, гдѣ за полный надѣлъ крестьяне платили 9 рублей, и если здѣсь помѣщикъ у нихъ обрѣзалъ надѣлъ при крѣпостномъ правѣ такъ, что онъ былъ менѣе 2-хъ десятинъ, т.-е. меньше чѣмъ $^1/_3$ максимальнаго надѣла, то крестьяне могли требовать, чтобы имъ было дорѣзано земли до 2-хъ десятинъ, и тогда, получая надѣлъ, равный одной трети высшаго надѣла, платили они за него не $^1/_3$ высшаго оброка, не 3 рубля, а 6 рублей, т.-е. $^2/_3$ нормальнаго оброка, который былъ установленъ за высшій надѣлъ.

Такимъ образомъ понятно, что въ особенности въ такихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьянамъ приходилось выбирать между низшими надѣлами и четвертными—нищенскими, имъ было *выгодно получить нищенскій надѣлъ безплатно, чѣмъ за третной надѣлъ платить $^2/_3$ высшаго оброка*. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется то, что крестьяне во многихъ мѣстностяхъ требовали, чтобы имъ были отведены эти даровые четвертные надѣлы, а помѣщики на это не соглашались, отчего и возникла потомъ значительная часть волненій, сопровождавшихъ введеніе уставныхъ грамотъ.

Изъ изложеннаго вы видите, какіе надѣлы получили крестьяне при ликвидаціи крѣпостного права и какіе платежи имъ приходилось нести за эти надѣлы. Въ мѣстностяхъ, землею обезпеченныхъ, они получили землю, которая вообще приблизительно равнялась половинѣ того количества, которое вѣликомъ могло поглотить ихъ наличныя рабочія силы, потому что они

получили *тахітит* ту часть земли, которую они имѣли при крѣпостномъ правѣ, а обработка этой земли, какъ вы знаете, поглощала только три дня въ недѣлю — остальное, иногда и больше, шло на барщину. Благодаря тому, что полученные крестьянами надѣлы соотвѣтствовали только половинѣ тѣхъ рабочихъ силъ, которыя они имѣли, если крестьяне пожелали бы сполна утилизировать свои рабочія силы въ сельскомъ хозяйствѣ, имъ приходилось уже тогда остальную половину земли или нанимать у помѣщиковъ, или самимъ наниматься, или искать заработка на сторонѣ на уплату податей и оброковъ и на покупку тѣхъ предметовъ, которые имъ были необходимы, но которыхъ они не могли вырабатывать въ своихъ хозяйствахъ. Съ уплотненіемъ населенія стѣсненіе въ этомъ отношеніи становилось все болѣе и болѣе чувствительнымъ. Отъ этого, разумѣется, въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ росли арендныя цѣны, порождая сильное обѣдненіе крестьянства, благодаря чему, *именно въ самой богатой по природѣ части Россіи у крестьянъ замѣчается въ настоящее время наибольшая нужда.* Именно крестьяне черноземныхъ мѣстностей, особенно благодатныхъ по природѣ, какъ тульская или тамбовская губерніи, живутъ гораздо бѣднѣе, нежели крестьяне тверской или ярославской губерній, гдѣ земля даетъ мало, но гдѣ крестьяне получаютъ заработки не отъ земли, а отъ тѣхъ промысловъ, къ которымъ они привыкли.

Свои надѣлы крестьяне получили по положенію 19 февраля въ *„безсрочное“*, или, какъ настоялъ Панинъ, въ *„постоянное“ пользованіе*, что въ сущности одно и то же. Затѣмъ имъ предоставлялось уже по *добровольнымъ условіямъ* съ помѣщиками выкупать повинности, положенныя за отведенную имъ землю, послѣ чего земля становилась ихъ собственностью. Выкупалась не земля, а именно повинность. При этомъ *обязательность выкупа для помѣщиковъ была отвергнута;* и Александръ II и Ростовцевъ признали возможнымъ согласиться только на *выкупъ факультативный, добровольный съ обѣихъ сторонъ.* Однако же оказалось, какъ это можно было предвидѣть и съ самаго начала, огромное большинство помѣщиковъ фактически *должно* было пойти на выкупъ. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ они сами этого желали; въ губерніяхъ черноземныхъ, особенно въ барщинныхъ имѣніяхъ, положеніе ихъ вскорѣ

сдѣлалось для нихъ фактически невыносимымъ. Здѣсь крестьяне платили не оброкъ въ той формѣ, какъ я вамъ описывалъ, а должны были въ первые два года обязательно отбывать барщинныя работы. Барщина при этомъ была сокращена и у помѣщиковъ отнято было право непосредственной домашней расправы съ барщинными крестьянами, къ которой они привыкли и безъ которой крестьянамъ удобно было уклоняться отъ тѣхъ урочныхъ положеній, которыя были составлены; а помѣщикамъ представлялось невыносимымъ униженіемъ жаловаться въ такихъ случаяхъ на своихъ вчерашнихъ крѣпостныхъ посредникамъ и становиться съ ними предъ лицомъ посредника въ роли равноправной стороны. Крестьяне во многихъ мѣстностяхъ до такой степени усвоили себѣ выгоды этого новаго положенія, что отказывались по истеченіи двухлѣтняго срока переходить съ барщины на оброкъ, а хозяйство помѣщичье въ такихъ имѣніяхъ естественно падало; поэтому очень скоро и въ черноземныхъ губерніяхъ помѣщики стали стремиться къ выкупу, какъ къ единственному средству развязаться со своими крѣпостными. Благодаря этому обстоятельству, благодаря трудности для помѣщиковъ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ получать соотвѣтственные плоды отъ барщины, выкупная операція пошла и здѣсь такъ быстро, какъ никто не ожидалъ, такъ что, если не исполнилось требованіе тверского дворянства относительно обязательнаго выкупа, то во всякомъ случаѣ этотъ факультативный выкупъ совершался достаточно быстро и часто задерживался лишь по нежеланію самихъ крестьянъ идти навстрѣчу помѣщичьимъ предложеніямъ.

Такова была экономическая сторона реформы 19 февраля для крестьянъ и для помѣщиковъ. Собственно на дворянствѣ ликвидація крѣпостного права отозвалась не одинаково въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ черноземныхъ губерніяхъ, хотя помѣщики и пережили довольно трудное время благодаря труднымъ для нихъ условіямъ барщиннаго періода, въ концѣ-концовъ они остались хозяевами своихъ имѣній. Большая часть земли осталась у нихъ, свободныхъ рабочихъ рукъ было достаточно, цѣна на эти рабочія руки установилась, благодаря населенности этой полосы Россіи и отсутствію заработковъ неземледѣльческихъ, небольшая, и хозяйство было вести не трудно. Да они еще получали выкупъ и могли этотъ выкупъ или упо-

требить на улучшеніе хозяйства, или на уплату своихъ долговъ, что было для нихъ особенно важно. Можно было, наконецъ, и не вести своего хозяйства а сдавать землю въ аренду, при чемъ арендныя цѣны росли чрезвычайно быстро вслѣдствіе недостаточности крестьянскихъ надѣловъ.

Но въ полосѣ нечерноземной, промышленной, помѣщики, разъ лишившись крѣпостного права и получивъ выкупъ, мало-по-малу въ большинствѣ случаевъ совершенно ликвидировали свои связи съ данной мѣстностью; очень немногіе удержались на землѣ и стали или заводить хозяйства тамъ, гдѣ ихъ не было, или поддерживать прежнія хозяйства. Обрабатывать свои земли здѣсь было трудно, такъ какъ промышленное населеніе не легко было нанять на земледѣльческія работы, ибо оно легко находило заработокъ на сторонѣ и очень мало было заинтересовано въ наймѣ на сельско-хозяйственныя работы. Такимъ образомъ бо́льшая часть помѣщиковъ этихъ губерній принуждена была здѣсь ликвидировать свое помѣщичье хозяйство и употребить полученные капиталы, если они не были просто прожиты, на какія-нибудь промышленныя цѣли. Благодаря этому обстоятельству отмѣна крѣпостного права повліяла и въ этомъ отношеніи благотворно на развитіе промышленности, такъ какъ явились новые свободные капиталы, которые могли быть употреблены на промышленныя цѣли.

Въ заключеніе скажемъ еще разъ, что главное значеніе отмѣны крѣпостного права заключалось, конечно, не только въ тѣхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, которыя она имѣла для крестьянства, дворянства и промышленности страны, хотя эти послѣдствія были огромны. Еще громаднѣе было значеніе того коренного измѣненія въ правовомъ положеніи страны, которое произошло отъ паденія крѣпостного права. Только послѣ отмѣны крѣпостного права возможны сдѣлались всѣ тѣ великія преобразованія, которыя были проведены въ эпоху шестидесятыхъ годовъ. Прежде всего это нужно сказать относительно суда; только послѣ того, какъ отмѣной крѣпостного права былъ расчищенъ путь для судебной реформы, она могла состояться. Весь административный строй также покоился при крѣпостномъ правѣ на сословномъ началѣ съ преобладаніемъ дворянства, и уже само по себѣ то обстоятельство, что крестьянская реформа упразднила прежній крѣпостническій администра-

тивный строй, на мѣстахъ вызвало необходимость произвести новыя административныя реформы, такъ какъ возникалъ опредѣленно неотложный вопросъ,—кто же, собственно, будетъ заботиться о благосостояніи мѣстнаго населенія, о его лѣченіи, школахъ, проведеніи дорогъ, объ удовлетвореніи общекультурныхъ нуждъ? Въ крѣпостное время все это лежало исключительно на помѣщикѣ; у себя въ имѣніи помѣщикъ былъ вполнѣ господиномъ, а центральная власть спокойно полагалась на его полицеймейстерство, на которомъ держался весь полицейскій строй дореформенной Россіи. Теперь явилось пустое мѣсто, и его можно было заполнить или проведеніемъ сверху до низу бюрократическаго начала, что́ было, конечно, совершенно немыслимо просто уже потому, что у бюрократіи не хватило бы на это наличныхъ силъ, или введеніемъ самоуправленія на мѣстахъ. И поэтому, естественно, совокупность всѣхъ создавшихся съ отмѣной крѣпостного права условій необходимо требовала проведенія въ томъ или иномъ видѣ системы мѣстнаго самоуправленія. И притомъ, разъ крѣпостное право было отмѣнено, явилась возможность говорить *о самоуправленіи всесословномъ*; центральной власти оно представлялось даже въ тотъ моментъ безопаснѣе аристократическаго дворянскаго, такъ какъ олигархическія притязанія, громко раздававшіяся въ то время, смущали центральную власть сильнѣе, нежели демократическія начала.

Таковы были послѣдствія паденія крѣпостного права для страны.

ЛЕКЦІЯ XXIII.

Вліяніе разработки крестьянской реформы на общество и печать.—Положеніе печати въ 1855 году.—Исключительное положеніе Герцена, его пророчество въ 1853 г. и программа его въ 1855—1858 годахъ.—Отношеніе къ нему либераловъ. Роль и значеніе „Колокола" въ дѣлѣ реформы и въ развитіи общественнаго мнѣнія въ Россіи.—Дифференціація направленій въ обществѣ и въ печати послѣ 1858 года.—Позиціи различныхъ органовъ печати. Радикализація „Современника" и отношеніе къ нему Герцена въ 1859—60 годахъ.—„Русскій Вѣстникъ" и др. либеральные органы.—Позиціи и роль славянофиловъ въ эту эпоху.—Общественныя требованія, намѣтившіяся въ 1859—61 годахъ.—Сравненіе ихъ съ видами правительства въ этотъ моментъ.

Въ предшествующихъ лекціяхъ я успѣлъ изложить болѣе или менѣе подробно весь ходъ крестьянской реформы, а въ послѣдней лекціи остановился на анализѣ самихъ положеній 19 февраля. Теперь я постараюсь освѣтить вліяніе выработки этихъ положеній на развитіе общественной мысли и на ростъ настроенія въ различныхъ общественныхъ кругахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я постараюсь прослѣдить и ту дифференціацію политическихъ взглядовъ и направленій, которая произошла на этой почвѣ въ печати, и выяснить попутно вліяніе печати на ходъ крестьянской реформы и отношеніе къ печати правительственной власти. Наконецъ, я имѣю въ виду очертить ту программу преобразованій различныхъ сторонъ государственной жизни, которая окончательно сложилась къ этому времени въ правительственныхъ кругахъ, а также тѣ общественныя требованія, которыя были формулированы въ 1861 г. или къ 1861 году въ передовой печати и заявленіяхъ различныхъ общественныхъ учрежденій. Я уже мелькомъ касался положенія печати въ 1855 г. Вы видѣли, что это положеніе было чрезвычайно затруднительное въ цензурномъ отношеніи. Въ сущности говоря, тогда общественные политическіе вопросы для печати были почти не-

прикосновенны, и вмѣстѣ съ тѣмъ надо сказать, что послѣ того гнета, который русское общество испытало въ продолженіе всего царствованія Николая Павловича и въ особенности въ послѣднія 7 лѣтъ этого царствованія, его дѣятельность и его мысль были до такой степени подавлены, что оно мало было и подготовлено къ дѣйствительному участію въ той работѣ, которая предстояла странѣ.

Несмотря на общее единодушное сознаніе необходимости коренныхъ преобразованій, общество очень робко и чрезвычайно неопредѣленно намѣчало тѣ пути, по которымъ, по его мнѣнію, эти преобразованія должны были двинуться.

Въ сущности говоря, при полномъ единодушіи въ настроеніи общества, по крайней мѣрѣ наиболѣе образованной и прогрессивной его части, въ немъ замѣчалось такое же отсутствіе всякаго опредѣленнаго и продуманнаго плана практическихъ преобразованій, какое наблюдалось и въ правительственныхъ кругахъ при самомъ приступѣ къ реформамъ. Общество, какъ вы видѣли, было настроено чрезвычайно оптимистически по отношенію къ новому государю, и этотъ оптимизмъ почти граничилъ съ апатіей. Всѣ очень розово смотрѣли на настроеніе Александра и всѣ попеченія свои возлагали на правительственную дѣятельность, не проявляя съ своей стороны почти никакой иниціативы. Это состояніе, конечно, еще усиливалось тѣмъ тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находилась печать въ цензурномъ отношеніи, полной невозможностью громко высказать съ нѣкоторой свободой свои взгляды и мнѣнія по политическимъ и соціальнымъ вопросамъ,—даже для тѣхъ немногихъ людей, которые ихъ имѣли. Впрочемъ и въ тѣхъ рукописныхъ проектахъ и запискахъ, которые, какъ я уже упоминалъ, тогда ходили въ значительномъ числѣ по рукамъ и доставлялись и самому правительству и которые вѣдь никакой цензурѣ не подвергались, настроеніе было чрезвычайно скромное, и тѣ программы, которыя вы можете вычитать изъ этихъ произведеній, въ сущности говоря, вполнѣ сходились съ той скромной программой Чернышевскаго 1855 г., о которой я вамъ говорилъ.

Совершенно исключительнымъ было, конечно, положеніе Герцена, который въ это время владѣлъ собственнымъ печатнымъ станкомъ въ Лондонѣ и могъ, не подвергаясь никакимъ цензурнымъ стѣсненіямъ, совершенно свободно высказывать свои мнѣ-

нія. И надо сказать, что не только его положеніе было совершенно исключительнымъ въ цензурномъ отношеніи, но и онъ самъ являлся исключительнымъ по своей подготовкѣ знатокомъ современной ему Россіи и благодаря этому могъ являться въ отношеніи нѣкоторыхъ вопросовъ почти что пророкомъ. Такъ, еще въ 1853 г., когда еще царствовалъ Николай I, когда еще не начался тотъ кризисъ николаевской системы, который создался во время крымской войны и который на многое открылъ глаза людямъ заурядным, Герценъ совершенно опредѣленно предсказывалъ, что паденіе крѣпостного права „необходимо, неминуемо, неотразимо“ и что оно послѣдуетъ въ ближайшемъ будущемъ. Уже тогда Герценъ провозгласилъ свою радикальную программу рѣшенія крестьянскаго вопроса и требовалъ не только полнаго освобожденія крестьянъ, но и освобожденія ихъ со всей землей, которою они пользовались при крѣпостномъ хозяйствѣ. Когда Александръ II вступилъ на престолъ, Герценъ тотчасъ же почувствовалъ потребность и даже обязанность завести свой руководящій органъ для выраженія свободной мысли по поводу очередныхъ неотложныхъ вопросовъ русской государственной и общественной жизни. Въ 1855 г. онъ началъ выпускать свои книжки „Полярной Звѣзды“, а въ 1857 г., когда былъ образованъ негласный комитетъ по крестьянскому дѣлу, Герценъ предпринялъ изданіе газеты, которая выходила сперва разъ въ двѣ недѣли, а потомъ и разъ въ недѣлю, подъ названіемъ „Колоколъ“. Этотъ „Колоколъ“ пріобрѣлъ огромное значеніе, и, напримѣръ, Катковъ, посѣтивъ Герцена въ 1858 г. въ Лондонѣ, говорилъ ему, смѣясь, что его „Колоколъ“ лежитъ на столѣ у Ростовцева для справокъ по крестьянскому вопросу. Надо сказать, что „Колоколъ“, какъ органъ, въ которомъ съ непривычной рѣзкостью раскрывались всѣ язвы современной русской государственной и общественной жизни и безпощадно обличались злоупотребленія и некрасивые поступки отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, являлся вмѣстѣ и постоянной грозой для лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, и такимъ учрежденіемъ, которое постоянно толкало правительство и общество впередъ и не давало остановиться. Герцену нѣкоторые современники,—въ особенности Чичеринъ, въ статьѣ, которую онъ потребовалъ напечатать въ „Колоколѣ“,—ставили въ упрекъ ту нервность, страстность, порывистость и

неровность сужденій, которыя у него постоянно проявлялись въ „Колоколѣ“, тѣ постоянные переходы отъ признанія заслугъ правительства къ громкимъ и рѣзкимъ его порицаніямъ, къ безнадежнымъ статьямъ о его дѣятельности; однимъ, словомъ Герцена упрекали въ нѣкоторой нестойкости, именно благодаря той страстности, съ которой онъ велъ свою линію. Герценъ на это отвѣчалъ чаще всего, что линія его, въ сущности, всегда одна, что онъ всегда съ тѣмъ, кто освобождаетъ и *пока* онъ освобождаетъ. Въ значительной мѣрѣ эти рѣзкіе скачки отъ признанія заслугъ къ порицаніямъ объяснялись непослѣдовательностью самого правительства, которое точно такъ же—за исключеніемъ развѣ крестьянской реформы, и то только тогда, когда мнѣніе его выяснилось,—во всѣхъ остальныхъ вопросахъ, напримѣръ, по отношенію къ печати, по отношенію къ университетамъ,—постоянно колебалось и то двигалось впередъ, то отступало назадъ, такъ что само давало поводъ къ тѣмъ противорѣчивымъ сужденіямъ, которыя съ полной свободой и, разумѣется, безъ недоступной ему точной провѣрки, Герценъ печаталъ въ „Колоколѣ“.

Какъ бы тамъ ни было, до 1858 г. „Колоколъ“ былъ единственнымъ органомъ, гдѣ свободно могли высказываться сужденія русскихъ передовыхъ людей, могло выражаться независимое общественное мнѣніе, и въ этомъ отношеніи онъ, несомнѣнно, имѣетъ огромныя заслуги и по своему толкавшему и постоянно двигавшему впередъ вліянію на правительство, и по своему вліятельному участію въ сформированіи общественнаго мнѣнія страны и въ направленіи его въ болѣе прогрессивную и трезвую сторону.

Что касается журналовъ, выходившихъ въ это время въ Россіи, то указанное мною непосредственное и слишкомъ оптимистическое настроеніе, которое было обще имъ всѣмъ въ первые годы царствованія Александра II,—настроеніе, при которомъ исчезли даже ранѣе существовавшія различія въ направленіи западниковъ и славянофиловъ,—стало замѣтно дифференцироваться и индивидуализироваться въ болѣе опредѣленныя и различныя между собой направленія и теченія общественной мысли лишь съ 1858 года,—съ того момента, когда печати было впервые дозволено обсуждать крестьянскій вопросъ, когда въ то же время во всѣхъ губерніяхъ постепенно стали

открываться губернскіе комитеты, которые хотя и были учрежденіями закрытыми, но тѣмъ не менѣе не дѣлали особаго секрета для публики изъ своихъ работъ. Многіе изъ нихъ печатали даже свои журналы, и дѣятельность ихъ несомнѣнно поощряла и создавала огромную работу мысли во всѣхъ слояхъ тогдашняго грамотнаго населенія Россіи — какъ провинціальнаго, такъ и столичнаго. Съ этого момента и въ особенности, когда правительство вскорѣ попыталось ограничить только что дарованное право свободно высказывать сужденія и взгляды частныхъ лицъ на способы рѣшенія крестьянскаго вопроса, лишь только обнаружилось существенное различіе во взглядахъ на этотъ вопросъ главнаго комитета и прогрессивныхъ представителей общества, когда, съ другой стороны, стали извѣстны тѣ корыстные взгляды и поползновенія, которыя проявились во многихъ дворянскихъ губернскихъ комитетахъ, то процессъ выдѣленія изъ общаго хода тогдашней прогрессивной печати особыхъ болѣе или менѣе радикальныхъ направленій проявился съ необыкновенной силой и быстротой.

Прежде и ярче всего сталъ выдѣляться изъ общаго хода *начало* „Современникъ“, руководившійся тогда Чернышевскимъ и Добролюбовымъ. „Современникъ“ издавался въ это время— какъ и при Николаѣ I, когда еще въ немъ проповѣдывалъ до 1848 г. Бѣлинскій,—Панаевымъ и Некрасовымъ. Но они сами не являлись вліятельными руководителями этого органа. Послѣ смерти Бѣлинскаго, въ эпоху глухой реакціи, въ этомъ журналѣ объединились всѣ главныя литературныя силы того времени— такъ называемые писатели 40-хъ годовъ, которые въ своихъ общественныхъ взглядахъ шли болѣе или менѣе за Бѣлинскимъ, именно за Бѣлинскимъ послѣдняго времени его жизни. Эти писатели, которые выражали стремленія лучшей части русскаго общества 40-хъ годовъ, являлись опредѣленными либералами, но не радикалами. Однако на ряду съ ними уже появились въ томъ же „Современникѣ“ представители новаго поколѣнія, сперва въ лицѣ Чернышевскаго, который, будучи нѣсколько старше Добролюбова, Писарева и другихъ людей 60-хъ годовъ, вступилъ въ „Современникъ“ еще въ началѣ 50-хъ годовъ, а затѣмъ и въ лицѣ совершенно юнаго Добролюбова, который выступилъ на литературную арену съ 1857 г. 20-тилѣтнимъ юношей и сразу же проявилъ необычайныя дарованія и не-

обыкновенную самостоятельность взглядовъ. Въ 1858 г., когда опредѣленно сталъ на очередь крестьянскій вопросъ, Чернышевскій спеціализировался на экономическихъ вопросахъ и на крестьянскомъ дѣлѣ, а Добролюбову предоставилъ ту позицію литературнаго критика, которая въ тогдашнихъ журналахъ имѣла такую огромную важность, въ виду того, что тогдашняя критика въ толстыхъ журналахъ замѣняла собою и всю публицистику, благодаря чему задачи ея были гораздо шире ея формальныхъ рамокъ. Поэтому лицо, завѣдывавшее отдѣломъ критики въ тогдашнемъ журналѣ, имѣло то же значеніе, которое имѣетъ запѣвало въ хорѣ или первая скрипка въ оркестрѣ. Это положеніе и занялъ въ „Современникѣ“ юный Добролюбовъ, который очень недолго былъ подъ руководствомъ Чернышевскаго и быстро сдѣлался его самостоятельнымъ соратникомъ и другомъ. Но по своимъ взглядамъ онъ явился не только наслѣдникомъ завѣтовъ Бѣлинскаго, завѣтовъ радикальной критики 40-хъ годовъ, но и его продолжателемъ и первымъ послѣдовательнымъ провозвѣстникомъ въ русской критикѣ народническихъ принциповъ и идеаловъ [1]).

Эти молодые руководители „Современника“ очень скоро столкнулись внутри редакціи съ представителями старшаго поколѣнія: Тургеневымъ, Григоровичемъ, Гончаровымъ и другими беллетристами 40-хъ годовъ, къ которымъ примкнулъ и только что вошедшій въ „Современникъ“ Толстой.

Добролюбовъ очень быстро почувствовалъ неудовлетворенность общимъ развитіемъ и направленіемъ русскаго прогресса и чрезвычайно страстно сталъ выражать свое нетерпѣніе и недовольство. Добролюбову представлялось, что этотъ умѣренный и робкій прогрессъ есть топтаніе на одномъ мѣстѣ; онъ выражалъ недовольство тѣми уклончивыми и робкими обличеніями неправды и язвъ русской жизни, которыя допускались въ печати. Съ другой стороны, и на Чернышевскаго и на Добролюбова чрезвычайно рѣзко подѣйствовалъ сословный дво-

---

[1]) Для яснаго представленія тогдашней роли *Добролюбова* въ русской литературѣ и жизни весьма много даетъ новое *полное* собраніе его сочиненій подъ ред. *М. К. Лемке* (изд. Панафидина), Спб. 1911. Сравн. *мою* замѣтку о Добролюбовѣ (по поводу его юбилея) въ *Русск. Мысли* за 1911 г., № 11.

рянскій эгоизмъ, обнаружившійся въ дѣятельности губернскихъ комитетовъ, и Чернышевскій, который еще въ февралѣ 1858 г. славословилъ Александра II и въ апрѣлѣ писалъ комплименты либеральнымъ помѣщикамъ, къ концу этого года заговорилъ уже совсѣмъ другимъ языкомъ. Какъ разъ въ это время въ обсужденіи печатью крестьянскаго вопроса произошелъ нѣкоторый перерывъ. Когда въ апрѣлѣ 1858 г. въ „Современникѣ“ было напечатано продолженіе статьи „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, гдѣ Чернышевскій помѣстилъ въ большихъ выдержкахъ тотъ проектъ Кавелина о рѣшеніи крестьянскаго вопроса, который съ 1856 г. ходилъ по рукамъ и очень хорошо былъ извѣстенъ правительству, то статья эта, какъ я уже говорилъ, показалась тогда крайне опасной правительству тѣмъ, что въ ней настойчиво проводилась мысль о необходимости передачи земли въ собственность крестьянъ при помощи выкупа, что совершенно не соотвѣтствовало тогдашнимъ видамъ правительства. На напечатаніе этого проекта въ журналѣ въ правительственномъ кругу смотрѣли, какъ на величайшую дерзость, и по требованію главнаго комитета тотчасъ же изданъ былъ циркуляръ, запрещавшій при обсужденіи крестьянской реформы касаться вопроса о выкупѣ и объ отмѣнѣ вотчинной власти, что дѣлало, конечно, невозможнымъ дальнѣйшее, сколько-нибудь свободное обсужденіе крестьянскаго вопроса. Этотъ циркуляръ и непріятности, лично постигшія тогда Кавелина, произвели гнетущее впечатлѣніе не только на „Современникъ“, но и на другихъ представителей передовой печати. Катковъ (тогда либералъ) съ этого момента демонстративно прекратилъ только что открытый отдѣлъ по крестьянскому вопросу въ „Русскомъ вѣстникѣ“, а „Сельское благоустройство“, открытое славянофилами на деньги, главнымъ образомъ, Кошелева, издатели его даже собирались совсѣмъ прекратить. Продолжалось это не долго. Взгляды правительства на выкупъ, какъ вы знаете, скоро перемѣнились; оно увидѣло выгодныя стороны рѣшенія вопроса именно этимъ путемъ, увидѣло опасности, которыми грозило срочно-обязанное положеніе, и тогда журналамъ было предоставлено (съ осени 1858 года) опять болѣе или менѣе свободно обсуждать крестьянскій вопросъ, и они вернулись къ этому обсужденію, но уже въ совершенно иномъ настроеніи. И вотъ съ конца 1858 г. и въ особенности въ началѣ 1859 г.

Чернышевскій начинаетъ печатать по крестьянскому вопросу чрезвычайно рѣзкія статьи, съ громкимъ обличеніемъ помѣщичьяго эгоизма, корыстныхъ поползновеній и чрезмѣрныхъ аппетитовъ, которые онъ усматривалъ въ работахъ многихъ губернскихъ комитетовъ. Съ своей стороны онъ предлагаетъ теперь такіе радикальные пути для рѣшенія крестьянскаго вопроса, которые представляются совершенно непріемлемыми для правительства и разорительными для помѣщиковъ.

Въ то же время Добролюбовъ доходитъ до апогея въ своихъ нападкахъ на неустойчивость и неопредѣленность дворянскаго либерализма и на трусость и невыдержанность русскаго прогресса. Такое именно значеніе имѣли его статьи о „Губернскихъ очеркахъ“ Щедрина и по поводу „Обломова“ Гончарова. Герценъ, прочитавъ извѣстную статью „Что такое обломовщина?“, нашелъ, что „Современникъ“ пошелъ слишкомъ далеко налѣво, и почувствовалъ необходимость его сдержать. Въ 1859—60 гг. въ заграничномъ „Колоколѣ“ появились статьи, остерегавшія „Современникъ“. Такова статья „Very dangerous“ и напечатанная годъ спустя знаменитая статья Герцена „Лишніе люди и „желчевики“, гдѣ онъ защищалъ дворянскій либерализмъ отъ слишкомъ рѣзкихъ нападокъ Чернышевскаго и Добролюбова. Такимъ образомъ „Современникъ“ въ 1858—1860 гг. занялъ позицію болѣе лѣвую, чѣмъ даже заграничный „Колоколъ“ Герцена.

Главнымъ представителемъ либеральнаго теченія, притомъ либерально-демократическаго характера, примыкавшимъ по крестьянскому вопросу къ точкѣ зрѣнія Унковскаго и тверскихъ либераловъ, былъ въ это время „Русскій вѣстникъ“ Каткова. Катковъ являлся тогда, быть можетъ, наиболѣе послѣдовательнымъ и стойкимъ сторонникомъ либерализма и врагомъ всякой правительственной ферулы. До нѣкоторой степени этому направленію слѣдовали „Отечественныя записки“ Краевскаго, но онѣ были въ это время въ упадкѣ и издавались подъ редакціей Дудышкина, человѣка робкаго и не пользовавшагося никакимъ вліяніемъ. Наконецъ, петербургскій толстый журналъ „Библіотека для чтенія“, пріобрѣтенный въ это время Дружининымъ, стремился сдѣлаться органомъ, такъ сказать, англійскаго конституціоннаго торизма, т.-е. онъ собственно мечталъ о созданіи въ Россіи партіи просвѣщенныхъ консер-

ваторовъ, которые не отвергали бы необходимости свободной политической жизни, но считали бы необходимымъ, проведя опредѣленныя либеральныя реформы, затѣмъ остановиться и свести задачи ближайшаго дня къ укрѣпленію занятыхъ позицій, а не къ непрерывному движенію впередъ. Надо сказать, что и этому журналу недоставало талантовъ; хотя туда и обѣщали статьи нѣкоторые изъ старыхъ сотрудниковъ „Современника“, но давали мало, и „Библіотека для чтенія“ не сыграла той роли, которую собиралась сыграть.

Представителемъ славянофильскихъ взглядовъ являлся основанный въ 1856 г. журналъ „Русская бесѣда“; это, собственно, не былъ настоящій журналъ, а скорѣе — сборникъ; выходилъ онъ сперва четыре раза въ годъ, потомъ шесть разъ и не имѣлъ постояннаго политическаго обозрѣнія, а поэтому лишенъ былъ возможности достаточно живо отзываться на злобы дня. Но тѣмъ не менѣе здѣсь славянофильскіе взгляды имѣли возможность выражаться достаточно ярко и полно. На ряду съ этимъ у славянофиловъ были попытки завести и свою газету. Такъ, въ теченіи 1857 г. издавалась газета „Молва“, но въ тотъ моментъ чрезвычайно были еще плохи цензурныя условія, нельзя было ничего говорить о крестьянскомъ вопросѣ; газета была прекращена въ концѣ 1857 г. Затѣмъ въ 1859 г. Иванъ Аксаковъ, которому съ 1852 года было запрещено выступать редакторомъ и даже печатать свои статьи, наконецъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе издавать газету и началъ было изданіе „Паруса“, но онъ повелъ его настолько рѣзко, что правительство на второмъ номерѣ его закрыло.

Надо сказать, что вообще славянофилы занимали совершенно особую позицію. Съ одной стороны, они являлись какъ будто консерваторами par excellence и даже реакціонерами; они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ хотѣли бы повернуть дѣло къ допетровскому времени. Они признавали, что петровскія реформы, пріобщившія Россію къ западной цивилизаціи, вообще являются искаженіемъ природныхъ свойствъ Россіи и требовали возвращенія къ такой глубокой старинѣ, которое было даже немыслимо. Славянофилы идеализировали эту старину; они считали, что будто бы отличительной чертой этой старины являлась свобода общества отъ всякаго вмѣшательства правительственной власти въ общественную, общинную и частную жизнь, и

они, стоя, съ одной стороны, за сохраненіе самодержавной власти, признавая, что и православіе и самодержавіе являются исконными необходимыми устоями русской жизни, въ то же время подъ православіемъ разумѣли свободную отъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, свободную отъ всякой службы государству, церковь и отрицали то казенное православіе, которое существовало въ современной имъ жизни; по отношенію же къ самодержавію признавали, что вообще, какъ сказано было въ запискѣ, представленной въ самомъ началѣ царствованія Александру II Константиномъ Аксаковымъ, *сила власти должна принадлежать царю, но сила мнѣнія народу*, и въ этомъ отношеніи взгляды ихъ были достаточно радикальны: они желали, напримѣръ, не облегченія положенія печати, а полной свободы слова, и точно такъ же и въ религіозныхъ вопросахъ они требовали полной неограниченной свободы совѣсти и вѣроисповѣданія [1]). Они не допускали въ частной жизни и въ общинномъ бытѣ никакого регулированія или вмѣшательства государственной власти. Знаменитый вопросъ о русскомъ платьѣ, права носить которое они добивались еще при Николаѣ, отнюдь не сводился для нихъ къ полицейскому распоряженію переодѣть всѣхъ въ русское платье; такое распоряженіе власти они сочли бы за новое недопустимое вмѣшательство правительства во внутренній бытъ общества. Въ этомъ отношеніи они были послѣдовательными и правовѣрными либералами и требованія свои выражали достаточно рѣзко и радикально. Поэтому свои идеи имъ не удавалось проводить въ печати; только одна попытка удалась и сыграла большую роль,—это изданіе Кошелевымъ при большомъ участіи Самарина и Черкасскаго журнала „Сельское благоустройство". Этотъ журналъ существовалъ только одинъ годъ, выходя ежемѣсячно при „Русской бесѣдѣ", и въ немъ печатались исключительно статьи по крестьянскому вопросу, большую часть которыхъ писали члены губернскихъ комитетовъ, принадлежавшіе къ прогрессивному меньшинству. И въ средѣ губернскихъ комитетовъ статьи эти сыграли большую роль. Въ общемъ статьи

---

[1]) Записка *К. С. Аксакова* напечатана полностью въ „Руси" за 1881 г., №№ 26—28 (отъ 9, 16 и 23 мая 1881 г.). Краткое ея изложеніе въ *моей* книгѣ „Общественное движеніе при Александрѣ II", М. 1909, стр. 29.

эти были всѣ, конечно, прогрессивнаго характера, но слишкомъ опредѣленнаго направленія относительно способа рѣшенія крестьянскаго вопроса журналъ не придерживался, въ немъ были статьи и за немедленный выкупъ, и противъ него, хотя преобладающее значеніе имѣли статьи такихъ дѣятелей реформы, какъ Ю. Самаринъ, Черкасскій и самъ Кошелевъ. Чернышевскій и Добролюбовъ и въ 1860 г. признавали, что изъ всѣхъ журналовъ, кромѣ „Современника", „Сельское благоустройство" единственный вполнѣ честный журналъ, который честно и добросовѣстно относится къ крестьянскому дѣлу. Добролюбовъ называлъ его даже „умнѣйшимъ и дѣльнѣйшимъ" журналомъ по крестьянскому вопросу, хотя и полемизировалъ съ нимъ по многимъ пунктамъ. Въ Москвѣ издавался и другой журналъ, посвященный спеціально крестьянскому вопросу,— это былъ „Журналъ землевладѣльцевъ" Желтухина, который получилъ славу органа крѣпостническаго, что было, однако же, не вполнѣ справедливо. Опредѣленной программы этотъ журналъ, въ сущности говоря, не имѣлъ, хотя здѣсь писали главнымъ образомъ представители черноземныхъ губерній и поэтому въ большей части статей журналъ стоялъ на сторонѣ безземельнаго освобожденія крестьянъ. Но были статьи, вполнѣ добросовѣстно отстаивавшія точку зрѣнія рескрипта 20 ноября 1857 г. и даже стоявшія за сохраненіе крестьянамъ земли, и въ этомъ журналѣ. Принципіально за интересы крупнаго землевладѣнія и за водвореніе въ Россіи фермерскаго хозяйства, на манеръ англійскаго, стоялъ другой органъ, именно „Экономическій указатель" профессора И. В. Вернадскаго. Это былъ органъ чистаго манчестерства, весьма прямолинейно проводившій свои взгляды, но это было въ сущности вполнѣ академическое изданіе, а не живой практическій органъ, какъ „Сельское благоустройство" и „Журналъ землевладѣльцевъ". Поэтому и роль его была менѣе значительна. Широкая публика знала о немъ больше по острой полемикѣ, которую велъ съ нимъ Чернышевскій.

Въ этотъ періодъ съ 1859 по 1861 г., въ періодъ, когда опредѣлилась та дифференціація направленій въ печати, о которой я вамъ только что говорилъ, несмотря на то, что цензурный уставъ оставался прежній и что время отъ времени появлялись даже разные циркуляры, которые по тому или иному

вопросу воспрещали печати имѣть свободное сужденіе, — несмотря на эти досадные тормозы, свобода печати все болѣе и болѣе усиливалась, газеты и журналы, слѣдуя росту общественнаго настроенія, все болѣе и болѣе осмѣливались, все болѣе и болѣе расширяли область фактически дозволенныхъ къ обсужденію вопросовъ и, собственно къ концу этого періода, именно къ 1861 году, печать таки захватила въ область своего обсужденія почти всѣ тѣ вопросы политической и соціальной жизни, которые въ то время стояли на очереди. Надо сказать, что сами эти вопросы все болѣе и болѣе разрастались. Съ того момента, какъ, при вступленіи на престолъ Александра II-го, начался болѣе или менѣе свободный ростъ общественнаго сознанія, сознаніе это сдѣлало много шаговъ впередъ, и отъ той неопредѣленности взглядовъ и того отсутствія иниціативы, которыя наблюдались въ началѣ царствованія, черезъ пять лѣтъ не оставалось и слѣда. Напротивъ, послѣ того какъ по цѣлому ряду вопросовъ, связанныхъ такъ или иначе съ крестьянской реформой, высказались губернскіе комитеты, какъ, напримѣръ, по вопросу о реорганизаціи мѣстнаго управленія на началахъ самоуправленія, или по вопросу о судебной реформѣ и о введеніи суда присяжныхъ; послѣ того какъ затѣмъ вопросы эти уже въ видѣ опредѣленныхъ требованій были формулированы въ адресахъ, поданныхъ депутатами губернскихъ комитетовъ; послѣ того какъ требованія эти еще разъ рѣзко обозначились въ рѣчахъ и адресахъ, которые послѣ этихъ рѣчей проходили въ губернскихъ собраніяхъ 1860 года,—отголоски всего этого въ передовой печати дали довольно законченную программу преобразованій, связанныхъ болѣе или менѣе съ крестьянской реформой, въ томъ смыслѣ, что крестьянская реформа или очищала для нихъ путь, или прямо, такъ сказать, дѣлала неизбѣжнымъ проведеніе ихъ въ жизнь для заполненія тѣхъ пустыхъ мѣстъ, которыя образовались послѣ паденія крѣпостного права. Къ числу такихъ преобразованій прежде всего, конечно, нужно отнести именно вопросъ объ организаціи мѣстнаго самоуправленія, вопросы судебной реформы—преобразованія судоустройства и судопроизводства въ Россіи, затѣмъ требованіе полной гласности и свободы печати и цѣлый рядъ болѣе или менѣе важныхъ вопросовъ культуры и просвѣщенія и удовлетворенія хозяйственныхъ и промышленныхъ нуждъ пробудившейся къ новой жизни страны.

Въ тѣхъ „Голосахъ изъ Россіи“, въ которыхъ Герценъ продолжалъ параллельно съ изданіемъ „Колокола“ печатать присылавшіеся ему записки и проекты, которые не могли быть напечатаны въ Россіи и при этихъ улучшившихся условіяхъ цензуры, мы можемъ видѣть въ самомъ чистомъ видѣ ростъ этого настроенія и развитіе этихъ преобразовательныхъ плановъ. Въ самомъ концѣ этого періода, уже передъ изданіемъ положеній 19 февраля, въ концѣ 1860 года вышла послѣдняя, девятая книжка этихъ „Голосовъ изъ Россіи“, и въ ней, вмѣстѣ съ такъ наз. „Политическимъ завѣщаніемъ“ Ростовцева, которое онъ составилъ передъ смертью для Александра II-го, была напечатана и особая, никѣмъ не подписанная записка о желательномъ направленіи крестьянской реформы. Издатели „Колокола“ опредѣленно указывали, что если бы редакціонныя комиссіи послѣдовали совѣтамъ автора этой записки, то въ Россіи было бы истинное, а не мнимое освобожденіе крестьянъ, и что, собственно, если онѣ добросовѣстно взглянутъ на дѣло, то онѣ должны будутъ этимъ указаніямъ послѣдовать. Однако указаніямъ этимъ редакціонныя комиссіи не могли уже потому послѣдовать, что въ этотъ моментъ онѣ уже были закрыты. Надо, впрочемъ, сказать, что, хотя онѣ и не послѣдовали этимъ совѣтамъ, но все же ихъ работой „Колоколъ“ остался въ концѣ-концовъ какъ будто болѣе или менѣе удовлетворенъ и, печатая тутъ „Политическое завѣщаніе“ Ростовцева, онъ теперь, вмѣсто постоянныхъ нападокъ и глумленія, которыми онъ осыпалъ Ростовцева при жизни, наконецъ, отдалъ ему справедливость послѣ его смерти, указавъ, что если у него и у руководимыхъ имъ комиссій было много отступленій и колебаній въ намѣченномъ имъ пути, то все-таки нельзя не признать его опредѣленной огромной заслуги, а именно того, что Ростовцевъ отстоялъ освобожденіе крестьянъ съ землею, и эта заслуга въ глазахъ „Колокола“ являлась такой, за которую ему можно было отпустить всѣ его прегрѣшенія—дѣйствительныя и мнимыя. „Пусть же,—сказано было въ этой книжкѣ,—имя, записанное въ исторіи русской свободы по черному и по бѣлому,—добромъ помянется въ великодушной памяти народной“.

Въ запискѣ же, которая была тутъ же напечатана и которую я по нѣкоторымъ соображеніямъ склоненъ приписать Н. А. Серно-Соловьевичу, была (въ заключительной ея части)

формулирована та программа необходимыхъ преобразованій, къ которой пришло въ то время мнѣніе передовыхъ общественныхъ группъ въ Россіи. „Въ заключеніе,—пишетъ авторъ,—перечислимъ главнѣйшія требованія общественнаго мнѣнія, требованія не только вполнѣ законныя, но и крайне умѣренныя, потому что ими давно уже пользуются всѣ сколько-нибудь образованныя государства:

1. Освобожденіе крестьянъ съ землей.
2. Равенство всѣхъ передъ судомъ и закономъ.
3. Совершенное отдѣленіе судебной власти отъ административной; судъ присяжныхъ.
4. Преобразованіе полицейскаго управленія.
5. Отвѣтственность всѣхъ органовъ управленія, начиная съ министровъ.
6. Право повѣрки надъ сбираніемъ и расходованіемъ платимыхъ народомъ въ казну денегъ.
7. Право контроля надъ изданіемъ новыхъ законовъ.
8. Свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.
9. Свобода печати.
10. Отмѣна откупной монополіи и измѣненіе законовъ, стѣсняющихъ торговлю, промышленность и народный трудъ.
11. Отмѣна гражданскихъ чиновъ.
12. Полная амнистія всѣхъ, страдающихъ за политическія убѣжденія.

Одиннадцать послѣднихъ пунктовъ—естественое слѣдствіе перваго—отмѣны крѣпостного права. Говоря иностранными словами, это конституція; по-нашему это—правильное государственное устройство“... [1])

Въ сущности говоря здѣсь конституціи нѣтъ; собственно, ни о представительномъ правленіи, ни о какихъ бы то ни было законныхъ гарантіяхъ здѣсь не говорится, но, дѣйствительно, предлагается довольно широкій планъ либеральнаго, а въ нѣкоторыхъ чертахъ, можно сказать, даже радикальнаго переустройства государственной жизни Россіи.

Изъ этого плана, который несомнѣнно выражалъ мнѣніе тогдашней передовой части общества, вы видите, насколько уже общественное мнѣніе переросло тѣ правительственныя программы

---

[1]) „Голоса изъ Россіи“, Лондонъ, 1860, кн. VIII, стр. 132.

преобразованій, которыя въ это время имѣлись и, какъ вы знаете, въ общемъ прогрессировали, а никакъ не отступали отъ ранѣе принятыхъ предположеній [1]).

Таковы были desiderata передовыхъ общественныхъ группъ въ Россіи къ моменту паденія крѣпостного права. То обстоятельство, что требованія эти очевидно переросли предположенія правительства, порождало совершенно иныя отношенія между представителями общества и правительствомъ Александра II-го, чѣмъ какія существовали при вступленіи его на престолъ. Теперь уже далеко не было полнаго и единодушнаго довѣрія къ правительству, какое чувствовалось тогда; напротивъ, дѣятельность правительства вызывала скептицизмъ и недовѣріе, и въ обществѣ стала рѣзко проявляться склонность къ обличенію всей тогдашней правительственной дѣятельности, несмотря на ея прогрессивное направленіе, и желаніе поставить общественную инціативу впереди правительственной. Поэтому собственно въ моментъ объявленія воли уже, можно сказать, совершенно исчезла та „entente cordiale“, которая существовала еще при началѣ выработки крестьянской реформы между правительствомъ и обществомъ. Между тѣмъ объявленіе воли, послѣдовавшее въ мартѣ 1861 г., не удовлетворило не только представителей радикальныхъ круговъ общества, но прежде всего не удовлетворило самихъ крестьянъ.

---

[1]) Болѣе подробное изложеніе общественнаго движенія и развитія общественной мысли того времени см. въ *моей* книгѣ: „Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ II“, М. 1909, и въ статьѣ „Основныя теченія правительственной и общественной мысли во время разработки крестьянской реформы“ въ книгѣ „Освобожденіе крестьянъ“, изд. „Научнымъ словомъ“. М. 1911.

ЛЕКЦІЯ XXIV.

Отношеніе крестьянъ къ реформѣ 19 февраля 1861 года.—Волненія и безпорядки, сопровождавшіе введеніе положенія 19 февраля.—Бездненская катастрофа.—Впечатлѣніе этихъ фактовъ на общество.—Реакція въ правительственныхъ сферахъ въ 1861 году.—Валуевская политика. — Отношеніе общества къ правительству.—Первыя проявленія „нигилизма“ въ 1861 г.—„Русское слово“.—Оппозиціонное настроеніе дворянства.—Его два крыла.—Тверская исторія 1862 года.—Конституціонное движеніе и различное настроеніе въ дворянскихъ кругахъ.—Настроеніе торгово-промышленныхъ сферъ. Эволюція въ этой средѣ послѣ крымской кампаніи и причины образованія въ ней оппозиціоннаго настроенія.

Крестьяне, пока разрабатывалась реформа, съ необыкновеннымъ терпѣніемъ въ теченіе четырехъ лѣтъ выжидали рѣшенія своей участи. Неоднократно въ теченіе этого времени, когда враги крестьянской реформы старались запугать Александра II-го и указывали ему на якобы готовящіяся волненія, Александръ говорилъ, что онъ этому не вѣритъ, потому что со всѣхъ сторонъ до него доходятъ свѣдѣнія о полномъ спокойствіи крестьянъ. И дѣйствительно, до момента объявленія воли наружное спокойствіе среди крестьянъ было необычайное. Но когда Положеніе было объявлено, а оно объявлялось торжественно на мѣстахъ, при чемъ манифестъ прочитывался въ церквахъ, а Положеніе давалось каждому помѣщику и каждому сельскому обществу,—то немедленно среди крестьянъ началось то броженіе, которымъ давно уже пугали правительство враги реформы [1]).

[1]) Отношеніе крестьянъ къ реформѣ 19 февраля очерчено въ *моихъ* книгахъ: „Крестьянская реформа“, Спб. 1905, стр. 166 и слѣд., и „Обществ. движеніе при Александрѣ II“, стр. 108 и слѣд. Тамъ же указана и литература этого предмета въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Сравн. *И. И. Игнатовичъ*. „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.“ въ „Минувшихъ годахъ“ за 1908 г. №№ V—XI.

Въ большей части уѣздовъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы крестьяне правильно поняли Положеніе, принято не было, и только въ очень немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ губернаторами были люди болѣе разумные, какъ, напримѣръ, въ калужской губерніи, гдѣ былъ тогда губернаторомъ Арцимовичъ, были приняты мѣры, чтобы крестьяне могли ориентироваться въ Положеніи, и имъ были сразу указаны тѣ статьи закона, которыя наиболѣе ярко давали понять, въ чемъ сущность произведенной реформы. Но надо сказать, что не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было этого сдѣлано, но даже въ калужской губерніи, гдѣ дѣло было поставлено лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь, все-таки при объявленіи воли и помѣщикамъ и крестьянамъ пришлось пережить цѣлый рядъ недоразумѣній. Оказалось, что крестьяне такъ спокойно и терпѣливо вели себя эти четыре года, ожидая, что имъ будетъ предоставлена „полная воля“, а это значило въ ихъ глазахъ, что тотчасъ же падетъ всякая власть помѣщиковъ и что они получатъ въ собственность безъ всякаго выкупа не только всю ту землю, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ, но даже и помѣщичью землю, за которую уже царь помѣщикамъ будетъ платить „жалованье“. Разумѣется, когда имъ было предъявлено Положеніе 19 февраля и когда они изъ него увидѣли, что на неопредѣленое время сохранятся повинности—или барщина, или оброкъ,—и что имъ предстоитъ еще, можетъ быть, отрѣзка земли, когда они увидѣли, что съ помѣщиками они остаются связанными впредь до выкупа, а выкупъ можетъ послѣдовать только по добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ, то они убѣдились, что это вовсе не та воля, которую они ожидали; они рѣшили, что царь не могъ дать такую волю, что настоящую волю помѣщики скрыли, а объявленная воля есть воля подложная. И вотъ на этой почвѣ возникъ цѣлый рядъ волненій и безпорядковъ. Правительство, предвидя возможность этихъ волненій, во всѣ губерніи командировало особыхъ лицъ, которыя, не имѣя званія генералъ-губернаторовъ, имѣли, однако, почти тѣ же полномочія, которыя обыкновенно даются генералъ-губернаторамъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Это были генералъ-адъютанты, свитскіе генералы и флигель-адъютанты императора; при малѣйшемъ волненіи или безпорядкахъ они имѣли право усмирять крестьянъ всѣми мѣрами, включая распоряженіе военными командами и право стрѣ-

лять въ народъ и т. д. И вотъ, когда крестьяне, признавая объявленную волю подложной, а иногда, вычитывая изъ самаго Положенія 19 февраля небывалыя статьи, соотвѣтствующія ихъ ожиданіямъ, отказывались выходить на барщину и платить наложенные на нихъ оброки и повинности помѣщикамъ, то эти генералы, по своему произволу и взгляду, принимали тѣ или другія мѣры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ это были болѣе доброжелательные или просто болѣе разумные и терпѣливые люди, или гдѣ крестьяне были менѣе рѣзко настроены, имъ удавалось одними убѣжденіями привести крестьянъ къ спокойствію, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣло дошло до кровавыхъ усмиреній,—такъ, въ селѣ Бездна, пензенской губерніи, произошелъ кровавый инцидентъ, при которомъ (благодаря тому, что крестьяне были бурно настроены и предводительствуемы фанатикомъ тогдашней народной идеологіи, своимъ односельчаниномъ Антономъ Петровымъ—въ концѣ-концовъ генералъ Апраксинъ, завѣдывавшій ихъ усмиреніемъ, приказалъ стрѣлять, при чемъ было убито, по преуменьшеннымъ официальнымъ даннымъ, 55 человѣкъ и около 70 ранено (на самомъ дѣлѣ гораздо больше), а остальные смирились. Это происшествіе въ связи съ другими, гдѣ была тоже стрѣльба или массовыя расправы съ тѣлеснымъ наказаніемъ, подѣйствовало очень угнетающимъ образомъ на все общество. Послѣ бездненской катастрофы въ Казани студенты во главѣ съ молодымъ профессоромъ Щаповымъ отслужили демонстративную панихиду. Когда вѣсть объ этомъ пришла въ Петербургъ, то императоръ Александръ положилъ собственноручную резолюцію, чтобы монаховъ, которые служили эту панихиду, сослать въ Соловки, а Щапова выслать въ Петербургъ. Это было первымъ рѣшительнымъ проявленіемъ общественнаго недовольства въ демократическихъ слояхъ общества и соотвѣтствующихъ правительственныхъ репрессій [1]).

Надо сказать, что въ высшихъ сферахъ въ это время произошла значительная перемѣна—какъ разъ въ томъ вѣдомствѣ,

---

[1]) „Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 гг." въ „Минувшихъ годахъ" за 1908 г., V—XI (особенно VII—XI). Статьи эти основаны на подробномъ изученіи опубликованныхъ матеріаловъ. Сравн. также ст. *А. З. Попельницкаго* „Первые шаги крестьянской реформы" въ т. V „Великой реформы" (изд. Сытина). М. 1911, стр. 179, основ. на донесеніяхъ самихъ командированныхъ флигель-адъютантовъ и генераловъ.

которому предстояло проводить реформу. Именно, въ видѣ какъ бы уступки помѣщикамъ, которые были задѣты крестьянской реформой, министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской и его ближайшій помощникъ Милютинъ были уволены отъ своихъ должностей, хотя и въ милостивой формѣ. Ланской былъ возведенъ въ графское достоинство, а Милютинъ былъ сдѣланъ сенаторомъ съ правомъ уѣхать за границу. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ, который являлся завѣдомымъ противникомъ Положенія 19 февраля и того направленія дѣла, какое оно получило въ редакціонныхъ комиссіяхъ. Во время прохожденія дѣла черезъ главный комитетъ Валуевъ помогалъ противникамъ проекта редакціонныхъ комиссій, министру государственныхъ имуществъ Муравьеву и шефу жандармовъ Долгорукову, которые пользовались его соображеніями, изложенными имъ въ особой запискѣ, для рѣшительнаго сопротивленія тому исходу реформы, который былъ проектированъ редакціоными комиссіями.

Теперь Валуевъ объявилъ, что онъ ставитъ себѣ задачей „строгое и точное введеніе въ дѣйствіе положеній 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ“. На самомъ дѣлѣ, какъ скоро выяснилось, онъ имѣлъ въ виду, несомнѣнно,—насколько это допускалось закономъ, а иногда даже и насилуя или перетолковывая законъ,—повернуть дѣло въ пользу помѣщиковъ. Это обнаружилось тотчасъ же, какъ только онъ приступилъ къ практическимъ дѣйствіямъ. Введеніе реформы лежало на мировыхъ посредникахъ, ихъ уѣздныхъ съѣздахъ и на губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. Ланской передъ своей отставкой успѣлъ разослать обстоятельный и очень важный циркуляръ, гдѣ давалъ указанія г бернаторамъ, изъ какихъ лицъ должны быть назначены мировые посредники [1]). Онъ указывалъ, что такъ какъ мировые посредники назначаются губернаторами изъ дворянъ по спискамъ, составленнымъ дворянами же, то необходимо очень осторожно ихъ выбирать, допуская къ этой должности такихъ только лицъ, которыя извѣстны своей справедливостью и доброжелательнымъ отношеніемъ къ интересамъ крестьянъ и относительно которыхъ можно сказать, что они будутъ пользоваться довѣріемъ крестьянъ. И

---

[1]) Циркуляръ министра внутр. дѣлъ отъ 22 марта 1861 года. Сравн. въ книгѣ *моей* „Крестьянская реформа“, стр. 171.

дѣйствительно, наиболѣе благонамѣренные изъ губернаторовъ, общій составъ которыхъ Ланской значительно улучшилъ за время своего управленія министерствомъ, подобрали мировыхъ посредниковъ довольно удачно. Вообще надо сказать, что мировые посредники перваго призыва оставили по себѣ очень хорошую память, какъ люди справедливые, преданные тому дѣлу, которому они были призваны служить и положившіе всѣ свои силы на проведеніе реформы [1]). Такъ какъ положеніе ихъ было довольно самостоятельное—уволить ихъ можно было, только предавъ суду, по распоряженію сената, которымъ они утверждались въ должности,—то они были достаточно независимы отъ властей предержащихъ—какъ губернскихъ, такъ и центральныхъ—и потому могли слѣдовать закону и по совѣсти рѣшать дѣла. Поэтому, когда во многихъ мѣстностяхъ имъ пришлось столкнуться съ интересами крупныхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ, и тѣ начали жаловаться Валуеву, а Валуевъ всячески сталъ эти помѣщичьи интересы поддерживать, то ему пришлось потерпѣть на этомъ пути рѣшительную неудачу. Мировые посредники очень энергично дали отпоръ попыткамъ правительственнаго давленія. Раздраженный неудачей, Валуевъ повелъ противъ мировыхъ посредниковъ спеціальную кампанію, пытаясь черезъ губернскія присутствія привести ихъ въ субординацію. Въ концѣ-концовъ, убѣдившись въ невозможности подчинить ихъ своему вліянію или просто увольнять, Валуевъ сталъ черезъ губернскія присутствія пытаться подъ предлогомъ экономіи сократить число должностей мировыхъ посредниковъ въ разныхъ уѣздахъ, съ оставленіемъ за штатомъ, конечно, наиболѣе строптивыхъ посредниковъ. Но мировые посредники пошли тогда на пожертвованіе своими матеріальными интересами и заявили, что если дѣло касается экономіи, то они согласны уменьшить свое жалованіе на половину или на треть, съ тѣмъ, чтобы ихъ сохранили въ прежнемъ составѣ, такъ какъ иначе они не смогутъ привести дѣло въ исполненіе въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя имъ были на это даны. Такимъ образомъ и эта уловка Валуева не привела къ цѣли. Валуевъ могъ гораздо сильнѣе давить на губернаторовъ, такъ какъ они го-

---

[1]) Срав. *мою* статью „Дѣятельность мировыхъ посредниковъ“ въ т. V сборника „Великая реформа“ (изд. Сытина). М. 1911 г., стр. 237.

раздо больше отъ него зависѣли, и дѣйствительно, тѣ губернаторы, которые честно отстаивали Положеніе 19 февраля и строго стояли на почвѣ закона, или были уволены въ отставку, или попали противъ воли въ сенатъ. Въ концѣ-концовъ, однако же, несмотря на всѣ эти ухищренія, благодаря стойкости мировыхъ посредниковъ, Положеніе 19 февраля все-таки было проведено въ большей части мѣстностей въ жизнь въ томъ видѣ, въ какомъ оно было издано, и законъ, за исключеніемъ немногихъ нарушеній, былъ на этотъ разъ приведенъ въ исполненіе удовлетворительно.

Несмотря на это, уже тѣ перемѣны на верхахъ, которыя имѣли смыслъ явной для всѣхъ уступки реакціи,—замѣна Ланского Валуевымъ, вся валуевская политика, которая сильно чувствовалась обществомъ, а также кровавыя событія и подавленія безпорядковъ, которыя произошли весною 1861 г.,—все это послужило къ чрезвычайному возмущенію передовой интеллигенціи, что отразилось весьма рѣзко и на настроеніи журналовъ того времени.

Въ этотъ моментъ къ числу наиболѣе радикально настроенныхъ органовъ на ряду съ „Современникомъ“ присоединился еще журналъ „Русское слово“, который былъ основанъ въ 1859 году графомъ Кушелевымъ, но первые два года не имѣлъ опредѣленнаго направленія. Съ 1861 г. душой „Русскаго слова“ сдѣлался представитель юнаго поколѣнія, новый двадцатилѣтній публицистъ Писаревъ, выступившій на литературное поприще съ такимъ же блескомъ и силой, какъ и его непосредственный предшественникъ Добролюбовъ, скончавшійся въ ноябрѣ 1861 г. 25-ти лѣтъ отъ роду, но сумѣвшій прочно вписать свое имя въ исторію русской литературы.

Впрочемъ, направленіе „Русскаго слова“, въ сущности, значительно отличалось отъ направленія „Современника“. „Современникъ“ былъ органомъ преимущественно политическимъ и соціальнымъ, и въ этихъ вопросахъ онъ являлся представителемъ самыхъ лѣвыхъ общественныхъ группъ того времени. „Русское слово“ было органомъ „нигилистическимъ“, употребляя терминъ, около этого времени введенный Тургеневымъ (въ его романѣ „Отцы и дѣти“).

Одинъ изъ представителей того же поколѣнія, доживший до нашихъ дней извѣстный эмигрантъ князь П. А. Кропоткинъ, харак-

теризуетъ это явленіе въ другихъ терминахъ. Онъ говоритъ, что это была „борьба за индивидуальность"; во главу угла здѣсь ставилось освобожденіе личности, освобожденіе ея прежде всего отъ вѣковыхъ бытовыхъ условій и предразсудковъ, которые держали человѣческую личность въ своихъ путахъ. Главной задачей младшаго поколѣнія людей шестидесятыхъ годовъ и сдѣлалось освобожденіе личности отъ этихъ семейныхъ, общественныхъ, бытовыхъ и религіозныхъ путъ. Однимъ изъ главныхъ способовъ, ведущихъ къ этой цѣли, Писаревъ считалъ распространеніе естествознанія, популяризацію выводовъ естественныхъ наукъ, полагая не безъ основанія, что это—наилучшее оружіе въ борьбѣ съ тѣми предразсудками и вѣрованіями, которыя проникали старинный укладъ русской жизни. Онъ не щадилъ никакихъ авторитетовъ, яростно на нихъ нападалъ и, такимъ образомъ, несмотря на то, что вопросамъ политическимъ онъ удѣлялъ мало вниманія, считая, что освобожденіе личности должно быть само по себѣ панацеей противъ всѣхъ неустройствъ жизни, все же его разрушительныя тенденціи и страстная борьба съ авторитетами всякаго рода казались власти еще болѣе опасными, чѣмъ соціалистическія тенденціи „Современника". Пропаганда „Современника" и „Русскаго слова", еще не полемизировавшихъ тогда между собой, начинала вызывать опасенія не только со стороны правительства, но и со стороны многихъ умѣренныхъ сторонниковъ прогресса въ средѣ тогдашнихъ общественныхъ дѣятелей [1]).

Что касается настроенія дворянства, то оно, какъ и раньше, дѣлилось на два крыла. Одно крыло представляло теченіе олигархически-крѣпостническое, которое теперь, по упраздненіи крѣпостного права, главнымъ образомъ было занято вопросомъ о компенсаціи, которую дворянство могло получить отъ правительства, чтобы сохранить свое преобладающее значеніе въ странѣ. Такую компенсацію представители этого теченія видѣли въ расширеніи политическихъ правъ одного дворянства, по возможности безъ соотвѣтственнаго расширенія правъ другихъ сословій, почему и можно назвать это теченіе олигархическимъ.

---

[1]) Сравн. *Никитенка* „Записки и дневникъ", II, 250 (1 изд.), а также въ моей книгѣ „Обществ. движеніе при Александрѣ II", стр. 136 и слѣд., стр. 155 и слѣд.

Другое крыло оппозиціонно настроеннаго дворянства представляло теченіе либерально-демократическое. Это крыло заимствовало свою идеологію главнымъ образомъ отъ той группы прогрессивно настроенныхъ дворянъ, которые больше всего проявили себя въ тверской губерніи, именно въ тверскомъ губернскомъ комитетѣ и въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя они дѣлали и въ дворянскихъ собраніяхъ 1859 г., и въ редакціонныхъ комиссіяхъ устами своихъ депутатовъ.

Идеи этой части дворянства распространились въ то время среди довольно широкихъ слоевъ дворянъ-помѣщиковъ главнымъ образомъ промышленныхъ нечерноземныхъ губерній. Впослѣдствіи Н. К. Михайловскій присвоилъ имъ характерное наименованіе „кающихся дворянъ".

Теченіе олигархическое встрѣтило значительную поддержку въ самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, руководимомъ Валуевымъ, который готовъ былъ дать дворянству нѣкоторую компенсацію. Дѣйствуя въ этомъ именно направленіи, онъ, съ одной стороны, пытался измѣнить тѣ предположенія, которыя были уже раньше намѣчены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ относительно введенія земскаго самоуправленія, въ томъ смыслѣ, чтобы организовать это самоуправленіе на болѣе аристократическихъ началахъ, а затѣмъ, нѣсколько позже, въ 1863 г., высказывался даже за предоставленіе дворянству нѣкотораго участія и въ верховномъ управленіи, если не законодательнаго, то законосовѣщательнаго характера. Во время польскаго возстанія онъ представилъ императору Александру докладъ, въ которомъ заявлялъ, что въ виду вѣрноподданническихъ и патріотическихъ стремленій русскаго дворянства важно дать ему, такъ сказать, шагъ впередъ передъ хлопотавшимъ тогда о возстановленіи конституціи 1815 г. польскимъ дворянствомъ [1]).

Вскорѣ взгляды либерально-демократической части дворянства получили яркое выраженіе въ извѣстной тверской исторіи, разыгравшейся въ самомъ началѣ 1862 года.

---

[1]) Сравн. *мою* книгу „Обществ. движеніе при Александрѣ II", стр. 164 и слѣд. „Всеподданнѣйшая записка" статсъ-секретаря Валуева 1863 года напечатана г. *Берманскимъ* въ „Вѣстникѣ Права" за 1905 г., № 9, стр. 229. Любопытная записочка Валуева къ гр. Д. Н. Толстому въ „Русск. Архивѣ" за 1896 г., № 12, стр. 640.

Оппозиціонное теченіе либерально-демократическаго характера проявилось въ 1861 году, какъ и прежде, съ самаго начала развитія крестьянской реформы, рѣзче всего въ тверской губерніи. Тамъ находились наиболѣе сознательные и опредѣленные представители этого теченія, и это обстоятельство не замедлило сказаться, когда вслѣдъ за объявленіемъ воли предложено было во время ближайшихъ дворянскихъ собраній обсудить вопросъ объ организаціи земельнаго кредита для помѣщиковъ. Тверское дворянство нашло, что, собственно говоря, вопросъ этотъ дутый и что является онъ лишь вслѣдствіе того, что крестьянская реформа не разрѣшена путемъ обязательнаго выкупа съ выдачей дворянамъ немедленно выкупной суммы, которая совершенно удовлетворила бы нужду помѣщичьихъ хозяйствъ въ денежномъ капиталѣ для найма рабочихъ и на разумныя улучшенія. Если же считать меліоративный кредитъ необходимымъ, то онъ необходимъ не только дворянству, а и всѣмъ вообще земледѣльцамъ, безъ различія сословій, въ томъ числѣ и для крестьянъ. Этотъ вопросъ тверское дворянство находило возможнымъ разсматривать лишь по совокупности со всѣми прочими нуждами даннаго момента, которыя вытекаютъ изъ вопросовъ поставленныхъ, но не разрѣшенныхъ крестьянской реформой. Въ частности, для установленія правильнаго и хорошо организованнаго частнаго кредита собраніе признавало необходимыми слѣдующія реформы: 1) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола; 2) учрежденіе независимаго и гласнаго суда; 3) введеніе полной гласности во всѣ отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а слѣдовательно и къ прочности существующаго государственнаго порядка; 4) уничтоженіе антагонизма между сословіями. Когда эти реформы будутъ осуществлены, тогда, въ сущности говоря, вопросъ о кредитѣ, по мысли тверского дворянства, могъ бы разрѣшиться самъ собою, безъ вмѣшательства государства и безъ помощи государственнаго казначейства. Затѣмъ въ постановленіи тверского дворянства было сказано: „дворянство, будучи глубоко проникнуто сознаніемъ необходимости выйти изъ этого (междусословнаго) антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага,

объявляетъ передъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій... и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи государства" (такимъ образомъ, здѣсь было повторено опять требованіе о разрѣшеніи крестьянскаго вопроса на основаніи обязательнаго выкупа, которое тверскіе дворяне уже заявляли неоднократно).

Особенно знаменателенъ былъ заключительный пунктъ этого постановленія, который совершенно совпадалъ съ мыслями наиболѣе радикальныхъ группъ интеллигенціи, выразителемъ которыхъ явился Чернышевскій въ своихъ „Письмахъ безъ адреса", написанныхъ имъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ тверского собранія, но напечатанныхъ только въ 1874 г. въ газетѣ „Впередъ", издававшейся за границей Лавровымъ.

„Осуществленіе этихъ реформъ—сказано было въ постановленіи тверского дворянства,—*не возможно путемъ правительственныхъ мѣръ*, которыми до сихъ поръ двигалась общественная жизнь. Предполагая, даже, полную готовность правительства провести реформы, *дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе.* Посему дворянство не *обращается къ правительству съ просьбой* о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая *его несостоятельность* въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. *Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословій*".

Вотъ на какую радикальную почву стало теперь дворянство; оно уже требовало участія въ представительствѣ не для себя только, не для дворянства, а для всѣхъ классовъ народа безъ различія сословій. Въ соотвѣтствіи съ этими постановленіями редактированъ былъ адресъ императору Александру, который рѣшено было ему представить. Въ немъ также говорилось о необходимости обязательнаго выкупа, а затѣмъ, переходя къ вопросу о сословныхъ дворянскихъ привилегіяхъ, дворяне писали: „дворяне, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялись до

сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь, мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій. Не праведенъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше Императорское Величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей соотвѣтственно состоянію каждаго".

„Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народа; въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія".

Указавъ затѣмъ на отсутствіе взаимнаго пониманія между обществомъ и правительствомъ, представители общества такъ заключили свои пожеланія:

„Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайней необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. *Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что стоимъ къ нему ближе,* и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности не только для удовлетворенія, но и для указанія народныхъ потребностей; мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что принимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа".

„*Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской* представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 февраля".

Вотъ какимъ языкомъ заговорило тогда тверское дворянство. Если вы сравните эти постановленія и тотъ языкъ, которымъ дворянство ихъ заявляло, съ тѣми пунктами ходатайства, которые включены были въ адресъ Унковскаго, или даже съ постановленіемъ того тверского собранія (1859 г.), которое про-

тестовало противъ запрещенія дворянству обсуждать крестьянскій вопросъ во время работъ редакціонныхъ комиссій, то вы увидите, насколько это дворянство подалось влѣво за истекшіе полтора года и насколько рѣзко въ его требованіяхъ звучали теперь ярко-демократическія ноты. Они напирали на то, что вопросъ не столько въ проведеніи либеральныхъ преобразованій и улучшеній въ системѣ существующаго административнаго строя, сколько въ томъ, какимъ путемъ это будетъ проведено и насколько при проведеніи этихъ реформъ будетъ дано участіе не общественнымъ даже, а именно народнымъ представителямъ, т.-е. самому народу.

Когда состоялось это постановленіе дворянскаго собранія и посланъ былъ адресъ, то Валуевъ, который высказывался постоянно за охрану всякихъ дворянскихъ привилегій и правъ, не рѣшился возбудить даже вопроса о правильности этого постановленія. Оно формально и не выходило изъ предѣла дарованныхъ дворянству правъ и преимуществъ, такъ какъ дворянству предоставлялось заявлять о своихъ нуждахъ, и хотя это заявленіе касалось коренного измѣненія государственнаго строя, оно по своему построенію исходило изъ обсужденія положенія и нуждъ дворянства. Но имѣлось въ наличности обстоятельство, которое дало возможность Валуеву примѣнить и карательныя мѣры, если не къ тверскому дворянству вообще, то къ нѣкоторымъ его представителямъ. Именно, этими представителями оказались наиболѣе прогрессивные мировые посредники, которые въ тверской губеніи какъ разъ были выбраны дворянами и утверждены губернаторомъ и сенатомъ изъ числа лицъ, наиболѣе прогрессивно настроенныхъ и наиболѣе преданныхъ дѣлу реформы. Въ сущности говоря, и въ дворянскомъ собраніи эти мировые посредники являлись иниціаторами всего происшедшаго, а затѣмъ, когда адресъ былъ принятъ и отправленъ въ Петербургъ, то они собрались на непредусмотрѣнный закономъ частный губернскій съѣздъ мировыхъ посредниковъ— (закономъ предусматривались лишь уѣздные съѣзды, являвшіеся опредѣленной инстанціей, а губернскіе съѣзды практиковались фактически, какъ частное учрежденіе, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, и на нихъ посредники съѣзжались просто для обмѣна мнѣній и большаго или меньшаго объединенія своей дѣятельности). На этомъ губернскомъ съѣздѣ мировыхъ посредниковъ,

состоявшемся въ Твери тотчасъ по закрытіи дворянскаго собранія, было постановлено, что, такъ какъ дворянство формулировало свои взгляды, то отнынѣ собравшіеся на съѣздъ посредники въ своей дѣятельности будутъ руководствоваться не правительственными распоряженіями, а взглядами общества. Въ этомъ, конечно, можно уже было усмотрѣть нарушеніе порядка и долга службы. Валуевъ и воспользовался этимъ обстоятельствомъ и поднялъ дѣло противъ мировыхъ посредниковъ, которые подписали это постановленіе. Ихъ было тринадцать человѣкъ. Они были арестованы, отвезены въ Петербургъ и посажены въ петропавловскую крѣпость. Здѣсь они просидѣли пять мѣсяцевъ, затѣмъ были подвергнуты суду сената, и сенатъ приговорилъ ихъ къ заключенію на 2 года въ смирительномъ домѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ. Этого наказанія, однако, имъ не пришлось отбывать, такъ какъ тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ ходатайствовалъ за нихъ передъ государемъ, и дѣло ограничилось предварительнымъ заключеніемъ и лишеніемъ нѣкоторыхъ служебныхъ правъ тѣхъ изъ нихъ, которые не хлопотали впослѣдствіи объ отмѣнѣ этого ограниченія [1]).

Движеніе, такъ рѣзко проявившееся въ тверскомъ дворянскомъ собраніи, получило болѣе или менѣе широкій откликъ и въ другихъ мѣстахъ. Вообще среди дворянства и среди тогдашняго интеллигентнаго общества мысль о необходимости конституціонныхъ гарантій и о необходимости представительства, предоставленія самому народу возможности разработки реформъ, получила широкое распространеніе. Эту же мысль сталъ поддерживать „Колоколъ“ и въ статьяхъ, которыя печатались тамъ, и въ особомъ проектѣ адреса, составленномъ Огаревымъ. Надо сказать, что этотъ адресъ, въ виду того, что Огаревъ желалъ объединить на подписаніи его различные слои дворянства, въ томъ числѣ даже и ту его часть, которая была настроена скорѣе олигархически, чѣмъ демократически, былъ далеко не такъ демократиченъ въ своихъ требованіяхъ, какъ адресъ

---

[1]) Вся тверская исторія 1862 г. съ приведеніемъ текста постановленій и адреса изложена въ I книгѣ „Освобожденія“, изд. въ 1903 г. въ Штутгартѣ *П. Б. Струве*. Сравн. также изложеніе этихъ событій въ *моей* книгѣ „Обществ. движеніе при Александрѣ II“, стр. 114 и слѣд.

тверского дворянства. Поэтому, напримѣръ, И. С. Тургеневъ, который былъ лично близокъ съ издателями „Колокола“, отрицательно отнесся къ проекту Огарева, указавъ, что напрасно редакторы „Колокола“ такъ рѣзко относятся къ Положенію 19 февраля, такъ какъ земля, т.-е. крестьянство, приняла положеніе и будетъ связывать вопросъ о Положеніи съ вопросомъ о своей свободѣ и враговъ Положенія 19 февраля склонно будетъ считать своими врагами. Поэтому онъ отрицательно относился и къ содержанію адреса, и къ своевременности его подачи; и рекомендовалъ лучше выработать соотвѣтствующій адресъ къ тому моменту, когда будутъ опубликованы главныя основанія земскаго самоуправленія, ибо къ этому времени уже обнаружилось, что Валуевъ въ значительной мѣрѣ испортитъ тѣ предположенія о введеніи земскаго самоуправленія, которыя были выработаны милютинской комиссіей [1]).

Точно такъ же враждебно къ идеѣ подобнаго конституціоннаго адреса относились и нѣкоторыя другія лица либерально-демократическаго лагеря; такъ, напримѣръ, Кавелинъ указывалъ, что въ тотъ моментъ въ странѣ не было еще подготовлено нужныхъ элементовъ для осуществленія конституціоннаго строя и что конституція можетъ быть только на бумагѣ или же можетъ принять у насъ аристократическую окраску, тѣмъ болѣе что и дѣло ставится на почву возмѣщенія дворянству убытковъ отъ крестьянской реформы. Главное, что Кавелинъ утверждалъ, это то, что въ тогдашнемъ обществѣ, въ тогдашней русской жизни, по его мнѣнію, вовсе не было тѣхъ элементовъ, которые необходимы для правильнаго существованія конституціоннаго режима. Онъ видѣлъ для того момента правильный путь и желательный выходъ въ хорошо устроенномъ мѣстномъ самоуправленіи, въ которомъ могли бы себѣ найти мѣсто лучшіе общественные элементы и всѣ вообще лица, желающія служить на пользу народу.

На земскія учрежденія Кавелинъ смотрѣлъ тогда, какъ на необходимую школу, которая должна выработать будущихъ дѣятелей представительнаго правленія Этотъ взглядъ на земство, какъ на школу политической жизни былъ тогда очень

---

[1]) См. „Переписку *И. С. Тургенева* и *К. Д. Кавелина* съ *А. И. Герценомъ*“, изд. въ 1892 г. въ Женевѣ *М. П. Драгомановымъ*.

распространенъ какъ въ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ [1]).

На такой же приблизительно позиціи стоялъ и Самаринъ, который, когда распространились эти попытки составленія конституціонныхъ адресовъ и собранія подъ ними подписей, вообще протестовалъ противъ всего этого движенія въ особомъ письмѣ, написанномъ на имя издателя „Дня" И. С. Аксакова, который тогда, однако, его не напечаталъ, такъ какъ думалъ, что этимъ письмомъ Самаринъ нажилъ бы себѣ лишнихъ недоброжелателей въ обществѣ. Между тѣмъ Аксаковъ предугадывалъ, что и безъ того эти адреса не будутъ имѣть успѣха. Замѣчательно однако же, что Самаринъ въ этомъ своемъ письмѣ стоялъ не на обычной славянофильской точкѣ зрѣнія отрицанія всякой конституціи, а утверждалъ лишь, подобно Кавелину, что *въ данный моментъ* онъ считаетъ народъ несозрѣвшимъ для конституціи, что „народной конституціи у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т.-е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, есть ложь и обманъ" Онъ доказывалъ, что при такой конституціи разовьется централизація и Петербургъ задавитъ Россію. По его мнѣнію, въ тотъ моментъ для Россіи были нужны различныя освободительныя реформы, освобожденіе общества отъ произвола администраціи, независимый судъ, полная вѣротерпимость, свобода печати, преобразованіе налоговъ въ сторону, благопріятную для народа, развитіе просвѣщенія, ограниченіе непроизводительныхъ расходовъ казны и двора, и все это онъ полагалъ возможнымъ осуществить тогда безъ ограниченія самодержавія [2]).

Мы видѣли, каково было въ 1861 г. настроеніе крестьянъ, дворянства и интеллигенціи. Я хочу теперь остановиться нѣсколько на характеристикѣ тогдашней торгово-промышленной среды. Тогдашнее купечество, тогдашній торгово-промышленный міръ представлялъ въ массѣ, какъ извѣстно, то темное царство, которое сильными и мрачными штрихами обрисо-

---

[1]) Сочиненія *К. Д. Кавелина*, II, стр. 105, ст. „Дворянство и освобожденіе крестьянъ".

[2]) Записка *Ю. Ѳ. Самарина* напечатана впослѣдствіи И. С. Аксаковымъ въ „Руси" за 1881 г., № 29.

вать Островскій въ своихъ комедіяхъ, давшихъ поводъ и Добролюбову написать его извѣстную критическую статью („Темное царство"). Но и въ этой средѣ уже появились въ тотъ моментъ значительные проблески прогрессивной мысли и стремленіе найти исходъ изъ той тьмы, въ которой это сословіе тогда находилось.

Еще во время крымской кампаніи въ торгово-промышленныхъ сферахъ наступало чрезвычайное оживленіе. Война, которая сама по себѣ явилась, конечно, событіемъ весьма разорительнымъ для народа, въ то же время для представителей коммерческаго класса представляла извѣстныя выгоды и во всякомъ случаѣ явилась въ ихъ средѣ движущимъ началомъ: явилась масса поставокъ, подрядовъ; была выпущена на рынокъ масса ассигнацій, появленіе которыхъ искусственно оживляло въ теченіе извѣстнаго времени торговыя сдѣлки, а такъ какъ это совпадало съ перемѣной царствованія, съ либеральными перспективами, то все это вмѣстѣ сильно повліяло на оживленіе торгово-промышленныхъ сферъ, и уже во время крымской войны и тотчасъ послѣ ея окончанія появилась масса различныхъ предпріятій, торговыхъ товариществъ, акціонерныхъ компаній, къ которымъ правительство относилось очень либерально, съ точки зрѣнія принципа laissez faire, въ противоположность стѣсненіямъ минувшаго царствованія. Это движеніе проявилось особенно широко, какъ я уже сказалъ, въ виду того, что выпущено было на рынокъ казной много денегъ; къ тому же, по странной финансовой комбинаціи, правительство рѣшило какъ разъ въ этотъ моментъ уменьшить процентъ по вкладамъ въ правительственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Разумѣется, это содѣйствовало тому, что эти вклады стали выниматься и, чтобы помѣстить эти капиталы куда бы то ни было, владѣльцы ихъ старались муссировать новыя предпріятія. Еще большее оживленіе дѣлъ въ коммерческомъ мірѣ предвидѣлось съ постройкой новыхъ желѣзныхъ дорогъ и окончаніемъ тѣхъ, которыя были уже начаты.

Такимъ образомъ, коммерческая и промышленная дѣятельность развилась вдругъ чрезвычайно сильно,—сильнѣе, чѣмъ это отвѣчало потребностямъ и реальнымъ возможностямъ даннаго момента. Такое чрезвычайное развитіе коммерческой и промышленной дѣятельности въ странѣ, которая на самомъ

дѣлѣ была совершенно истощена войной, которая претерпѣла въ экономическомъ смыслѣ огромное кровопусканіе, было явленіемъ, въ сущности говоря, совершенно ненормальнымъ и потому продолжаться долго не могло. И дѣйствительно, непрочность и эфемерность этого развитія и видимаго подъема сказалась очень скоро: черезъ какіе-нибудь три года послѣ окончанія войны явился цѣлый рядъ краховъ. Многія предпріятія, привлекшія давно накопленные и хранившіеся долгіе годы въ сундукахъ или на вкладахъ капиталы, теперь лопались, такъ какъ создавались они безъ точнаго соотвѣтствія съ реальными потребностями страны.

Этимъ крахамъ содѣйствовало то обстоятельство, что въ 1857—1858 гг. въ промышленности всего міра былъ общій промышленный кризисъ, зависѣвшій отъ различныхъ измѣненій въ условіяхъ производства. Послѣдствія этого кризиса отразились и въ Россіи. Всѣ вновь открытыя предпріятія оказались безъ надлежащей почвы у себя и попали въ невыгодную конъюнктуру мірового рынка.

Постройка желѣзныхъ дорогъ, которая могла служить самымъ выгоднымъ помѣщеніемъ накопленныхъ капиталовъ, хотя и началась въ это время, но правительство рѣшило отдать это дѣло иностраннымъ капиталистамъ. Это разумѣется еще болѣе подкузьмило русскихъ капиталистовъ, которые должны были теперь вкладывать свои деньги въ болѣе или менѣе эфемерныя предпріятія.

Понятно, что уже одинъ фактъ предоставленія такого колоссальнаго предпріятія, какъ постройка желѣзныхъ дорогъ, въ руки иностранцевъ, вызвалъ въ средѣ промышленныхъ круговъ недовольство и оппозиціонное настроеніе, а подъ вліяніемъ кризиса, подъ вліяніемъ усилившагося паденія курса бумажныхъ денегъ, это раздраженіе еще болѣе увеличивалось. Отсюда понятна та связь, которая стала проявляться въ годы кризиса между оппозиціонно настроенными коммерсантами и радикальной и оппозиціонно мыслящей интеллигенціей страны; понятно и то сочувствіе, которое впервые въ Россіи проявлялось со стороны торгово-промышленныхъ сферъ къ различнымъ органамъ прогрессивной печати.

Крестьянской реформѣ большинство сознательныхъ людей торгово-промышленныхъ круговъ, разумѣется, искренно сочувствовало, и потому, что они всегда были въ антагонизмѣ съ дворянствомъ, и потому, что капиталистическія предпріятія не

могли существовать безъ достаточнаго контингента свободныхъ рабочихъ рукъ, а отмѣна крѣпостного права несомнѣнно сулила въ будущемъ значительное число этихъ свободныхъ рукъ.

Отмѣна крѣпостного права, соединяясь съ постройкой новыхъ путей сообщенія, создавала въ будущемъ выгодную конъюнктуру для русскаго капитализма. Поэтому понятно, что наиболѣе сознательные представители промышленнаго міра являлись прогрессивно настроенными и сочувствовали первымъ прогрессивнымъ шагамъ правительства, въ которомъ они стали разочаровываться, лишь убѣдившись, что многія надежды, возлагавшіяся на правительство, вовсе не оправдались и что многія дѣйствія правительства шли въ разрѣзъ съ ихъ интересами.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ въ русской жизни стали появляться отдѣльные представители торгово-промышленнаго міра, поражавшіе современниковъ неожиданною самостоятельностью и предпріимчивостью въ дѣлахъ не только торговыхъ, но и общественныхъ. Такъ, напримѣръ, Кокоревъ, извѣстный богачъ-откупщикъ, проявившій большую инициативу и сообразительность въ крестьянскомъ вопросѣ, дѣятельно вмѣшался въ вопросъ о выкупѣ и указалъ первый на тѣ средства, которыя могутъ быть собраны въ помощь правительству, если оно признаетъ возможность пойти на путь обязательнаго выкупа. Этотъ же Кокоревъ старался тогда завязывать связи со всѣми прогрессивными и либеральными представителями тогдашняго общества и печати, и пользовался большимъ престижемъ въ московскихъ либеральныхъ кругахъ; его всячески выдвигали Катковъ и Погодинъ, и даже въ „Колоколѣ“ Герцена въ 1858 г. о немъ писались лестные для него отзывы; а во время первыхъ цензурныхъ репрессій, которыя начались въ 1858 году, когда были запрещены въ печати всякіе толки о выкупѣ и затѣмъ былъ уволенъ въ отставку либеральный московскій цензоръ Н. Ф. Крузе, то московскіе литераторы собрали около 50 тысячъ рублей, чтобы тотчасъ же этого Крузе обезпечить, при несомнѣнномъ содѣйствіи Кокорева и другихъ московскихъ капиталистовъ. Прогрессивно настроенная часть купечества даже въ провинціи охотно жертвовала въ то время деньги на различныя просвѣтительныя учрежденія, напримѣръ, на женскія гимназіи, и вообще всячески старались подчеркнуть свое сочувствіе просвѣщенію и прогрессу.

ЛЕКЦІЯ XXV.

Развитіе всеобщаго оппозиціоннаго настроенія и первыя проявленія революціоннаго духа. — Прокламаціи 1861—62 годовъ. — „Молодая Россія“ и пожаръ въ 1862 году.—Аресты и ссылки писателей радикальнаго направленія.—Впечатлѣніе этихъ событій на общество.—Расколъ между либералами и радикалами.—Іерархія на сторонѣ послѣднихъ.—Впечатлѣніе отъ этихъ смутъ въ Европѣ.—Циркуляръ Горчакова.—Польское движеніе.—Политика маркиза Велепольскаго и ея неудача.—Вооруженное возстаніе 1863 года.—Впечатлѣніе его на русское общество.—Значеніе вмѣшательства иностранныхъ державъ.—Вызванный имъ взрывъ патріотизма въ Россіи.—Паденіе „Колокола“.—Торжество Каткова и реакція въ обществѣ.—Продолженіе реформъ.—Финансовыя реформы Татариновой.—Акцизная реформа.—Отсрочка податной реформы.—Университетское движеніе и уставъ 1863 года.—Другія реформы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Средняя школа, женское образованіе, начальныя школы.—Положеніе о начальныхъ училищахъ 1864 года.

Правительство, конечно, съ большой тревогой слѣдило за развитіемъ всеобщаго оппозиціоннаго настроенія и радикальнаго духа. Особенно тревожили правительство тѣ революціонныя прокламаціи, которыя стали появляться въ 1861 г., при чемъ оказалось, что часть изъ нихъ печатались за границей, а нѣкоторыя даже и внутри страны. Надо сказать, что въ этихъ прокламаціяхъ духъ революціоннаго настроенія росъ чрезвычайно быстро. Въ 1861 г. былъ выпущенъ первый, получившій довольно широкое распространеніе листокъ „Великорусъ“, въ составленіи котораго участвовали, повидимому, и Чернышевскій, и Серно-Соловьевичъ, и другія лица, близко стоявшія къ „Современнику“. „Великорусъ“, въ сущности, стоялъ еще на почвѣ либерально-демократической. Его содержаніе было менѣе ярко, нежели то постановленіе тверского дворянства, съ которымъ я васъ познакомилъ. Но уже осенью 1861 года появилась прокламація „Къ молодому поколѣнію“, приписанная извѣстному поэту М. Л. Михайлову, которая, на ряду съ чрезвычайно нашв-

ными политическими требованіями, какъ напримѣръ уничтоженія *всякой* полиціи, какъ тайной, такъ и явной, высказывала опредѣленныя угрозы династіи, заявляя, что, если династія не проведетъ требуемыхъ реформъ, то встанетъ вопросъ объ ея устраненіи, причемъ выражалась мысль, что Россіи, въ сущности говоря, нуженъ не монархъ, а выборный старшина на жалованьи, который бы служилъ народу, такъ что тутъ уже проявлялся и республиканскій духъ, хотя установленіе республики и не ставилось практической задачей ближайшаго будущаго.

Въ 1862 году появилась произведшая на многихъ ошеломляющее впечатлѣніе прокламація „Молодая Россія“, призывавшая уже прямо къ кровавой революціи, не только политической, но и соціальной, и составленная въ необыкновенно азартномъ и даже кровожадномъ, маратовскомъ тонѣ. Въ ней вся тогдашняя Россія раздѣлялась на двѣ части: партію народную и партію императорскую, и такъ какъ всѣ, не сочувствовавшіе революціи, причислялись къ партіи императорской, то указывалось, что ихъ надо бить и убивать, гдѣ придется, и съ энтузіазмомъ проповѣдывались топоръ и пожаръ. Авторомъ этой прокламаціи былъ молодой студентъ Заичневскій, который тогда арестованъ не былъ, но попался вскорѣ въ распространеніи „Золотой грамоты“ въ имѣніи своего отца (генерала) и былъ сосланъ на поселеніе въ Сибирь. Эта прокламація произвела на многихъ гнетущее впечатлѣніе, хотя, въ сущности, дѣло было вовсе не такъ грозно, такъ какъ оно исходило всего отъ двухъ молодыхъ людей, за которыми никакой партіи не было даже среди молодежи. Преувеличенное значеніе придало ей и правительство, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время въ Петербургѣ разразились извѣстные пожары, которые приводили въ панику столичное населеніе. Они происходили несомнѣнно отъ поджоговъ, которые оповѣщались заранѣе и производили значительныя опустошенія въ цѣлыхъ кварталахъ: сгорѣлъ между прочимъ апраксинъ дворъ. Населеніе охватила страшная паника. Нѣкоторые говорили, что это поджигаютъ студенты, другіе, что это поляки, и замѣчательно, что ни одного поджигателя не было поймано, хотя были явные слѣды поджоговъ. Чтобы это поджигали революціонеры изъ молодежи,—трудно повѣрить; что поджигали польскіе эмиссары—многимъ впослѣдствіи казалось болѣе вѣроятнымъ, когда въ

1863 г. обнаружена была циничная программа польскаго генерала Мѣрославскаго, въ которой рекомендовались подобныя крайнія средства для усиленія смуты въ Россіи, при чемъ смута признавалась важнымъ подспорьемъ для успѣха польскаго возстанія. Однако же никогда, ни тогда, ни впослѣдствіи никакихъ положительныхъ указаній, подтверждающихъ это, найдено не было. Между прочимъ сохранилось указаніе князя П. А. Кропоткина въ его воспоминаніяхъ, что пожары во многихъ мѣстностяхъ—а тогда былъ сожженъ Симбирскъ и цѣлый рядъ другихъ поволжскихъ городовъ—были дѣломъ реакціонной партіи, такъ что, говоря современнымъ языкомъ, здѣсь заподозрѣвалась провокація справа. Если она имѣла мѣсто, то надо признать, что она была задумана чрезвычайно ловко, такъ какъ вина въ пожарахъ въ глазахъ всѣхъ въ концѣ-концовъ возводилась непремѣнно на революціонеровъ русскаго или польскаго происхожденія, и понятно, какой расколъ порождало это обстоятельство въ прогрессивныхъ рядахъ тогдашняго общества. Оно послужило, несомнѣнно, первой причиной того, что значительная часть русскаго общества отшатнулась отъ прогрессивныхъ стремленій, испуганная такими устрашающими революціонными проявленіями [1]).

На эти событія правительство съ своей стороны реагировало чрезвычайно рѣзко. Во-первыхъ, оно стало арестовывать тѣхъ лицъ, которыя распространяли прокламаціи, и довольно скоро добралось и до нѣкоторыхъ изъ предполагаемыхъ ихъ составителей. Какъ я уже говорилъ, въ качествѣ автора прокламаціи „Къ молодому поколѣнію“ былъ арестованъ М. Л. Михайловъ. Правительство, которое раньше либерально смотрѣло на путешествія за границу и даже на визиты къ Герцену (а дѣлали такіе визиты даже лица, близкія къ придворнымъ сферамъ), теперь стало смотрѣть на это чрезвычайно строго. И вотъ, вскорѣ, какъ только были обнаружены документально сношенія съ Герценомъ нѣкоторыхъ лицъ въ 1861—62 годахъ, лица, обвиненныя въ этихъ сношеніяхъ, были немедленно арестованы. Среди нихъ были арестованы многіе изъ руководителей

---

[1]) Сравн. *мою* книгу „Обществ. движ. при Александрѣ II“, стр. 143 и слѣд., а также *Л. Ф. Пантелѣева*, „Изъ воспоминаній прошлаго“ т. I. стр. 249—340 и II, стр. 1—148.

передовой печати: были арестованы и Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ, а вскорѣ и Писаревъ (за составленіе одной рѣзкой статьи для подпольнаго изданія). Всѣ они не только были арестованы, но и преданы вскорѣ суду сената. Надо сказать, что сенатъ поступилъ съ ними не только сурово и безпощадно, но даже не всегда соблюдая законъ и осуждая иногда безъ достаточныхъ юридическихъ данныхъ, а по одному только внутреннему убѣжденію, что въ особенности не допускалось правилами тогдашняго уголовнаго процесса и являлось и нравственно недопустимымъ въ виду суровости уголовныхъ каръ. Такъ Чернышевскій былъ осужденъ на 14 лѣтъ въ каторжныя работы главнымъ образомъ за прокламацію „Къ барскимъ крестьянамъ“, которая приписывалась ему на основаніи показанія одного шпіона и отчасти на основаніи сличенія почерка одной записки съ другими его рукописями, при чемъ сличеніе это было произведено самымъ несовершеннымъ образомъ, и Чернышевскій доказывалъ, что по крайней мѣрѣ половина буквъ этой записки не соотвѣтствовала его почерку. Тѣмъ не менѣе онъ былъ присужденъ къ каторжнымъ работамъ. Точно также былъ сосланъ на каторгу Серно-Соловьевичъ, а Писаревъ былъ осужденъ на $2^1/_2$ года крѣпости, при чемъ онъ просидѣлъ въ дѣйствительности $4^1/_2$ года, такъ какъ предварительный арестъ не былъ зачтенъ ему въ наказаніе [1]).

Не ограничиваясь этими арестами, процессами и ссылками, правительство обрушилось и на тѣ органы печати, въ которыхъ въ особенности проявилось это революціонное настроеніе или въ которыхъ былъ скомпрометированъ личный составъ ихъ редакцій. Именно, на восемь мѣсяцевъ были пріостановлены „Современникъ“ и „Русское слово“. Вмѣстѣ съ ними былъ пріостановленъ и аксаковскій „День“, конечно, уже только за рѣзкость тона, такъ какъ Аксаковъ никакого участія въ революціонномъ движеніи не принималъ и не только не имѣлъ съ нимъ никакихъ связей, но даже былъ настроенъ враждебно по отношенію къ революціоннымъ, въ особенности нигилистиче-

---

[1]) Эти процессы изслѣдованы по подлиннымъ архивнымъ даннымъ и описаны въ статьяхъ *М. К. Лемке* въ „Быломъ“, а затѣмъ всѣ эти статьи изданы вмѣстѣ въ книгѣ его „Очерки освободительнаго движенія 60-хъ годовъ“, Спб. 1908.

скимъ проявленіямъ. Въ концѣ-концовъ „День“ Аксакова былъ черезъ 4 мѣсяца возстановленъ подъ отвѣтственной редакціей Самарина, а затѣмъ съ новаго года его разрѣшено было опять редактировать самому Ивану Аксакову, и ни въ направленіи, ни въ сотрудникахъ этой газеты не произошло измѣненій; но пріостановка „Современника“ и „Русскаго слова“ и устраненіе ихъ руководителей повліяли на ихъ дальнѣйшую судьбу самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Главнѣйшимъ послѣдствіемъ этихъ событій явился расколъ въ рядахъ самого прогрессивно настроеннаго общества. Настроеніе публики во время петербургскихъ пожаровъ ярко выразилось въ словахъ, обращенныхъ къ И. С. Тургеневу кѣмъ то изъ его знакомыхъ, встрѣченныхъ имъ на невскомъ проспектѣ. „Посмотрите,—сказалъ ему этотъ знакомый,—что дѣлаютъ ваши нигилисты: они жгутъ Петербургъ“. „Ваши“ нигилисты, было сказано, очевидно потому, что Тургеневъ первый пустилъ въ ходъ это названіе. Такое настроеніе, говорившее, что „нигилисты“ являются угрозой и опасностью не только правительству, но и самому обществу, несомнѣнно, образовалось во многихъ умахъ. Это настроеніе нашло себѣ выраженіе прежде всего въ той рѣзкой полемикѣ, которая возникла между такимъ яркимъ тогда представителемъ либеральнаго направленія, какъ „Русскій вѣстникъ“, и представителями радикальнаго и нигилистическаго направленія, какъ „Современникъ“ и „Русское слово“, при чемъ „Русскій вѣстникъ“ свою полемику направилъ, однако, не столько противъ дѣйствительно органа нигилистическаго направленія—„Русскаго слова“, сколько противъ радикальнаго „Современника“, который онъ считалъ, впрочемъ, также и представителемъ нигилизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ того какъ Герценъ обрушился на Каткова за одну его статью—„Къ какой мы принадлежимъ партіи?“, гдѣ Катковъ высмѣивалъ всѣ существовавшія партіи и самую возможность ихъ существованія въ Россіи,—послѣ того, какъ Герценъ обрушился за это на Каткова, тотъ сталъ нападать самымъ несдержаннымъ и безпощаднымъ образомъ на „Колоколъ“ Герцена, игнорируя и тѣ заслуги, которыя за нимъ числились по отношенію къ крестьянской реформѣ, и свое прежнее къ Герцену отношеніе. Герценъ, конечно, не оставался въ долгу. Эта полемика въ особенности усилилась, когда Герценъ въ

1861 г., отчасти подъ вліяніемъ Огарева и еще Бакунина, который въ это время бѣжалъ изъ Сибири и явился въ Лондонъ, сталъ близко сходиться съ представителями польской эмиграціи и вожаками польскаго движенія. Онъ велъ съ ними опредѣленные переговоры и взялся на извѣстныхъ условіяхъ поддержать польское движеніе противъ русскаго правительства, что въ глазахъ Каткова и его читателей являлось прямой государственной измѣной, тѣмъ болѣе, что въ жару этой полемики и похода противъ репрессій, которыми правительство отвѣтило на первыя революціонныя проявленія въ Польшѣ, Герценъ печаталъ статьи, поощрявшія офицеровъ и солдатъ русскихъ войскъ переходить на сторону поляковъ и даже сражаться съ правительственными войсками за польское дѣло.

Всѣ очерченныя явленія смуты производили чрезвычайно сильное впечатлѣніе за границей, особенно въ тѣхъ сферахъ, которыя были связаны съ Россіей денежными интересами, въ сферахъ, которыя имѣли въ своихъ рукахъ бумаги русскихъ займовъ и въ настроеніи которыхъ было въ свою очередь заинтересовано русское правительство. Эти заграничные толки и слухи о близящейся въ Россіи революціи, которые грозили поколебать наше тогдашнее финансовое положеніе, произвели и на правительство большое впечатлѣніе: оно даже сочло необходимымъ издать особый документъ, особый циркуляръ ко всѣмъ русскимъ посламъ, въ которомъ министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ истолковывалъ происходившія событія, чтобы тѣмъ успокоить, насколько возможно, встревоженное настроеніе европейскихъ биржевыхъ сферъ. Живописно, по обыкновенію, выражаясь, Горчаковъ писалъ: „Морская ширь, какъ говоритъ Расинъ, никогда не бываетъ спокойна. Такъ и у насъ. По равновѣсіе возстановляется. Когда волны вздымаются, какъ теперь повсюду, было бы наивностью утверждать, что море тотчасъ утихнетъ. Главная задача поставить плотины тамъ, гдѣ общественному спокойствію или интересу, а въ особенности существу власти угрожаетъ опасность. Объ этомъ и заботятся у насъ, *не отступая отъ пути, который нашъ августѣйшій государь предначерталъ себѣ со дня вступленія на престолъ. Нашъ девизъ: ни слабости, ни реакціи.* Его начинаютъ понимать въ Россіи. Нужно больше времени, чтобы акклиматизи-

ровать его и въ Европѣ, но я надѣюсь, что очевидность убѣдитъ, наконецъ самые предубѣжденные умы"... [1])

Эта нота, конечно, направлена была именно на то, чтобы успокоить въ Европѣ тѣ заинтересованные въ русскихъ дѣлахъ круги, отъ которыхъ зависѣли наши финансовыя конъюнктуры, и успокоить ихъ въ томъ смыслѣ, что, во-первыхъ, нѣтъ еще вовсе революціи, а во-вторыхъ, что не наступитъ реакціи, а будутъ проведены тѣ реформы, при которыхъ только и возможно благополучное продолженіе общественной и экономической жизни Россіи.

Между тѣмъ польское движеніе развивалось въ это время crescendo, и въ январѣ 1863 г. въ Варшавѣ разразилось настоящее вооруженное возстаніе.

Въ это время въ Польшѣ проводилась политика маркиза Велепольскаго, одного изъ выдающихся государственныхъ людей не пользовавшагося, однако, сочувствіемъ господствовавшихъ въ странѣ политическихъ партій. Маркизъ Велепольскій явился выразителемъ той политики, которая рекомендована была въ 1858 г. въ запискѣ другого польскаго государственнаго дѣятеля, статсъ-секретаря Эноха, получившей тогда одобреніе и русскихъ правительственныхъ сферъ. Энохъ—быть можетъ, инспирированный самимъ Велепольскимъ—утверждалъ, что русское правительство, если оно желаетъ умиротворить Польшу и водворить въ ней спокойствіе, должно опираться на какія-нибудь группы населенія, и рекомендовалъ опереться на среднее сословіе, которое, будучи связано съ Россіей своими экономическими интересами, заявляетъ наиболѣе умѣренныя политическія требованія.

Взявшись осуществить эту идею, Велепольскій предлагалъ цѣлый рядъ реформъ, болѣе или менѣе либеральныхъ, главнымъ образомъ клонившихся къ возсозданію національной независимости въ предѣлахъ царства польскаго, къ возстановленію въ немъ такихъ учрежденій, которыя были бы составлены исключительно изъ мѣстныхъ людей; при чемъ въ результатѣ укрѣпленія въ польскомъ обществѣ лояльнаго настроенія, въ концѣ-концовъ, предполагалось возстановленіе конституціи 1815 г.

---

[1]) *Татищевъ* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе" т. I, стр. 402.

Русское правительство одобрило эту политику, но она не удовлетворила ни одну изъ двухъ активныхъ революціонно настроенныхъ партій, господствовавшихъ въ странѣ. Одна изъ этихъ партій—бѣлая, дворянская—стремилась въ политическомъ отношеніи дальше Велепольскаго—къ возстановленію Польши въ границахъ 1772 года, а въ соціальномъ—не сочувствовала тѣмъ буржуазно-демократическимъ чертамъ, которыми окрашены были реформы, предположенныя Велепольскимъ. Другая—красная, демократическая—дѣйствовала демагогическими путями, стремилась къ болѣе радикальнымъ реформамъ, нежели обѣщанныя Велепольскимъ, и также провозглашала возстановленіе Польши въ границахъ 1772 г.

Велепольскій, занимая постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ Польшѣ, имѣлъ цѣлый рядъ столкновеній и съ русскими намѣстниками, которые въ теченіе двухъ лѣтъ (1861—1862) смѣнялись четыре раза. Въ концѣ-концовъ, лѣтомъ 1862 г. туда былъ посланъ (по собственному вызову) великій князь Константинъ Николаевичъ, при которомъ Велепольскій назначенъ былъ начальникомъ гражданскаго управленія, т.-е. своего рода премьеръ-министромъ. Однако къ этому времени самъ Велепольскій былъ уже сильно дискредитированъ въ глазахъ населенія той борьбой, которую ему пришлось вести и съ дворянской и съ демократической партіями.

Борясь съ этими своими внутренними врагами, Велепольскій закрылъ „Земледѣльческое общество“, которое являлось средоточіемъ активныхъ польскихъ дворянскихъ организацій, а съ другой стороны, желая умѣрить или какъ-нибудь предотвратить революціонныя дѣйствія со стороны революціонеровъ-демократовъ, онъ придумалъ особую мѣру, которая заключалась въ томъ, что при помощи рекрутскаго набора, объявленнаго исключительно въ городахъ, онъ хотѣлъ захватить всѣхъ молодыхъ людей низшаго городского класса, которые составляли главный контингентъ для поддержанія смуты и организаціи революціонныхъ уличныхъ безпорядковъ въ городахъ. Но именно попытка осуществить эту мѣру въ Варшавѣ послужила сигналомъ къ открытому возстанію.

Первымъ актомъ этого возстанія явилось истребленіе спящихъ безоружныхъ русскихъ солдатъ въ казармахъ, и это именно обстоятельство подняло очень много голосовъ въ Россіи противъ

поляковъ, въ томъ числѣ голосъ Аксакова и въ особенности Каткова, который до тѣхъ поръ стоялъ на точкѣ зрѣнія возможности удовлетворенія тѣхъ требованій, которыя выставлялъ Велопольскій,—предоставленія Польшѣ извѣстной самостоятельности въ границахъ „конгресувки", т.-е. нынѣшнихъ 10 польскихъ губерній. Аксаковъ же считалъ до этого событія возможнымъ и даже наиболѣе совмѣстимымъ съ честью Россіи вывести изъ Польши всѣ русскія войска и предоставить поляковъ самимъ себѣ. Теперь во многихъ органахъ русской печати появились негодующія статьи противъ предательскаго избіенія русскихъ солдатъ [1]).

Но еще большее возбужденіе противъ польскаго дѣла явилось тогда, когда начались попытки со стороны европейскихъ державъ вступиться въ это дѣло съ угрозой даже вооруженнымъ вмѣшательствомъ. Застрѣльщикомъ при этомъ явился, какъ и передъ крымской войной, Наполеонъ III, дѣятельно поддерживавшій связи съ польскими эмигрантами. Эти угрозы иностраннаго вмѣшательства вызвали въ Россіи такой взрывъ патріотизма, котораго было даже трудно тогда ожидать. Посылалась масса патріотическихъ адресовъ отъ имени дворянства, купечества, различныхъ крестьянскихъ и городскихъ обществъ,—даже отъ старообрядцевъ, которымъ адресъ составилъ Катковъ, помѣстивъ въ немъ между прочимъ извѣстную фразу: „въ новизнахъ твоего царствованія старина наша слышится...".

Эти адресы чрезвычайно ободрили правительство и помогли ему съ честью отразить дипломатическую атаку иностранныхъ державъ, произведя извѣстное впечатлѣніе и за границею. Но въ то же время это патріотическое движеніе, слившись съ антини-

---

[1]) Сравн. *H. Lisicki.* „Alexander Wielopolski", Krakow. 1879—79 4 тома; *В. А. Спасовичъ.* „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго". Спб. 1882; моя работа: „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ", въ сборникѣ „Очерки по ист. обществ. движ. и крест. дѣла въ Россіи", Спб. 1905; *A. Leroy-Beaulieu* „Un homme d'état Russe", P. 1884; *Ю. Ѳ. Самаринъ.* Сочиненія, т. I; *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія, т. III; *Невѣдомскій* „Катковъ и его время", Спб. 1888; *М. Н. Катковъ* „1863 г. Собраніе статей по польскому вопросу", М. 1887; *Барсуковъ.* „Жизнь и труды Погодина", т. XVIII, стр. 105—143; *М. П. Драгомановъ.* „Историческая Польша и великорусская демократія", Женева 1883.

гилистическимъ теченіемъ и враждебнымъ отношеніемъ къ тѣмъ революціоннымъ проявленіямъ, которыя происходили въ 1862 г. въ Петербургѣ, не только расширило и углубило расколъ въ рядахъ интеллигенціи, начавшійся въ 1862 г., но и произвело значительную переквижку всѣхъ общественныхъ элементовъ направо, при чемъ радикалы оказались изолированными и окончательно ослабленными. Тріумфаторомъ и героемъ дня явился Катковъ, который самъ сильно уклонился направо отъ позицій, занимавшихся имъ въ 1861 г.

Поколебавшійся престижъ правительства Александра II былъ возстановленъ, и ему уже не страшна стала та либеральная и радикальная оппозиція, которая теперь совершенно упала. Переломъ общественнаго настроенія выразился между прочимъ и въ чрезвычайномъ паденіи вліянія „Колокола“: „Колоколъ“ до 1862 г. расходился въ $2^1/_2$—3 тысячахъ экземпляровъ, а тутъ тиражъ его рѣзко упалъ до 500 экземпляровъ и, хотя онъ продолжалъ издаваться еще въ теченіе пяти лѣтъ, но тиражъ его ни разу не превышалъ послѣ этого цифры 500. Существованіе его стало едва замѣтнымъ.

Въ виду сложившихся въ 1862—63 гг. условій легко могло возникнуть предположеніе, что торжествующая реакція превратитъ осуществленіе предположенныхъ преобразованій. Этого, однако же, не случилось. *Въ проведеніи реформъ правительство оставалось вотчественно непосредственно заинтересованнымъ.* Безъ нѣкоторыхъ изъ нихъ оно технически не могло бы управлять страной, другія были необходимы для поддержанія и развитія культурной и экономической жизни страны. Въ этомъ отношеніи урокъ, данный крымской войной, не потерялъ еще своего значенія. Наконецъ передъ финансовыми сферами западной Европы правительство не могло не выполнить программы, данной въ приведенномъ циркулярѣ Горчакова. Правительству предстояло показать вѣрность своему лозунгу: „ни злаости, ни реакціи“, и оно дѣйствительно не только тотчасъ по усмиреніи польскаго возстанія, но еще и раньше, въ самый его разгаръ,—тотчасъ послѣ расправы съ революціонными проявленіями въ Петербургѣ,—принимается за продолженіе реформаторской дѣятельности.

Но теперь изъ-подъ этихъ реформъ въ значительной мѣрѣ было вынуто то широкое демократическое основаніе, на кото-

ромъ сходились въ 1861 году и тверское дворянство, и „Современникъ“, и Ив. Аксаковъ въ своемъ „Днѣ“.

Правительство тогдашнія реформы разрабатывало уже чисто бюрократическимъ путемъ: въ нѣдрахъ своихъ канцелярій, особыхъ комитетовъ и комиссій. Правда, вырабатывавшіеся этимъ путемъ проекты нерѣдко печатались и довольно широко разсылались для отзыва компетентнымъ лицамъ, а также подвергались открытому обсужденію въ журналахъ, но все это совершалось уже далеко не съ тѣмъ настроеніемъ, съ какимъ проходила крестьянская реформа. Изъ послѣдующихъ реформъ первой по времени была *финансовая*. Преобразованія, предпринятыя въ этой области, были не маловажны и по своему содержанію напоминали тотъ финансовый планъ, который еще въ 1809 г. былъ составленъ Сперанскимъ. Дѣло и теперь коснулось въ концѣ-концовъ не переложенія податного бремени съ однихъ плечъ на другія, не прямого облегченія положенія податныхъ классовъ и не привлеченія къ несенію прямыхъ налоговъ достаточныхъ классовъ—хотя, впрочемъ, въ этомъ смыслѣ задумывались, отчасти въ связи съ крестьянской реформой, кое-какія преобразованія, и въ 1859 г. была образована даже особая податная комиссія, которая разрабатывала вопросъ объ уравненіи и упорядоченіи системы прямыхъ налоговъ, но она работала чрезвычайно медленно, и результаты ея работъ обнаружились только въ 70-хъ годахъ, да и то неудачно.

Финасовыя реформы, проведенныя въ 1862—1866 гг. главнымъ образомъ В. А. Татариновымъ, касались больше всего упорядоченія того государственнаго аппарата, которымъ дѣйствовало государственное хозяйство. Въ этомъ смыслѣ достигнуты были довольно значительные результаты. В. А. Татариновъ, который былъ однимъ изъ честнѣйшихъ и способнѣйшихъ сотрудниковъ Александра II-го, еще сравнительно молодымъ человѣкомъ былъ въ 1856 г. командированъ за границу для ознакомленія съ формами и способами веденія финасоваго хозяйства въ другихъ государствахъ. Тщательно изучивъ это дѣло, онъ и явился главнымъ реформаторомъ нашего финансоваго управленія. Выработанныя имъ мѣры были направлены прежде всего на прекращеніе тѣхъ злоупотребленій, которыя процвѣтали въ отношеніи казенныхъ средствъ въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, и на ограниченіе и даже на уничтоженіе того хозяйственнаго произво-

ла, которымъ пользовалось каждое министерство, ибо въ рукахъ почти каждаго министерства сосредоточивались тогда весьма крупныя суммы въ видѣ остатковъ отъ прежнихъ ассигнованій, а также въ видѣ ассигнованій, которыя дѣлались на одно, а расходовались на другое, при чемъ, благодаря существовавшему порядку отчетности, эти суммы нельзя было даже учесть и онѣ никѣмъ, въ сущности, и не провѣрялись. Понятно, какую возможность всякихъ злоупотребленій представляло это положеніе вещей. Чтобы избавиться отъ этихъ порядковъ, Татариновъ прежде всего предложилъ систематически проведенную централизацію государственнаго хозяйства. Все распоряженіе средствами казны должно было быть сосредоточено въ рукахъ министра финансовъ. Отвѣтственнымъ распорядителямъ всѣхъ государственныхъ средствъ, всѣхъ доходовъ и расходовъ отнынѣ являлось не каждое министерство въ отдѣльности, а министръ финансовъ, всѣ дѣйствія котораго подлежали учету и контролю государственнаго контроля, а всѣ смѣтныя предположенія о расходахъ и доходахъ каждаго года должны были, въ видѣ государственной росписи, проходить ежегодно черезъ государственный совѣтъ. Ранѣе бывшая секретной, эта роспись съ 1862 г. начала публиковаться во всеобщее свѣдѣніе, что составило, конечно, въ отношеніи поддержанія нашего кредита довольно рѣшительный шагъ.

Затѣмъ, наряду съ этимъ было создано такъ называемое *единство кассы*, т.-е. уничтожены были всѣ самостоятельныя кассы и казначейства отдѣльныхъ вѣдомствъ и каждая казенная копейка должна была быть съ тѣхъ поръ проводима черезъ кассу министерства финансовъ, отъ которой только и могли идти ассигнованія на нужды отдѣльныхъ вѣдомствъ, ассигнованія, которыя должны были соотвѣтствовать государственной росписи, прошедшей черезъ разсмотрѣніе государственнаго совѣта, при чемъ исполненіе этихъ ассигнованій контролировалось государственнымъ контролемъ.

Государственный контроль рѣшено было преобразовать, причемъ самъ Татариновъ былъ поставленъ во главѣ этого вѣдомства, и оно было преобразовано не только въ смыслѣ лучшаго контроля за исполненіемъ государственной росписи, но и въ смыслѣ контролированія всего счетоводства и всѣхъ казенныхъ расходовъ какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ. Для учета на

мѣстахъ были образованы особыя контрольныя палаты, которымъ была дана полная независимость отъ общей администраціи, т.-е. отъ губернаторовъ въ губерніяхъ и отъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, и которыя могли такимъ образомъ совершенно свободно и независимо осуществлять дѣйствительный контроль и документальный учетъ всѣхъ расходовъ казны на мѣстахъ.

На ряду съ этими реформами, улучшившими кореннымъ образомъ существовавшій аппаратъ финансоваго управленія, была принята еще и другая важная финансовая мѣра,—это учрежденіе государственнаго банка, который, съ одной стороны, замѣнилъ собой дореформенныя кредитныя учрежденія, черезчуръ неповоротливыя для новой, развивающейся экономической жизни, и которому, съ другой стороны, была придана особая функція—способствовать развитію кредита торгово-промышленныхъ предпріятій. Банкъ этотъ являлся учрежденіемъ, финансирующимъ торгово-промышленныя предпріятія.

Наконецъ, уничтожены были съ 1863 года винные откупа, чѣмъ измѣнена была кореннымъ образомъ одна изъ самыхъ важныхъ статей государственной эксплоатаціи народнаго потребленія, т.-е. косвеннаго обложенія спиртныхъ напитковъ. Доходы отъ продажи питей всегда составляли львиную долю въ нашемъ бюджетѣ; но правительство до того времени колебалось только между двумя системами ихъ эксплоатаціи. Одной изъ нихъ являлась система непосредственной монополіи производства и продажи питей при помощи казенныхъ учрежденій, при чемъ, какъ вы видѣли, процвѣтали феноменальныя злоупотребленія, которыя и заставили въ свое время Канкрина возвратиться къ системѣ откуповъ, упраздненной передъ тѣмъ Гурьевымъ. Но система откуповъ дѣйствовала не менѣе развращающимъ образомъ на всю мѣстную администрацію. Откупщики систематически подкупали все мѣстное чиновничество.

Этотъ подкупъ дѣлался почти открыто, онъ не имѣлъ характера спеціальныхъ взятокъ, это было просто назначеніе дополнительнаго жалованья изъ кармана откупщика, въ видѣ прибавки къ тому жалованью, которое получали чиновники отъ правительства, такъ что каждый чиновникъ получалъ два жалованья—одно отъ казны, другое отъ откупщика, при чемъ размѣръ второго иногда превышалъ размѣръ перваго. Ясное

дѣло, что эти чиновники не могли не относиться снисходительно и любовно ко всѣмъ дѣйствіямъ откупщиковъ, каковы бы они ни были и, такимъ образомъ, на откупѣ было не только винное хозяйство, но и вся мѣстная бюрократія. Правительство имѣло слабость терпѣть эту растлѣвающую систему, потому что оно сознавало недостаточность оклада чиновниковъ и при скудости своихъ средствъ не могло существенно ихъ увеличить. Таково было казенное дореформенное хозяйство.

Въ 1863 г. система откуповъ была отмѣнена, при чемъ она не была замѣнена казенной монополіей, какъ при Гурьевѣ, а была вмѣсто нея введена вольная продажа питей каждымъ желающимъ, при чемъ только каждая посудина съ виномъ или водкой и каждый питейный домъ, равно и каждый винный складъ были обложены: первая особымъ акцизомъ, а вторые особымъ патентнымъ сборомъ. Сборы эти собирались и учитывались на мѣстахъ особыми учрежденіями—акцизными управленіями, служебный персоналъ которыхъ хорошо оплачивался и набирался по возможности изъ людей образованныхъ.

Чтобы закончить отдѣлъ финансовыхъ преобразованій 60-хъ годовъ, я скажу еще, что параллельно съ проведеніемъ этихъ реформъ были введены нѣкоторыя улучшенія и въ личномъ составѣ высшаго финансоваго управленія. Ибо правительству удалось, наконецъ, прежнихъ непригодныхъ министровъ, какіе были въ началѣ царствованія Александра, какъ Брокъ и Княжевичъ, замѣнить болѣе молодымъ и способнымъ человѣкомъ М. Х. Рейтерномъ, который возбудилъ при своемъ назначеніи въ обществѣ большія надежды. Этимъ надеждамъ онъ, правда, далеко не удовлетворилъ, какъ оказалось впослѣдствіи, но все же при немъ финансовое управленіе пошло нѣсколько лучше. Во главѣ новаго акцизнаго управленія поставленъ былъ честный, талантливый и энергичный администраторъ К. К. Гротъ [1]).

Вслѣдъ за финансовыми преобразованіями 1862—63 гг. первая по времени опубликованія была университетская реформа 1863 года.

[1]) О финансовыхъ реформахъ см. *Головачева* „Десять лѣтъ реформъ“, Спб. 1903; *Татищева* „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“, т. II, стр. 162 и слѣд.; *Блиохъ*. „Финансы Россіи въ XIX в.“ т. II; „Министерство финансовъ 1802—1902“, т. I, Спб. 1902; „Записки А. И. Кошелева“, Берлинъ 1884.

Хотя въ университетской жизни тотчасъ же по вступленіи на престолъ императора Александра послѣдовали весьма замѣтныя облегченія,—ибо тотчасъ же были уничтожены всѣ тѣ стѣсненія, которыя введены были при Ширинскомъ-Шихматовѣ въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія,—однако же университеты до такой степени были забиты предшествовавшимъ режимомъ, что сколько-нибудь замѣтное оживленіе наступило въ нихъ далеко не сразу. Въ первые годы новаго царствованія и въ нихъ преобладало то оптимистическое и радостное, но совершенно спокойное и скромное настроеніе, которое соотвѣтствовало настроенію и всего русскаго общества въ эти годы. Первыя студенческія волненія, или безпорядки, происходившіе въ Москвѣ въ 1858 г., вовсе не имѣли политическаго или антиправительственнаго характера и вызваны были простыми столкновеніями съ полиціей, обусловленными ея безтактностью, при чемъ и самъ государь призналъ полицію кругомъ виноватою, а студентовъ по существу совершенно правыми. Но къ началу 60-хъ годовъ и въ университетахъ стало рѣзко сказываться то возбужденіе и то боевое оппозиціонное настроеніе, которое развилось къ тому времени въ обществѣ [1]). Къ этому моменту внутренняя жизнь университетовъ замѣтно перемѣнилась. Хотя продолжалъ еще дѣйствовать старый уставъ 1835 г., отнюдь не дававшій большого простора и самостоятельности студенчеству даже и послѣ отмѣны стѣсненій, введенныхъ въ концѣ николаевскаго царствованія, однако же фактически молодежь пользовалась въ стѣнахъ университета большою свободою. Всѣ николаевскіе попечители были замѣнены людьми гуманными и сочувствовавшими просвѣщенію и прогрессу, и въ университетахъ допущены были всякія студенческія организаціи, сходки по студенческимъ дѣламъ, изданіе собственныхъ газетъ и журналовъ, выходившихъ безъ всякой цензуры; университеты свободно посѣщались людьми посторонними, и на лекціи на ряду со студентами допускались различные сторонніе

---

[1]) Какъ накапливались элементы этого настроенія, напр., въ петербургскомъ студенчествѣ, видно между прочимъ изъ любопытныхъ данныхъ, приведенныхъ въ матеріалахъ для біографіи Добролюбова *М. К. Лемке* въ новомъ полномъ собраніи сочиненій Н. А. Добролюбова (изд. Панафидина, Спб. 1911).

вольнослушатели и даже женщины. Пробудившееся къ новой жизни общество, не богатое умственными силами и образованными общественными дѣятелями, естественно, возлагало на университетскую молодежь большія надежды, и полсженіе студентовъ въ обществѣ того времени было чрезвычайно почетное. Молодежь быстро привыкла къ этому новому своему положенію, для нея столь лестному и пріятному. У нея появились стремленія участвовать дѣятельно въ общественной жизни, и такому участію ея въ нѣкоторыхъ общественныхъ предпріятіяхъ способствовали развивавшіяся и усиливавшіяся потребности общества, такія, какъ, наприм., воскресныя школы, народныя библіотеки и т. п. новыя просвѣтительныя учрежденія только что пробудившагося общества [1]).

Въ 1860 г. уже появляется въ литературѣ новый пророкъ молодого поколѣнія Писаревъ, который прямо уже требуетъ, чтобы юношеству было предоставлено публично говорить, писать и печатать и „встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь“, которыя называются „общими авторитетами“. „Вотъ заключительное слово нашего юнаго лагеря, писалъ Писаревъ,—что можно разбить, то и нужно разбивать: что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится вдребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть“ [2]).

Духъ критики, самомнѣнія и молодого задора не замедлилъ проявиться и въ отношеніи къ профессорамъ. Вошли въ обычай въ аудиторіяхъ рукоплесканія, свистки и шиканье. Къ профессорамъ стали предъявляться различныя требованія... Въ 1861 г. одна изъ первыхъ революціонныхъ прокламацій, составленная Михайловымъ, прямо обращается „къ молодому поколѣнію“. Въ Казани, послѣ бездненской катастрофы, студенты съ молодымъ профессоромъ Щаповымъ во главѣ служатъ, какъ я уже говорилъ, демонстративную панихиду по

---

[1]) Сравн. *мою* книгу „Обществ. движ. при Александрѣ II“, стр. 121 и слѣд.; „Изъ воспоминаній прошлаго“, *Л. Ф. Пантелѣева*, стр. 204—222; *М. К. Лемке*. „Очерки изъ исторіи освободит. движенія 60-хъ годовъ“, Спб. 1908.

[2]) *Д. И. Писаревъ*. Сочиненія изд. 1894 г., т. I, ст. „Схоластика XIX вѣка“, стр. 374—375.

крестьянамъ, убитымъ солдатами... Въ Петербургѣ студенты устраиваютъ скандалъ на актѣ 8 февраля 1861 года, когда предположенная рѣчь Костомарова объ умершемъ передъ тѣмъ Константинѣ Аксаковѣ отмѣняется по распоряженію министра. Однимъ словомъ, университетъ, какъ вѣрный барометръ, по остроумному выраженію Пирогова, показываетъ то бурное настроеніе, которое накопилось къ тому времени въ обществѣ.

Встревоженное правительство пытается остановить это движеніе мѣрами строгости. Слабый гуманный министръ Ковалевскій выходитъ въ отставку, и его замѣняетъ мрачный обскурантъ адмиралъ Путятинъ, рекомендованный гр. Строгановымъ— тѣмъ самымъ Строгановымъ, который съ такимъ блескомъ попечительствовалъ въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ, а теперь былъ главою реакціи въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Особой комиссіей подъ предсѣдательствомъ Строганова вырабатываются временныя правила, утвержденныя государемъ 31 мая 1861 г. Правилами этими уничтожаются всѣ зародыши корпоративнаго устройства студентовъ, даже форменное платье. Ими же отмѣняются свидѣтельства о бѣдности, освобожденіе студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы и запрещаются всякія сходки безъ разрѣшенія начальства. Попечитель Деляновъ, бывшій въ то время либераломъ и пытавшійся при помощи Кавелина и др. популярныхъ профессоровъ выработать, на основаніи совѣщанія съ депутатами студентовъ, цѣлесообразныя и примѣнимыя правила, также выходитъ въ отставку вслѣдъ за Ковалевскимъ, и на его мѣсто назначается генералъ Филипсонъ, бывшій атаманъ казачьяго войска. Осенью, когда новыя правила должны были получить примѣненіе, произошли грандіозные студенческіе безпорядки, кончившіеся массовыми исключеніями студентовъ изъ университета, процессіей ихъ черезъ весь городъ къ попечителю Филипсону на колокольную улицу, затѣмъ столкновеніемъ на улицѣ около университета съ войсками и арестомъ 300 студентовъ въ крѣпости. Въ Москвѣ въ это время произошли такіе же безпорядки и также съ выходомъ студентовъ на улицу. Но тамъ полиція натравила на студентовъ простонародье, распустивъ слухъ, что это бунтуютъ господа, требующіе будто бы возстановленія крѣпостного права. Студенты были жестоко избиты, а затѣмъ многіе арестованы

и потомъ исключены изъ университета. Императоръ Александръ былъ въ это время въ Крыму съ больной императрицей. Онъ очень встревожился всѣми этими происшествіями, поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ и остался очень недоволенъ распоряженіями какъ графа Путятина, такъ и петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева. Оба они вышли въ отставку и были замѣнены—первый *А. В. Головнинымъ*, рекомендованнымъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и оказавшимся однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и доброжелательныхъ министровъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, второй—гуманнымъ и добродушнымъ кн. А. А. Суворовымъ, впослѣдствіи чрезвычайно отзывчиво и ласково относившимся къ молодежи. Головнинъ спѣшно принялся за выработку новаго устава. Проф. Кавелинъ, незадолго передъ тѣмъ вышедшій въ отставку съ четырьмя другими профессорами, протестовавшими противъ мѣропріятій Путятина, былъ командированъ за границу для изученія порядковъ, существующихъ въ университетахъ различныхъ странъ. Въ выработкѣ устава приняли участіе выдающіеся ученые, профессора и администраторы.

Проектъ, ранѣе выработанный въ министерствѣ, былъ напечатанъ и разосланъ къ различнымъ свѣдущимъ лицамъ въ Россіи и за границей (на разныхъ языкахъ). Печать приняла дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса. Мнѣніе Строганова, желавшаго превратить университеты въ закрытыя аристократическія учебныя заведенія, было всѣми отвергнуто. Голоса раздѣлились въ правительственныхъ кругахъ и въ обществѣ между двумя либеральными системами. Представителемъ одной изъ нихъ въ печати явился главнымъ образомъ историкъ Н. И. Костомаровъ, а въ правительственномъ кругу—баронъ М. А. Корфъ, защитниками другой—ученики и друзья покойнаго Грановскаго Б. Н. Чичеринъ, К. Д. Кавелинъ, М. Н. Катковъ и другіе профессора-либералы. Первая система исходила изъ различенія задачъ воспитанія и образованія. „Воспитаніе, писалъ Костомаровъ въ „Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ; образованіе есть достояніе всякихъ возрастовъ и не прекращается до старости. Воспитаніе должно даваться дома и въ школѣ; университеты же должны давать исключительно средства къ образованію людямъ всѣхъ

возрастовъ безъ различія пола.“ Баронъ Корфъ видѣлъ въ корпоративномъ устройствѣ университетовъ что-то средневѣковое и указывалъ въ своей запискѣ, что въ средніе вѣка корпоративное устройство нужно было для защиты отъ насилій, почти повсемѣстныхъ въ вѣка мрака и невѣжества. Теперь же оно дѣлаетъ безъ всякой надобности университетъ чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ.

Противъ этихъ мнѣній рѣзко возсталъ Чичеринъ въ „Московскихъ вѣдомостяхъ“. „Тутъ все есть, писалъ онъ,—что можетъ плѣнить русскаго либерала: и радикальныя преобразованія, и современныя потребности, и открытыя настежь двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ; одни преданы забвенію, другіе преданы погибели...“ Утверждая, что университетъ долженъ и можетъ имѣть не одно только образовательное, но и великое воспитательное значеніе для юношества, выяснивъ необходимость существованія въ университетѣ особой умственной атмосферы, научныхъ традицій, важность товарищества въ научныхъ занятіяхъ и проч., Чичеринъ возражалъ въ то же время противъ допустимости свободнаго доступа въ университетъ постороннихъ людей. Именно наплыву въ университетъ постороннихъ стихій онъ приписывалъ университетскіе безпорядки. Поэтому онъ допускалъ вольнослушателей лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ и считалъ, что студенчество въ органической связи съ профессорами должно составлять главный основной элементъ. Кавелинъ привезъ изъ-за границы единогласное удостовѣреніе всѣхъ заграничныхъ авторитетовъ въ пользу корпоративнаго устройства университетовъ. На этихъ основахъ и былъ выработанъ новый проектъ университетскаго устава, поступившій предварительно представленія его въ государственный совѣтъ въ новую комиссію, образованную опять подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова. Здѣсь прогрессивныя начала, положенныя въ основаніе проекта, подверглись значительнымъ урѣзкамъ и дополненіямъ, послѣ чего уставъ прошелъ черезъ государственный совѣтъ и былъ утвержденъ императоромъ 18 іюня 1863 года.

Въ этомъ уставѣ была возстановлена автономія университетовъ, сведенная почти къ нулю по уставу 1835 года, въ прежнихъ размѣрахъ устава 1804 г., хотя, впрочемъ, сохранены и нѣкоторые §§ устава 1835 г., сосредоточивавшіе значительную

дискреціонную власть въ рукахъ попечителя. Въ то же время уставъ рѣзко стѣснилъ доступъ въ университетъ постороннихъ слушателей. Наконецъ, создавъ корпорацію профессоровъ и давъ имъ автономію въ видѣ самоуправленія совѣта и факультетовъ, уставъ лишалъ студентовъ всякой легальной возможности организовать свою собственную общественную и товарищескую жизнь. По проекту Головнина, совѣтамъ предоставлялось легализировать тѣ формы проявленія студенческой корпоративной жизни, какія совѣты нашли бы возможнымъ допустить; но все это было исключено изъ проекта въ строгановской комиссіи.

Съ такими урѣзками и добавками въ реакціонную сторону вступилъ этотъ уставъ въ жизнь. Въ первые годы послѣ его введенія въ университетахъ въ нихъ водворилось, однако, нѣкоторое спокойствіе, благодаря въ значительной мѣрѣ либеральному отношенію самого министерства народнаго просвѣщенія, пока во главѣ его стоялъ Головнинъ.

Реформаторская дѣятельность министерства коснулась въ это время и *средней школы*. Реформа средней школы разрабатывалась тѣмъ же порядкомъ, какъ и университетская: проекты новаго устава также были напечатаны на разныхъ языкахъ и разосланы на обсужденіе русскимъ и иностраннымъ педагогамъ. Гимназіи рѣшено было раздѣлить на классическія и реальныя. Въ первыхъ сверхъ латинскаго вводился и греческій языкъ. Классическія гимназіи должны были подготовлять своихъ воспитанниковъ главнымъ образомъ къ университету, реальныя—въ высшія техническія школы; тѣ и другія должны были давать и законченное среднее образованіе. Уставъ былъ утвержденъ 19 ноября 1864 г., но введеніе его въ дѣйствіе останавливалось изъ-за недостатка денежныхъ средствъ и учителей греческаго языка.

Говоря о реформѣ средней школы, здѣсь слѣдуетъ сказать и о постановкѣ *средняго женскаго образованія*. Во времена дореформенныя, до вступленія на престолъ Александра II, въ Россіи для дѣвушекъ вовсе не было открытыхъ казенныхъ школъ. Дѣвушки изъ достаточныхъ семействъ воспитывались или дома, или въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ—институтахъ, которыхъ было очень немного и которые были организованы по типу, принятому еще при Екатеринѣ. Когда на почвѣ освободительнаго движенія началась та борьба за индивидуаль-

ность, о которой я уже упоминалъ, то однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій этой борьбы и этого движенія явился женскій вопросъ, вопросъ объ эмансипаціи женщинъ отъ того зависимаго и угнетеннаго положенія, въ которомъ онѣ находились въ русской семьѣ, — впрочемъ, какъ и въ большинствѣ другихъ странъ Европы. Понятно, что при первомъ же возникновеніи этого движенія сталъ на очередь вопросъ о ихъ просвѣщеніи. Въ концѣ 50-хъ годовъ вы найдете въ тогдашнихъ журалахъ много статей, посвященныхъ этому вопросу, и обсужденіе его сильно захватывало и волновало всѣ мало-мальски интеллигентныя семьи въ то время какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи. Въ моментъ общественнаго подъема, вызваннаго работой губернскихъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, во всѣхъ провинціальныхъ губернскихъ городахъ, не говоря о столицахъ и крупныхъ университетскихъ центрахъ, повсюду мы видимъ не только оживленные толки на эту тему, но и дѣятельный сборъ пожертвованій на открытіе женскихъ училищъ. Въ 1859 г. приступлено было къ ихъ открытію во всѣхъ городахъ, гдѣ собраны были въ тотъ моментъ сколько-нибудь достаточныя средства — обыкновенно нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Эти женскія училища, или гимназіи, сперва четырехклассныя, потомъ шестиклассныя, взяла подъ свое покровительство императрица Марія Александровна, и завѣдованіе ими сосредоточилось, такимъ образомъ, не въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, а въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи (образованномъ послѣ смерти Маріи Ѳеодоровны, вдовы императора Павла, сыномъ ея, императоромъ Николаемъ I-мъ). Главнымъ дѣятелемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось центральное завѣдываніе и руководство открытыми женскими гимназіями, былъ просвѣщенный и незаурядный педагогъ того времени Н. А. Вышнеградскій. По программѣ, выработанной для этихъ гимназій, курсъ ихъ соотвѣтствовалъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ курсу реальныхъ училищъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ явилась настоятельная потребность въ организаціи и *начальнаго образованія*, которое во времена дореформенныя существовало лишь въ немногихъ отдѣльныхъ имѣніяхъ богатыхъ и просвѣщенныхъ, филантропически настроенныхъ помѣщиковъ, гдѣ оно велось на ихъ средства, да отчасти въ вѣдомствахъ, управлявшихъ удѣльными и казен-

ными крестьянами, гдѣ эти послѣдніе могли сами дать необходимыя на содержаніе школы средства. Хотя на ряду съ этимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ существовали будто бы также церковно-приходскія школы, но онѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ существовали лишь на бумагѣ и результаты ихъ дѣятельности были ничтожны.

Съ конца 50-хъ годовъ, по мѣрѣ приближенія исхода работъ по крестьянской реформѣ, въ средѣ интеллигенціи все дѣятельнѣе и настойчивѣе обсуждался вопросъ о необходимости энергичнаго содѣйствія учрежденію народныхъ школъ. Этотъ починъ не остался безплоднымъ. Съ одной стороны, съ легкой руки кіевскаго профессора П. В. Павлова съ 1859 года въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ открывается масса *воскресныхъ школъ*, въ которыхъ дѣятельно участвуютъ и учащаяся молодежь, и прогрессивно настроенные офицеры, женщины и дѣвушки изъ богатыхъ семей и т. д. Въ годы развитія бурнаго оппозиціоннаго настроенія, въ 1861—1862 гг., кое-гдѣ отдѣльныя воскресныя школы сдѣлались арекой по большей части весьма наивной политической пропаганды, тѣмъ не менѣе обратившей на себя вниманіе политическихъ властей, благодаря чему въ 1862 г. состоялось общее распоряженіе о закрытіи всѣхъ воскресныхъ школъ впредь до изданія особыхъ о нихъ правилъ.

На ряду съ этимъ въ 1860—61 гг. въ обществѣ настойчиво обращалась мысль о желательности и необходимости образованія особыхъ обществъ попеченія о распространеніи грамотности въ народѣ. Одинъ изъ проектовъ, привлекавшихъ къ себѣ тогда общее вниманіе, принадлежалъ И. С. Тургеневу. И дѣйствительно, при вольно-экономическомъ обществѣ въ Петербургѣ былъ открытъ, а при московскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ возобновленъ особый комитетъ грамотности. Комитеты эти въ то время и впослѣдствіи принесли не мало пользы дѣлу распространенія просвѣщенія въ народѣ и сборомъ денегъ на школы, и изданіемъ и разсылкой популярныхъ книгъ.

Со вступленіемъ Головнина на постъ министра и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія началась довольно дѣятельная работа по выработкѣ устава начальнаго образованія, каковаго раньше не существовало, ибо уставъ о низшихъ училищахъ 1828 г. имѣлъ въ виду лишь городскія и уѣздныя училища низшаго типа, а не элементарныя народныя школы. Уставъ о

начальныхъ народныхъ училищахъ былъ выработанъ теперь въ двухъ различныхъ проектахъ, изъ которыхъ одинъ сосредоточивалъ въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія и его мѣстныхъ агентовъ какъ педагогическую, такъ и хозяйственную сторону начальныхъ училищъ, а другой—для завѣдыванія училищами предполагалъ создать въ уѣздахъ и въ губерніяхъ особые комитеты изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, въ хозяйственномъ же отношеніи подчинивъ училища тѣмъ обществамъ или лицамъ, на средства которыхъ они будутъ содержаться. При обсужденіи этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ принято было во вниманіе замѣчаніе главноуправляющаго II отд. собств. его величества канцеляріи барона М. А. Корфа, который предлагалъ передать попеченіе о начальныхъ училищахъ въ вѣдѣніе проектированныхъ тогда земскихъ учрежденій. Въ концѣ-концовъ для завѣдыванія училищами были установлены особые уѣздные и губернскіе училищные совѣты, но въ составъ ихъ введены были представители отъ земства.

Положеніе о начальныхъ училищахъ было утверждено 14 іюня 1864 г., т.-е. уже послѣ изданія положенія о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ [1]).

---

[1]) *С. В. Рождественскій.* „Историч. обзоръ дѣятельности мин. нар. просв. 1802—1902.“ Спб. 1902; „Сборникъ постановленій по министерству народн. просвѣщ.“ Спб. 1865, т. III и IV; *С. М. Середонинъ.* „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“, т. III, часть 2-ая, стр. 177 и слѣд.; „Записки и дневникъ“, *А. В. Никитенка*, т. I. изд. 2-ое (passim); *К. Д. Кавелинъ.* „Сочиненія“, изд. 2-ое, т. II. стр. 1191 и слѣд.; *Барсуковъ.* „Жизнь и труды Погодина“, т. XVIII, стр. 272 и слѣд.; *Джаншіевъ.* „Эпоха великихъ реформъ“ (изд. 7-ое), стр. 282 и слѣд.; „Воспоминанія *Н. В. Шелгунова*“, Сочиненія, II, стр. 723 и слѣд.; *М. К. Лемке.* „Очерки изъ ист. освободительнаго движенія 60-хъ годовъ“. Спб. 1908.

ЛЕКЦІЯ XXVI.

Земская реформа. — Ея связь съ крестьянской реформой. — Разработка земской реформы и ея содержаніе.—Отношеніе къ земской реформѣ печати и общества.—Условія, при которыхъ пришлось работать земскимъ учрежденіямъ.—Судебная реформа. Ея разработка. Значеніе и содержаніе судебной реформы. Условія, въ которыхъ начались первые шаги новыхъ судовъ.—Законодательство о печати. Колебанія правительства въ этой сферѣ. Пересмотръ законовъ о печати. Двѣ комиссіи кн. Д. А. Оболенскаго. Политика Головнина и Валуева. Временныя правила 1865 года.—Настроеніе дворянства въ 1865 году. Адресъ московскаго дворянства.—Положеніе радикальной печати и радикальныхъ круговъ. Покушеніе Каракозова.—Конецъ эпохи реформъ и общее заключеніе о ней.

Отмѣна крѣпостного права, какъ я уже говорилъ, образовывала сама по себѣ много пустыхъ мѣстъ въ существовавшей ранѣе системѣ мѣстнаго управленія, такъ какъ эта послѣдняя связана была тѣснѣйшимъ образомъ съ крѣпостнымъ правомъ и въ немъ имѣла свою опору, ибо при крѣпостномъ правѣ каждый помѣщикъ въ своемъ имѣніи былъ первымъ и притомъ почти неограниченнымъ представителемъ административной власти. Въ то же время и въ мѣстномъ уѣздномъ и губернскомъ управленіи большая часть должностей, самыхъ вліятельныхъ въ повседневной жизни, замѣщалась по выбору дворянства и изъ числа его представителей. Это касалось какъ полицейскихъ, такъ и судебныхъ должностей и, конечно, создавало такое положеніе, при которомъ невозможно было ожидать для лицъ непривилегированныхъ сословій ни правосудія, ни защиты ихъ интересовъ при столкновеніи этихъ послѣднихъ съ интересами представителей привилегированнаго класса. Понятно, что подобный порядокъ могъ быть терпимъ лишь при крѣпостномъ правѣ, пока это послѣднее считалось неизбѣжнымъ и неприкосновеннымъ устоемъ русской государственной и общественной жизни. Съ другой стороны, передъ правительствомъ съ момента

обнаружившихся въ эпоху крымской войны язвъ существовавшаго строя стояла опредѣленная задача преобразовать этотъ строй такимъ образомъ, чтобы привлечь къ участію въ оздоровленіи и развитіи государственной и общественной жизни страны всѣ жизнеспособныя и работоспособныя силы народа и общества. Поэтому при самомъ началѣ работъ въ той комиссіи, которая была образована въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ подъ предсѣдательствомъ Милютина для разработки проекта реформы мѣстнаго управленія, были установлены принципы, соотвѣтствующіе только что очерченной общей задачѣ. Эти принципы были выражены Н. А. Милютинымъ въ особой запискѣ и были одобрены государемъ въ качествѣ руководящихъ принциповъ реформы. Принципы эти выражались въ формулѣ: дать мѣстному самоуправленію *возможно больше довѣрія, возможно больше самостоятельности и возможно больше единства*. Къ этому времени весьма удачно подоспѣли и тѣ заявленія отдѣльныхъ губернскихъ комитетовъ или проектовъ, составленныхъ въ нихъ представителями прогрессивно настроеннаго меньшинства—особенно изъ среды дворянства нечерноземныхъ промышленныхъ губерній,—которыя были затѣмъ еще рѣзче подчеркнуты и подробнѣе развиты депутатами перваго приглашенія въ редакціонныхъ комиссіяхъ и которыя указывали на необходимость построить это самоуправленіе на *всесословныхъ* началахъ, соотвѣтствующихъ новому гражданскому строю страны, освобожденной отъ крѣпостного права. На этихъ началахъ и былъ построенъ первый очеркъ земскихъ учрежденій, составленный въ комиссіи Милютина.

На этой же комиссіи лежала сверхъ того разработка общей полицейской реформы, организаціи отдѣльной отъ полиціи слѣдственной власти и новыхъ мировыхъ учрежденій, на которыя возложено было введеніе крестьянской реформы. Работы ея далеко не были закончены, когда послѣдовала отставка Ланского и Милютина и назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который принялъ лично на себя предсѣдательство въ этой важной комиссіи. Валуевъ, какъ вы знаете, не сочувствовалъ принципу всесословности и всячески стремился въ то время поддержать и укрѣпить престижъ и преобладаніе дворянскаго сословія, поколебленные отмѣной крѣпостного права. Однако отказаться вполнѣ отъ принципа всесо-

словности онъ въ это время уже не рѣшился, а попытался лишь дать преобладаніе дворянству въ земскихъ учрежденіяхъ, при помощи нѣкотораго пониженія ценза для лицъ дворянскаго сословія въ сравненіи съ землевладѣльцами прочихъ сословій и усиленія числа гласныхъ отъ частныхъ землевладѣльцевъ въ земскихъ собраніяхъ въ сравненіи съ числомъ гласныхъ отъ крестьянскихъ обществъ. Но эти его поправки были устранены критикой главноуправляющаго II отд. собст. его величества канцеляріи барона Корфа, который, доказавъ ихъ логическую несостоятельность, указывалъ въ то же время, что они вызовутъ большое недовольство и раздраженіе въ обществѣ, — настолько уже къ этому времени въ обществѣ укрѣпились либерально-демократическіе принципы, развившіеся во время разработки крестьянской реформы и настолько стали съ ними свыкаться и представители высшихъ бюрократическихъ сферъ. Государственный совѣтъ также оказался не на сторонѣ Валуева, и такимъ образомъ въ концѣ-концовъ представительство въ земствѣ отдѣльныхъ группъ населенія, хотя и построенное на куріальной системѣ, было, однако же, установлено болѣе справедливо и сообразно принципу всесословности, нежели желалъ Валуевъ. Валуевъ хотѣлъ дать право участія въ избирательныхъ собраніяхъ дворянамъ, владѣющимъ землей въ размѣрѣ 50 крестьянскихъ высшихъ надѣловъ, установленныхъ для данной мѣстности Положеніемъ 19 февраля, а для землевладѣльцевъ не дворянскаго сословія установить цензъ въ 100 такихъ же надѣловъ. Государственный совѣтъ призналъ справедливымъ уравнять тѣхъ и другихъ и опредѣлилъ для обѣихъ категорій земельный цензъ, равный 100 надѣламъ.

Избиратели земскихъ гласныхъ были раздѣлены на 3 куріи: 1) курію частныхъ землевладѣльцевъ, 2) курію сельскихъ обществъ и 3) курію городскихъ избирателей, при чемъ для послѣднихъ право на участіе въ выборахъ давалось владѣніемъ недвижимымъ имуществомъ въ городѣ, оцѣненнымъ не ниже извѣстной суммы (въ 3000 и въ 6000 руб.) или принадлежностью къ купеческимъ гильдіямъ, или владѣніемъ торгово промышленными заведеніями съ оборотомъ не ниже 6000 руб. При распредѣленіи между этими куріями числа гласныхъ, которыхъ каждая изъ нихъ могла выбирать въ уѣздное земское собраніе, Валуевъ хотѣлъ установить преимущество въ пользу куріи част-

ныхъ землевладѣльцевъ, проектируя, что для сельскихъ обществъ одинъ избираемый ими гласный долженъ приходиться на каждые 4000 надѣловъ, тогда какъ для частныхъ землевладѣльцевъ—одинъ гласный на пространство земли, равное лишь 2000 полныхъ крестьянскихъ надѣловъ. Но государственный совѣтъ уравнялъ и въ этомъ отношеніи всѣ куріи, признавъ, что и для сельскихъ обществъ, и для землевладѣльцевъ одинъ гласный долженъ приходиться на каждые 3000 надѣловъ, а въ городской куріи—на равноцѣнную этой землѣ сумму имуществъ. При этомъ еще было установлено, что общее число гласныхъ, выбираемыхъ одной куріей, не можетъ быть больше, нежели общее число гласныхъ, выбираемыхъ двумя другими куріями, вмѣстѣ взятыми [1]).

Структура земскихъ учрежденій была предположена въ слѣдующемъ видѣ. Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ органы, завѣдующіе земскимъ хозяйствомъ, раздѣлены были на распорядительные и исполнительные. Первые установлялись въ видѣ земскихъ собраній, образуемыхъ изъ гласныхъ, избираемыхъ упомянутыми куріями, при чемъ число гласныхъ, входящихъ въ составъ уѣзднаго земскаго собранія, колебалось, въ зависимости отъ размѣровъ уѣзда, отъ 14 до ста съ лишнимъ. Губернское собраніе составлялось изъ губернскихъ гласныхъ, выбираемыхъ уѣздными собраніями. Предсѣдателями уѣздныхъ собраній сдѣланы были уѣздные предводители дворянства, предсѣдателями губернскихъ собраній—губернскіе предводители. Уѣздныя собранія должны были завѣдывать земскимъ хозяйствомъ уѣзда, губернскія—тѣми хозяйственно-распорядительными дѣлами, которыя касались цѣлой губерніи. Но при этомъ уѣздныя собранія были признаны вполнѣ независимыми отъ губернскихъ. Тѣ и другія должны были собираться разъ въ годъ для установленія общаго плана веденія хозяйства, для утвержденія смѣты доходовъ и расходовъ съ правомъ обложенія всѣхъ входящихъ въ районъ ихъ дѣятельности недвижимыхъ имуществъ и торгово-промышленныхъ предпріятій и, наконецъ, для выбора исполнительныхъ органовъ, завѣдующихъ постояннымъ веденіемъ всего дѣла, и для разсмотрѣнія и утвер-

---

[1]) Сравн. *мою* работу „Изъ исторіи вопроса объ избирательномъ правѣ въ земствѣ". Спб. 1906.

жденія ежегодно представляемыхъ имъ этими органами отчетовъ. Этими исполнительными органами должны были быть земскія управы — губернскія и уѣздныя — состоящія изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ каждая. Гласные должны были выбираться на 3 года и на тотъ же срокъ земскія собранія должны были избирать и управы.

Что касается компетенціи земскихъ учрежденій, то Милютинъ, не пытаясь особенно расширить кругъ порученныхъ имъ дѣлъ, настаивалъ лишь на томъ, чтобы въ своей сферѣ они пользовались полной самостоятельностью и независимостью отъ мѣстныхъ административныхъ властей, подчиняясь лишь одному сенату, и чтобы губернаторамъ при этомъ предоставлено было лишь право надзора за законностью ихъ дѣйствій. Первоначально въ завѣдываніе земскихъ учрежденій предполагалось передать тѣ дѣла, которыя во времена дореформенныя велись мѣстнымъ начальствомъ на средства губернскаго земскаго сбора, изъ которыхъ важнѣйшими были устройство и содержаніе мѣстныхъ путей сообщенія, а также отбытіе повинностей подводной и постойной, затѣмъ дѣла, подвѣдомственныя приказамъ общественнаго призрѣнія, т.-е. больницы и богадѣльни, и, наконецъ, дѣла продовольственныя, частью подвѣдомственныя губернскимъ и уѣзднымъ учрежденіямъ, частью помѣщикамъ и окружнымъ управленіямъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго вѣдомства. Затѣмъ, по иниціативѣ барона Корфа, рѣшено было расширить компетенцію земскихъ учрежденій и передать на ихъ попеченіе дѣло распространенія на мѣстахъ народнаго образованія, постройки церквей и устройства мѣстъ заключенія, а также попеченіе о развитіи медицинской и ветеринарной помощи въ уѣздахъ и губерніяхъ и вообще заботы о всѣхъ пользахъ и нуждахъ мѣстнаго населенія, сельскаго хозяйства, торговли и промысловъ.

Такова была въ общихъ чертахъ структура и компетенція вновь созданныхъ по положенію 1 января 1864 г. всесословныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Они были распространены первоначально лишь на 33 губерніи и въ этихъ губерніяхъ открывались постепенно, начиная съ 1865 г. Къ 1 января 1866 г. они были открыты въ 19 губерніяхъ, къ 1 янв. 1867 г. еще въ 9 губерніяхъ, а всего въ 28; затѣмъ въ теченіе 1867 г. еще въ 2-хъ и послѣ 1 янв. 1868 г.

еще въ 4-хъ, при чемъ въ число земскихъ губерній включена была и бессарабская область [1]).

Общество и печать при самомъ опубликованіи земскаго положенія возлагали на земское самоуправленіе большія, а многіе даже преувеличенныя надежды, хотя къ самому положенію и относились критически. Наиболѣе пессимистическій отзывъ о немъ принадлежалъ И. С. Аксакову, который отказывался видѣть въ немъ настоящее самоуправленіе и признавалъ его за одну изъ формъ призыва выборныхъ земскихъ людей на государственную службу [2]). Онъ привѣтствовалъ лишь послѣдовательное проведеніе въ земскомъ положеніи начала всесословности. Наиболѣе оптимистическій взглядъ на эту реформу выраженъ былъ въ статьяхъ К. Д. Кавелина, появившихся въ 1864 г. въ „Петербургскихъ вѣдомостяхъ“ Корша. Кавелинъ видѣлъ въ земскихъ учрежденіяхъ необходимую и превосходную школу для приготовленія русскихъ людей всѣхъ классовъ къ участію въ государственныхъ дѣлахъ при будущемъ представительномъ строѣ. Онъ горячо звалъ всѣхъ передовыхъ и просвѣщенныхъ людей принять въ нихъ участіе и, разбирая подробно самый законъ, относился къ нему чрезвычайно благопріятно [3]).

Однако земскимъ учрежденіямъ пришлось начать свою работу при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, когда съ 1866 г. въ Россіи уже повсюду восторжествовала реакція. Они встрѣтили крайне враждебное отношеніе къ себѣ всѣхъ правительственныхъ органовъ—центральныхъ и мѣстныхъ и, при чрезвычайно трудныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, скоро были ограничены въ правѣ обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, а затѣмъ была ограничена публичность и гласность земскихъ собраній и стѣснена въ нихъ свобода преній, благодаря чему вскорѣ многіе весьма цѣнные и достойные дѣятели земства охладѣли къ этому дѣлу и вышли изъ состава земскихъ управъ и собраній.

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія указаны въ моемъ разборѣ двухъ первыхъ томовъ сочиненія *Б. Б. Веселовскаго* „Исторія земства за сорокъ лѣтъ“ въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехнич. института“ за 1910 г., т. XIV, отд. оттискъ, стр. 15.

[2]) Сочиненіе *И. С. Аксакова*, т. V, стр. 253—261.

[3]) Сочиненія *К. Д. Кавелина*, т. II, стр. 765. Сравн. его письмо къ Корсакову отъ 20 марта 1865 г. въ „Вѣстн. Европы“ за 1886 г., № 10, стр. 757.

Слѣдующая по времени капитальная реформа 60-хъ годовъ была *судебная*, которая выражалась въ изданіи новыхъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года.

Чтобы ясно представить себѣ всю огромную важность этой реформы, надо вспомнить, что такое былъ старый судъ и каковы были судебные порядки въ дореформенное время. „Черна въ судахъ неправдой черной...“—такъ заклеймилъ дореформенную Россію съ ея судебными порядками наканунѣ крымской войны поэтъ-патріотъ славянофильскаго лагеря А. С. Хомяковъ. „Старый судъ!—писалъ въ 80-хъ годахъ И. С. Аксаковъ, который самъ когда-то служилъ въ разныхъ дореформенныхъ судебныхъ мѣстахъ—при одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!..“ [1]).

Судебныя мѣста существовали со времени Екатерины безъ всякаго существеннаго измѣненія, хотя необходимость коренной ихъ реформы сознавалась уже при Александрѣ I-мъ и въ теченіе двухъ царствованій составляла предметъ заботъ, обдумываній и проектовъ, въ составленіи которыхъ неоднократно принимали участіе тогдашніе государственные люди и правительственные дѣятели, какъ Сперанскій, Николай Тургеневъ, Дашковъ, Блудовъ и др. Поколебать установившуюся прочно систему „правосудія“ имъ, однако же, не удалось, пока процвѣтало крѣпостное право и всестороннее преобладаніе дворянства и дворянскихъ интересовъ на всѣхъ степеняхъ государственной службы и во всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, центральныхъ и мѣстныхъ. Даже и при Александрѣ II-мъ начатыя съ начала царствованія работы по преобразованію судоустройства и судопроизводства не имѣли успѣха, пока не совершилось паденіе крѣпостного права. Лишь послѣ 1861 г. разработка судебной реформы пошла быстрымъ темпомъ, когда рѣшено было отказаться отъ всякой исторической связи съ прежнимъ судебнымъ устройствомъ и повести дѣло на основаніи совершенно новыхъ началъ, установленныхъ наукой и практикой цивилизованныхъ странъ. Главные пороки стараго судебнаго устройства заключались въ раздробленіи судебныхъ мѣстъ по сословіямъ и по роду дѣлъ, въ сословной ихъ орга-

---

[1]) Изъ передов. статьи въ газетѣ „Русь“ отъ 15 февр. 1884 г. (Сочиненія, т. IV, стр. 525).

низаціи, во множествѣ инстанцій, въ полномъ подчиненіи суда администраціи, въ сохраненіи стараго слѣдственнаго инквизиціоннаго процесса по уголовнымъ дѣламъ, при чемъ предварительныя слѣдствія производились полиціей канцелярскимъ порядкомъ по разъ навсегда установленнымъ обрядамъ, а уѣздный судъ, являвшійся первой инстанціей по общимъ уголовнымъ дѣламъ, рѣшалъ ихъ, исходя изъ этихъ слѣдствій, по докладамъ своей канцеляріи, въ закрытыхъ засѣданіяхъ, при чемъ подсудимому не всегда сообщались даже всѣ основанія, на которыхъ основывалось выставленное противъ него обвиненіе; приговоръ постановлялся безъ преній сторонъ, безъ участія адвокатовъ, на основаніи допотопной системы формальныхъ доказательствъ, а не по внутреннему убѣжденію судей. Если нехватало уликъ, подсудимый могъ быть оставленъ и чаще всего оставлялся „въ подозрѣніи“, что ограничивало его въ правахъ. При разногласіи судей дѣло безъ жалобы подсудимаго переносилось въ ревизіонномъ порядкѣ въ высшія инстанціи, которыхъ было нѣсколько и которыя разсматривали его тѣмъ же канцелярскимъ порядкомъ. При этомъ судьи были не только безъ юридическаго образованія, но часто и безъ всякаго, и жалованье получали ничтожное, даже по тому времени. Губернаторъ могъ остановить всякое судебное дѣло и возвратить его для перерѣшенія. Понятно, что при такихъ условіяхъ въ судахъ подъ покрытіемъ канцелярской тайны, при полномъ невѣжествѣ судей, не обезпеченныхъ жалованіемъ, при произволѣ губернаторской власти, при отсутствіи адвокатуры и при множествѣ инстанцій царило страшное взяточничество и безусловное господство силы надъ правомъ и правдой. Это была истинная „мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ“ [1]).

Когда, наконецъ, послѣ отмѣны крѣпостного права и замѣны гр. Панина на мѣстѣ министра юстиціи Замятнинымъ, рѣшено было приступить категорически къ коренному измѣненію этой системы, то дѣло разработки основныхъ началъ судебной ре-

---

[1]) Сравн. Сочиненія *И. С. Аксакова*, т. IV passim, а также въ прилож. къ т. III переписки *И. С. Аксакова*: „Отрывокъ изъ книги: самыя достовѣрныя записки чиновника-очевидца. Присутственный день уголовной палаты (судебныя сцены) 1853“, стр. 17—91; *Джаншіевъ* „С. И. Зарудный и судебная реформа“, М. 1888; *І. В. Гессенъ*. „Судебная реформа“, Спб. 1905.

формы поручено было особой комиссіи изъ просвѣщенныхъ и даровитыхъ юристовъ, въ которой душою всего дѣла сдѣлался въ высшей степени упорный и преданный своему дѣлу человѣкъ, статсъ-секретарь государственнаго совѣта С. И. Зарудный. Въ 1862 г. были выработаны и утверждены государемъ основныя начала судебной реформы, и тогда же спѣшно было приступлено къ составленію судебныхъ уставовъ на раціональныхъ принципахъ юридической науки. Въ основу новаго судебнаго устройства положены были принципы безсословности суда, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, полной независимости суда отъ администраціи, что гарантировалось несмѣняемостью судей, при чемъ имъ давалось достаточное матеріальное обезпеченіе, и судебный персоналъ долженъ былъ набираться изъ людей просвѣщенныхъ и юридически образованныхъ.

Судъ былъ установленъ открытый и гласный съ активнымъ участіемъ сторонъ, при чемъ не только по исковымъ гражданскимъ дѣламъ, но и по уголовнымъ введенъ былъ состязательный процессъ, въ которомъ обвиненіе формулировалось, подкрѣплялось и поддерживалось бы прокуроромъ, а интересы подсудимаго защищались бы адвокатомъ изъ числа присяжныхъ юристовъ. По гражданскимъ дѣламъ установлено было двѣ инстанціи: окружной судъ и судебная палата; по общимъ уголовнымъ дѣламъ—одна инстанція: окружный судъ съ присяжными засѣдателями. Судъ присяжныхъ, назначаемыхъ по очереди, по спискамъ, изъ числа полноправныхъ обывателей, достигшихъ извѣстнаго возраста, долженъ былъ рѣшать вопросъ факта, т.-е. по совѣсти, на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, отвѣтить на вопросъ, резюмированный предсѣдателемъ: виновенъ ли подсудимый въ приписываемомъ ему дѣяніи, и если виновенъ, то не заслуживаетъ ли онъ снисхожденія. На основаніи вердикта присяжныхъ коронный судъ, тутъ же присутствующій въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, долженъ уже только сдѣлать постановленіе или о примѣненіи къ данному дѣянію той или другой карательной статьи уголовнаго кодекса (улож. о наказ.), или о немедленномъ освобожденіи оправданнаго присяжными подсудимаго. Лишь при нарушеніи существенныхъ формъ или обрядовъ судопроизводства и при неправильномъ примѣненіи судомъ закона стороны могли, подавъ кассаціонную жалобу, перенести дѣло (гра-

жданское изъ судебной палаты, уголовное изъ окружнаго суда) въ сенатъ, который, въ случаѣ дѣйствительно допущенныхъ въ дѣлѣ неправильностей (напримѣръ, невыслушанія судомъ стороны, невызова свидѣтелей и т. п.), не разбирая дѣла по существу, передаетъ его въ другой судъ или въ тотъ же судъ, но въ другомъ составѣ, для пересмотра съ полнымъ соблюденіемъ закона.

Изъ компетенціи суда присяжныхъ были, къ сожалѣнію, съ самаго же начала изъяты дѣла о государственныхъ преступленіяхъ и о нѣкоторыхъ служебныхъ преступленіяхъ, а также дѣла о печати. Этимъ конечно умалялось общегражданское и политическое значеніе суда присяжныхъ.

Независимость судей отчасти умалялась лишь тѣмъ, что они, будучи изъяты отъ начальственнаго произвола тѣмъ, что установлена была ихъ несмѣняемость, не были изъяты отъ системы начальническихъ поощреній при помощи представленія ихъ къ чинамъ и орденамъ, чѣмъ сохранялась все же нѣкоторая возможность воздѣйствія администраціи (министра юстиціи) на наиболѣе податливыхъ изъ нихъ. Однако эта возможность впослѣдствіи, въ эпоху реакціи, признана была совершенно недостаточной, и правительство постоянно стремилось, начиная съ 1866 г., поколебать именно принципъ судейской несмѣняемости и расширить вмѣстѣ съ тѣмъ категоріи дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ.

На ряду съ этой общей судебной реформой, которая дѣйствительно стремилась гарантировать русскимъ гражданамъ судъ „скорый, правый и милостивый“,—по дѣламъ маловажнымъ, т.-е. по мелкимъ гражданскимъ искамъ и по мелкимъ правонарушеніямъ и проступкамъ, выдѣленнымъ изъ числа общихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, учрежденъ былъ особый мировой судъ въ двухъ инстанціяхъ, состоявшихъ изъ выборныхъ (по выбору земствъ и городскихъ думъ) мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ (2-ая инстанція). Облегчивъ, такимъ образомъ, общіе суды освобожденіемъ ихъ отъ массы мелочныхъ дѣлъ, законъ установилъ вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ этихъ дѣлъ особый упрощенный порядокъ судопроизводства, главной чертой котораго являлся разборъ этихъ дѣлъ въ примирительномъ порядкѣ, а при нежеланіи сторонъ кончить дѣло примиреніемъ судьѣ предоставлялся значительный просторъ въ

назначеніи наказаній, въ зависимости не отъ какихъ-нибудь внѣшнихъ формальныхъ данныхъ, а отъ внутренняго его убѣжденія.

Можно безъ колебанія признать, что, несмотря на нѣкоторыя ограниченія первоначально установленныхъ принциповъ, судебная реформа была наиболѣе радикальною и принципіально наиболѣе выдержанною изъ всѣхъ великихъ реформъ 60-хъ годовъ.

Къ сожалѣнію начало практики новыхъ судовъ, также какъ и открытіе земскихъ учрежденій, совпало съ началомъ длительной реакціи, наступившей съ 1866 г. и внесшей много искаженій и порчи въ судебные уставы императора Александра II въ видѣ такъ называемыхъ „новеллъ“, т.-е. частичныхъ измѣненій и дополненій ихъ, проведенныхъ въ законодательномъ порядкѣ въ теченіе послѣдующаго сорокалѣтія.

Послѣднею изъ крупныхъ реформъ 60-хъ годовъ было новое *законодательство о печати*, изданное въ видѣ „временныхъ правилъ“ въ 1865 г.

Слѣдуетъ сказать, что ни въ одной отрасли управленія въ эпоху наибольшаго правительственнаго либерализма, въ первые 10 лѣтъ царствованія Александра II, такъ не колебалось настроеніе правительства и самого императора, какъ въ отношеніи цензурныхъ распоряженій и относительнаго облегченія или стѣсненія печати. Во всякомъ случаѣ освобожденіе печати отъ цензуры постоянно представлялось правительству самой опасной изъ реформъ, необходимость которыхъ оно сознавало. Еще въ 1855 г. П. А. Валуевъ, впослѣдствіи одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ и вмѣстѣ лукавыхъ притѣснителей печати, въ своей извѣстной запискѣ, получившей тогда широкое распространеніе подъ названіемъ „Дума русскаго“, утверждалъ, что прежде всякихъ другихъ реформъ необходимо даровать извѣстную свободу печати. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ царствованія былъ упраздненъ пресловутый бутурлинскій комитетъ, а одинъ изъ его учредителей и руководителей баронъ Модестъ Корфъ сдѣлался въ это время даже однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ либераловъ въ правительственномъ кругу. На ряду съ упраздненіемъ этого страшилища цензуры проявилось замѣтное облегченіе въ положеніи печати. Были дозволены

новые журналы съ расширенной программой и соотвѣтственно измѣнена и программа ранѣе существовавшихъ. Русскіе журналы получили возможность высказываться по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и сдѣлались политическими и общественными, а не только литературными обозрѣніями. Съ изданіемъ рескрипта 20 ноября 1857 г. они получили возможность обсуждать крестьянскій вопросъ и говорить объ отмѣнѣ крѣпостного права. Скоро, однако, какъ вы знаете, произошла заминка, и настроеніе правительства рѣзко обострилось, но эта заминка черезъ нѣсколько мѣсяцевъ благополучно миновала. Въ 1859 г. императоръ Александръ говоритъ академику и цензору Никитенку, что не желаетъ никакихъ стѣсненій печати, но что вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ допускать „дурного направленія“...

Фактически свобода печати развивалась и укоренялась все болѣе вплоть до 1861 г., когда въ радикальныхъ ея представителяхъ стало проявляться уже прямо революціонное настроеніе. Прогрессъ въ развитіи общественной мысли за 6 лѣтъ—съ 1855 по 1861 г.—былъ совершенъ неимовѣрный. Въ это время на посту министра народнаго просвѣщенія тупаго гонителя свободы науки и мысли Путятина смѣнилъ либеральный и просвѣщенный Головнинъ. Онъ сталъ дѣятельно подготовлять реформу цензурнаго устава и въ то же время старался дипломатически вліять на редакторовъ повременныхъ изданій. Но въ правительственныхъ сферахъ въ это время началась уже реакція, и новый министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ на каждомъ шагу ставилъ Головнину препятствія и дѣлалъ ему непріятности изъ-за недостаточной дѣятельности и строгости цензуры. Иниціатива репрессій и карательныхъ мѣръ противъ печати передана была Валуеву, а у Головнина оставалось общее завѣдованіе цензурой и разработка реформы, которая сосредоточивалась въ комиссіи кн. Д. А. Оболенскаго. Тѣмъ временемъ произошли пожары и др. бурныя проявленія 1862 г., и для обузданія періодической печати выработаны были новыя временныя мѣры въ видѣ правилъ 1862 г. о предостереженіяхъ и пріостановкахъ періодическихъ изданій. Они тотчасъ же были примѣнены къ радикальнымъ петербургскимъ журналамъ и къ не радикальному, но чрезчуръ рѣзкому аксаковскому „Дню“.

Затѣмъ, по ходатайству Головнина, весь цензурный вопросъ переданъ былъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ обра-

зовалась для его разрѣшенія новая комиссія подъ предсѣдательствомъ того же Оболенскаго. Эта комиссія вмѣсто новаго цензурнаго устава, изданіе котораго признано было несвоевременнымъ и опаснымъ, выработала лишь проектъ временныхъ правилъ, которыя были изданы въ видѣ опыта въ 1865 г., но затѣмъ просуществовали безъ значительныхъ измѣненій сорокъ лѣтъ.

По правиламъ этимъ рѣшено было устранить предварительную цензуру для книгъ оригинальныхъ, которыя объемомъ были не меньше 10 листовъ, а для переводныхъ—не меньше 20 листовъ; для изданій же періодическихъ такое освобожденіе отъ предварительной цензуры было поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, и на первыхъ порахъ его рѣшились распространить лишь на органы столичной московской и петербургской печати. Открытіе новыхъ органовъ печати поставлено было также въ зависимость отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, и притомъ на ряду съ карательными мѣрами, налагаемыми судебнымъ путемъ, были удержаны также и тѣ мѣры административнаго воздѣйствія, которыя были введены правилами 1862 г. [1]).

Такова была та въ высшей степени умѣренная свобода печати, которая дана была реформой 1865 г. Изъ реформъ 60-хъ гг. это была, несомнѣнно, наиболѣе скупая и осторожная. Тѣмъ не менѣе, выходя, впервые безъ предварительной цензуры, 1 сентября 1865 г., органы передовой повременной печати выразили свою радость въ краснорѣчивыхъ и прочувствованныхъ статьяхъ [2]). Скоро, однако же, для нихъ наступило послѣ 1866 г. горькое разочарованіе.

Тотъ упадокъ духа, та прострація и даже отчасти реакціонное настроеніе, въ которое впали нѣкоторые круги образованнаго общества послѣ революціонныхъ проявленій 1862 г. и польскаго возстанія, начали въ это время понемногу сглаживаться и проходить отчасти подъ вліяніемъ возстановившейся прогрессивной работы правительства. Въ дворянскихъ кругахъ

---

[1]) *К. К. Арсеньевъ.* „Законодательство о печати въ его прошломъ и настоящемъ", Спб. 1903; *М. К. Лемке.* „Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865", Спб. 1904; *Невѣдѣнскій.* „Катковъ и его время", Спб. 1888.

[2]) *М. К. Лемке*, назв. соч., стр. 417 и слѣд.; *И. Аксаковъ*, IV, 340 и 346.

опять стали проявляться конституціонныя стремленія, хотя въ гораздо болѣе сдержанной формѣ, нежели въ 1862 г., и отнюдь не въ томъ демократическомъ направленіи, которымъ отличались тверскія заявленія 1862 года. Эти стремленія, въ которыхъ больше участвовали дворяне аристократическаго толка, близкіе къ крѣпостническо-олигархической газетѣ „Вѣсть", издававшейся съ 1863 года Скарятинымъ, выразились особенно ярко на московскомъ дворянскомъ собраніи 1865 г., первомъ, которое происходило послѣ изданія земскаго положенія. Собраніе это огромнымъ большинствомъ голосовъ приняло адресъ, редактированный, по порученію вожаковъ движенія, Катковымъ. Въ адресѣ этомъ московское дворянство просило государя „увѣнчать зданіе реформъ" созваніемъ представителей отъ земли русской, подъ которыми, впрочемъ, разумѣлись теперь главнымъ образомъ представители дворянства.

Александръ II отнесся, однако же, къ этому адресу неблагосклонно и въ рескриптѣ Валуеву указалъ, что право почина въ государственныхъ преобразованіяхъ принадлежитъ въ Россіи одному государю и что подобныя заявленія со стороны дворянства могутъ лишь помѣшать ему итти по тому пути реформъ, по которому онъ шелъ до тѣхъ поръ.

Радикальная часть общества и радикальная печать были въ это время, какъ мы видѣли, въ полномъ разстройствѣ; однако же, отчасти подъ вліяніемъ практическихъ идеаловъ, указанныхъ въ извѣстномъ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать", среди молодежи стали возникать различные кружки и артели, ставившіе себѣ задачей осуществленіе идей, указанныхъ въ этомъ романѣ. Одинъ болѣе предпріимчивый московскій кружокъ Ишутина сталъ даже готовиться къ болѣе или менѣе широкой и опредѣленной пропагандѣ коммунистическихъ идеаловъ, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ приступить къ осуществленію своихъ плановъ, одинъ изъ его членовъ, двоюродный братъ Ишутина Каракозовъ, человѣкъ неуравновѣшенный и повидимому даже ненормальный, рѣшился, вопреки убѣжденіямъ своихъ товарищей, произвести покушеніе на жизнь Александра II. Для осуществленія своего намѣренія онъ отправился въ Петербургъ и выстрѣлилъ въ императора Александра изъ пистолета въ то время, когда государь послѣ прогулки съ дочерью по лѣтнему саду садился въ экипажъ. Выстрѣлъ не попалъ въ цѣль, такъ

какъ Каракозова ударилъ по рукѣ случайно стоявшій съ нимъ рядомъ мѣщанинъ Коммиссаровъ.

Однако же это событіе и на общество и на самого Александра произвело неизгладимое впечатлѣніе. Этимъ впечатлѣніемъ воспользовались очень ловко реакціонеры и враги демократическихъ преобразованій.

Эпоха реформъ кончилась, прежде чѣмъ были осуществлены нѣкоторыя изъ задуманныхъ преобразованій, исполненныхъ значительно позднѣе, какъ городовое положеніе 1870 г. или реформа воинской повинности 1874 г. Съ апрѣля 1866 г. наступила упорная и длительная реакція, продержавшаяся съ небольшими перерывами почти вплоть до 1905 года. Только что проведенныя реформы потерпѣли во время этой реакціи болѣе или менѣе существенныя искаженія; не только радикалы, но и либерально настроенныя группы общества терпѣли всякія преслѣдованія и стѣсненія.

Все это не устранило, однако же, ни великаго историческаго значенія проведенныхъ преобразованій, ни подготовленія и внутренняго развитія дальнѣйшаго хода того соціально-политическаго процесса, который составилъ содержаніе русской исторіи въ XIX вѣкѣ и не завершился еще окончательно и въ настоящее время. Значеніе великихъ преобразованій эпохи реформъ было таково, что черта, проведенная ими въ русской жизни между дореформенной и пореформенной эпохой, стала непереходима и неизгладима; никакая реакція въ правительственныхъ и даже въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ не могла уже вернуть Россію къ ея прежнему, дореформенному положенію. Реакція, наступившая въ 1866 г., сдѣлала нашей странѣ много зла: она нарушила мирный ходъ развитія общества и народа; забивъ въ подполье всякую оппозицію, она вызвала подпольное революціонное движеніе, которое принимало все болѣе и болѣе непримиримый и террористическій характеръ, но возвратить Россію къ прежнему быту она была безсильна, ибо бытъ этотъ былъ съ отмѣной крѣпостного права и съ развитіемъ въ обществѣ демократическихъ началъ разрушенъ безвозвратно; короче говоря, она могла исказить и искалѣчить новый строй, но не могла вернуть старый.

Демократическія основы новаго всесословнаго строя нашли благопріятную для себя почву въ русскомъ народѣ, въ корот-

кое время они укоренились такъ прочно, что оказались въ силахъ вынести и ту полувѣковую ломку, которая послѣдовала почти тотчасъ же за ихъ провозглашеніемъ. Страна скорѣе можетъ погибнуть и великое государство распасться отъ внутреннихъ распрей и длительной разлагающей борьбы, нежели отступиться отъ этихъ началъ, и мы видимъ, что какъ только реакція въ послѣдующее полустолѣтіе подъ вліяніемъ различныхъ внутреннихъ или внѣшнихъ причинъ ослабѣвала, такъ внутренній ходъ разъ начавшагося соціально-политическаго процесса немедленно же вступалъ въ свои права и развивался съ умноженною силою по пути, намѣченному въ эпоху великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ЧАСТИ.

Стр.

ЛЕКЦІЯ XIV. Царствованіе императора Николая I. — Условія, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ.—Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Неопубликованный манифестъ Александра объ отреченіи Константина.— Замѣшательство и междуцарствіе послѣ смерти Александра до 14 декабря 1825 г.—Переговоры Николая съ Константиномъ.—Вступленіе на престолъ Николая.—Возстаніе 14 декабря 1825 г.—Его подавленіе.—Личность императора Николая.—Біографическія свѣдѣнія о немъ до его воцаренія.—Разслѣдованіе о тайныхъ обществахъ.—Расправа съ декабристами и результаты знакомства съ ними императора Николая.—Вліяніе Карамзина и навѣянная имъ программа царствованія 1

ЛЕКЦІЯ XV. Дѣленіе царствованія имп. Николая на періоды.—Первый періодъ (1825—1831).—Сотрудники Николая Павловича въ первые годы царствованія: Кочубей, Сперанскій, Канкринъ, Бенкендорфъ, Дибичъ, Паскевичъ. Комитетъ 6 декабря 1826 г.; его составъ и задача; его дѣятельность.— Крестьянскій вопросъ. Военныя поселенія. Кодификаціонныя работы Сперанскаго. Образованіе III отд. собств. его величества канцеляріи. Направленіе министерства народнаго просвѣщенія. — Отношеніе къ польской конституціи.—Международная политика. Война съ Турціей 1828—29 гг.—Конецъ перваго періода царствованія 23

ЛЕКЦІЯ XVI. Второй періодъ царствованія Николая.— Охранительные принципы во внѣшней политикѣ.—Восточный вопросъ.—Мюнхенгрецкое свиданіе.—Руководящіе принципы во внутренней политикѣ.—Законодательная работа.— Дѣятельность Сперанскаго по подготовленію и изданію свода законовъ.—Значеніе этого событія.—Крестьянскій вопросъ.—Положеніе населенія.—Матеріальные факторы, подготовившіе паденіе крѣпостного права.—Дѣятельность правительства.—Секретные комитеты.— Работа Канкрина и Киселева по устройству казенныхъ крестьянъ.—Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ. — Работы Киселева по устройству крѣпостныхъ крестьянъ.—Законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.—Инвентари въ западномъ краѣ.—Законъ 26 мая 1846 г. въ Польшѣ 38

ЛЕКЦІЯ XVII. Развитіе промышленности при императорѣ Николаѣ.—Судьба отдѣльныхъ отраслей обрабатывающей промышленности.—Конкуренція польской промышленности.—Жалобы купцовъ.—Дѣятельность Канкрина.—Его принципы и его политика.—

Стр.

Протекціонизмъ и его вліяніе на промышленность и торговлю.—Сокращеніе роста военныхъ расходовъ.—Стоимость войны 1827—1831 гг.—Питейная реформа.—Денежная реформа 1839—1843 гг.—Роль самого Николая въ этомъ дѣлѣ. — Заботы Канкрина объ улучшеніи культурныхъ условій 56

ЛЕКЦІЯ XVIII. Система народнаго просвѣщенія при Николаѣ.—Взгляды императора Николая. — Министерство Уварова. — Его принципы.—Уставы 28-го декабря 1828 г.—Университетскій уставъ 1835 г.—Московскій университетъ при Строгановѣ.— Положеніе и развитіе интеллигенціи при Николаѣ.— Значеніе катастрофы 14 декабря.—Два русла идей: французское и нѣмецкое.— Упадокъ перваго, развитіе второго.— Шеллингіанство въ Россіи.— „Мнемозина".—„Любомудры" и „Московскій Вѣстникъ".—„Московскій Телеграфъ" Полевого.—„Телескопъ" Надеждина.— Чаадаевъ и закрытіе „Телескопа".—Идеалисты 30-хъ годовъ.—Кружокъ Станкевича.— Бакунинъ и Бѣлинскій.— Эволюція Бѣлинскаго.— „Отечественныя Записки" и „Современникъ".—„Москвитянинъ" и система „офиціальной народности".— Славянофилы и западники въ 40-хъ годахъ.—Соціализмъ и лѣвое гегельянство.—Провинціальное общество въ сороковыхъ годахъ.—Расколъ и сектантство при Николаѣ . 73

ЛЕКЦІЯ XIX. Революціи 1848 г. въ Европѣ и ихъ вліяніе на настроеніе императора Николая.—Третій періодъ его царствованія.—Внѣшняя политика.—Манифестъ 14 марта 1848 г.— Венгерская кампанія.—Внутренняя политика.—Крестьянскій вопросъ.— Мѣры противъ печати и университетовъ.—Другія стѣснительныя мѣры.—Отставка Уварова.—Кн. Ширинскій-Шахматовъ.—Положеніе интеллигенціи послѣ 1848 г.— Исторія петрашевцевъ.— Инциденты съ Самаринымъ, Аксаковымъ, Тургеневымъ.— Запрещеніе выступать въ печати славянофиламъ.— Кіевскіе федералисты.— Общее настроеніе интеллигенціи.—Восточная война 1853—1856 гг.— Неизбѣжность кризиса.—Смерть Николая.—Общее заключеніе о царствованіи Николая 101

Списокъ сочиненій, относящихся къ исторіи царствованія императора Николая I 115

ЛЕКЦІЯ XX. Крымская война и ея значеніе.—Характеристика императора Александра Николаевича.— Его воспитаніе и его политическіе взгляды и вкусы.—Вліяніе на него крымской войны.— Первые шаги его царствованія.—Настроеніе общества и отношеніе его къ Александру въ 1855—56 годахъ.—Заключеніе мира и манифестъ 19 марта 1856 г.—Рѣчь дворянству въ Москвѣ.—Начало подготовленія крестьянской реформы.— Дѣятельность Ланского и Левшина.—Отношеніе дворянства.—Записки, ходившія по рукамъ въ обществѣ.— Образованіе секретнаго комитета.— Я. И. Ростовцевъ.—Ходъ дѣлъ въ секретномъ комитетѣ въ 1857 г.—Ходатайство литовскихъ дворянъ и рескриптъ 20 ноября 1857 г. генералъ-адъютанту Назимову.—Программа правительства.—Опубликованіе рескрипта 20 ноября 125

ЛЕКЦІЯ XXI. Отношеніе дворянства къ правительственной программѣ реформы.—Различіе помѣщичьихъ интересовъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ черноземныхъ и сѣверныхъ промышленныхъ. — Отношеніе интеллигенціи: статьи Чернышевскаго и Герцена; банкетъ въ Москвѣ.—Адресъ нижегородскаго дворянства

Стр.

и заминка въ Москвѣ.—Адресы прочихъ губерній —Открытіе и работа губернскихъ комитетовъ.—Точка зрѣнія А. М. Унковскаго и тверского комитета.—Утвержденная (позеновская) программа занятій.—Отношеніе печати.—Эволюція взглядовъ Я. И. Ростовцева.—Открытіе земскаго отдѣла.— Н. А. Милютинъ.— Пересмотръ правительственной программы въ главномъ комитетѣ и открытіе редакціонныхъ комиссій.— Составъ редакціонныхъ комиссій и ходъ работъ въ нихъ.— Программа, данная Ростовцевымъ. — Депутаты губернскихъ комитетовъ перваго приглашенія.—Адресы и настроеніе дворянства.— Смерть Ростовцева.— В. Н. Панинъ.—Депутаты второго приглашенія.—Внутренняя борьба въ редакціонныхъ комиссіяхъ.—Итоги ихъ работъ 150

ЛЕКЦІЯ XXII. Ходъ работъ въ главномъ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ по разсмотрѣнію проектовъ редакціонной комиссіи.— Борьба, тамъ происходившая.— Манифестъ 19 февраля 1861 года.— Анализъ положеній 19 февраля.— Составъ этого законодательства и содержаніе отдѣльныхъ положеній.— Значеніе реформы 19 февраля въ правовомъ, административномъ и экономическомъ отношеніи для крестьянъ, для дворянства и для страны 177

ЛЕКЦІЯ XXIII. Вліяніе разработки крестьянской реформы на общество и печать.—Положеніе печати въ 1855 году.—Исключительное положеніе Герцена, его пророчество въ 1853 г. и программа его въ 1855—1858 годахъ.— Отношеніе къ нему либераловъ. Роль значеніе и „Колокола“ въ дѣлѣ реформы и въ развитіи общественнаго мнѣнія въ Россіи.— Дифференціація направленій въ обществѣ и въ печати послѣ 1858 года.—Позиціи различныхъ органовъ печати.—Радикализація „Современника“ и отношеніе къ нему Герцена въ 1859—60 годахъ.—„Русскій Вѣстникъ“ и др. либеральные органы.— Позиціи и роль славянофиловъ въ эту эпоху.—Общественныя требованія, намѣтившіяся въ 1859—61 годахъ.—Сравненіе ихъ съ видами правительства въ этотъ моментъ 197

ЛЕКЦІЯ XXIV. Отношеніе крестьянъ къ реформѣ 19 февраля 1861 года.—Волненія и безпорядки, сопровождавшіе введеніе положенія 19 февраля.—Бездненская катастрофа.—Впечатлѣніе этихъ фактовъ на общество.—Реакція въ правительственныхъ сферахъ въ 1861 году. — Валуевская политика. — Отношеніе общества къ правительству. — Первыя проявленія „нигилизма“ въ 1861 г.—„Русское Слово“.—Оппозиціонное настроеніе дворянства.—Его два крыла.—Тверская исторія 1862 года.— Конституціонное движеніе и различное настроеніе въ дворянскихъ кругахъ. — Настроеніе торгово-промышленныхъ сферъ. Эволюція въ этой средѣ послѣ крымской кампаніи и причины образованія въ ней оппозиціоннаго настроенія 212

ЛЕКЦІЯ XXV. Развитіе всеобщаго оппозиціоннаго настроенія и первыя проявленія революціоннаго духа.— Прокламаціи 1861—62 годовъ.— „Молодая Россія“ и пожары въ 1862 году.— Аресты и ссылки писателей радикальнаго направленія.—Впечатлѣніе этихъ событій на общество.—Расколъ между либералами и радикалами.— Герценъ на сторонѣ послѣднихъ.— Впечатлѣніе отъ этихъ смутъ въ Европѣ.— Циркуляръ Горчакова.— Польское движеніе.— Поли-

Стр.

тика маркиза Велепольскаго и ея неудача.—Вооруженное возстаніе 1863 года.—Впечатлѣніе его на русское общество.— Значеніе вмѣшательства иностранныхъ державъ.— Вызванный имъ взрывъ патріотизма въ Россіи.—Паденіе „Колокола“.—Торжество Каткова и реакція въ обществѣ.—Продолженіе реформъ.— Финансовыя реформы Татаринова.—Акцизная реформа.—Отсрочка податной реформы.— Университетское движеніе и уставъ 1863 года.— Другія реформы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.—Средняя школа, женское образованіе, начальныя школы.—Положеніе 1864 года . 230

ЛЕКЦІЯ XXVI. Земская реформа.— Ея связь съ крестьянской реформой.—Разработка земской реформы и ея содержаніе.— Отношеніе къ земской реформѣ печати и общества.—Условія, при которыхъ пришлось работать земскимъ учрежденіямъ.— Судебная реформа. Ея разработка. Значеніе и содержаніе судебной реформы. Условія, въ которыхъ начались первые шаги новыхъ судовъ.— Законодательство о печати. Колебанія нравительства въ этой сферѣ.—Пересмотръ законовъ о печати. Двѣ комиссіи кн. Д. А. Оболенскаго. Политика Головнина и Валуева. Временныя правила 1865 года.—Настроеніе дворянства въ 1865 году. Адресъ московскаго дворянства.—Положеніе радикальной печати и радикальныхъ круговъ. Покушеніе Коммиссарова.—Конецъ эпохи реформъ и общее заключеніе о ней 253

Оглавленіе 269

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУР
№